И 7/75

Ф 1-73/15442

И 7/75

Д. И. Аракчіевъ.

Музыкально-Этнографическіе очерки Грузинской народной музыки.

Народная пѣсня Западной Грузіи (Имеретіи).

Съ приложеніемъ 83 пѣсенъ въ народной гармонизаціи, записанныхъ фонографомъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Сравнительный обзоръ народной пѣсни и музыкальныхъ инструментовъ:

I. Гурійской вѣтви.
II. Мингрельской вѣтви.
III. Нѣсколько замѣчаній о Рачинскихъ пѣсняхъ.
IV. О грузинскихъ музыкальныхъ инструментахъ изъ собраній Москвы и Тифлиса.

Цѣна 2 руб.

Оттиски изъ II т. „Трудовъ Музыкально-Этнографической Комиссіи“ И. О. Л. Е., А. и Э.

МОСКВА,
1908.

II 1/75

ф 1-73/15442

Д. И. Аракчіевъ.

Музыкально-Этнографическіе очерки Грузинской народной музыки.

Народная пѣсня Западной Грузіи (Имеретіи).

Съ приложеніемъ 83 пѣсенъ въ народной гармонизаціи, записанныхъ фонографомъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Сравнительный обзоръ народной пѣсни и музыкальныхъ инструментовъ:

I. Гурійской вѣтви.
II. Мингрельской вѣтви.
III. Нѣсколько замѣчаній о Рачинскихъ пѣсняхъ.
IV. О грузинскихъ музыкальныхъ инструментахъ изъ собраній Москвы и Тифлиса.

Оттиски изъ II т. „Трудовъ Музыкально-Этнографической Комиссіи“ И. О. Л. Е., А. и Э.

Публич. и Румянцов. Музея Библіотека

МОСКВА,
1908.

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-ВО СКОРОПЕЧ. А.А. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНОВСКІЙ ПЕР. С.Д.

Сравнительный обзоръ народной пѣсни и музыкальныхъ инструментовъ Западной Грузіи (Имеретіи).

Гурійская вѣтвь [1]).

I.

Приступая къ разсмотрѣнію народной музыки грузинъ Имеретіи, необходимо пояснить, что подъ Имеретіей и имеретинами подразумѣвается Кутаисская губернія съ ея сплошнымъ грузинскимъ населеніемъ. Населеніе это дѣлится на собственно имеретинъ, живущихъ въ Кутаисскомъ, Шорапанскомъ и Рачинскомъ уѣздахъ, гурійцевъ—въ Озургетскомъ уѣздѣ, мингрельцевъ—въ Зугдидскомъ и Ново-Сенакскомъ уѣздахъ и въ Самурзаканскомъ округѣ и сванетовъ (горскихъ грузинъ). Разницы въ отношеніи языка между этими вѣтвями нѣтъ почти никакой, за исключеніемъ сванетской и мингрельской группъ, которыя въ большей или меньшей степени отдалились отъ первыхъ. Въ общемъ же, какъ грузины Тифлисской губ., т.-е. карталинцы, кахетинцы, пшавы и хевсуры, ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга (мы, разумѣется, не беремъ во вниманіе мелкихъ различій въ говорахъ), такъ и эти, за исключеніемъ послѣднихъ вѣтвей, и названія карталинецъ, кахетинецъ или имеретинъ, гуріецъ, и т. д. обусловливаются чисто географическими данными.

Разумѣется, климатическія и географическія условія Тифлисской губерніи выработали у грузинъ свои особенныя черты характера и антропологическаго типа, Кутаисской губ.—свои; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что въ первой живутъ грузины, а во второй какіе-то гурійцы, имеретины и т. д. Если бы мы ихъ стали считать за разныя народности, то, проводя аналогію, мы принуждены были бы, по вѣрному замѣчанію г. А. Корещенко, и въ Россіи русскихъ Курской губ. счесть за отдѣльный народъ курянъ, Тульской губ.—туляковъ и т. п.[2]). Конечно, вдаваться въ эти подробности намъ не было бы необходимости, если бы въ большой русской публикѣ не существовало или полнаго незнанія, или большой путаницы относительно этого вопроса, и лишь только это заставляетъ насъ повторить, что, какъ Восточная Грузія называется Амерети, такъ Западная Имерети; у первой названіе перемѣнилось теперь на русское Грузія—грузинъ

---

[1]) Первая половина этой статьи, нынѣ значительно дополненной и переработанной авторомъ, была первоначально напечатана въ „Русской Музыкальной Газетѣ“ въ 1904 году, въ №№ 50, 51, 52, подъ заглавіемъ: „Сравнительный обзоръ грузино-имеретинской народной пѣсни и музыкальныхъ инструментовъ (гурійская вѣтвь)“.

[2]) „Моск. Вѣдом.“ 1897 г. №№ 321 и 322, статья о восточной музыкѣ.

у вторыхъ же сохранилось въ томъ же видѣ, какъ и было. Такимъ образомъ, имеретинъ, карталинецъ, гурiецъ, кахетинецъ и т. п.—все тѣ же грузины отдѣльныхъ провинцiй Грузiи (Сакартвело).

Гурiйскую народную музыку никто еще подробно не разсматривалъ. Никто не далъ не только научнаго анализа пѣсенъ, но и просто болѣе или менѣе подробнаго обзора ихъ. Если иногда касались гурiйской музыки, то развѣ мимоходомъ, большей же частью ее смѣшивали съ музыкой другихъ вѣтвей и разсматривали совокупно. Хотя мы тоже не имѣемъ въ виду дать чего-либо цѣльнаго, но все-таки постараемся хотя бы указать на тѣ характерныя черты, которыя выдѣляютъ гурiйскую пѣсню изъ пѣсенъ грузинъ Тифлисской губ., и дать имъ надлежащее объясненiе. Такимъ образомъ, не обѣщая ничего законченнаго, мы только выскажемъ кое-какiя наблюденiя надъ гурiйской музыкой. Итакъ, приступая къ ея обзору, дадимъ предварительно нѣкоторыя свѣдѣнiя о Гурiи вообще.

Гурiйка.

Гурiя, какъ мы упомянули выше, занимаетъ собою Озургетскiй уѣздъ (Кутаис. губ.), съ г. Озургети, бывшей резиденцiей гурiйскихъ владѣтелей, и имѣетъ своими границами: съ юга хребетъ, извѣстный подъ именемъ Адчаро-ахалцихскаго, — правильнѣе, по мнѣнiю покойнаго грузинскаго историка и археолога Дмитрiя Бакрадзе, будетъ называть его Адчаро-гурiйскимъ,—котораго наибольшiя высоты суть: Тагинури (8755 ф.), Сомлiя (9306 ф.) и Зотимерiя (8769 ф.); съ востока продолженiе этого хребта отъ вершины Мерисъ-цкаро, отдѣляющей невысокую горную вѣтвь сахатаурскую, которая, слѣдуя сначала къ сѣверо-западу, а потомъ къ западу, постепенно понижается и, наконецъ, теряется въ приморской странѣ, въ 8-ми верстахъ отъ Чернаго моря; съ запада—Черное море; съ сѣвера —прежде границею Гурiи служилъ лѣвый берегъ р. Рiона, и г. Поти вмѣстѣ съ озеромъ Палеостомомъ входилъ въ составъ ея; нынѣ граница идетъ по теченiю р. Печоры, впадающей съ южной стороны въ Палеостомъ [1]).

Какъ особая провинцiя, она подъ этимъ именемъ впервые дѣлается извѣстною со второй половины VII в., Гурiэли же [2]) впервые упоминается при царицѣ Русудани въ XIII в. [3]). Во второй половинѣ XV ст., какъ извѣстно, Грузiя окончательно распалась на три царства: Карталинское, Кахетинское и Имеретинское и нѣсколько княжествъ. Гурiя, какъ и нѣкоторыя другiя княжества, находилась въ зависимости отъ царя имеретинскаго, который считался ихъ сюзереномъ. Эта зависимость была, впрочемъ, недолгая. По прошествiи нѣкотoтораго времени, Гурiя стала также независимой и управлялась своими князьями.

---

[1]) Д. Бакрадзе. Археологическое путешествiе по Гурiи и Адчарѣ, стр. 96.

[2]) Гурiэли были владѣтельными князьями въ Гурiи.

[3]) Дм. Бакрадзе. Археологическое путешествiе по Гурiи и Адчарѣ, стр. 99.

Какъ вообще картвельское племя, гурійцы — одно изъ красивыхъ на Кавказѣ. Мужественная красота мужчинъ и изящный тонкій профиль женщинъ поражаютъ васъ, какъ увѣряетъ авторъ одной книги о Кавказѣ [1]). Привязанность ихъ къ отечеству и, въ частности, къ семьѣ безгранична. Мужья любятъ и покоятъ женъ, тѣ въ свою очередь являются помощницами своимъ мужьямъ, раздѣляя ихъ труды по огороду и саду, или занимаются разведеніемъ шелковичныхъ червей, выводятъ и разматываютъ шелковые коконы и не только разводятъ шелкъ-сырецъ, но еще ткутъ изъ него очень плотный, хотя и грубоватый, канаусъ. Въ общемъ же женщина пользуется въ семьѣ у гурійца громаднымъ почетомъ, и это не только теперь, но съ незапамятныхъ временъ, какъ увѣряетъ насъ, и не безъ основанія, вышеупомянутый авторъ.

II.

Музыка у гурійцевъ дѣлится на городскую и деревенскую, инструментальную и вокальную, мужскую и женскую; затѣмъ на одноголосную, двухголосную и трехголосную. Такъ какъ намъ придется разсмотрѣть все по порядку, то остановимся сначала на одноголосной и притомъ городской.

Городская музыка гурійцевъ есть не что иное, какъ продуктъ европейской культуры, только обратной стороны медали. Здѣсь мы часто встрѣчаемъ или давно знакомыя мелодіи шарманокъ, цыганскихъ пѣсенъ, или же пѣсни, созданныя подъ вліяніемъ великопостныхъ пѣснопѣній русскихъ композиторовъ, въ родѣ Бортнянскаго. Послѣднія, между прочимъ, поются большею частью хоромъ. Изъ сольныхъ же вы услышите: „Это моя, это моя“, „Куртанъ, ой куртанъ“, „Саидумло барато“, прекрасное стихотвореніе одного изъ нашихъ выдающихся поэтовъ на мотивъ „Бѣдный прапорщикъ армейскій“. А вотъ „Макоцет эрти, ицамет гмерти“, на мотивъ „Поцѣлуй меня, дай мнѣ счастье дня“ и т. д., и „Гули мицухс“, на мотивъ „Я васъ люблю, и вы повѣрьте, что вамъ цыганка говоритъ“. Текстъ большею частью переведенъ буквально съ русскаго на грузинскій.

Перечислять все то, что поется, нѣтъ необходимости, достаточно сказать, что такимъ репертуаромъ увлекается вся современная, какъ гурійская, такъ и вообще имеретинская интеллигенція и исполняетъ все подъ аккомпаниментъ гитары. Къ слову сказать, этотъ инструментъ очень пришелся имъ по душѣ, и можно смѣло сказать, что почти вся Западная Грузія положительно наводнена гитарами. Играетъ на нихъ главнымъ образомъ молодежь, которая совершенно игнорируетъ національный инструментъ „чонгури“, неудовлетворяющій ихъ, повидимому, малымъ количествомъ струнъ и ограничивающій, вообще, ихъ репертуаръ, благодаря своему устройству. Какъ бы то ни было, новыя времена родили новыя пѣсни и музыкальные инструменты, свидѣтельствующіе объ извѣстномъ движеніи въ народной жизни. Какъ пойдетъ это движеніе дальше, мы посмотримъ, а пока скажемъ два слова о городскихъ хоровыхъ пѣсняхъ.

Городскія хоровыя пѣсни по характеру своему напоминаютъ, какъ я выше сказалъ, церковныя великопостныя пѣснопѣнія. Всѣ онѣ созданы подъ вліяніемъ современной церкви, и главными распространителями ихъ является та же учащаяся молодежь. Принимая участіе въ церковныхъ гимназическихъ хорахъ и воспи-

---

[1]) П. П. Надеждинъ. Опытъ географіи Кавказскаго края. Стр. 133.

тываясь съ дѣтства на гармоніяхъ, совершенно отличныхъ отъ народной музыки, эта молодежь являлась уже съ другимъ репертуаромъ пѣсенъ, и если кого еще народная пѣсня удовлетворяла, то многихъ она уже не могла удовлетворить, благодаря совершенно другой гармоніи, рѣзко расходящейся съ европейской, да еще притомъ сплошь и рядомъ страшно трудной для воспроизведенія. Этимъ, по-моему, отчасти и объясняется, почему молодежь въ большинствѣ случаевъ не знаетъ своихъ пѣсенъ и пробавляется разными „Тирис Нино", „Зестапоно швидобит" и т. п. Разумѣется, говорить здѣсь о томъ, что все дѣло въ молодежи, было бы неправильно. Здѣсь такъ же, какъ и въ первомъ случаѣ, дѣло въ новыхъ теченіяхъ, въ новыхъ потребностяхъ, въ тѣхъ новыхъ условіяхъ, которыя ворвались въ грузинскую жизнь, и если теперь, въ эпоху переходнаго состоянія, мы слышимъ разныя „Ахландели нана" (современная колыбельная), то въ недалекомъ будущемъ, мы, быть-можетъ, услышимъ что-нибудь и болѣе оригинальное. Такимъ образомъ, городская пѣсня, по нашему мнѣнію, переживаетъ пока переходное время; что будетъ дальше, какія она приметъ формы, будетъ ли она по прежнему носить національный характеръ, или исчезнетъ подъ напоромъ новыхъ теченій, все это вопросы, которыхъ разрѣшить сейчасъ нельзя, и намъ, такимъ образомъ, приходится переходить къ музыкѣ деревни.

III.

Переходя къ обзору одноголосныхъ деревенскихъ пѣсенъ, мы должны сказать, что онѣ поются почти исключительно женщинами подъ аккомпаниментъ струннаго инструмента „чонгури". Поютъ, разумѣется, и мужчины, но это не такъ часто, да и самый инструментъ, звуки котораго мягки и тихи, какъ-то совершенно не подходитъ подъ мужской голосъ. Мелодіи этихъ пѣсенъ иногда плѣнительны, и нужно глубоко сожалѣть, что современная гурійская женщина всѣ эти мелодіи или забыла, или же замѣнила ихъ мелодіями разныхъ шарманокъ подъ аккомпаниментъ гитары. Рѣдко теперь встрѣтишь гурійку, которая бы знала всѣ свои родныя пѣсни и играла ихъ на миломъ чонгури, придающемъ столько прелести и поэзіи пѣснямъ. На первый взглядъ приходится какъ будто сожалѣть о какихъ-то пережиткахъ и не восторгаться прелестями современной музыки. Съ внѣшней стороны какъ бы чувствуется, что нельзя жалѣть того, что осуждено уже жизнью. Но что жъ подѣлаешь, если въ пережиткахъ-то и есть вся прелесть поэзіи, если тамъ-то и есть нетронутыя богатства народнаго искусства. Мнѣ, къ глубочайшему сожалѣнію, пришлось ихъ записать немного, такъ какъ я не могъ найти въ то короткое время, которое я пробылъ, такой женщины. Но и тѣ пѣсни, которыя я записалъ, свидѣтельствуютъ о большой музыкальности гурійской женщины, и нужно удивляться, какъ она не повліяла съ этой стороны на свою мужскую половину, пѣсня которой, въ смыслѣ красоты, много уступаетъ женской. Особенно бросается въ глаза въ музыкѣ гуріекъ полнѣйшая противоположность характера музыки этой пѣсни съ одноголосной музыкой грузинъ Тифлисской губерніи. Впрочемъ, нужно сказать, что эта противоположность бросается въ глаза не только въ одноголосной, но и въ двухголосной и въ трехголосной (въ особенности) и даже въ музыкальныхъ инструментахъ, которые у нихъ общи развѣ только въ названіяхъ. Такая противоположность имѣетъ, конечно, свои причины, о которыхъ мы будемъ говорить, а пока перейдемъ къ роли чонгури въ гурійскихъ пѣсняхъ.

Внѣшній видъ чонгури слѣдующій: корпусъ его изъ тутоваго или сосноваго дерева, длиною около 37 сант. и высотою около 17 сант.; ручка изъ липоваго дерева, длиною около 46 сант. Корпусъ у него продолговатый, склеенный изъ кусочковъ. Ручка кончается отогнутой назадъ шейкой; на ней расположено три колка; четвертый колокъ помѣщается посрединѣ ручки. Дека въ наиболѣе широкомъ мѣстѣ имѣетъ около 25 сант. Общая же длина инструмента, который намъ пришлось измѣрить, достигала 95 сантиметровъ. На декѣ посрединѣ ста-

Гурійцы. (Игра на чонгури).

вится довольно высокая кобылка съ прорѣзами для струнъ. Струны изъ шелковыхъ крученыхъ нитокъ прикрѣпляются къ пуговкѣ корпуса, какъ у скрипокъ; ихъ четыре. Третья струна короткая, намотанная на колокъ, находящійся по срединѣ ручки. Эта струна играетъ всегда верхній выдержанный тонъ. Строй бываетъ различныхъ видовъ, въ зависимости отъ самой пѣсни. Одна пѣсня поется, напримѣръ, на строй квартъ-секстъ-аккорда съ удвоеннымъ квинтовымъ звукомъ (re-sol-si-re), другая на строй трихорда въ квинтѣ, т.-е. въ do-fa-sol, если же употребляется третья, т.-е. короткая струна, то она настраивается въ унисонъ съ первой, но только октавой выше. Иногда строй представляетъ просто большое трезвучіе, а если употребляется третья короткая струна, то съ удвоеннымъ основнымъ звукомъ. Высота строевъ различна, такъ какъ она зависитъ отъ высоты голоса. Играютъ на чонгури щипля и тренькая, какъ на балалайкѣ. Самая его роль тоже бываетъ разная. Въ однѣхъ пѣсняхъ онъ ведетъ самостоятельную роль, аккомпанируя мелодіи; въ другихъ играетъ эту же мелодію, въ то же время окружая ее контрапунктическими завитушками; въ третьихъ—просто играетъ эту мелодію въ унисонъ вмѣстѣ съ пѣвцомъ, поддерживая гармонію еще одной струной. Въ послѣднемъ случаѣ аккомпаниментъ бываетъ нѣсколько беднѣе сравнительно

съ тѣми двумя случаями. Мы еще не упомянули, что, кромѣ аккомпанимента, на чонгури играются также пляски. Мелодіи этихъ плясокъ большею частью очень коротенькія, въ объемахъ кварты, квинты, или сексты. Среди нихъ иногда попадаются довольно интересныя. Въ Гуріи (а потомъ у мингрельцевъ) мнѣ пришлось даже записать мелодію, которая разработана въ „Русланѣ" Глинки, а именно въ лезгинкѣ, хотя, по правдѣ сказать, въ этой лезгинкѣ нѣтъ ничего ни лезгинскаго, ни грузинскаго [1]). Въ общемъ этотъ инструментъ, съ своей несложной конструкціей, съ своимъ полнымъ звукомъ, такъ какъ и кварты, и квинты, и пустые аккорды на немъ удивительно полно звучатъ въ сравненіи съ фортепіано, являясь необходимымъ дополненіемъ къ сольнымъ гурійскимъ пѣснямъ, придаетъ имъ много своеобразной, чарующей поэзіи, въ особенности въ пѣсняхъ грустнаго музыкальнаго содержанія.

Возвращаясь опять къ пѣснямъ, мы должны сказать, что многое здѣсь зависитъ отъ знанія и игры музыканта или музыкантши. Если то или иное лицо талантливо, то и исполненіе, разумѣется, интересное, и репертуаръ часто бываетъ значительный, если же нѣтъ, то большею частью все бываетъ бѣдно. Такъ какъ я въ Гуріи былъ короткое время, то за это короткое время я не могъ найти хорошую чонгуристку, знающую много пѣсенъ, и тамошніе обыватели, въ томъ числѣ и мои пѣвцы, никакъ не могли прійти мнѣ на помощь. Лишь только одинъ бывшій гимназистъ свелъ меня въ свою деревню Лихаури, чтобы познакомить съ однимъ крестьяниномъ, хорошимъ игрокомъ на этомъ инструментѣ. Когда я пріѣхалъ въ эту деревню, и когда мнѣ представили этого крестьянина, то онъ оказался, дѣйствительно, большимъ виртуозомъ на этомъ инструментѣ, но, къ глубокому сожалѣнію, онъ замѣчательно игралъ только пляски, пѣсни же онъ зналъ только въ одной речитативной формѣ. Между прочимъ, этотъ крестьянинъ (по фамиліи Нико Вашакмадзе) самъ оказался поэтомъ и слова къ пѣснѣ создавалъ самъ. У него, какъ мнѣ говорили, масса всякихъ пѣсенъ, никѣмъ не записанныхъ. Мнѣ пришлось записать двѣ его пѣсни, изъ коихъ одна ничего особеннаго не представляетъ, а другая довольно поэтичная, и читатели съ ними познакомятся въ отдѣлѣ текстовъ за №№ 1 и 2. Одну изъ этихъ пѣсенъ, а именно „Переписку", онъ исполнялъ довольно оригинально, измѣняя интонацію голоса, когда отвѣчала дѣвица, и при этомъ обязательно разнообразилъ аккомпаниментъ въ ритмическомъ и мелодическомъ отношеніяхъ, такъ что получалась довольно интересная музыкальная картинка, созданная совершенно безсознательно этимъ деревенскимъ художникомъ.

Такіе отдѣльные случаи только, разумѣется, свидѣтельствуютъ, что Гурія имѣетъ интересныхъ и исполнителей и народныхъ музыкантовъ-художниковъ, только найти ихъ представляетъ задачу не легкую. Если исключительно посвятить себя этому дѣлу, т.-е. заняться ихъ розысками по разнымъ деревнямъ, то, несомнѣнно, результаты не замедлятъ обнаружиться; у меня, собственно, были по этой части очень плохіе совѣтчики, которые гоняли меня съ мѣста на мѣсто и вѣчно неудачно, такъ что я, въ концѣ-концовъ, утомленный всѣми этими переходами (у меня было около девяти мѣстъ съ фонографомъ, валиками, трубами и т. п.), принужденъ былъ, наконецъ, уѣхать изъ этого края. Впослѣдствіи, въ

[1]) Мое предположеніе недавно оправдалось. Фонографируя 3 марта 1907 года отъ малорусскаго слѣпца-бандуриста Мих. Кравченка пѣсни, я, между прочимъ, записалъ одну комическую пѣсню подъ названіемъ „Кисель", мотивъ которой въ аккомпаниментѣ представляетъ очень близкій варіантъ лезгинки „Руслана".

Тифлисской губ., въ одной деревнѣ, совершенно случайно, я встрѣтился съ однимъ изъ кутаисскихъ жителей, и когда я ему разсказалъ про свои мытарства, онъ просто поражался такому отношенію своихъ соотечественниковъ, доказывая, что въ самомъ Кутаисѣ эти лица могли бы многое сдѣлать. Но мы опять отклонились.

Одноголосныя пѣсни гурійцевъ нужно раздѣлить на речитативныя и не речитативныя. Речитативныя пѣсни носятъ характеръ „рапсодійный", мѣрный, и о нихъ мы еще скажемъ ниже, не речитативныя же обладаютъ большимъ мелодическимъ и ритмическимъ разнообразіемъ; въ числѣ ихъ встрѣчаются, повидимому, и пѣсни-пережитки сѣдой, глубокой старины, если судить хотя-бы по текстамъ. Такъ, напримѣръ, пѣсня „Мзе шина да мзе гарета" поется по случаю рожденія ребенка [1]). Въ пѣснѣ, довольно эгоистично, обращаются къ солнцу, которое, вѣроятно, принадлежало къ предметамъ культа, и просятъ его, чтобы это солнце, освѣщающее и согрѣвающее всю природу, вошло только въ домъ ребенка и освѣщало-бы только ту комнату, въ которой находится новорожденный. Для чего имъ это нужно, въ пѣснѣ не указывается, но только она оканчивается обращеніемъ къ роднымъ, собственно, къ сестрамъ, чтобы и онѣ радовались этому семейному событію, т.-е. появленію ребенка [2]).

По музыкѣ неречитативныя пѣсни просто чудесны, доказательствомъ чего служитъ хотя-бы выше приведенная (она за № 5 въ приложеніи). И дѣйствительно, нужны всѣ богатства природы, всѣ обаятельныя картины горъ, долинъ и лѣсовъ, чтобы безъ посторонняго вліянія создавать такія плѣнительныя мелодіи. Гурія ими надѣлена щедро, она вся покрыта зеленью, развѣсистыми каштанами, тутовыми деревьями. Только, къ сожалѣнію, музыкальныя богатства находятся скрытыми для науки и искусства благодаря тому, что некому ихъ собрать, и кто знаетъ, сколько пройдетъ времени, прежде чѣмъ эти богатства будутъ собраны. Боюсь, когда за нихъ спохватятся, не было-бы поздно, такъ какъ гитара дѣлаетъ свое дѣло, и къ тому времени, можетъ быть, уничтожитъ и тѣ остатки, которые еще здѣсь и тамъ сохранились.

До сихъ поръ мы ничего не говорили о технической сторонѣ вопроса въ сольныхъ пѣсняхъ, о ея формахъ и содержаніи текста. Просматривая съ технической стороны тотъ небольшой матеріалъ, который у насъ подъ руками, мы все же наталкиваемся на очень интересное явленіе: несмотря на разницу въ музыкѣ гурійцевъ и грузинъ Тифл. губ., у нихъ техническія основы однѣ и тѣ же, что́ для насъ имѣетъ большое значеніе. Такимъ образомъ, мы видимъ, что первая речитативная пѣсня (см. № 1, въ прил.) поется слѣдующимъ образомъ: молодецъ исполняетъ ее въ квартѣ do-sol внизъ, а дѣвица въ двухъ квартахъ: la re внизъ и затѣмъ re-si безъ la, котораго не хватаетъ, собственно для второй кварты. Пѣсня за № 4, „Мчедело, мчедело"—вся въ звукорядѣ кварты съ вспомогательной нотой do. „Мзе шина да мзе гарета"—тоже, въ первой части, если мы откинемъ вспомогательную ноту do dies, вторая же часть въ квинтѣ съ вспомогательной нотой re (см. № 5, въ прил.). Далѣе пѣсни за №№ 6, 7 и 8 всѣ въ квинтѣ.

---

[1]) Этотъ же текстъ, только съ напѣвомъ „Іав нана" въ Карталиніи поется, если память мнѣ не измѣняетъ, въ то время, когда лежитъ родильница, и затѣмъ во время инфекціонныхъ болѣзней дѣтей, какъ, напр.: оспы, скарлатины, кори и т. п.

[2]) Въ виду того, что полный текстъ записанъ въ г. Тифлисѣ, а напѣвъ съ первыми строчками въ Москвѣ, то я долженъ оговориться, что въ Гуріи, быть можетъ, онъ поется съ кое-какими измѣненіями.

Первая „Дэли водэли водэла" безъ украшающихъ нотъ. Вторая „На вашъ словесный призывъ" въ первомъ тактѣ съ верхней украшающей, а въ концѣ съ двумя дополнительными звуками, образующими звукорядъ въ предѣлахъ септимы, и переходящая въ довольно курьезную модуляціонную каденцію. Третья „Дарчіа" тоже, во второмъ и пятомъ тактахъ съ вспомогательной нотой mi. Пѣсня „Если бы меня убили", за № 11, тоже въ квинтѣ съ вспомогательной нотой re вверху и mi бемоль внизу и съ замѣной звука sol sol-бемолемъ. Въ № 12 „Я принималъ хорошо гостя" также чередуется квинта съ квартой плюсъ къ ней секунда сверху. Затѣмъ, если мы возьмемъ пѣсню № 9 („Если по волѣ Всемогущаго Бога") и откинемъ верхнюю украшающую или вспомогательную ноту do, получимъ звукорядъ въ предѣлахъ сексты. Дальше это do устанавливается въ предѣлахъ двухъ тактовъ, и получается звукорядъ въ предѣлахъ септимы (если откинуть вспомогательную ноту re), но послѣ двухъ тактовъ мы снова видимъ звукорядъ сексты съ вспомогательной нотой do.

Просматривая далѣе речитативную пѣсню подъ № 3, мы видимъ, что она находится въ звукорядѣ септимы, но съ господствующимъ интерваломъ увеличенной кварты la—re-діезъ. Нельзя не отмѣтить, что она этой увеличенной квартой, въ сравненіи съ другими звукорядами, сильно выдѣляется. Также оригинальна и речитативная пѣсня подъ № 2, которая какъ бы дѣлится на двѣ части: первая въ предѣлахъ октавы (безъ нижняго звука fa-діезъ), съ центральнымъ звукомъ si, звукоряда минорнаго наклоненія, вторая этого же самаго звукоряда (съ замѣной re re-діезомъ) мажорнаго наклоненія, съ перенесеніемъ центра тяжести: сначала si, а потомъ въ концѣ fa діезъ. Въ заключеніе, если мы возьмемъ пѣсню, „Кало ламазо" Дѣвица красавица! (№ 10 въ прил.), то увидимъ, что она раздѣляется на двѣ части: первая часть въ восемь тактовъ представляетъ четырехзвучный звукорядъ съ полутономъ въ серединѣ, вторая семизвучный (модулированный); если къ этому семизвучному звукоряду прибавить вверху октаву, то получится восьмизвучный звукорядъ въ соединеніи пентахорда съ тетрахордомъ связно, пентахорда потому, что звукъ do (квинта) въ этихъ семи звукахъ центральный.

Такимъ образомъ, какъ-бы мы ни разсматривали данныя пѣсни и строи чонгури, мы видимъ, что въ основѣ ихъ лежатъ: или кварта, или квинта, или кварта плюсъ секунда сверху, т.-е. трихордъ въ квинтѣ, или же другіе звукоряды. Словомъ, мы наблюдаемъ то же явленіе, что и въ пѣснѣ грузинъ Тифлис. губ. Здѣсь, я думаю, не такъ важно то, что мы привели мало примѣровъ (каждый примѣръ, конечно, можетъ свидѣтельствовать о своей эпохѣ и, вѣроятно, не мало есть пѣсенъ всѣхъ категорій), а важно то, что, несмотря на разницу въ музыкѣ, мы увидѣли одинъ корень, одно начало.

При обозрѣніи этихъ пѣсенъ, между прочимъ, у насъ невольно поднимался вопросъ, какъ ихъ разсматривать, въ связи ли съ аккомпаниментомъ, или безъ него. Съ одной стороны казалось бы, что ихъ нужно разсматривать совокупно, такъ какъ аккомпаниментъ неразрывно связанъ съ напѣвомъ, а съ другой, является вопросъ, имѣемъ ли мы право такъ разсматривать въ виду того, что аккомпаниментъ, собственно, есть украшеніе, извѣстный придатокъ, имѣющій второстепенное значеніе. Во всякомъ случаѣ, это вопросъ, который требуетъ разрѣшенія, но мы его въ настоящій моментъ отлагаемъ въ виду того, что онъ не входитъ въ нашъ обзоръ.

Помимо раздѣленія на звукоряды, одноголосныя пѣсни дѣлятся еще на формы, какъ, напр., форму предложенія, періода въ большей или меньшей степени

развитія и затѣмъ свободную речитативную форму. Въ послѣдней формѣ поютъ почти исключительно мужчины. Обыкновенно въ этомъ случаѣ разсказывается какая-нибудь исторія подъ мѣрное трепыканье безъ конца. Содержаніе текста бываетъ, конечно, большей частью или героическое, или вообще эпическое, хотя иногда поютъ стихи какого-либо комическаго содержанія. Что же касается остальныхъ формъ, то тамъ содержаніе текста бываетъ самое различное, хотя любовный элементъ преобладаетъ въ немъ. Такъ въ одной пѣснѣ читатели прочтутъ:

„Если бы меня убили, изрѣзали на куски,
Мою кровь дали-бы пить воронамъ и галкамъ,
Подо мной постлали-бы крапиву,
А сверху обливали-бы кипяткомъ,—
Все бы я это перенесъ, лишь бы меня посадили съ тобой". (См. напѣвъ № 11).

Или: „Дорогая, я по тебѣ проливаю слезы!
Пусть кара Божія постигнетъ того,
Кто насъ съ тобй разлучилъ".

Кромѣ такихъ чисто народныхъ текстовъ, встрѣчаются тексты искусственные, т.-е. попавшіе въ пѣсню подъ вліяніемъ искусственной литературы, напр.: „Если бы по волѣ Всемогущаго Бога мнѣ пришлось выйти замужъ, то я бы вышла за того, котораго имѣла-бы въ виду. Я отказываюсь отъ владѣній Аѳинами и Греціей, и за одного грузина не промѣняю, если мнѣ дадутъ Оттоманскую имперію". Эти слова встрѣчаются въ поэмѣ „Тамаріани" кн. Симона Гугунава. Другихъ примѣровъ мы не приводимъ, такъ какъ читатели найдутъ ихъ въ отдѣлѣ текстовъ въ приложеніи.

Въ заключеніе, если мы скажемъ, что во всѣхъ этихъ пѣсняхъ ритмы по большей части ясные, живые, двухдольные и трехдольные,[1]) что гармонія, хотя простая, угловатая, но оригинальная,—мы можемъ закончить бесѣду объ одноголосной гурійской пѣснѣ.

Мы должны были бы далѣе разсмотрѣть двухголосную гурійскую пѣсню, но таковыхъ у насъ въ наличности всего двѣ. Разсматривая ихъ, мы видимъ, что онѣ тоже интересны. Первая пѣсня, плясовая—въ квартѣ, если удалить въ нижнемъ и верхнемъ голосахъ вспомогательныя ноты (смотр. № 13 въ прил.), вторая то же, и къ тому же попеременная, а какъ извѣстно, у грузинъ Тифлисской губ. карталинцевъ и кахетинцевъ пѣсни второй стадіи развитія, т.-е. двухголосныя, тоже попеременныя, только тамъ большей частью одинъ голосъ тянетъ выдержанную ноту, а другой движется, здѣсь же оба голоса движутся, при чемъ первая часть пѣсни находится въ одной квартѣ, другая часть въ другой, только модулированной на большую секунду вверхъ (см. № 14 въ прил.). Какъ въ первой части, такъ и во второй мы верхнія вспомогательныя ноты, разумѣется, отбрасываемъ. Уже по этимъ двумъ примѣрамъ можно видѣть, что въ двухголосной гурійской пѣснѣ есть звукоряды, общіе съ пѣснями грузинъ Тифлисской губ.; есть и общая попеременная манера пѣнія. Эту общность манеры пѣнія, попеременность, мы съ особенной рельефностью увидимъ въ трехголосной пѣснѣ.

Въ послѣдней мы прежде всего наталкиваемся на ея большое разнообразіе. Такъ, напр., въ числѣ ихъ мы видимъ пѣсни: свадебныя, походныя, плясовыя, хороводныя, историческія, любовныя, рабочія, застольныя и др.. Словомъ, ви-

---

[1]) Бываютъ и смѣшанные въ родѣ пѣсенъ подъ №№ 8 и 9 (Смотри въ прилож.).

димъ пѣсни, пріуроченныя, какъ и у всѣхъ народовъ, къ разнообразнымъ явленіямъ жизни. Всѣ эти пѣсни, разумѣется, общи съ пѣснями грузинъ Тифлисской губ., хотя между ними есть и чисто гурійскія, мѣстнаго, такъ сказать, происхожденія. Къ такимъ пѣснямъ принадлежатъ „Хелхвави," „Надури" и др.

IV.

Такъ какъ мы раньше въ своихъ работахъ всегда касались этнографической стороны пѣсенъ, то, я думаю, намъ не лишне будетъ и теперь, коснувшись нѣкоторыхъ категорій пѣсенъ, упомянуть о томъ, какъ и при какихъ условіяхъ онѣ исполняются.

Итакъ, мы сначала поведемъ бесѣду о свадебной пѣснѣ. Прежде о самомъ обрядѣ.

Какая-нибудь родственница, напримѣръ, „бицола"—жена дяди, сообщаетъ жениху, что въ такомъ-то селѣ имѣется невѣста-красавица, обладающая всѣми достоинствами; когда женихъ изъявляетъ свое согласіе на осмотръ, то объ этомъ сообщается отцу невѣсты, и если тотъ соглашается, то дѣло устраивается такимъ образомъ. Отецъ устраиваетъ какой-нибудь обѣдъ, куда приглашается женихъ, и гдѣ невѣста, не подозрѣвая, что этотъ обѣдъ устраивается изъ-за нея, сама подаетъ гостямъ что-нибудь на подносѣ. Если невѣста понравится жениху, то онъ тутъ же оставляетъ захваченное на всякій случай „нишани", т.-е. большое серебряное обручальное кольцо, или, какъ въ послѣднее время вводится, дамскіе, по возможности, элегантные часы, купленные при посредствѣ всѣхъ родственницъ. Часто бываютъ случаи, когда невѣста не принимаетъ обручальнаго кольца, тогда дѣло кончается большими непріятностями, а иногда и трагическими послѣдствіями. Если же дѣло налаживается, то назначается срокъ свадьбы, уговариваются на счетъ приданаго и т. д. Готовятся къ свадьбѣ какъ женихъ, такъ и семья невѣсты, притомъ изъ семьи невѣсты разсылаются пригласительныя письма, въ которыхъ отецъ невѣсты объявляетъ объ этомъ событіи и проситъ своихъ приглашенныхъ, чтобы они обрадовали его своимъ присутствіемъ и сдѣлали его ихъ должникомъ (въ послѣднемъ намекъ на то, чтобы гости не являлись съ пустыми руками, а принесли съ собой ту или иную лепту; бываетъ и безъ этихъ намековъ, смотря по состоянію). Гости, разумѣется, большею частью родственники, тоже стараются такъ или иначе ублаготворить отца семьи. Нѣкоторые приносятъ съ собой порядочныя суммы денегъ 10-ти копеечной монетой въ видѣ цѣлыхъ мѣшковъ. Когда они сойдутся, тогда хозяинъ выбираетъ изъ нихъ какого-нибудь наиболѣе честнаго и проситъ его быть кассиромъ или собирателемъ всѣхъ этихъ приношеній, и, кромѣ того, назначаетъ ему письмоводителя, который все подробно записываетъ. Послѣ этого открывается пиршество. Мѣсто, гдѣ пируютъ, называется „сепа". Каждый пожертвовавшій, чувствуя себя съ этой стороны совершенно свободнымъ, кутитъ на славу. Съ противоположной стороны входа сидитъ невѣста (она обязана наѣсться заранѣе), окруженная подругами дѣтства (въ отличіе отъ подругъ приглашенныхъ). По истеченіи нѣкотораго времени, въ разгаръ пиршества, является довѣренное лицо жениха, человѣкъ пожилой, или самъ отецъ, который принимаетъ приданое, провѣряетъ деньги и т. п. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣзжаютъ „макреби", молодые люди—товарищи жениха, и „дадэ", т.-е. посаженная, непремѣнно замужняя женщина. Ихъ приглашаютъ въ „сепа", и

тамъ они, садясь за столъ, начинаютъ пировать. Во время пиршества у нихъ происходятъ состязанія, кто больше выпьетъ, и т. п. Наконецъ, настаетъ время прекращенія всего этого, и „макреби“ встаютъ и требуютъ невѣсту. Послѣ долгихъ препирательствъ, наконецъ, невѣсту выдаютъ „дадэ“, т.-е. посаженной, которая и везетъ ее вмѣстѣ съ „макарами“ изъ дома невѣсты въ домъ жениха. Путешествіе это сопровождается выстрѣлами и пѣніемъ пѣсни „Макрули“ (смотр. №№ 16 и 35 въ приложеніи пѣсенъ) съ соотвѣтствующими сему случаю словами [1]). Если они сосѣди, то идутъ пѣшкомъ, если же другой деревни, то ѣдутъ верхомъ. Женихъ въ это время ждетъ въ церкви, куда невѣсту и привозятъ. Послѣ обряда вѣнчанія, вся процессія направляется въ домъ жениха, гдѣ пиршество продолжается. За столомъ, между прочимъ, женихъ сидитъ противъ невѣсты. Такова свадебная процедура въ Гуріи, и къ ней пріурочены пѣсни „Макрули“.

Теперь скажемъ два слова о „Хелхвави“. Пѣсня эта, какъ мы сказали, чисто гурійская, притомъ, повидимому, языческаго происхожденія, такъ какъ въ ней все время намекается на высшую силу, которая способствуетъ тому или иному урожаю. Эта сила въ настоящее время олицетворена въ лицѣ св. Ѳеодора, который въ пѣснѣ шествуетъ и несетъ съ собой довольство (благодать) и т. п. Поется она исключительно во время сбора кукурузы, собственно, когда очищаютъ стволъ кукурузы отъ листьевъ. Благодаря своему живому движенію, она какъ бы способствуетъ облегченію работы и приподнимаетъ бодрость духа у работающихъ. Записи напѣва этой пѣсни у меня, къ сожалѣнію, нѣтъ.

„Надури“ тоже чисто гурійская пѣсня съ массой разнообразныхъ формъ. Исполняется она во время чистки засѣяннаго поля съ помощью „нади“, т.-е. извѣстной артели, или, другими словами, приглашенныхъ сосѣдей. Пѣсня продолжается довольно долго и служитъ безусловнымъ импульсомъ для живой и наиболѣе интенсивной работы. Она очень сложна и поется часто безъ конца—часами. Въ ней употребляются всевозможныя звукоподражанія пѣвчимъ птицамъ и т. п. Исполняется она и тогда, когда возвращаются домой съ полевыхъ работъ. Напѣва этой пѣсни у меня, съ сожалѣнію, тоже нѣтъ.

Еще нѣсколько словъ о хороводныхъ пѣсняхъ „Перхули“, которыя въ Гуріи особенно любимы. Это одна изъ наиболѣе любимыхъ формъ танцевъ, притомъ очень оригинальныхъ. Ихъ существуетъ двѣ формы—одноэтажная и двухъэтажная. Одноэтажная представляетъ изъ себя просто кругъ людей, положившихъ руки другъ-другу на плечи, поющихъ и пляшущихъ подъ мѣрный напѣвъ пѣсни, сначала медленно, а затѣмъ быстро, а двухэтажная, когда на плечи перваго круга взбирается вторая партія, поетъ и качается совмѣстно съ первыми. Зрѣлище получается преинтересное и оригинальное. О прелестныхъ напѣвахъ этихъ танцевъ и говорить нечего. Можно только жалѣть, что намъ не удалось (за исключеніемъ двухъ) ихъ больше записать.

У насъ остаются еще неописанными пѣсни застольныя, плясовыя, рабочія и др. Такъ какъ онѣ при исполненіи тожественны съ такими же пѣснями грузинъ Тифл. губ., мы и не будемъ говорить о нихъ; желающіе могутъ познакомиться съ ихъ описаніемъ въ нашей статьѣ—„Краткій очеркъ развитія грузинской карталино-кахетинской народной пѣсни“ въ I т. „Трудовъ Муз.-Этногр. Коммиссіи“.

---

[1]) Интересно отмѣтить, что у нихъ, при всей аналогіи обрядовой стороны и самаго названія пѣсни съ грузинами Тифл. губ., совсѣмъ не упоминается того текста, который поется тамъ. Очевидно, они его утратили.

Здѣсь же пока закончимъ краткимъ упоминаніемъ еще объ одной гурійской пѣснѣ называемой „Элеса да чопола“, которая своимъ исполненіемъ напоминаетъ русскую „Дубинушку“. Поется она такъ же, какъ и послѣдняя, когда волокутъ тяжести.

Такова этнографическая сторона нѣкоторыхъ гурійскихъ пѣсенъ, довольно ярко рисующихъ бытовую жизнь гурійцевъ. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію пѣсенъ историческихъ.

Историческихъ пѣсенъ, записанныхъ нами, двѣ. Одна изъ нихъ „Хасанбегури“ (смотр. № 27 и 41, въ прил.), другая „Али-паша“ (№№ 24 и 39, въ прил.). О первой пѣснѣ извѣстно, что Хасанъ-бегъ былъ гурійскій князь изъ рода Тавгиридзе, что онъ перешелъ на сторону турокъ, ставъ врагомъ своей родины. Командуя извѣстнымъ отрядомъ войскъ, которыя прибыли на корабляхъ въ Шекветили (теперешній Николаевъ въ Гуріи, при устьѣ рѣки Нотанеби), онъ осадилъ г. Озургети и вынудилъ отступить русскія войска, которыми предводительствовалъ какой-то генералъ. Подъ мѣстечкомъ Квирикети гурійская милиція устроила ему засаду, гдѣ обратила въ бѣгство войска Хасанъ-бега и самого его убила. Когда происходило это событіе, въ точности неизвѣстно.

Объ Али-пашѣ существуютъ свѣдѣнія, что онъ былъ адчарскимъ владѣтелемъ и тоже, кажется, изъ рода Тавгиридзе. Теперешній текстъ рисуетъ измѣну этого паши, который, получивъ деньги отъ русскихъ, предалъ гурійскія войска, собственно, адчарцевъ, но которому, какъ говоритъ пѣсня, тоже не поздоровилось, такъ какъ русскіе же связаннаго веревками волокли его на корабль, откуда вопли его были слышны далеко за рѣкою Супса въ Баилети (селеніе) [1]. Событіе это относится, по всей вѣроятности, къ тому времени, когда русскія войска боролись съ Гуріей. Пѣсня эта, какъ и первая, записана у меня въ двухъ варіантахъ. Второй варіантъ записанъ недавно въ Москвѣ отъ студентовъ-гурійцевъ и носитъ совершенно самостоятельный характеръ.

Чтобы закончить обзоръ гурійскихъ пѣсенъ, намъ необходимо будетъ упомянуть о пѣсняхъ любовнаго содержанія. Этихъ пѣсенъ, конечно, большинство. Въ нихъ женщина воспѣвается самыми нѣжными, самыми ласкательными, изысканными именами. Фантазія гурійцевъ въ этомъ отношеніи пошла такъ далеко, что мы въ русскомъ лексиконѣ часто не могли подобрать словъ для точнаго опредѣленія названія. Такія имена, какъ „горлица“, „моя голубка“, „роза моего сердца“ изобилуютъ повсюду, гдѣ гуріецъ выражаетъ свои чувства любви къ женщинѣ. О томъ, какое онъ питаетъ уваженіе вообще къ ней и какъ высоко ее ставитъ, мы говорили еще въ началѣ статьи; поэтому немудрено, что и въ пѣсняхъ своихъ онъ старается воспѣть ее какъ можно лучше.

V.

Мы изложили вкратцѣ содержаніе пѣсенъ съ исторической и этнографической сторонъ, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію и другихъ сторонъ, какъ положительныхъ, такъ отчасти и отрицательныхъ.

Какъ въ одноголосной, такъ и въ трехголосной гурійской пѣснѣ замѣтна громадная разница въ музыкѣ ихъ отъ музыки грузинъ Тифлисской губ. (подразумѣвая чисто гурійскую пѣсню). Въ самомъ дѣлѣ, у гурійцевъ она сплошь

[1] Между прочимъ говорятъ, что онъ и сейчасъ живъ, занимая постъ губернатора какого-то вилайета въ Турціи.

контрапунктическая, такъ какъ въ большинствѣ пѣсенъ три голоса поютъ самостоятельно, живая въ ритмическомъ отношеніи, въ музыкѣ же карталинцевъ и кахетинцевъ, т.-е. грузинъ Тифлисской губ., мы видимъ или принципъ неподвижности баса, или же, въ пѣсняхъ быстраго движенія, въ большинствѣ неизмѣнно поются одна—двѣ ноты въ унисонъ, но не протяжно, а въ разбивку. Короче, гурійская пѣсня полифонная, карталино же кахетинская гомофонная, и только въ пѣсняхъ торжественнаго стиля мы встрѣчаемъ у этихъ вѣтвей контрапунктъ въ двухъ верхнихъ голосахъ, хотя контрапункты совершенно другого характера. Какимъ образомъ у одного и того же народа, у котораго языкъ, религія, обряды и обычаи въ общемъ одни и тѣ же, получается совершенно другая музыка? Если это объяснить историческими условіями, такъ какъ со второй половины XV ст. Гурія со всей Имеретіей живетъ отдѣльно отъ Грузіи, а самостоятельная жизнь народа отражается на музыкѣ, по увѣренію нѣкоторыхъ музыкантовъ,—то вѣдь и Кахетія жила самостоятельно и имѣла своихъ царей, и однако, между музыкой карталинцевъ и кахетинцевъ мы почти не видимъ разницы. Какой же факторъ могъ способствовать такому различію въ характерахъ музыки? Если въ выработкѣ темперамента климатическіе и географическіе факторы имѣютъ значеніе, то они и должны быть, какъ намъ кажется, главными факторами въ данномъ случаѣ. Мы знаемъ, что гурійцы (такъ же, какъ и имеретины и мингрельцы) обладаютъ чрезвычайно живымъ темпераментомъ, а темпераментъ въ общемъ результатъ географической и климатической среды. Живость темперамента гурійца, проявляясь во всемъ, разумѣется, не меньше должна была проявиться и въ музыкѣ, и такимъ образомъ данную разницу можно объяснить чисто географическими или даже скорѣе климатическими условіями. Несомнѣнно, конечно, что при этомъ имѣли вліяніе и общественная и политическая жизнь народа, хотя трудно сказать пока, въ какой степени; во всякомъ случаѣ, только не вліяніемъ „итальянцевъ и грековъ“ обусловливается разница въ характерѣ этихъ двухъ ближайшихъ вѣтвей, какъ склонны думать нѣкоторые, а скорѣе вышеуказанными факторами. Возможно, что не меньшее значеніе имѣли здѣсь такіе факторы, какъ, напримѣръ, почва, пища и т. п., но это уже область физіологіи, которая не входитъ въ нашу компетенцію.

Контрапунктизмъ пѣсенъ и трехголосіе свидѣтельствуютъ, разумѣется, объ извѣстной культурѣ, которая на музыкѣ отразилась сообразно ихъ особенностямъ, но что эти особенности въ музыкальномъ отношеніи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сильно отклонились отъ нашего общаго понятія о гармоніи, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Во время своего тамъ пребыванія, я положительно не могъ выносить нѣкоторыхъ пѣсенъ, когда гурійцы мнѣ пѣли съ своей особенной манерой, если можно выразиться, голосовыхъ пиццикатъ; они пѣли не просто, а какъ-то пѣли и дергали голосомъ. Теперь, прислушавшись въ фонографѣ, эти пѣсни не производятъ на меня впечатлѣнія чего то мало эстетическаго, но тогда, когда при этомъ еще пѣлъ „знаменитый“ Такай Глонти, я положительно былъ убѣжденъ, что въ нѣкоторыхъ гурійскихъ пѣсняхъ окончательно отсутствуетъ эстетика. Въ особенности меня удивляло то, что окружающіе подобное исполненіе слушали съ необычайнымъ наслажденіемъ.

Независимо отъ этого вообще обращаетъ вниманіе на себя разница со стороны красоты въ пѣсняхъ женскихъ и мужскихъ, и я не могъ понять, почему у первыхъ музыка такая красивая и самая манера исполненія вполнѣ музыкальная, а у мужчинъ, въ старыхъ пѣсняхъ, она скорѣе оригинальная, чѣмъ красивая,

и манера пѣнія не всегда эстетическая. Впрочемъ, относительно послѣдняго мы оговоримся: у талантливыхъ исполнителей, а не у „знаменитыхъ" пѣвцовъ, это не такъ замѣтно и въ старинныхъ пѣсняхъ.

Удивляетъ меня въ гурійской хоровой пѣснѣ и то, что въ то время какъ у карталинцевъ и кахетинцевъ музыка является выразительницей разнообразныхъ явленій жизни, у гурійцевъ въ музыкѣ отразилась лишь одна ихъ жизнерадостность. Вы встрѣтите у нихъ пѣсни прелестныя, оригинальныя, живыя, но въ нихъ отсутствуютъ чувства грусти и печали, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пѣсенъ, гдѣ всетаки проглядываетъ церковность. И, дѣйствительно, посмотрите въ нѣкоторые ихъ тексты. Есть ли тутъ мѣсто тоскѣ, когда остроуміе все время мѣняется съ разудалымъ веселіемъ! Возьмите, напр., текстъ: „Когда море высохнетъ и покажется песокъ, и рыбы поползутъ по горамъ; когда катеръ соберется рожать, а волкъ ему будетъ наигрывать на чіанури, тогда обхвачу я, моя любимая, твои хрустальныя плечи съ радостью". Перевести все это на простой языкъ—значитъ: никогда тебя, милая, не придется мнѣ обнять! Или, напримѣръ, вся эта исторія съ теленкомъ, сколько въ ней комизма непринужденнаго, невзыскательнаго, деревенски-простого. И надо въ этомъ отношеніи отдать справедливость гурійцамъ, они умѣютъ веселиться, умѣютъ въ пѣснѣ выражать, если не грусть и печаль, то непринужденное, веселое, доброе настроеніе духа, пусть это иногда будетъ ни къ селу, ни къ городу, какъ, напр., въ пѣснѣ „Въ Озургети привезли для продажи патроны", или „Въ Озургети привезли для продажи карету". Все вѣдь это говорится для риѳмы, чтобы въ первомъ случаѣ красавица Матрона, а во второмъ, Анета, расцѣловали поющихъ [1]). Несомнѣнно, это свидѣтельствуетъ о томъ, что гуріецъ реагируетъ на все интересное и выдающееся въ его жизни; этимъ и объясняется, почему они создали и такую сатирическую, по музыкѣ весьма игривую, современную пѣсню, какъ „Прокламація" (смотр. № 38 въ прил.). Вообще жизнерадостности и воспріимчивости гурійцевъ нужно удивляться. Я просто поразился, когда мнѣ здѣсь студенты-гурійцы спѣли „Марсельезу" въ томъ видѣ, какъ она поется крестьянами въ Гуріи. Я даже фонографировалъ ее, и, какъ интересное явленіе, показывалъ многимъ. Марсельеза эта, разумѣется, передѣлана на три голоса, съ параллельными квинтами, все, словомъ, какъ слѣдуетъ, по-гурійски. Звучитъ, конечно, преоригинально [2]). Такимъ образомъ, понявъ гурійца, его міросозерцаніе, духовный складъ, черты характера, не придется, пожалуй, удивляться, почему его пѣсня не имѣетъ скорби, печали, а только жизнерадостна. Такъ или иначе приходится придти къ тому заключенію, что у этой грузинской вѣтви, въ мужской половинѣ, какъ эстетическая сторона, такъ

Гуріецъ.

[1]) Нужно сказать, что эти красавицы воспѣваются до тѣхъ поръ, пока не потеряютъ красоты, когда же онѣ ея лишатся отъ старости ли или отъ другихъ причинъ, то ихъ замѣняютъ другія. Была, напримѣръ, Анета, ее замѣнила Матрона и т. д.

[2]) См. аналогичный напѣвъ за № 40, въ приложеніи.

и психическая, совсѣмъ другія, чѣмъ у тѣхъ грузинъ. Явленія своей политической, экономической или исторической жизни они выражаютъ, благодаря, быть можетъ, тѣмъ же географическимъ и климатическимъ факторамъ, совершенно своеобразно.

Мы выше упомянули о нѣкоторыхъ отрицательныхъ сторонахъ гурійской пѣсни, что же касается ея положительныхъ сторонъ, то къ нимъ принадлежатъ въ общемъ оригинальность музыки, контрапункта и гармоніи. Не взирая на всѣ параллельно-квинтовыя движенія въ пѣсняхъ, въ которыхъ вѣроятно можно усмотрѣть извѣстные законы, несмотря на всѣ диссонансы, которыми онѣ испещрены, мы можемъ представить много интересныхъ и красивыхъ пѣсенъ [1]).

Въ особенности интересны изъ нихъ будутъ тѣ, которыя имѣютъ вторымъ голосомъ, такъ называемое, „криманчули", что въ переводѣ значитъ рулада-трель. Представьте себѣ пѣсню, въ которой второй голосъ не вторитъ, а на необычайной высотѣ форсированнымъ фальцетомъ поетъ самостоятельно на буквы і-а или у-а нѣчто въ родѣ трелей и форшлаговъ, причемъ въ то же время, разумѣется, придерживается общей гармоніи (часто въ этихъ случаяхъ первый голосъ поетъ партію второго, а „криманчули" варьируютъ партію перваго голоса).

На свѣжаго человѣка это дѣйствуетъ и курьезно, и странно. Слушающій въ первый разъ не можетъ не поразиться, какъ это люди могутъ такъ пѣть, да еще на три голоса и въ быстромъ движеніи. Можно смѣло сказать, что въ этомъ родѣ пѣсни врядъ-ли у кого найдутся, такъ какъ нужно быть или гурійцемъ, или мингрельцемъ, или имеретиномъ, чтобы создать что-либо подобное и исполнять его. Много еще зависитъ здѣсь отъ того, кто поетъ это „криманчули", т.-е. второй голосъ. Мнѣ, напримѣръ, пѣли два человѣка, одинъ, г. Сабашвили, былъ хорошій пѣвецъ и пѣлъ вполнѣ музыкально и хорошо, другой же, г. Такай Глонти, все время только раздражалъ. Такимъ образомъ, въ хоровыхъ пѣсняхъ исполнители имѣютъ еще большее значеніе, чѣмъ въ сольныхъ. Здѣсь часто все отъ пѣвца зависитъ, и если попадется мало талантливый, то немудрено о пѣснѣ получить и превратное мнѣніе. Въ этомъ я особенно убѣдился, когда фонографировалъ нѣсколько гурійскихъ пѣсенъ въ Москвѣ отъ группы студентовъ-гурійцевъ, которые своимъ интереснымъ музыкальнымъ исполненіемъ тѣхъ же старыхъ пѣсенъ лишь подтвердили мои наблюденія. Въ общемъ же о криманчулистахъ нужно сказать, что они представляютъ сравнительно рѣдкое явленіе; знающихъ „криманчули" очень немного, такъ какъ пѣть эту партію очень трудно. Вотъ почему они особенно и цѣнятся, хотя, какъ я упоминалъ выше, не всѣ изъ нихъ поютъ талантливо, хорошо.

Есть у гурійцевъ пѣсни и безъ „криманчули"; онѣ хотя и не такъ оригинальны, но не менѣе интересны, и среди нихъ даже больше, я думаю, можно встрѣтить красивыхъ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ: „Рапина", „Обовьюсь вокругъ твоей хрустальной шеи" (смотр. №№ 17, 23 въ прил.) и много другихъ. Какъ интересное явленіе, нужно отмѣтить, что большинство гурійскихъ пѣсенъ поются или начинаются на какія-нибудь слова, какъ, напр., „Абадэла", „Абарэра", „Осарера", „Одэліа", „Водэліа", „Дэла" и т. п. Сколько я ни думалъ, почему они

---

[1]) Между прочимъ, интересно отмѣтить, что даже и такіе интервалы, какъ do-si, разсѣянные здѣсь и тамъ, не производятъ почему-то впечатлѣнія рѣзкости, какъ это было-бы, напр., за фортепіано. Очевидно, звуки человѣческаго голоса въ этомъ отношеніи имѣютъ свои индивидуальныя стороны въ сравненіи съ музыкальными инструментами.

вмѣсто текстовъ употребляютъ эти отдѣльныя слова, я ничего удовлетворительнаго не могъ придумать. Въ послѣднее же время я пришелъ къ тому заключенію, что при той быстротѣ, съ какой они исполняютъ свои пѣсни, и при томъ контрапунктизмѣ, какимъ они ихъ исполняютъ, трудно воспроизводить текстъ, такъ что я начинаю думать, не изъ самой ли природы пѣсенъ вытекаетъ часто ихъ такое отношеніе къ тексту. Вокализировать же на всевозможные лады одно какое-нибудь слово несомнѣнно легче, чѣмъ говорить цѣлыя строчки; такъ что не здѣсь ли кроется причина, почему они употребляютъ въ пѣсняхъ такъ много вышеназванныхъ словъ.

Записывать большинство гурійскихъ пѣсенъ, въ виду ихъ контрапунктизма, представляло иногда непреодолимыя трудности. Главныя трудности заключались какъ въ независимыхъ движеніяхъ каждаго голоса, такъ и въ особенности со стороны строя и ритма. При записяхъ гурійскихъ пѣсенъ, я окончательно убѣдился въ томъ, что въ народномъ грузинскомъ пѣніи сохранился свой естественный строй. Этотъ строй совершенно расходится съ фортепіаннымъ, такъ что на этомъ инструментѣ положительно не выходятъ многія пѣсни. Чтобы пѣсня, дѣйствительно, была записана такъ, какъ она есть, нужно установить именно тотъ строй, въ которомъ пѣсня находится, и только въ этомъ случаѣ записать пѣсню можно сравнительно правильно,—сравнительно опять-таки потому, что записать въ абсолютной точности, при нашихъ знаніяхъ и понятіяхъ въ ритмѣ, тоже не всегда можно, такъ какъ народъ не придерживается точно какихъ-либо рамокъ и поетъ свободно. Въ одномъ мѣстѣ онъ не дотянетъ, въ другомъ перетянетъ; въ одномъ мѣстѣ онъ споетъ ноту, предположимъ, вмѣсто четверти, четверть съ шестнадцатой, или около этого, въ другомъ, вмѣсто половины, полторы четверти съ одной 32-й. Словомъ, у пѣвца свое ритмическое мѣрило, которое расходится съ нашимъ, а съ этимъ намъ уже во всякомъ случаѣ приходится считаться. Это, конечно, не относится къ пѣснямъ чонгурнымъ, плясовымъ, хороводнымъ, гдѣ ритмъ обязательно ровный.

Намъ остается еще сказать о технической сторонѣ гурійскихъ хоровыхъ пѣсенъ.

Разсматривая ее, мы должны сказать, что вопросъ этотъ приходится пока оставить открытымъ. Въ свое время мы указывали на то, что окончанія пѣсенъ (какъ и въ карталино-кахетинскихъ) тожественныя съ окончаніями западно-европейскихъ ладовъ вообще, и что окончанія эти свидѣтельствуютъ о присутствіи послѣднихъ въ гурійской музыкѣ, благодаря осмогласію.

Теперь же, послѣ трехлѣтняго промежутка, послѣ болѣе подробнаго ознакомленія съ гурійской пѣсней, мы пришли къ тому заключенію, что ничего, въ сущности, западно-европейскаго, въ смыслѣ ладовъ, въ гурійской пѣснѣ нѣтъ и быть не можетъ по той простой причинѣ, что западно-европейскіе лады (Амвросіанскіе, Григоріанскіе) есть продуктъ вѣковъ художественной музыки, и народностей съ другимъ культурнымъ прошлымъ, имѣвшимъ свои пути историческаго развитія, и мы не видимъ, чтобы они имѣли какое-нибудь отношеніе къ гурійской пѣснѣ и вліяли на нее. Если же говорить объ осмогласіи православной церкви Востока, то здѣсь, быть можетъ, найдутся точки опоры для гурійской, какъ и вообще для грузинской пѣсни, если изслѣдовать само осмогласіе Восточной Церкви, т.-е. если разработать съ технической стороны напѣвы восьми гласовъ всѣхъ православныхъ восточныхъ церквей. Только такое изслѣдованіе и дастъ возможность судить, поскольку осмогласные напѣвы грузинской церкви,

а въ частности гурійскіе, разнятся отъ напѣвовъ другихъ церквей, и поскольку они вліяли на народную музыку, и оно же, быть можетъ, объяснитъ, почему въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ имѣются каденціи церковныхъ ладовъ.

При этомъ, конечно, приходится оговориться, что для гурійской, какъ и вообще для всей грузинской музыки, вопросъ этотъ усложняется тѣмъ, что послѣдняя вышла изъ первоначальной стадіи развитія, т.-е. одноголосія, принявъ совершенно своеобразныя формы гармоніи и контрапункта; но, быть можетъ, повторяемъ мы, найдутся точки опоры, которыя покажутъ, хотя бы въ нѣкоторыхъ категоріяхъ пѣсенъ, степень вліянія церковной музыки на свѣтскую съ технической стороны.

Этимъ, конечно, вопросъ еще не разрѣшается. Мы имѣемъ пѣсни, которыя не подведешь подъ какой-нибудь одинъ звукорядъ, и которыя говорятъ намъ совсѣмъ о другомъ, а именно, что онѣ произошли отъ болѣе простыхъ формъ, и что имѣютъ свои законы развитія. Къ этимъ пѣснямъ принадлежатъ „Али-паша" (оба варіанта) и др. Онѣ не столько указываютъ на какіе-нибудь лады или звукоряды, сколько наталкиваютъ на другіе вопросы, чрезвычайно важные, напримѣръ, какъ получился этотъ видъ пѣсни, какъ совершился процессъ усложненія его отъ болѣе простыхъ формъ до болѣе сложныхъ, какіе элементы вошли главными образованіями для ея развитія, какими законами этотъ процессъ совершался, какіе факторы способствовали ея эволюціи. Такимъ образомъ, и въ гурійской пѣснѣ, какъ и въ карталино-кахетинской, мы видимъ ряды эволюцій пѣсни, какъ въ техническомъ отношеніи, такъ и со стороны формъ, начиная съ одноголосныхъ пѣсенъ въ квартѣ и кончая сложнѣйшими трехголосными, въ разныхъ тональностяхъ. Но, чтобы говорить о каждой стадіи отдѣльно и ставить каждый вопросъ на строго научную почву, чтобы найти законы строенія и развитія грузинскихъ звукорядовъ въ одноголосномъ пѣніи, двухъ и трехголосномъ, чтобы открыть эти законы и т. д.,—нуженъ большой матеріалъ и много разныхъ другихъ условій, которыхъ мы не имѣемъ. Вотъ почему мы и откладываемъ все на время.

VI.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ еще о музыкальныхъ инструментахъ гурійцевъ. Музыкальные инструменты у нихъ слѣдующіе: „Саламури" (свирѣль), „Саквири" (пастушья труба) и „Сопнари". Изъ струнныхъ: „Чонгури" (о немъ уже сказано) и „Чіанури". Послѣдній инструментъ, какъ мнѣ говорили, теперь рѣдко встрѣчается.

Саламури обыкновенно съ семью голосниками (бываетъ и съ пятью) на лицевой сторонѣ, и однимъ на обратной, находящимся между первымъ и вторымъ лицевыми голосниками. Саквири дѣлается, какъ мнѣ говорили, изъ коры дерева; размѣръ его большой, хотя самъ я его не видѣлъ. Сопнари мнѣ тоже не удалось видѣть, какъ я ни старался. Что же касается чіанури, то нужно сказать, что этотъ инструментъ не имѣетъ ничего общаго съ чіанури грузинъ Тифлисской губ. Этотъ чіанури дѣлается, какъ и чонгури, изъ липоваго, тутоваго и сосноваго деревьевъ; если у чонгури подпилить конецъ корпуса, чтобы послѣдній сталъ полукруглымъ и прикрѣпить три шелковыя струны, какъ прикрѣпляются тамъ четыре, то и получится чіанури. Строй инструмента do-mi-sol. Играютъ на немъ довольно примитивнымъ, дугообразнымъ смычкомъ изъ кон-

скихъ волосъ. Такимъ образомъ и нѣкоторые музыкальные инструменты гурійцевъ отличаются отъ музыкальныхъ инструментовъ грузинъ Тифлисской губерніи.

Что же, наконецъ, у этихъ двухъ грузинскихъ вѣтвей есть общаго?— невольно спроситъ читатель. Несмотря на внѣшнюю разницу, общаго у нихъ все-таки много. Во-первыхъ, общи техническія основанія, какъ въ одноголосной, такъ въ двухголосной и трехголосной пѣснѣ; въ трехголосной мы часто видимъ тотъ же квартъ-секстъ-аккордъ, тѣ же смѣлые обороты гармоніи. У карталинцевъ во многихъ пѣсняхъ очень часто лежитъ въ основаніи трихордъ въ квинтѣ, отъ котораго, точно какъ отъ какого-то центра, расходятся голоса въ разныя стороны; то-же самое наблюдается и у гурійцевъ. Далѣе, общность мы видимъ въ трехголосіи гурійской пѣсни и именно въ томъ видѣ, въ какомъ она есть. Не менѣе свидѣтельствуютъ о томъ самыя названія голосовъ, а именно: въ гурійской пѣснѣ первый голосъ называется *пирвели хма* или *дамцкеби*, тамъ—просто *пирвели хма*. Здѣсь второй голосъ называется *бани* или *модзахили* и въ свѣтскихъ пѣсняхъ еще *криманчули* и *гамкивани*, а здѣсь просто *модзахили*, при чемъ второй голосъ у гурійцевъ имѣетъ такое же значеніе, какъ и въ пѣсняхъ грузинъ Тифлисской губ. Третій голосъ у этихъ называется *бани* или *дабали бани*, у тѣхъ просто *бани*. Наконецъ, полная аналогія заключается въ тожествѣ формы пѣсенъ, попеременности, исполняемой съ полнѣйшей точностью, какъ здѣсь, такъ и тамъ. Словомъ, въ одно и то же время общее почти все, и съ другой стороны почти ничего. Все общее заключается въ технической сторонѣ, въ общихъ гармоническихъ и мелодическихъ оборотахъ и т. д., ничего общаго въ характерѣ музыки. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ пѣсняхъ, какъ тѣхъ грузинъ, такъ и этихъ корень одинъ, но только вѣтки отъ этого корня различныя. Благодаря климатическимъ особенностямъ одной мѣстности, получилась одна вѣтка, благодаря другимъ—другая.

Намъ остается теперь повторить то, о чемъ мы говорили вначалѣ. Нашей задачей было указать только на тѣ характерныя черты гурійской пѣсни, которыя отличаютъ ее отъ карталино-кахетинской, и по возможности объяснить ихъ. И когда мы такимъ же образомъ сдѣлаемъ обзоръ всѣхъ остальныхъ грузинскихъ вѣтвей, когда отмѣтимъ индивидуальныя особенности каждой изъ нихъ, тогда мы приступимъ къ разсмотрѣнію и другихъ сторонъ пѣсни, коснемся другихъ, не менѣе интересныхъ вопросовъ и въ заключеніи постараемся вывести общіе законы.

Тексты гурійскихъ пѣсенъ съ русскимъ переводомъ.

1. მიწერ-მოწერა ქალ-ვაჟისა.

ვაჟი. ქალო, შენმა ნათელ სხივმა
მე დამწვა და დამანელა;
შემიშალა ჭკუა ცნება
დამიდუმა სწრაფად ენა!

ქალი. ვაჟო, ჩემი ნათელ სხივით
რათ ყოფილხარ გულ-დამწვარი?
სულ ქვეყანა წვიმათ იქცეს,
არ გერგება ერთი მცვარი.

მითხარ, გული რათ გიკვდება,
ან რათ გინდა ჩემი ცქერა?
რათ მოგძულდა შენი თავი,
ნეტა ეს არ მოგეწერა.

მე სულს ვერა ჩაგიბრუნებ,
რომ შემწირო რაგინდ ძღვენი;
ან რათ მინდა შენი თავი
რომ შემწირო რაგინდ ძღვენი.

ვაჟი. რაც ღმერთს ვსხოვე, ამისრულდა.
ეხლა-კი მქონია ბედი.
შენი წერილი მივიღე,
გულს იმით მივე იმედი.

1. Переписка между молодцемъ и дѣвицею.

Онъ. Дѣвица, твоя красота меня сожгла и обезсилила;
Лишила меня разсудка и слова!

Она. Молодецъ, почему ты сгораешь отъ моей красоты!
Тебя все-равно не освѣжитъ ни одна капля огромнаго дождевого ливня.

Скажи, чего ради ты вздыхаешь
и къ чему тебѣ любоваться мною?

Я не въ силахъ возвратить тебѣ душевнаго спокойствія, ни за какія твои жертвы.

Онъ. Всѣ мои мольбы были услышаны Богомъ.
Я счастливъ тѣмъ, что получилъ отъ тебя письмо,
Оно все-таки воскресило во мнѣ надежду.

2. მზის სხივები აკოკრებენ.

მზის სხივები აკოკრებენ
მაისის ვარდს სასურველად,
და ცის ნამი გულში ხვდება
გასაფურჩქვნელ გასაშლელად.

ეშხი შენი სხივად მომხვდა,
სიყვარული გულის ნამად;
მე შენი ვარ, შენთვის დავჭკნი,
ნუ გამრისხავ, ნუ მგმობ ამად.

2. Какъ подъ солнечными лучами наливаются бутоны майскихъ розъ.

Какъ подъ солнечными лучами
Наливаются бутоны майскихъ розъ
И небесная роса, попадая внутрь,
Заставляетъ ихъ пышно распускаться,

Такъ и твоя красота блеснула для меня лучемъ, а любовь твоя росой небесной.

3. სიზმარში კაბა დამეწვა.

სიზმარში კაბა დამეწვა
ყანაოზი, ვითომ ფარჩა;
დარდმა გული შემიწუხა,
კარგს ველოდი, გონჯი დარჩა.

მესამე დღეს, ჯუმათს, დილას
დამკარგვია ჩემი კაბა,
ვეძებე და ველარ ვნახე,
ნამეტანი ხათრი დამრჩა.

პოლიციას მივაშურე,
ბრძანება გასცეს ქალაქში,
ქაღალდები დაარიგეს
მუხტრებში და უქუმათში.

მეც წაველი საძებრად,
არ მოვსულვარ ცხრას დღეს სახლში;
საქათმიაში მიველი,
ფაფარი ვნახე ტალახში!

რა უნელი მოვინახე!
გელებს დაუდგეს თვალია,
ოხრაი ეყარა ტალახში
ძუა, ფაფარი, ნალია.

3. Воснѣ сгорѣло у меня платье.

Воснѣ сгорѣло у меня платье
Изъ канауса въ родѣ шелка.
Досада меня извела.
Ожидала лучшаго-осталась съ худшимъ.

На третій день утромъ въ Джумати,
Потеряла я свое платье.
Искала и не нашла.
Сильно жалѣла о немъ.

Поспѣшила въ полицію:
Послѣдовало распоряженіе въ городѣ,
Роздали бумаги
Въ Мухтари и Укумати.

Сама отправилась за поисками,
И не возвращалась домой девять дней.
Подошла въ Сакатми,
Увидѣла въ грязи гриву.

Что за неожиданность я встрѣтила,
Чтобъ волки ослѣпли!
Въ грязи валялись
Хвостъ, грива и подкова.

4. მჭედელო.

მჭედელო, მჭედელო!
ჩემო ოქროს მჭედელო!
ჩიტის ნალი გამიკეთე,
ჩემო ოქროს მჭედელო!

«ხა, ხა, ხა, ხა!»
გაიცინა მჭედელმა.
მჭედელო, მჭედელო!
ჩემო ოქროს მჭედელო!

4. Кузнецъ.

Кузнецъ, кузнецъ!
Мой золотой кузнецъ!
Вскуй мнѣ воробьиную подкову,
Мой золотой кузнецъ.

«Ха, ха, ха, ха!»
Засмѣялся кузнецъ.
Кузнецъ, кузнецъ!
Мой золотой кузнецъ!

5. მზე შინა და მზე გარეთა.

მზე შინა და მზე გარეთა, მზე შინ
შემოდიო.
ბაჟის მამა შინ არ არის,.....

შინ არ არის ქალაქს არის;....
აკვნის სასყიდლად წასულა,...

5. Солнце освѣщающее природу.

Солнце освѣщающее природу,
взойди въ домъ!
Отца сына дома нѣтъ.
Солнце взойди въ домъ!
Его дома нѣтъ. Ушелъ въ городъ.....
Покупать люльку.....

უყიდნია წამოსულა,....
შინაც მშვიდობით მოსულა;...
გიხაროდეთ ქალებოო!...
გიხაროდეთ მეობაო.

Люльку онъ купилъ.....
И благополучно вернулся....
Радуйтесь дѣвицы!....
Радуйтесь новорожденному....*)

6. დელი-ვოდელი-ვოდელა.

დელი-ვოდელი-ვოდელა, რანინა და რანინა!
ვაი რა ვქნა და რა ვიგონო,.....
რა გონება მოვიგონო!
ვგონებ, შენ თუ მომიკვდები,
მოვკვდები და მოგცილდები.
ფხარი მქონდეს, გავფრინდები,
შენსკენ გადმოვსისინდები.

6. Дэли-водэли-водэли.

Дэли-водэли-водэли, ранина да ранина!
Ой что мнѣ дѣлать, какъ мнѣ быть,
Какъ мнѣ думу разрѣшить!
Въ случаѣ твоей смерти,
Я не перенесу и послѣдую за тобой.
Обладай я крыльями,
Тотчасъ прилетѣлъ-бы къ тебѣ.

*) 7. თქვენი სიტყვის მოწოდება.

თქვენი სიტყვის მოწოდება
უმალეზედ ხომ გითხარი;
თქვენთან რომ დავიარებოდი,
ქილაზედ გიმზირებოდი.

ახლა თამაშს დავეთხოვე,
წირვაზედ დავიარებოდი;
უცებ გული მომეხუცა
უმძიმესი რკინაზედა.

**) 7. На вашъ словесный призывъ.

На вашъ словесный призывъ
Я тотчасъ-же отвѣтилъ.
Когда-же я къ вамъ ходилъ,
То опускалъ глаза (собственно, глядѣлъ на газыри-кила).
Сейчасъ отъ игръ я отказался.
Принялся за богомолье.
Сразу почувствовалъ я старость,
Что для меня очень тяжко.

8. დარჩია ყაჩაღის სიმღერა.

დარჩიას რათ უნდოდა ლამაზი ქალი?
მას უნდა ქონებოდა კომბოსტო-ფხალი!

8. Пѣсня разбойника Дарчіи.

Для чего Дарчіи красавица?
Ему-бы надобно было имѣть капусту (собственно, особый видъ капусты-мхали въ Гуріи).

9. თუ ოდესმე ქმარს მაღირსებს.

თუ ოდესმე ქმარს მაღირსებს
დიდებული დიდი ღმერთი,
მეც აქავე მეშოვება
საკადრისი ვინმე ერთი.

მე არ მინდა სადედოფლოდ
ათინა და საბერძნეთი;
ერთ ქართველში არ გავიცვლი,
რომ მიბოძოთ ოსმალეთი.

9. Если по волѣ Всемогущаго Бога.

Если по волѣ Всемогущаго Бога
Мнѣ пришлось-бы выйти замужъ,
То я вышла-бы за того,
Котораго имѣютъ въ виду.

Я отказываюсь отъ владѣній
Афинами и Греціей
И за одного грузина не промѣняю,
Если мнѣ дадутъ Оттоманскую имперію.

---

*) ეს სიმღერა იციან ქალის მოყვა-ნის დროს.

*) Текстъ этой пѣсни сообщенъ мнѣ свящ. В. Г. Карбеловымъ, въ г. Тифлисѣ.
**) Пѣсня эта, между прочимъ, поется въ свадебной церемоніи.

10. ქალო-ლამაზო!

ქალო ლამაზო! ორერა,
ქალო ლამაზო!
მე შენ მიყვარხარ, სულო-ჯან,
ქალო ლამაზო!

11. ნეტამცაა-მომკლაცაა.

ნეტამცაა-მომკლაცაა,
ასო ასოთ ამქნაცაა.
ჩემი სისხლი ყვავს და ყორანს
აჭამა და ასვაცაა.

ქვეშ ჭინჭარი დამიგოო,
ზედ მდუღარე მასხაცაა,
ამას ყველას მოვითმინდი,
ერთხელ შენთან დამსვაცაა.

12. კარგი სტუმარს დავესტუმრე.

კარგი სტუმარს დავესტუმრე, დელავ
ნანინაო!
«მეგობარო!» —დავიძახე....
ერთი მშვენიერი ჩიტი...
ვარდის შტოზე დავინახე...

მომეწონა მაზედ ფერი,...
მის დაჭერა განვიძრახე....
«კარგო ჩიტო, მშვენიერო!...
რათ მიხილე დროებითა?...

მრიელ შეწუხებული ვარ...
თქვენს ფიქრითა გონებითა....
ვაი თუ განმეშორეთ...
სიმღერით და გონებითა!»...

13. სათამაშო.

ოდელია ჰეი-ო, ჰეი-ო!
დელის ვოდელიო ჰეი-ო!

10. Дѣвица-красавица.

Дѣвица-красавица! Орера,
Дѣвица-красавица!
Я люблю тебя, душенька!
Дѣвица-красавица!

11. Если-бы меня убили.

Если-бы меня убили,
Изрѣзали на куски,
Мою кровь дали-бы пить воронамъ и
галкамъ,

Подо мной постлали-бы крапиву,
А сверху обливали-бы кипяткомъ,
Все-бы это я перенесъ,
Лишь-бы меня посадили съ тобой.

12. Я принималъ хорошаго гостя.

Я принималъ хорошаго гостя;
дэлав нанинао!
«Другъ», воскликнулъ я!
Прекрасную птичку
Увидѣлъ я на вѣткѣ розы!

Понравился мнѣ ея цвѣтъ
И захотѣлось поймать ее.
«Милая, прекрасная птичка!
Зачѣмъ ты посѣтила меня на время!

Дума о тебѣ не даетъ мнѣ покою.
Какъ-бы этой мысли о тебѣ
Мнѣ совершенно не лишиться».

13. Плясовая.

Одэліа эй-о, эй-о!
Дэлис водэлио эй-о!

14. ყარანაი ყანაშია.

ყარანაი ყანაშია მეტად გასუქებულიყო.
მოუწყობ და დავიჭირავ, თოკს მოვაბამ ყელზედაო,
შევკაზმავ და ზედ შევჯდები, გევიხტუნებ სერზედაო.
წინდამ კაცი შემეყარა, — «გამიცვალე ცხენზედაო».
ყარანაი შექუშმაჩდა, გადავარდა კლდეზედაო.
«შენ, ყარანავ, რას ქუშმაჩობ, შენ ვინ გაგცვლის ცხენზედაო?»
ყირმულის დანა გავსტეხე ყარანაის გვერდზედაო.
ასი ლიტრა ქონი ჰქონდა იქით-აქეთ გვერდზედაო;
დიდ ქვაბში ვერ ჩავატიე, პატარაში აღარ იყო.
ასმა კაცმა ვერ შეჭამა, პატარძალმა ლუკმად იგდო.

14. Жаворонокъ на нивѣ.

Жаворонокъ на нивѣ чрезвычайно разжирѣлъ.
Сдѣлаю сѣлокъ, поймаю его, привяжу ему на шею веревку.
Осѣдлаю, сяду на него и поскачу на гору.
На встрѣчу попался человѣкъ, «промѣняй мнѣ на лошадь».
Жаворонокъ закружился и упалъ съ горы.
«Ты, жаворонокъ, чего встревожился? кто тебя промѣняетъ на лошадь!»
Сломалъ крымскій ножъ о бока жаворонка.
Сто литръ (литра 9 фунтовъ) у него было сала по бокамъ.
Оно не вмѣстилось въ большомъ котлѣ, а въ маломъ тоже мѣста не было.
Сто человѣкъ не могли съѣсть его, а невѣста уничтожила однимъ глоткомъ.

15. დელი-ვოდელი-ვორერა!

დელი-ვოდელი-ვორერა, ნანინანა!

15. Дэли-водэли-ворэра.

Дэли-водэли-ворэра, нанинапа!

16. გურული მაყრული.

ვინ არ იცის სიყვარული, დელავ ნანინა!
არის ძნელი ასახსნელი!.....

16. Гурійская свадебная.

Кто не знаетъ, что любовь,...дэлав нанина!
Трудно разрѣшимая загадка!....

17. ბროლის ყელსა მოგეხვევი.

ბროლის ყელსა მოგეხვევი,
ცრემლით უბე ამოგივსო,
აბა, მოსახვევო, მოსასურვო,
ყელ საბამო მარგალიტო.
ოჰ, სულიკო, მარგალიტო!
ნეტა მარად შენთან ვიყო,
შენი ჯავრი გულში ჩამრჩა,
რა ვიფიქრო, ან რა გიყო!

17. Обовьюсь вокругъ твоей хрустальной шеи.

Обовьюсь вокругъ твоей хрустальной шеи,
И слезами орошу твою грудь,
О желанная!
Брилліантовое ожерелье!
О, душенька! О, брилліантъ!
Желалъ-бы быть вѣчно съ тобой!
Тоска по гнететъ меня,
Что мнѣ думать, что дѣлать!

18. ოსა-რერა-ნანინა!

ოსა, ვორერა, ვორერა!
აბა-დელა-ნა!
დელი-ვოდელი-ვორერა-ნა!

19. ჰე-ია-ვა-ჰე!

ჰე-ია-ვა-ჰე! ოზურგეთში ჩამოსულა გასაყიდი პატრონათ.
თითოს ყველას გვაკოცნიებს კარგი ჩვენი (ანუ ოთხმეზურის) მატრონათ.
ოზურგეთში ჩამოსულა გასაყიდი კარეტათ.

. . . .

20. ჩარირამა.

პარასკევს სიზმარი ვნახე, ვითომც დამსეოდა ხროი;
ორშაბათ დილა გათენდა, ქე გამიცდა ჩემი ხბოი.
საყვარელო, ჩემო ხბოვო, მერჩიე ალდგომის კვერცხსა;
რა რომ მომშორდი, მომცილდი, სულ ვიტირე მე იმ დღესა.
უშენოდ ძროხას ვერ მოვწველ, სულ არ ჩამოუშვებს რძესა;
დამელია დერგში ყველი; რალა მივაჭამო კვერსა?
ნამეტანი-კი მიყვარდი; რათ მომშორდი ესე უცებ?
შენთან ლოცვა არ გავიდა, კიდეც ვაწირვიე ხუცებს.
ფერად იყავი წითელი, სახელად გერქვა არიფა.
დაგახვიე ექიმები, შენი მორჩენა არ იქმნა.
ტანად იყავი მაღალი, როგორც არის აქლემები.
რაცხამ აღარ წაგაყენა, ჩვენი სოფლის ექიმები.

18. Оса-рэра-нанина.

Оса, ворэра, ворэра!
Аба-дэла-на!
Дэли-водэли-ворэра-на!

19. Э-я-ва-э.

Въ Озургети привезли для продажи патроны.
Каждому изъ насъ дастъ поцѣловать прекрасная Матрона (или Отхмезурова Матрона).
Въ Озургети привезли для продажи карету.

. . . .

20. Чарирама.

Въ пятницу я видѣлъ сонъ, будто окружила меня стая волковъ.
Въ понедѣльникъ съ разсвѣтомъ лишился я теленка (сонъ оказался предвѣстникомъ несчастья).
О, милый теленокъ! Ты мнѣ былъ дороже пасхальнаго яйца.
Весь день я оплакивалъ твою потерю.
Безъ тебя не подоить мнѣ коровы, не дастъ безъ тебя она молока.
Уменьшился въ дерги (посудина) сыръ, что я буду ѣсть съ квери (хлѣбъ испеченный въ золѣ).
Слишкомъ я тебя любилъ, зачѣмъ ты неожиданно меня покинулъ.
И молитвы не помогли, хотя я заставилъ отчитывать священниковъ.
Цвѣтомъ ты былъ красный, звали тебя Арипа.
Окружилъ я тебя докторами, но тебѣ не было спасенія.
Ростомъ былъ ты, какъ верблюдъ.
Что-то тебѣ не помогли наши деревенскіе лѣкари.

ჭამაზე წიწკი იყავი, მოწყვედი გლახა
ფურცელსა;
ცოტას ბოლოს მოწუწკნიდი,
წამოგიბერავდა მუცელს.
დილზე უფრო ჰპატივს გცემდი; რაზედ
მიქენი უბრობა?
დამიწიხლე პურ-მარილი, არ შეგშვებს
მაგი ხუმრობა.

ბოლოს გული მომივიდა, გადაგითრიე
შარაზე;
მეორე დღეს გამოვიარე, ტურას ეჭამე
ბარკალზე.
მალიანი შემეცოდე, ცრემლიც-კი
მომადგა თვალზე;
სატირელად გავემზადე, ხელიც შემო-
ვიკარ თავზე.

Ты былъ скроменъ на ѣду и срывалъ
плохія листья.
Обгложетъ край листика и раздуетъ
у тебя животъ.
Утромъ я больше ухаживалъ за тобой,
чѣмъ-же ты былъ не доволенъ?
Оскорбилъ ты мою хлѣбъ-соль, не простится тебѣ эта шутка.

Наконецъ я вышелъ изъ терпѣнія и
вытащилъ тебя на дорогу.
Проходя на другой день, я увидѣлъ,
что гіена обгладывала твое бедро.
Страшно я пожалѣлъ тебя, даже слеза выкатилась изъ глазъ.
Я приготовился рыдать, даже руку занесъ къ головѣ.

21. ფირუზი.

მაღლიდგან გადმომდგარიყო ფირუზი.
ფირუზ ფანდურ, ფანდურასა კვატიტი;
კვატიტო, და გულის ვარდო, ჩემო
ლამაზო;
ემედ და გვერდსა გიახელ, ფირუზი.

ფირუზ ფანდურ, ფანდურასა კვატიტი;
კვატიტო და გულის ვარდო, ჩემო
ლამაზო;
შენ არა ჩემი ქმარია ფირუზ ფირუზი;
ფირუზ ფანდურ, ფანდურა და კვატიტო.

კვატიტო და გულის ვარდო, ჩემო
ლამაზო;
ამოუკოცნოთ თვალია ფირუზი;
ფირუზ ფანდურ, ფანდურასა კვატიტო,
კვატიტო და გულის ვარდო, ჩემო
ლამაზო.

21. Бирюза.

(Въ этой пѣснѣ воспѣвается женщина
въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ.
Перевести текстъ было чрезвычайно
трудно).

На высотѣ (горѣ) стояла красавица-
бирюза.
Моя голубка (собственно уточка)!
Моя голубка, роза моего сердца, моя
красавица!

Поднялся я и сталъ съ ней рядомъ.
(Дальше повторяется приблизительно тоже самое, за исключеніемъ словъ,
—Ты не мой супругъ! и разцѣлуемъ
глазки у бирюзы).

22. ჯაშის ქალო მარიკელა.

ჯაშის ქალო, მარიკელა,
ჩახატულო, ჩაკვანწულო,
ჩამგვრიტულო, ჩაპუნყულო!

22. Марикела, дочь Джаши!

Марикела, дочь Джаши,
Писаная красавица, изящная,
Какъ горлица, особенно изящная!

23. რანინა.

რანინა, რანინა, ვოდელია-რანინა!
რანინა, რანინა, შენ გენაცვალე!
ვისაც ვსთხოვე წამალი,
ხინა დამალევია!

24. ალი-ფაშა.

ალი-ფაშამ გვიღალატა ჩაგვიყვანა
ქვირიკეთში;
იმან ფულები აიღო, ჩვენ დაგვტოვა
რუსის ხელში.
კარგი მას არ დამართია; ბაწრით
ჩაითრიეს გემზედ;
მისი ყვირილი ისმოდა სუფსას გაღმა
ბაილეთში.

25. ორირა.

ორირა, რივორირა, ოდილა, ორივო-
დელა.

26. ინდი-მინდი.

დელიავ და დელავ, ვოდელა-ნანინა!
მიყვარს ბაგე ფერად შინდი, ინდი-მინდი.
თვალი შავი, ინდი-მინდი, ინდი-მინდი.
გამოყევი, გამიცინდი, გამიცინდი.
განმინათლე თვალთა შინდი, თვალთა
შინდი.
შენ სიყვარულს გადავყვები, გადავყვები,
რომ მოვიდეს დროი-ქინდი,
დროი-ქინდი.

27. ხასანბეგური.

ხასან-ბეგი თავდგირიძე, განრისხული
ღვთიდგან მეტი,
თათრის ფაშობა იშოვა, სულ მთლად
დაავიწყდა ღმერთი.
შექვეთილში შემოვიდა, იძახოდა
«ოლან-გეთი»,
ღენერალმა ყოსტატა, დაუტოვა
ოზურგეთი.

23. Ранина.

Ранина, ранина, водэліа-ранина!
Ранина, ранина, ты моя милая!
У кого я ни просилъ лѣкарства,
Напоили меня хиной.

24. Али-паша.

Али-паша намъ измѣнилъ и заставилъ
идти въ Квирикети (мѣстечко).
Забравъ деньги онъ выдалъ насъ рус-
скимъ.
Но ему все-жъ не посчастливилось—
связаннаго веревками его бросили на
корабль.
Его крикъ былъ слышенъ за рѣкою
Супса въ Баилети.

25. Орира.

Орира, риворира, одила, ориводэла.

26. Инди-минди.

Дэліав да дэлав, водэла нанина!
Люблю уста твои алыя-кизиловыя.
Черныя очи.
Взгляни на меня, улыбнись!
Дай свѣтъ моимъ очамъ.
Я готовъ принести себя въ жертву,
Ради твоей любви.

27. Хасанбегская.

Хасанъ-бегъ Тавдгиридзе, на котораго
Богъ особенно разгнѣвался,
Сталъ татарскимъ пашою, и забылъ
совсѣмъ Бога.
Войдя въ Шекветили, произносилъ
«Олан-гети» (уходите по турецки).
Генералъ схитрилъ и оставилъ
Озургети.

ლანჩხუთამდის მას ვაცალოთ, მერმე
ჩვენ გვიყუროს ერთი!
კულურლულებ დაუმახოთ და აღარ
გაუშვათ ერთი!
გზას ვიყავით მილიცია, რუსის ჯარი
მეტად ცოტა,
ცხრა ათასი თათრის ჯარი წინ
დაგვიხდა, გვებოროტა.
პოლკოვნიკმა ერისთავმა წინ გაუშვა
ერთი როტა;
გაიქცენ და ჩაერიენ, მჭირავები აიშალა.
ვინც არ მოჰკლეს, დაიჭირეს, ყელს
მოაბეს დიდი ფშალა;
ცხრა ათასი კაცის რიცხვში შვიდასმა
ძლივს გაიმშრალა.
ხასან-ფაშა, ჩემი ძმაი, თავ მოჭრილი
დავინახე.
რადგან იყო ჩემი ძმაი, «ვაი მეთქი» —
დავიძახე.
წინ დღეებში მან გადამწვა, მით მოიგო
ცუდი მახე,
რადგან ჩემი ძმაი იყო, ბოლოს
მაინც მე დავმარხე.

Предоставимъ ему идти до Ланчхутъ,
а тамъ посмотримъ.
Всклпкнемъ по кугургульски, схватимъ
и не пустимъ его.
Въ дорогѣ была наша милиція и немного съ нами русскихъ.
Девять тысячъ враждебныхъ татаръ
столкнулись съ нами.
Полковникъ Эристовъ двинулъ впередъ
одну роту.
Они врѣзались и разрушили дисциплину.
Кого не убили, то плѣнили, накинули на шею веревку-пшала (вьющееся растеніе изъ котораго дѣлаютъ веревки).
Изъ девяти тысячъ могли спастись
только семьсотъ.
Хасана-пашу моего брата увидѣлъ я
обезглавленнаго.
Такъ какъ онъ былъ моимъ братомъ
О, воскликнулъ я!
Передъ этимъ онъ меня спалилъ, чѣмъ
заслужилъ достойное возмездіе.
И такъ какъ онъ былъ моимъ братомъ, я же похоронилъ его.

28. ვაჴაჴე.

დელიავ, დელიავ, დელიავ-დელა!
ნანა-დელა, ნანინაო ნა, ვაჴაჴეა!
*) ჩამოსულა გასაყიდი კარეტაო,
თითოს ყველას გვაკოცნიებს ნიკიფო-
რეს ანეტაო!

28. Вахахе (шуточная).

Дэліав, дэліав, дэліав-дэла!
Нана-дэла, нанинао на, вахахеа!
*) привезли для продажи карету,
Каждому изъ насъ дастъ поцѣловать
Никифорова Анета.

29. პატარა საყვარელო!

პატარა საყვარელო, რისთვის მომიკალ
გული?
გალიაში გაგზარდე, მაისის
ბულბული!

29. Маленькая милочка.

Маленькая милочка (любовь моя), зачѣмъ ты убила мое сердце?
Выростилъ я тебя въ клѣткѣ, какъ
майскаго соловья.

---

*) Перваго слова въ фонографѣ нельзя было разобрать.

30. იასამანი და ღვინოსა სმიდა.

იასამანი და ღვინოსა სმიდა
ხელით ეჭირა ნარგი ფიალა. იასამანი
და ღვინოსა სმიდა.

ოდეს ზღვა დაშრეს, ქვიშა გამოჩნდეს,
თევზი მთას შეყვეს სიარულითა,
ჯორი შობათ წვეს, გელი თავს ადგეს ჭიანურითა,
მაშინ ჩაგიხვევ, ჩემო მიჯნურო,
ბროლისა მკერდსა მხიარულითა.

30. Ясаманъ пилъ вино.

Ясаманъ пилъ вино и держалъ деревянную чашу.

Когда море высохнетъ и покажется песокъ,
И рыбы по ползутъ по горамъ,
Когда катеръ соберется рожать, а волкъ ему будетъ наигрывать на чіанури,
Тогда обхвачу я, моя милая,
Твои хрустальныя плечи съ радостью.

31. სუფრული «ორი-რამა».

ჰოირი, ალალი-ალალო, ჰაირი-ალალო!

31. Застольная «Ори-рама».

Ойри, алали-алало, айри-алало!

32. სუფრის ღიღინი.

ვარდსა ჰკითხეს, ეგ ზომ ტურფა რამ შეგქმნა?
აილალო, ჰაირი აილალო!

32. Застольная-гинини *).

Спросили розу, что тебя создало столь прелестной?
Айлало, айри айлало!

33. ფერხული.

დელი-ვოდელი-ვოდელა, ვოდელია-რანინა!

33. Хороводная.

Дэли-водэли-водэла, водэліа-раппа!

34. ოდელია, ოდელია!

ოდელია, ოდელია! ეს როგორი სოფელია?
ნახევარი ქვრივია, ნახევარი ობოლია!

34. Одэліа, одэліа.

Одэліа, одэліа! Что это за деревня?
Половина въ ней вдовы, половина сироты.

35. მაყრული.

დელი-ვოდელი-ვოდელა-ვადილა!
აბადელო-დელო-დელო რანინა ვა.
ერთს არ მივალ გურიაში, შენ რომ არ მეგულებოდე;
იგი დღეი მე რათ მინდა, შენ რომ შეგძულებოდე.

35. Свадебная.

Дэли-водэли-водэла-водила!
Абадэло-дэло-дэло, ранипа-ва!
Не будь тебя въ Гуріи, я не показывался туда;
Къ чему мнѣ жить съ того дня, когда ты меня разлюбишь.

---

*) Гигини—сладкогласное застольное пѣніе, имѣющее особый, спокойный характеръ.

36. რაშო-ვორერა.

რაშო-ვორერა-ორიდელა-ვა!
ორივოდელი-ვოდელა-ორერა-და!
აბადელა-დელა-ვოდელა-ორერა-ვო-ეი!

37. აბადელია.

აბადელა-დელა-დელი-ვოდელი-
ვოდელა,
დელია და დელია-ო.

38. პროკლამაცია.

ოზურგეთში შემოსულა ახალი
პროკლამაცია.
წაღმა—უკუღმა დალანძღეს ჩვენში
ქალი და კაცია.
ქალმა კაცს გაუცინაო —დასწერეს
პროკლამაცია.
თურმე ნუ იტყვით-ყოფილა ჯაფარი-
ნინა-ძაცია.
ისაკი თურმე არშიყობს, ტანზე
ფრანგულად აცვია,
და რომ ქვეყანას უშველოს, დასწერეს
პროკლამაცია.
სოფელში მღდელი ყოფილა, ქვეყანა
მან დააქცია,
და რომ ქვეყანას უშველოს, დასწერეს
პროკლამაცია.
თუ ლურჯი ბლუზა გაცვია, ან და-
ხეული შტაცკია,
არ ვის არ სჯერა, რომ არ გაქვს
ჯიბაში პროკლამაცია.
ზოგსა სოფელი ასახლებს, ზოგსა
ადმინისტრაცია...
სწორეთ რომ გააბათილეს,—ნამდვილი
პროკლამაცია.

39. ალი-ფაშა (მეორე ვარიანტი).

36. Рашо-ворэра.

Рашо-ворэра-оридэла-ва!
Оривадэли-водэла, орэра да!
Абадэла-дэла-водэли-орэра-во эй!

37. Абадэлiа.

Абадэла-дэла-дэли-водэли-водэла,
Дэлiа да дэлiа-о.

38. Прокламацiя.

Въ Озургетахъ появилась новая прок-
ламацiя.
Въ ней на всѣ лады переругались
мужчины и женщины.
Дѣвица улыбнулась мужчинѣ—написа-
ли прокламацiю.
Оказывается это сдѣлала Нина Джа-
паридзе.
Исаакъ занимается ухаживанiемъ, одѣтъ
онъ по французски.
И что-бы помочь бѣдѣ—написали прок-
ламацiю.
Въ деревнѣ былъ попъ, разорившiй
всѣхъ.
И что-бы помочь этой бѣдѣ—написали
все ту-же прокламацiю.
Если ты въ синей блузѣ или въ
изорванномъ штатскомъ,
Никто не вѣритъ, что у тебя нѣтъ
въ карманѣ прокламацiй.
Кого мiръ удаляетъ, кого админист-
рацiя...
Когда правильно разсудили — вышла
настоящая прокламацiя.

39. Али-паша (второй варiантъ).

Текстъ тотъ-же, что и подъ № 24,
но съ другимъ припѣвомъ.

40. ვოდილა.

ვოდილა-დილა-დილა-ვოდილა,
დილაი ვოორერა დილაი ვოდილა,
დელაი ვო აბარერა ივრი არალო.

40. Водила.

Водила-дила-дила-водила,
Дилай воорера дилай-водила,
Делай во абарера иври арало.

41. ხასანბეგური

(მეორე ვარიანტი).

ხასან-ბეგი თავდგირიძე იგი მოდის
ჩვენთან ერთი.
რუსებს *) კაცი გაუგზავნა: «დაგვიტიე
ოზურგეთი».

შენ ხარ ვარდი, მე ბულბული;
შენთვის მტკივა მე ეს გული.

41. Хасанбегская

(второй варіантъ).

Хасанъ-бегъ Тавдгиридзе идетъ на насъ
одинъ.
Онъ послалъ человѣка сказать
русскимъ: «Оставте Озургети».

Ты роза, я соловей;
По тебѣ поетъ это мое сердце.

---

*) Слово это въ фонографѣ звучитъ нѣсколько неясно.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

41 гурійская пѣсня въ народной гармонизаціи.

Предлагаемыя пѣсни (за исключеніемъ четырехъ) собраны мною въ экспедицію 1902 года. Это небольшая часть изъ собраннаго матеріала, которая касается только Гуріи. Изъ нихъ 40 пѣсенъ принадлежатъ мнѣ, а одна двухголосная взята изъ сборника пѣсенъ г. Бенашвили. Записаны онѣ въ такомъ порядкѣ: три одноголосныя пѣсни (№ 1, 2 и 3) въ деревнѣ Лихаури Озург. уѣзда, Кутаисской губ. (пѣлъ г. Нико Вашакмадзе и еще одинъ крестьянинъ), четыре пѣсни (№№ 6, 7, 8 и 9) въ деревнѣ Джурквети, Озург. уѣзда, Кут. губ. (пѣли мѣстные жители), двѣ пѣсни (№№ 4 и 11) въ г. Кутаисѣ (пѣлъ князь Джамбакуръ Гуріэли) и три пѣсни (№ 5, 10 и 12) записаны мною отъ П. І. Дгебуадзе въ Москвѣ.

Изъ двухголосныхъ записана только одна пѣсня въ г. Озургети отъ лицъ, которыя поименованы ниже.

Трехголосныя отъ нихъ же записаны въ такомъ порядкѣ: семнадцать въ г. Озургети (пѣли Антонъ Думбадзе съ сыновьями Давидомъ и Мелитономъ Антоновичами, гг. И. Сабашвили и Такай Глонти), затѣмъ двѣ пѣсни (№№ 15 и 16) въ деревнѣ Джурквети, Озург. уѣзда, Кутаис. губ. (отъ крестьянъ), одна (№ 34) въ деревнѣ Ховле Горійскаго уѣзда, Тифлисской губ. (тоже отъ крестьянъ) и семь (№№ 35, 36, 37, 38, 39, 40 и 41) отъ студентовъ-гурійцевъ въ Москвѣ (А. М. Коржоліани, А. Р. Цуцунава, С. Р. Цуцунава, Г. Н. Анджапаридзе и А. Ахобадзе).

Всѣмъ этимъ лицамъ, а также В. Д. Думбадзе и П. І. Дгебуадзе, содѣйствовавшимъ мнѣ всячески въ этомъ дѣлѣ, я приношу глубокую признательность. Также благодарю А. Н. Джавахова, переводившаго мнѣ нѣкоторые тексты пѣсенъ, и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя помогали мнѣ своимъ участіемъ какъ въ переводахъ, такъ и редакціи текстовъ пѣсенъ.

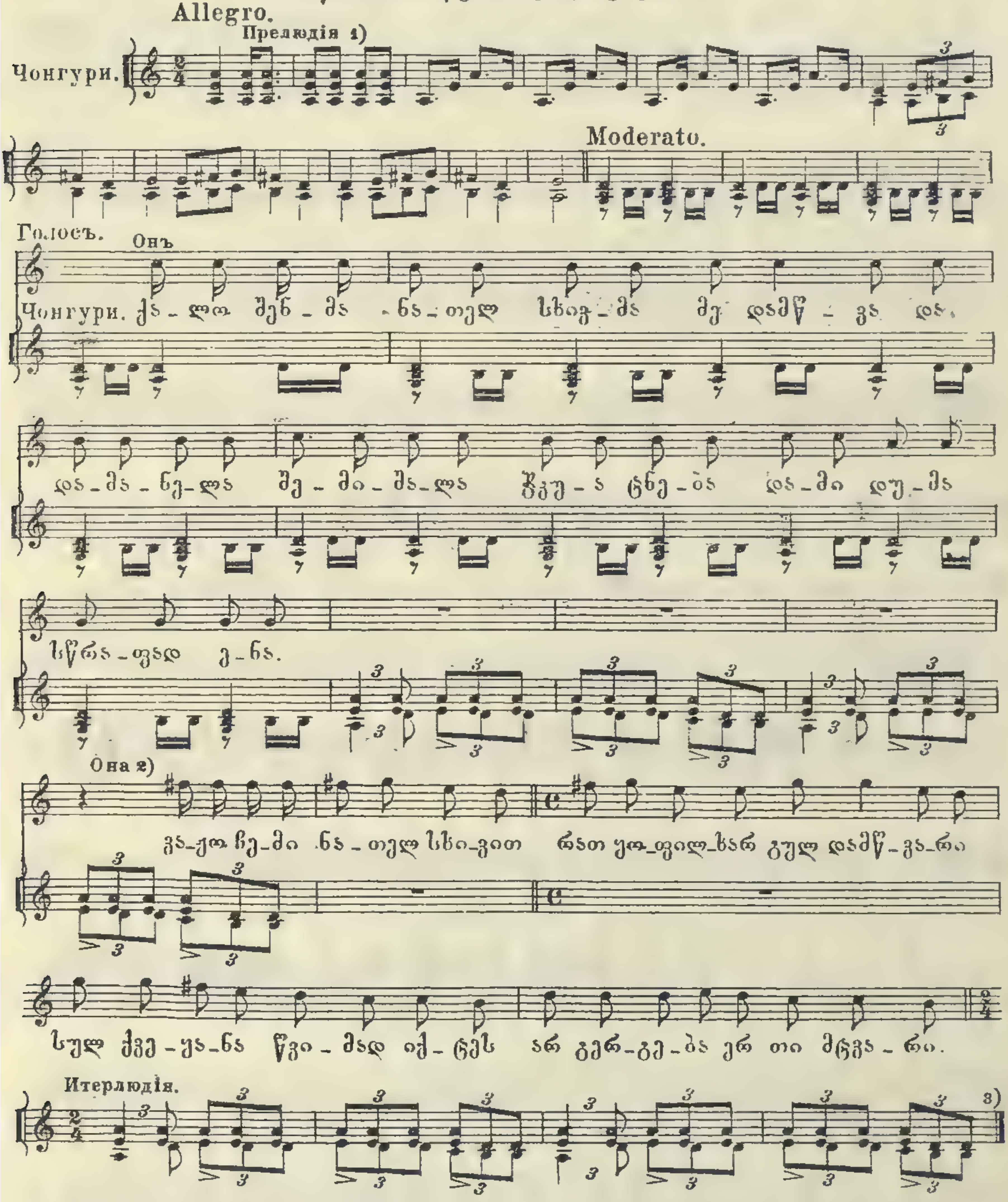
Въ заключеніе не могу не упомянуть еще разъ съ великой признательностью о просвѣщенномъ содѣйствіи Д. З. Сараджева, благодаря которому удалось осуществить эту экспедицію, давшую цѣнный матеріалъ.

გურული
ერთხმული სიმღერები.
ჩაწ. 1902 წ., დიმიტრი არაყიშვილის მიერ.

ГУРІЙСКІЯ
НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,
зап. въ 1902 г. Д. И. АРАКЧІЕВЫМЪ

№ 1. ПЕРЕПИСКА МЕЖДУ МОЛОДЦЕМЪ И ДѢВИЦЕЮ.

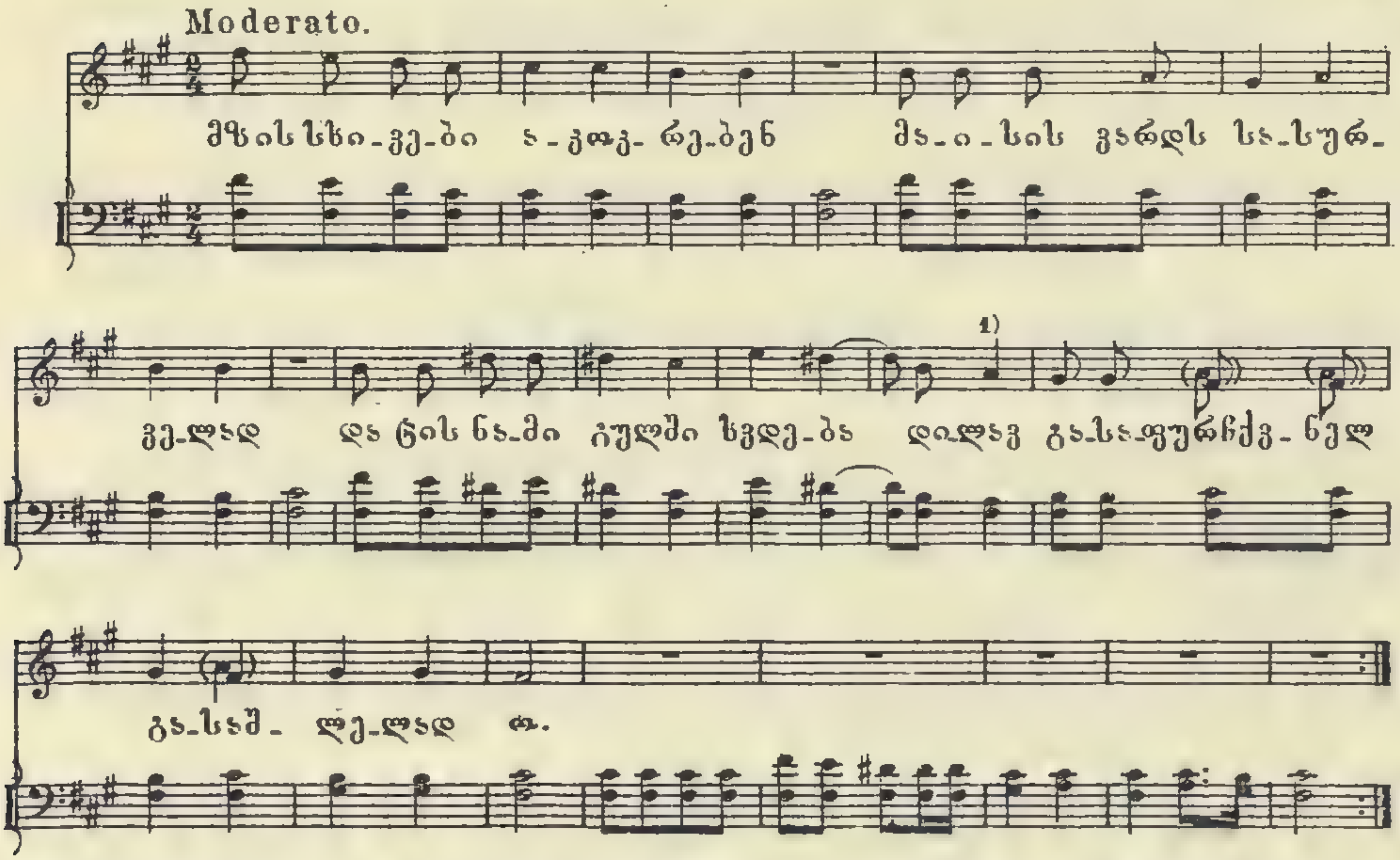
მიწერ-მოწერა ქალ-ვაჟისა.



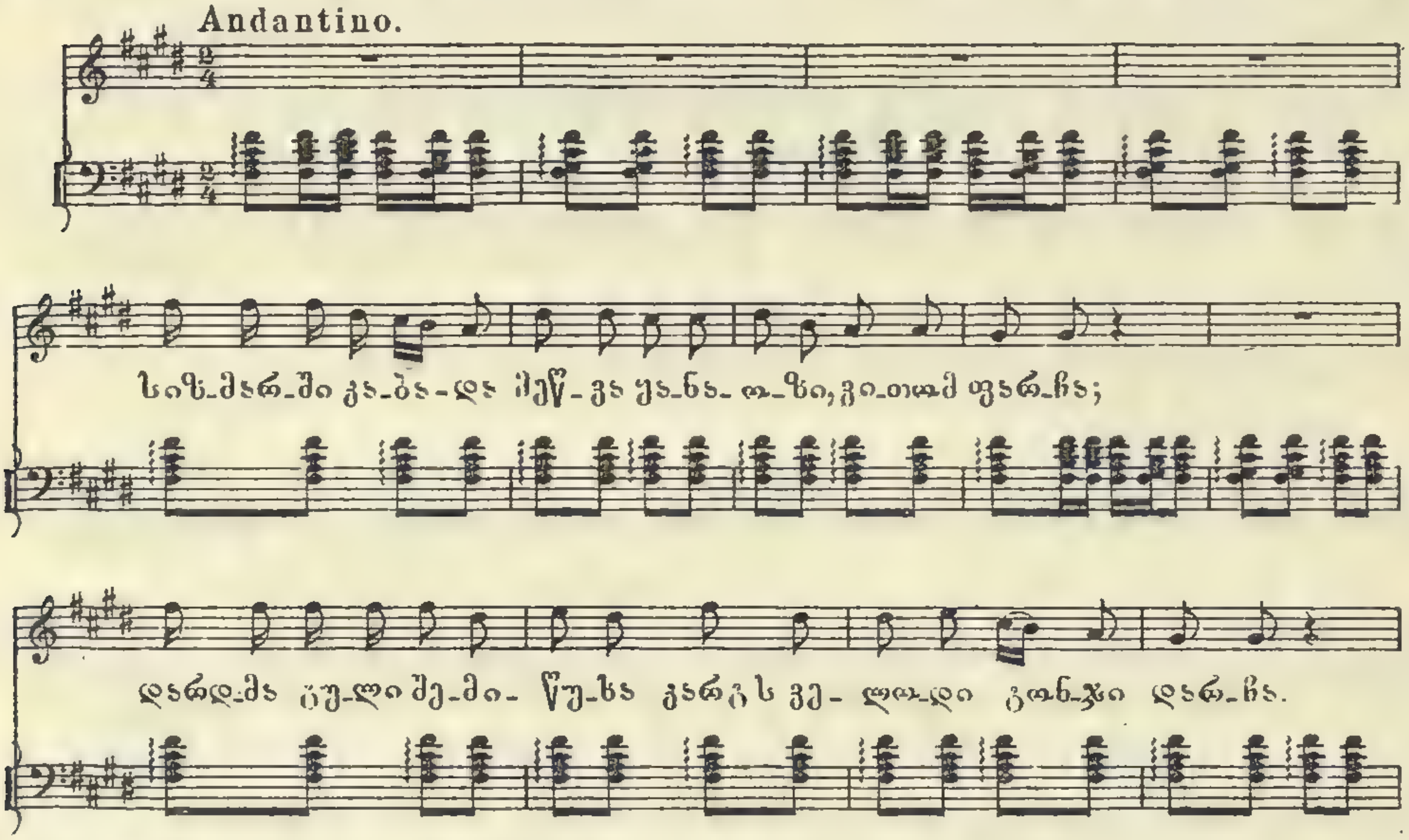
1) Прелюдію я расположилъ въ такты симметрично, на самомъ же дѣлѣ она исполняется свободно и фразы иногда больше такта, иногда меньше.
2) Пѣніе свободное, трудно воспроизводимое нотами. Аккомпаниментъ хотя заглушенъ, но идетъ точно за голосомъ, въ концѣ играя въ унисонъ пѣвцу.
3) Послѣ интерлюдіи опять продолжаетъ она въ томъ же духѣ, а затѣмъ онъ, какъ вверху.

Печатня В. Гроссе въ Москвѣ.

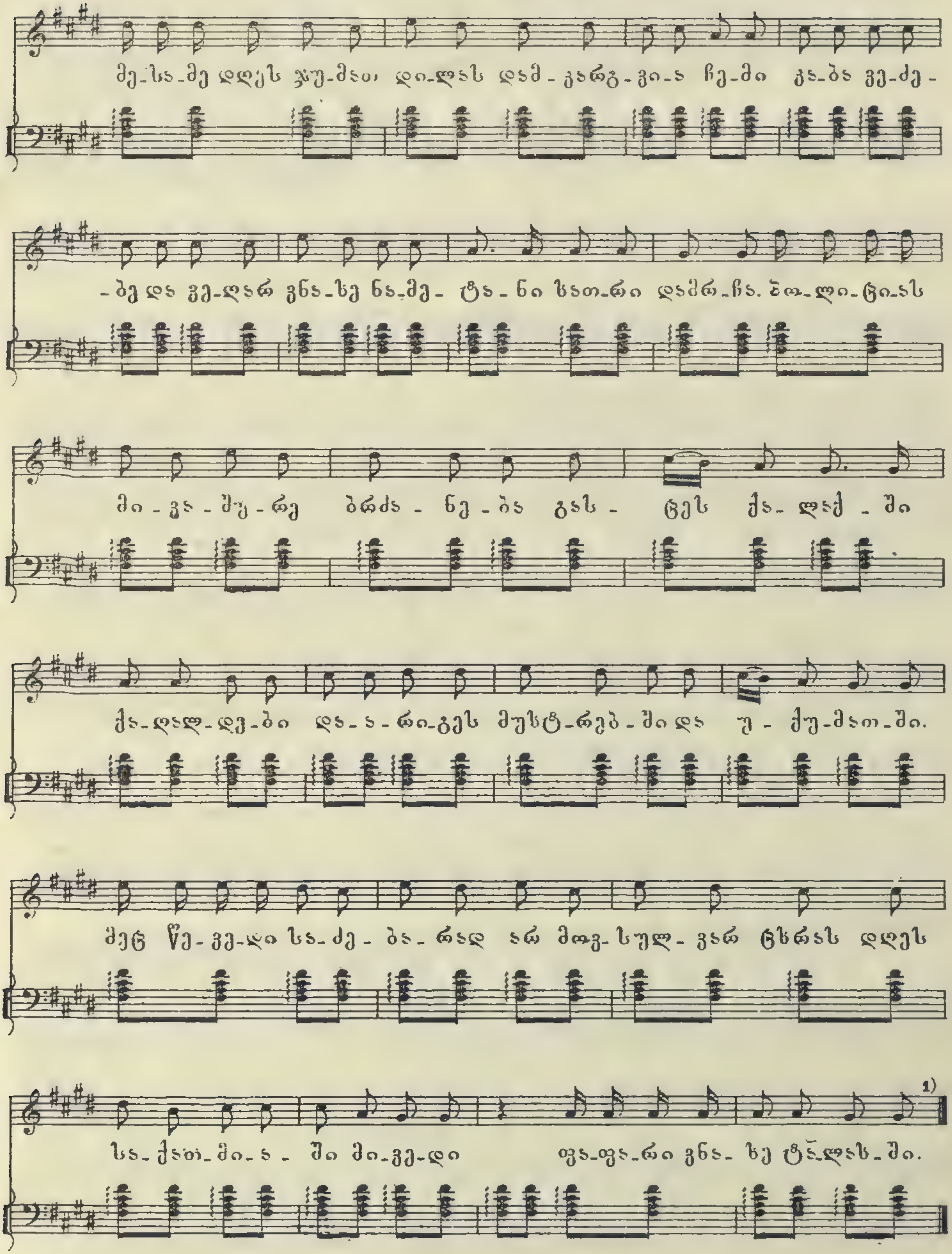
№2. მზის სხივები აკოკრებენ... КАКЪ ПОДЪ СОЛНЕЧНЫМИ ЛУЧАМИ...



№3. სიზმარში კაბა დამეწვა... ВОСНѢ СГОРѢЛО У МЕНЯ ПЛАТЬЕ...

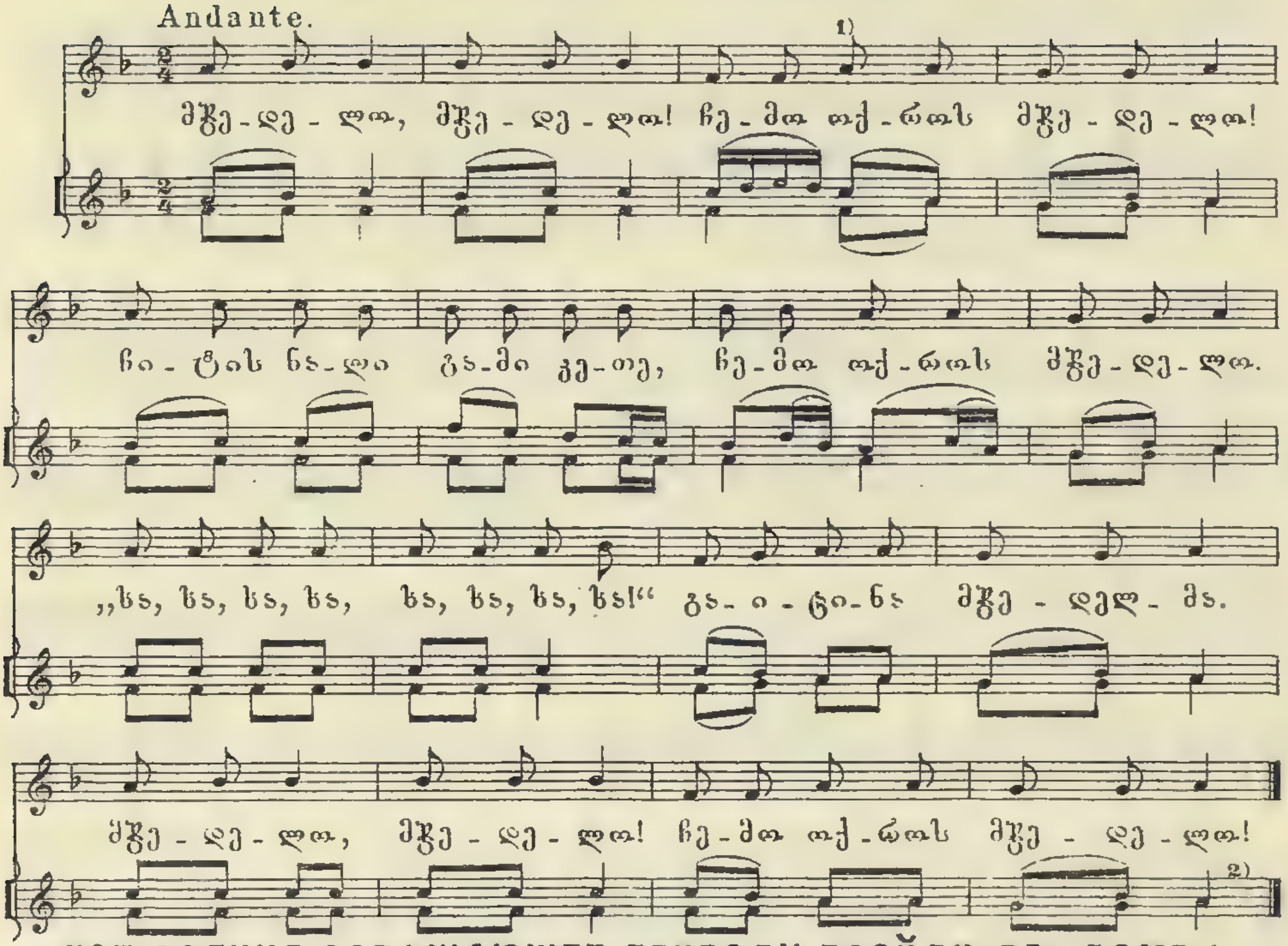


1) Поется немного выше.



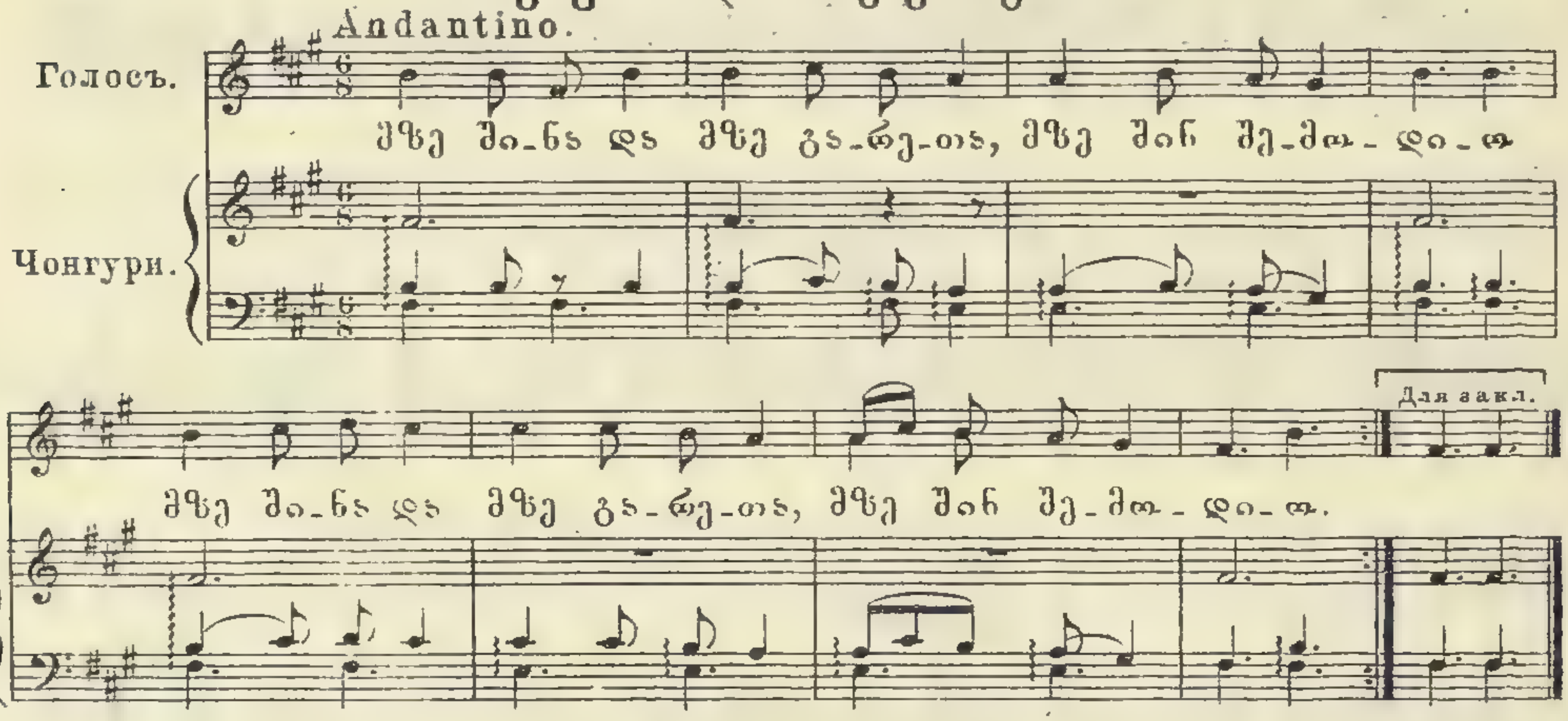
1) Далѣе повторяется первоначальная прелюдія, а затѣмъ пѣніе въ томъ-же духѣ.

№ 4. მჭედელო. КУЗНЕЦЪ.



№ 5. СОЛНЦЕ, ОСВѢЩАЮЩЕЕ ПРИРОДУ, ВЗОЙДИ ВЪ ДОМЪ!

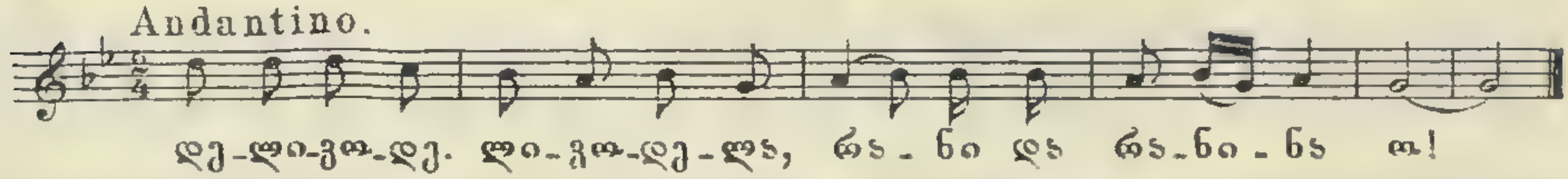
მზე შინა და მზე გარეთა.



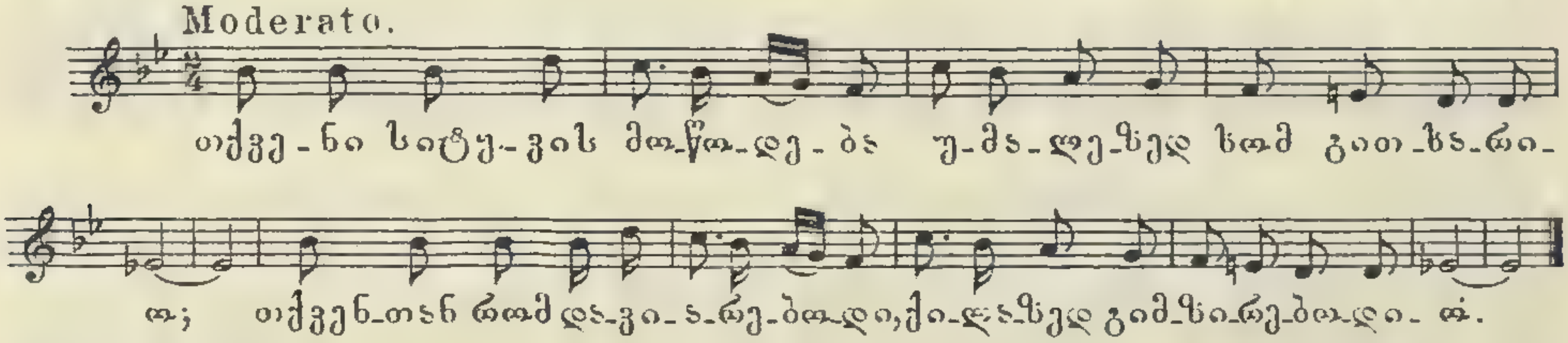
1) Этотъ звукъ вездѣ, въ сравненіи съ фортепіано, ниже.

2) Аккомпаниментъ пѣсни плохо слышенъ въ фонографѣ, а потому не всегда точенъ. Два начальныхъ такта третьей строки, поются совершенно произвольно.

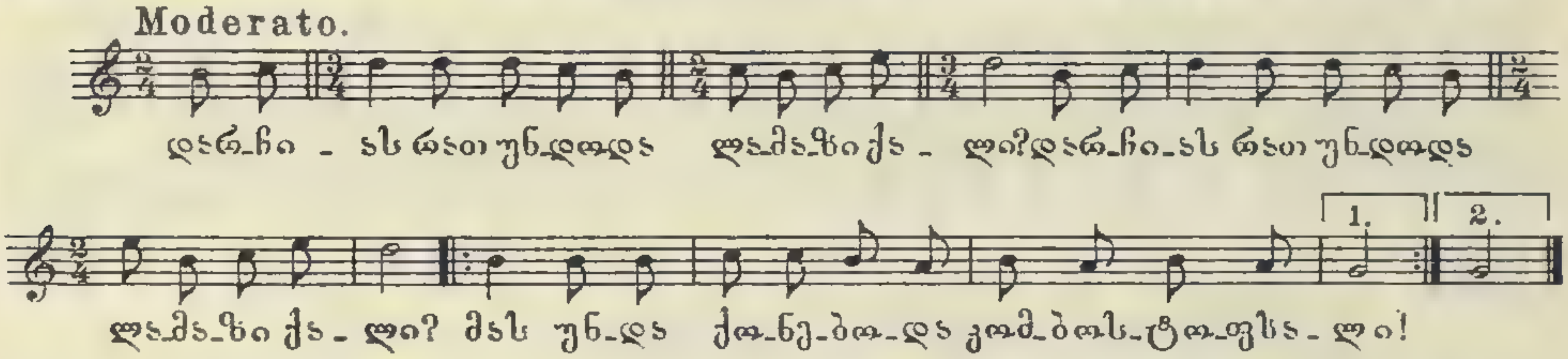
№6. დელი-ვოდელი-ვოდელა. ДЭЛИ-ВОДЭЛИ-ВОДЭЛА.



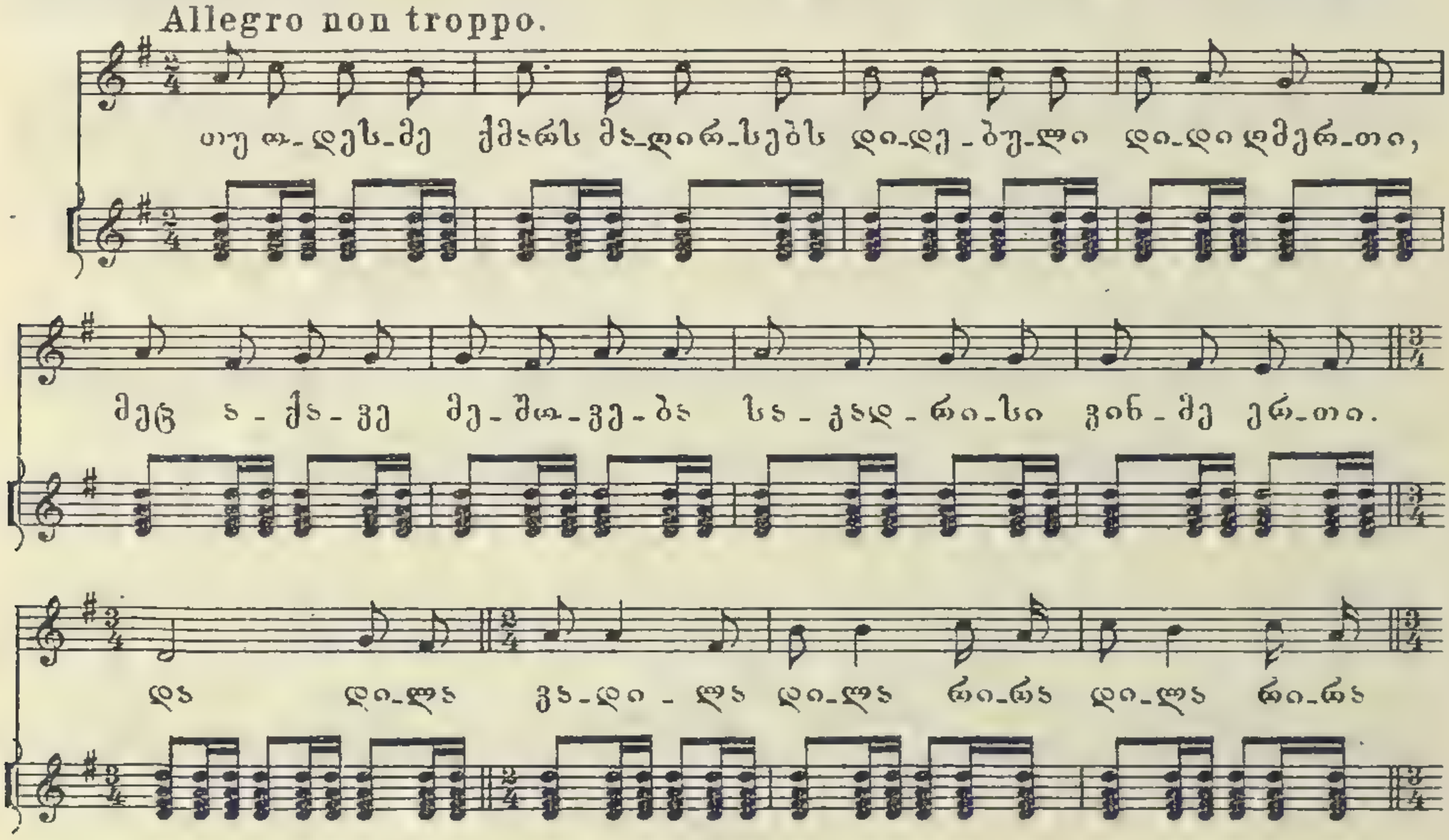
№7. თქვენი სიტყვის მოწოდება...НА ВАШЪ СЛОВЕСНЫЙ ПРИЗЫВЪ...



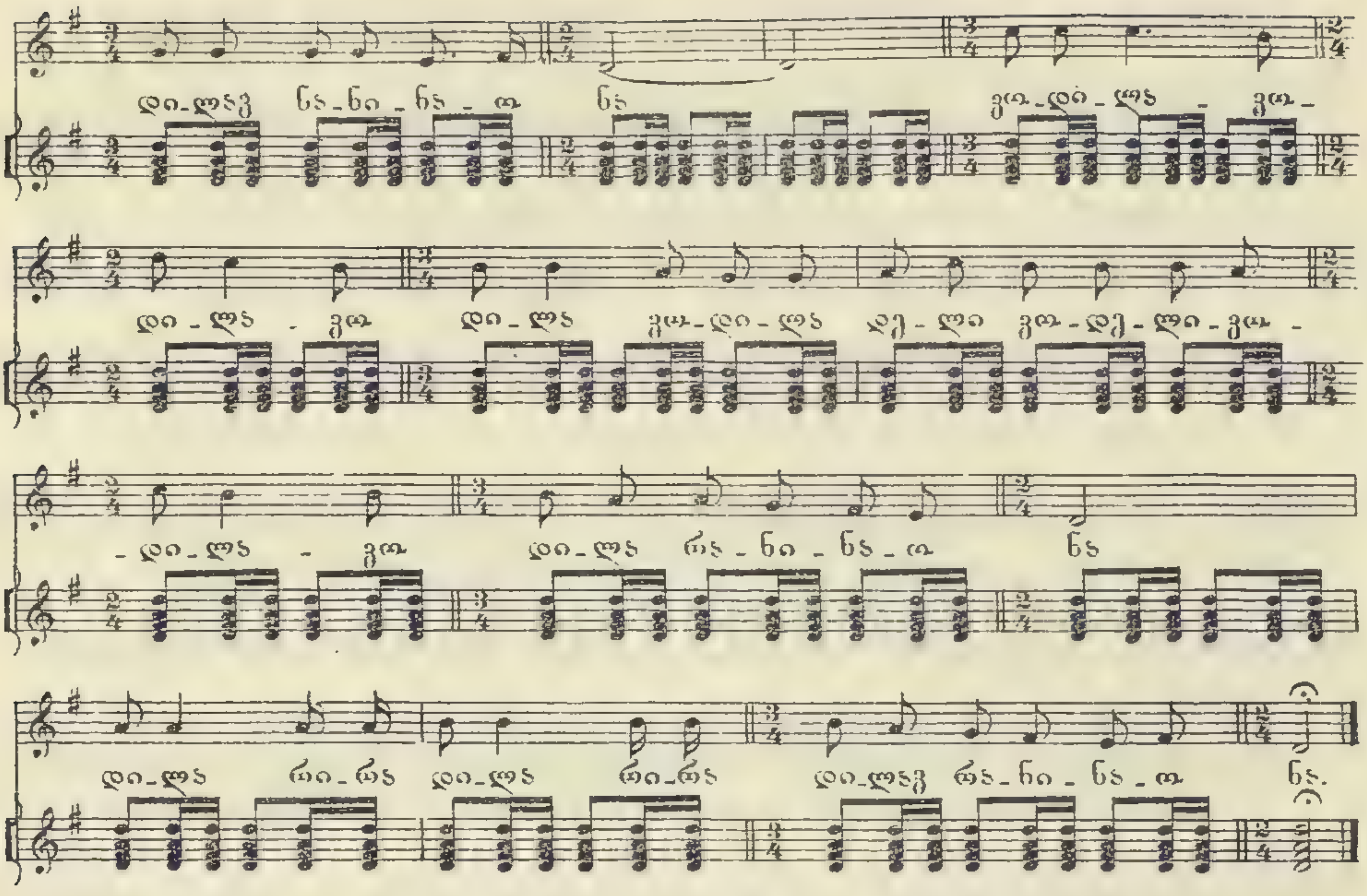
№8. დარჩია ყაჩაღის სიმღერა. ПѢСНЯ РАЗБОЙНИКА ДАРЧІИ.



№9. თუ ოდესმე ქმარს მაღირსებს..ЕСЛИ ПО ВОЛѢ ВСЕМОГУЩАГО БОГА...

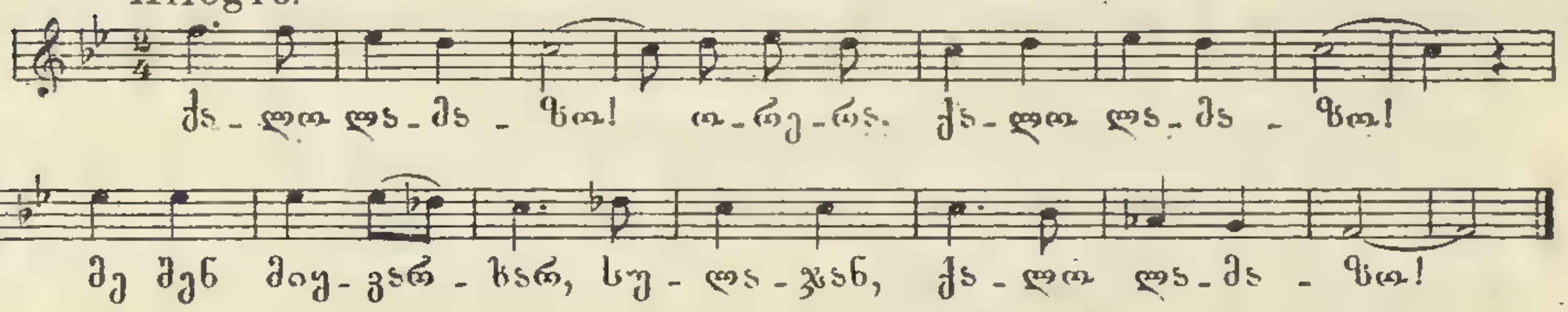


5



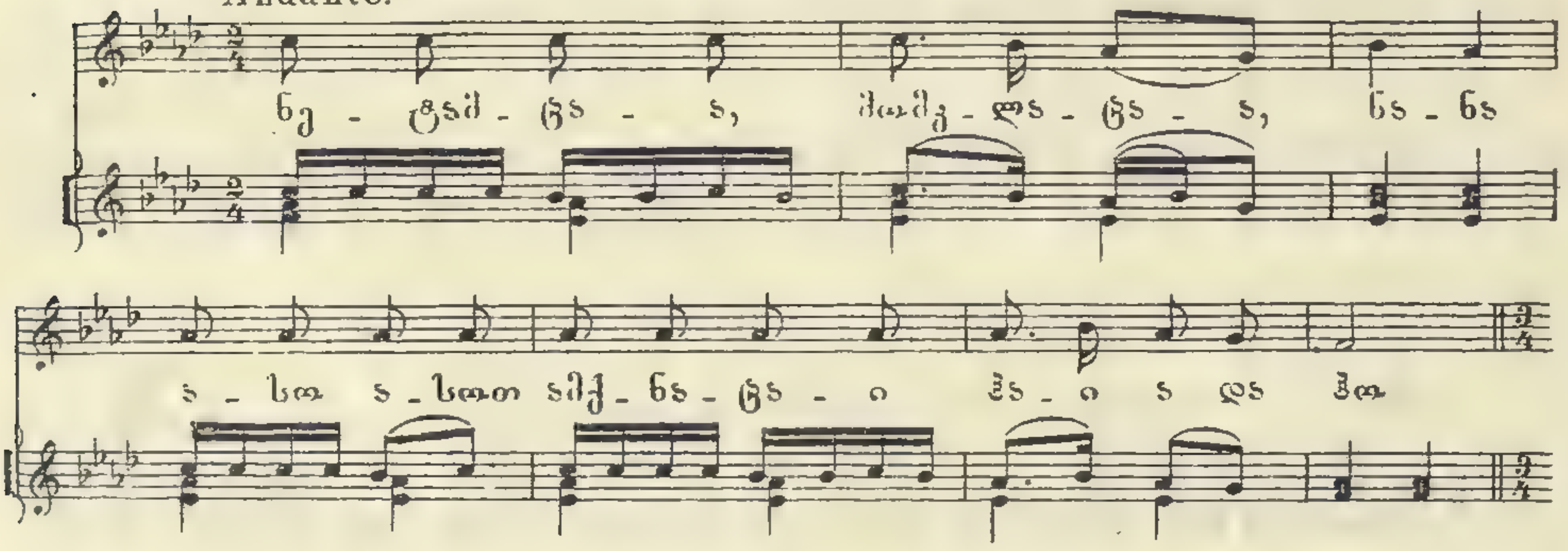
№10. ქალო-ლამაზო! ДѢВИЦА-КРАСАВИЦА!

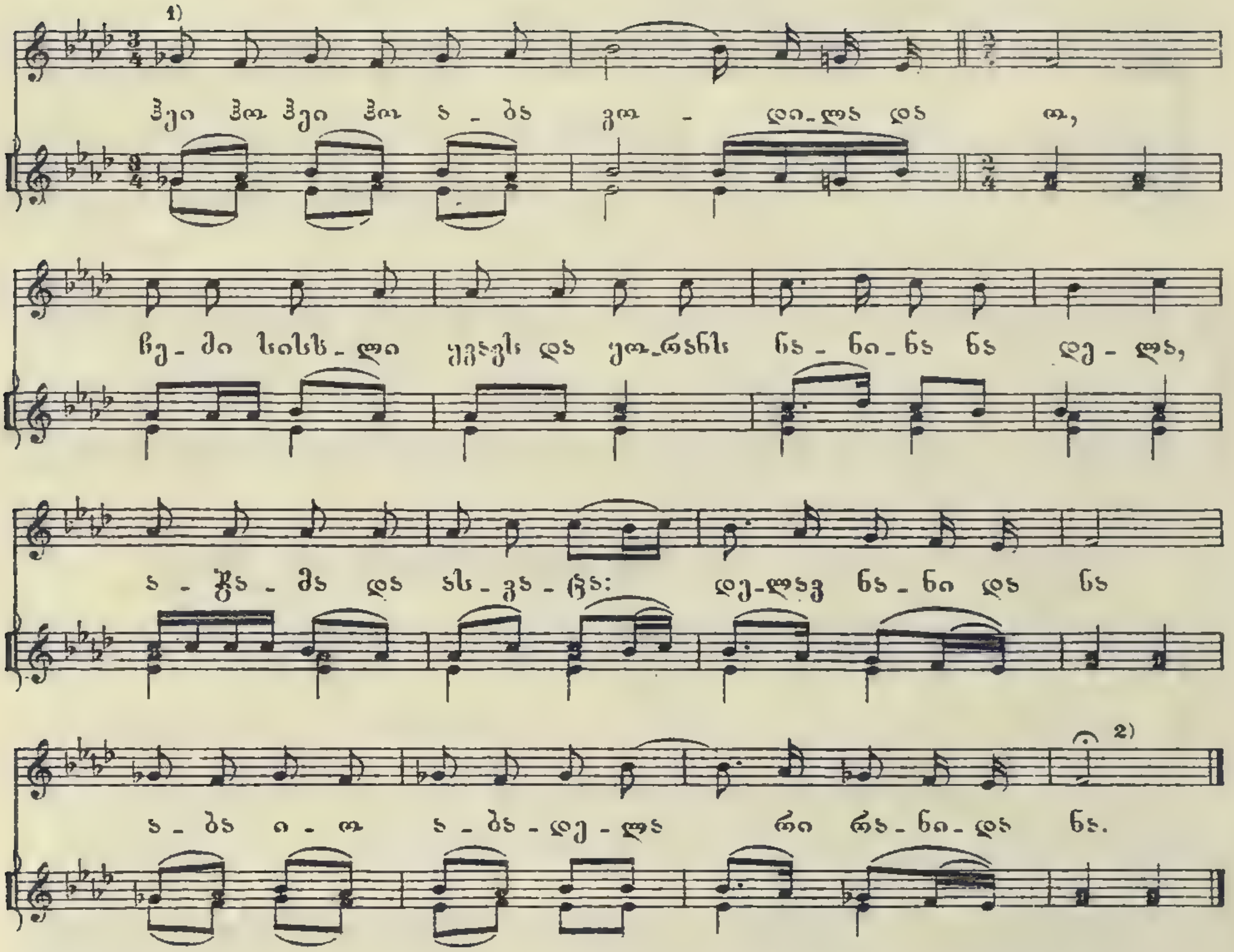
Allegro.



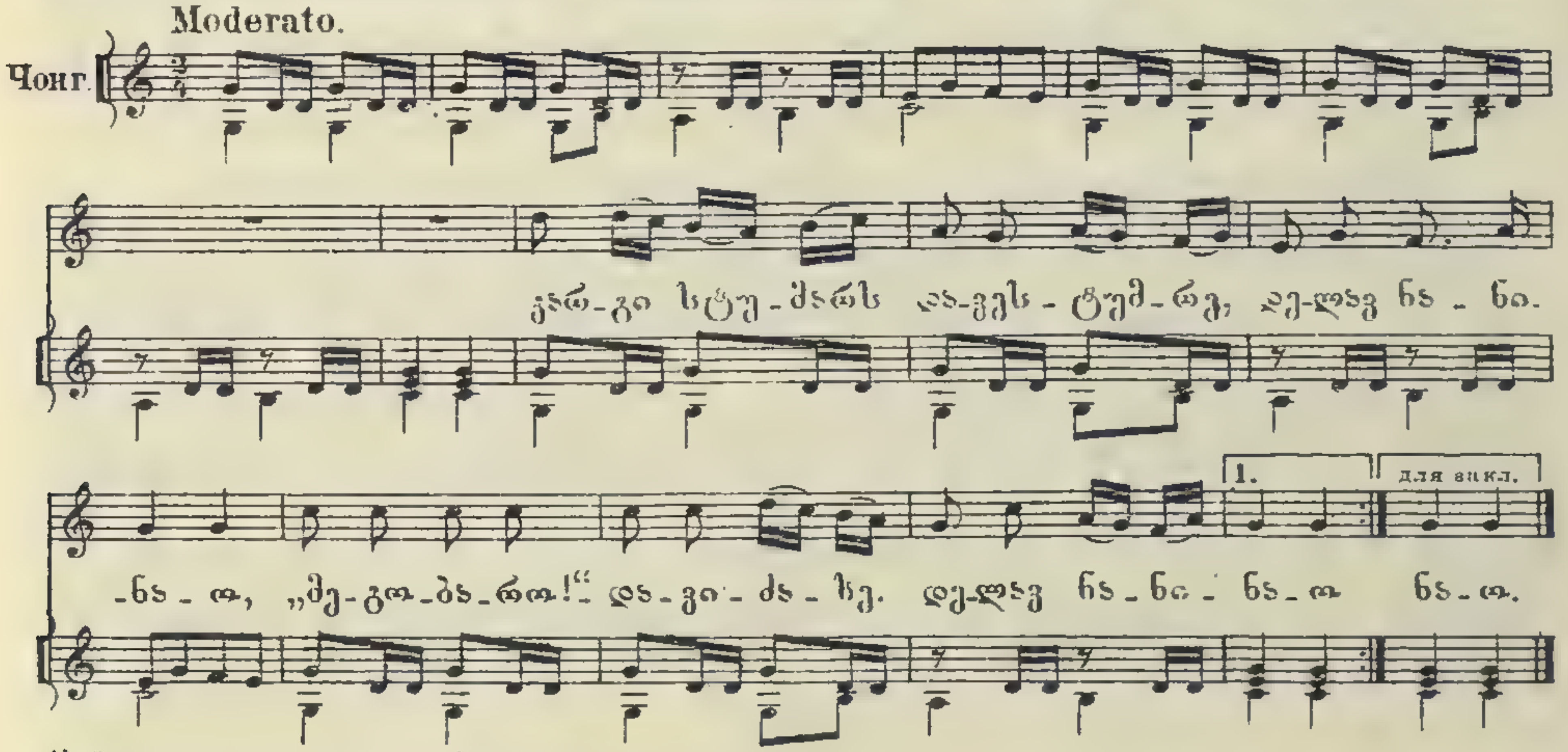
№ 11. ნეტამცაა-მომკლაცაა... ЕСЛИ-БЫ МЕНЯ УБИЛИ...

Andante.





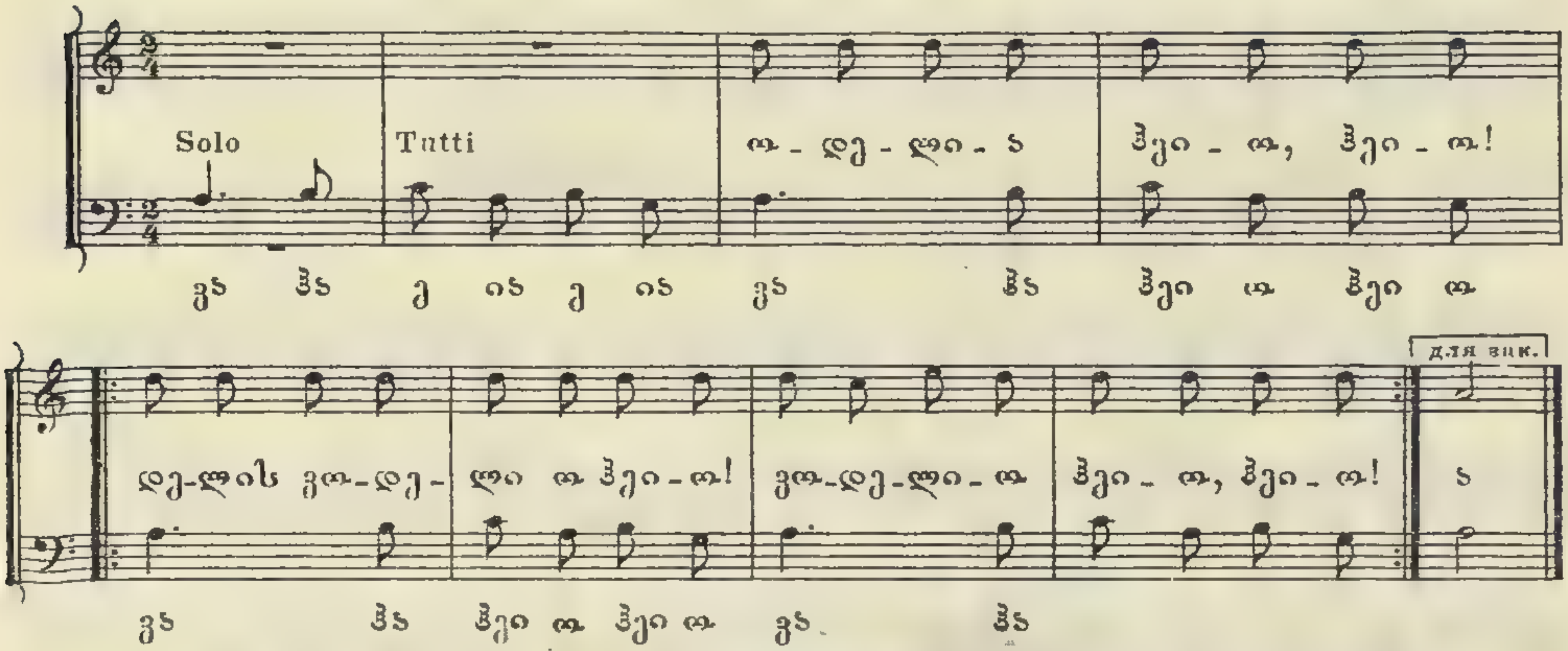
№12. კარგი სტუმარს დავესტუმრე. Я ПРИНИМАЛЪ ХОРОШАГО ГОСТЯ.



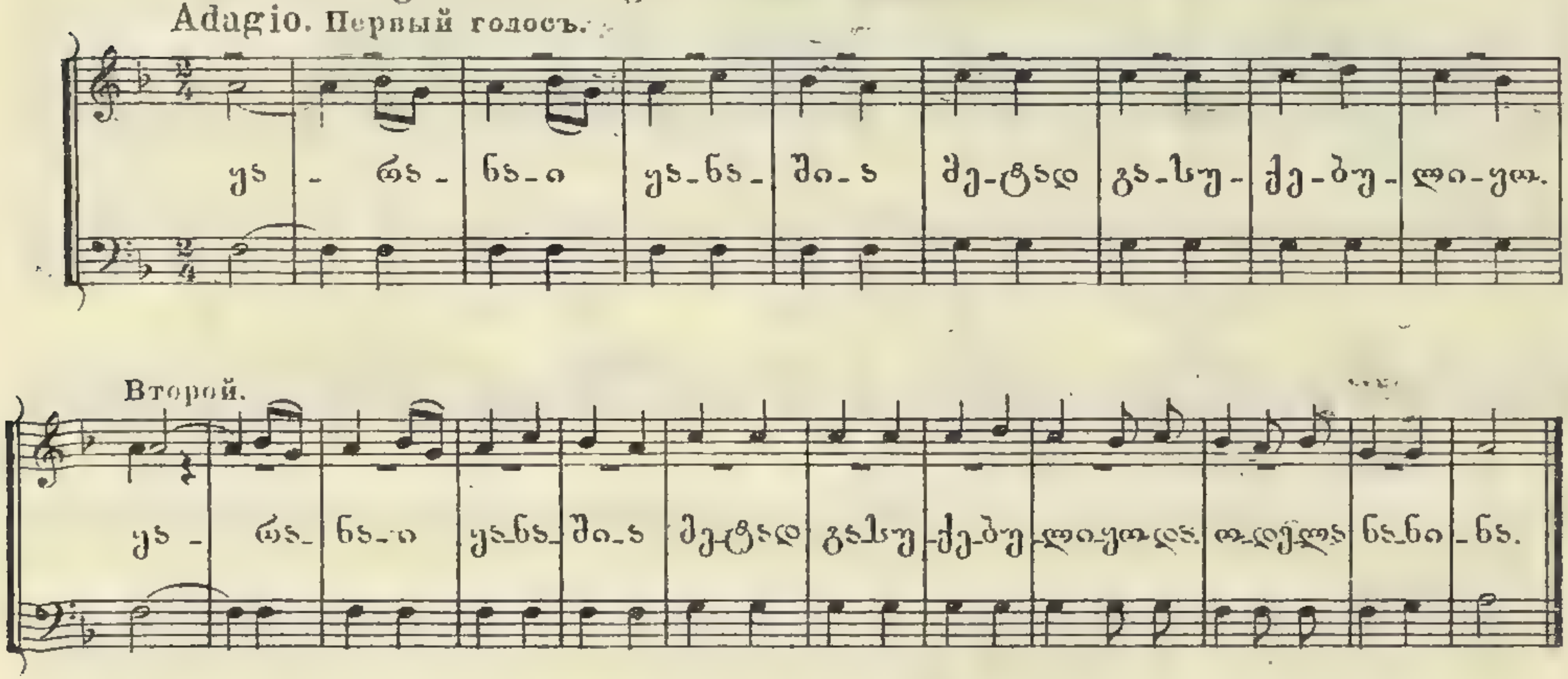
1) Звукъ, въ сравненіи съ фортепіано, выше.

2) Аккомпаниментъ пѣсни плохо слышенъ, а потому не всегда точенъ.

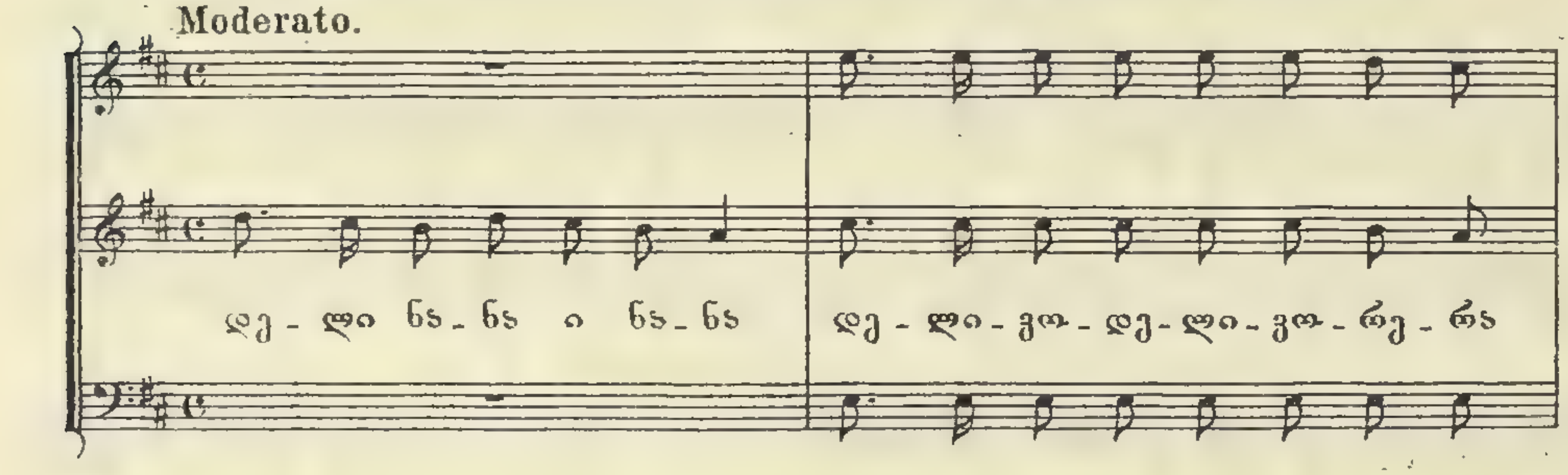
№ 13. სათამაშო. ПЛЯСОВАЯ.



№ 14. ყარანაი ყანაშია. ЖАВОРОНОКЪ ВЪ НИВѢ.*)

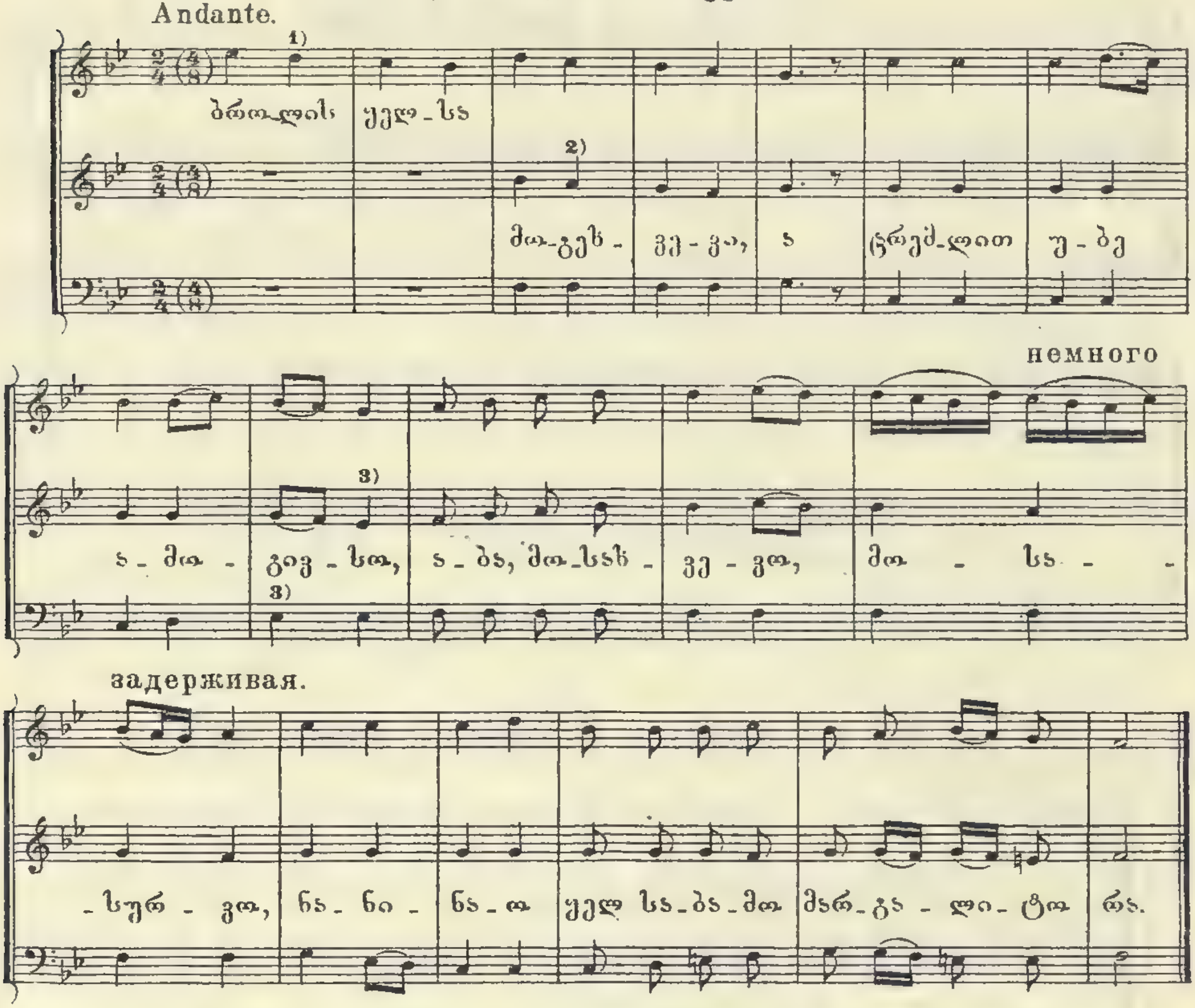


№ 15. დელი-ვოდელი-ვორერა. ДЭЛИ-ВОДЭЛИ-ВОРЭРА.

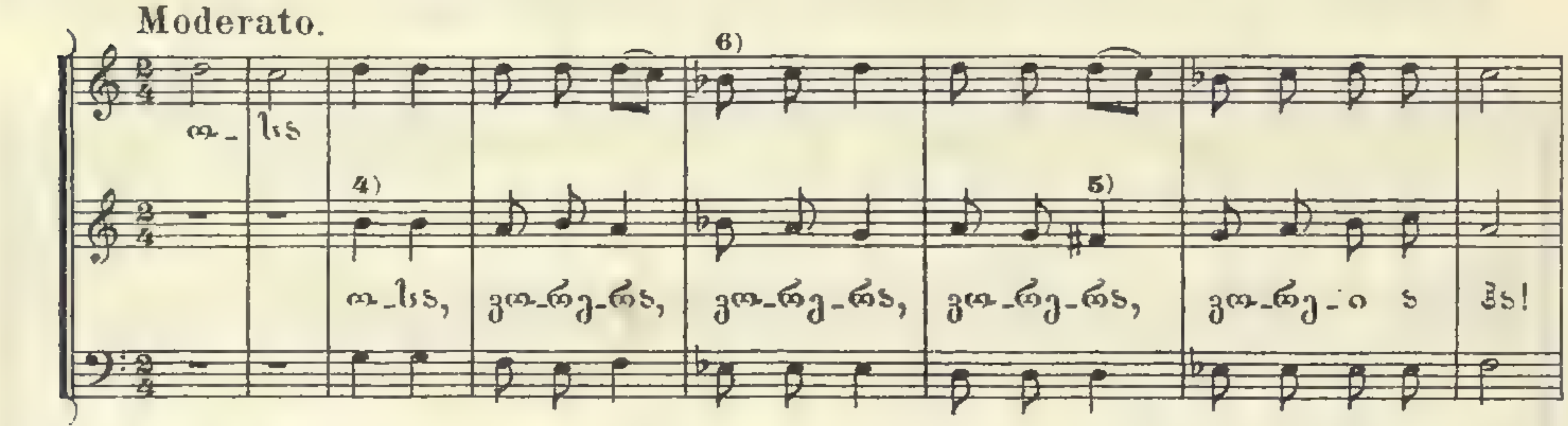


*) Пѣсня взята изъ сборника г. Бенашвили.

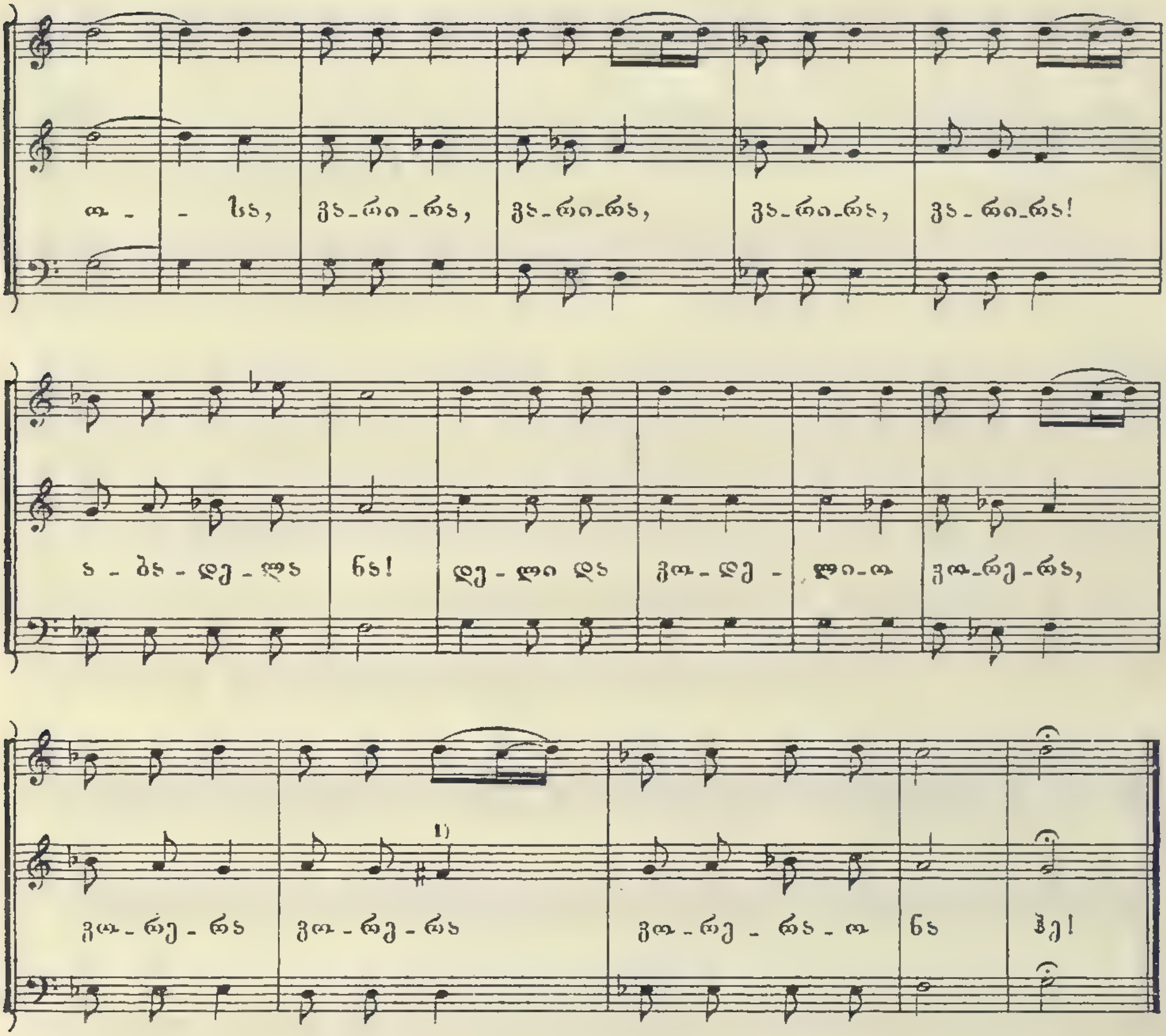
№ 17. ОБОВЬЮСЬ ВОКРУГЪ ТВОЕЙ ХРУСТАЛЬНОЙ ШЕИ...
ბროლის ყელსა მოგეხვევი...



№18. ოსა-რერა-ნანინა! ОСА--РЭРА-НАНИНА!

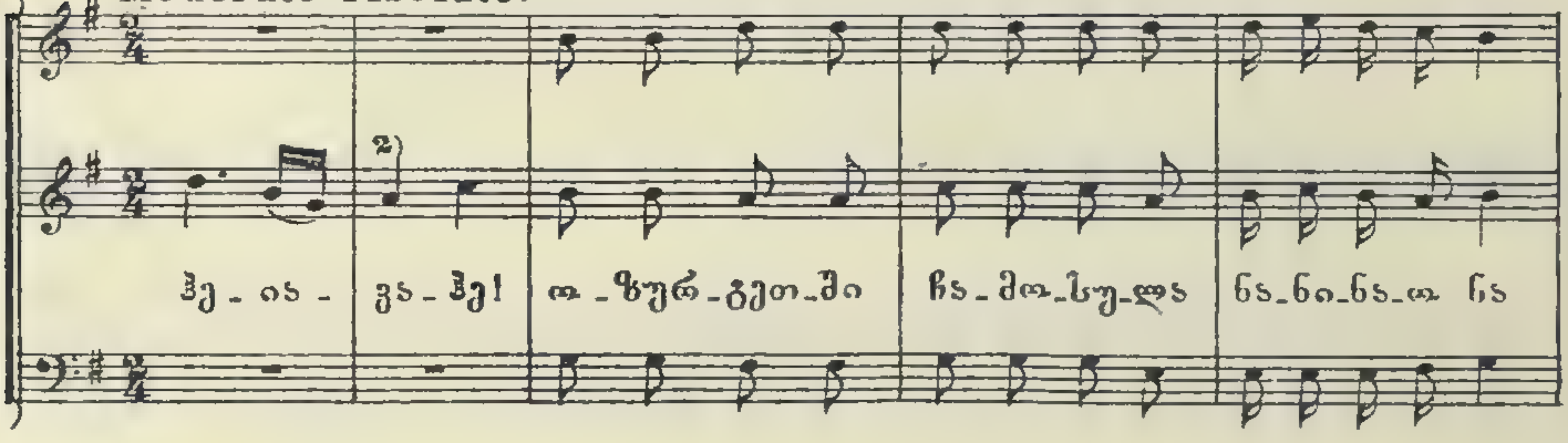


1) Звукъ ниже фортепіано.
2) Тоже.
3) Выше.
4) Ниже.
5) Тоже.
6) Этотъ и слѣдующіе три такта, какъ впрочемъ и вся пѣсня, плохо укладывалась въ нашъ строй.



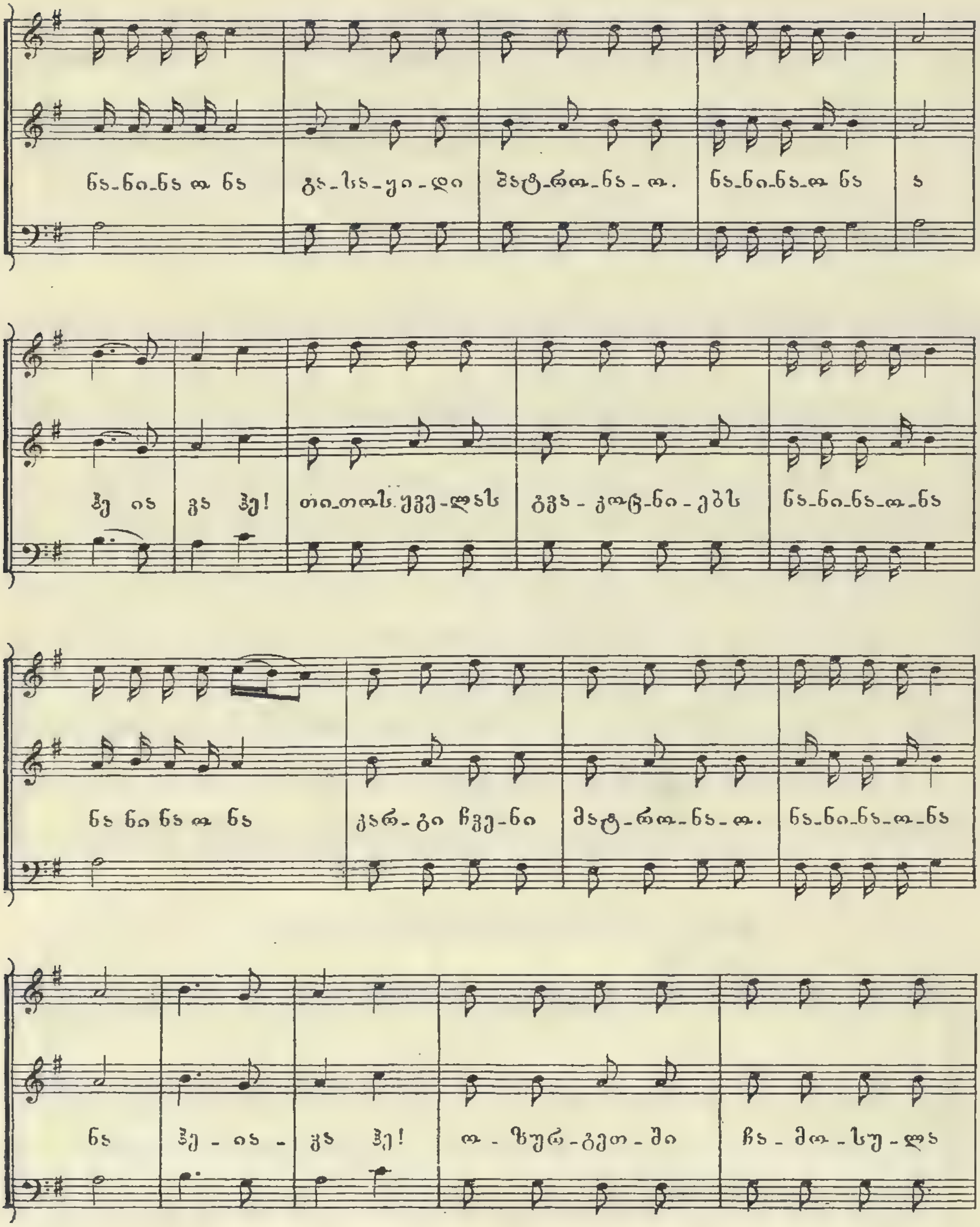
№ 19. ჰე-ია-ვა-ჰე! Э-Я-ВА-Э!

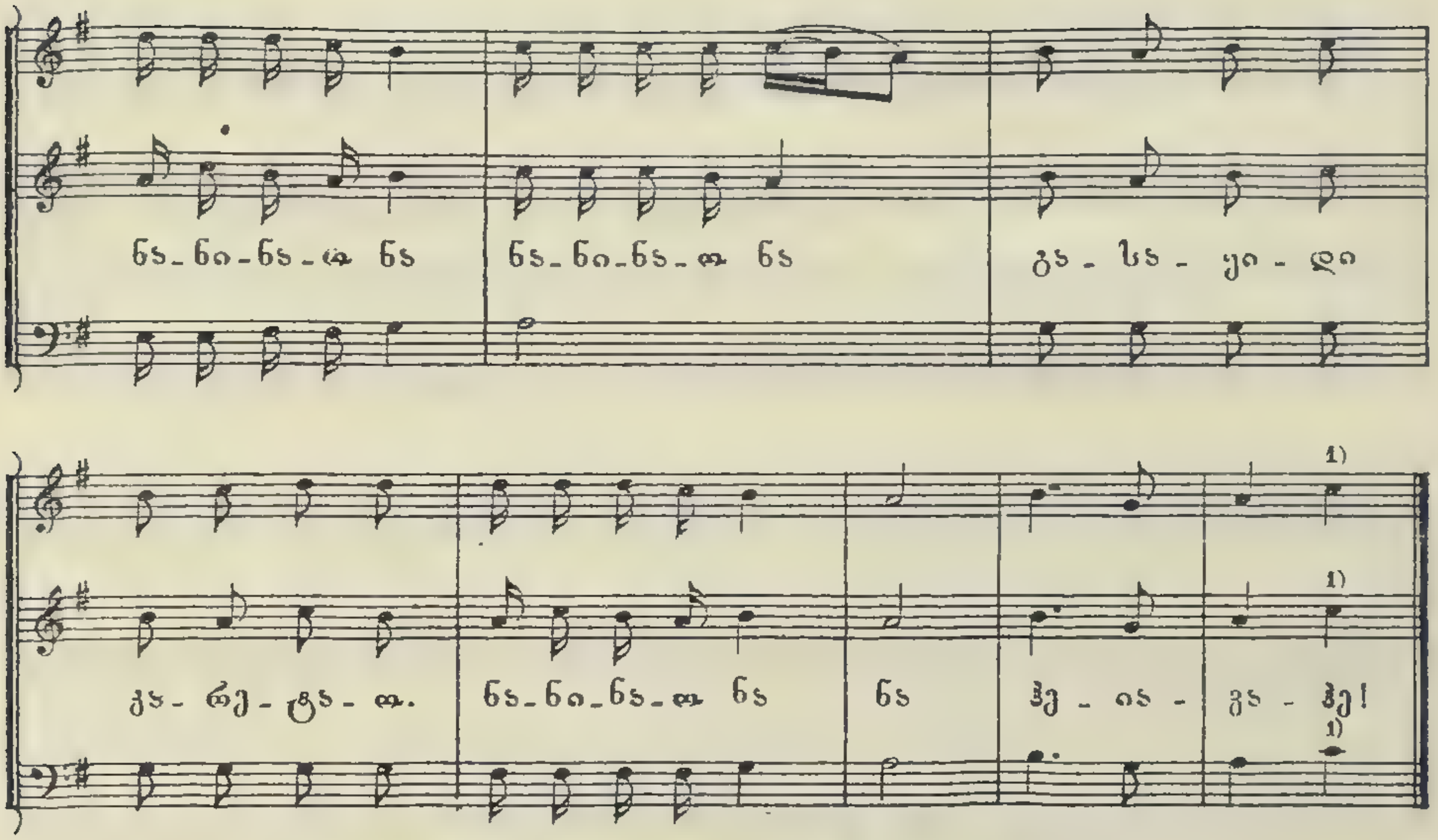
Moderato risoluto.



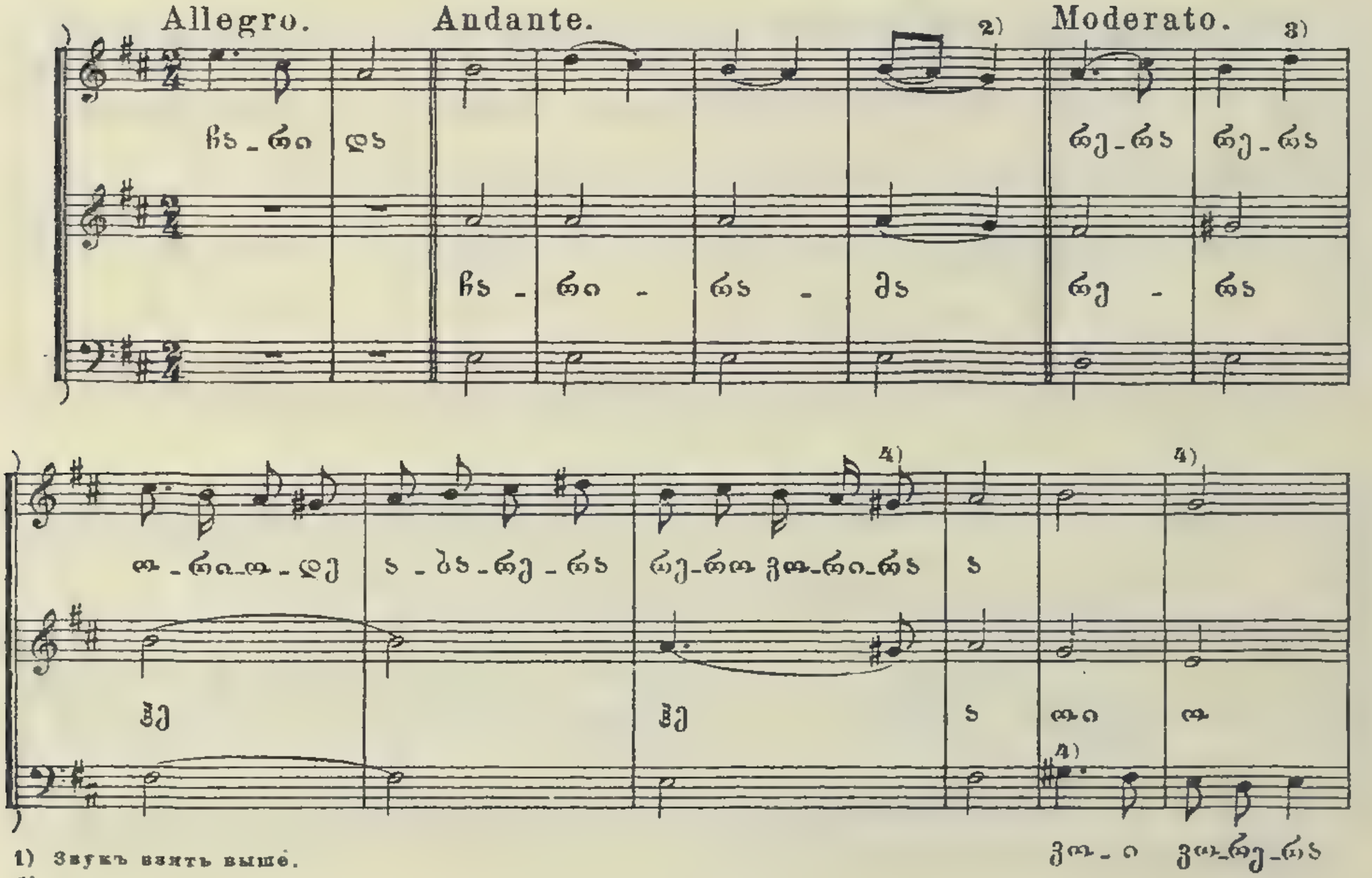
1) Звукъ ниже.
2) Выше.

11

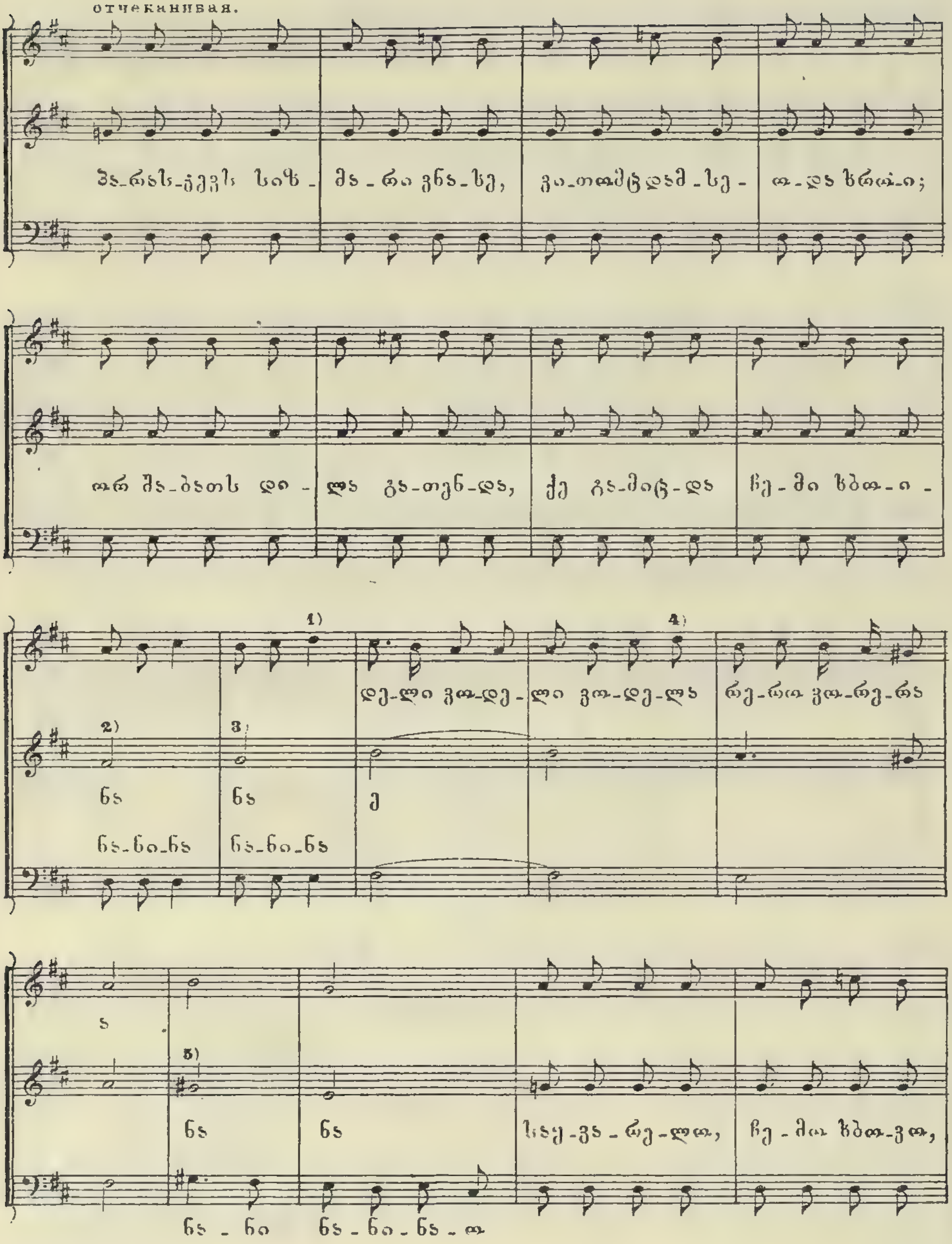

ნა-ნი-ნა ო ნა
გა-სა-ყი-დი
მატ-რო-ნა-ო.
ნა-ნი-ნა-ო ნა
ა
ჰე ია
ვა ჰე!
თი-თოს ყვე-ლას
გვა-კოც-ნი-ებს
ნა-ნი-ნა-ო-ნა
ნა ნი ნა ო ნა
კარ-გი ჩვე-ნი
მატ-რო-ნა-ო.
ნა-ნი-ნა-ო-ნა
ნა
ჰე - ია -
ვა ჰე!
ო - ზურ-გეთ-ში
ჩა - მო - სუ - ლა



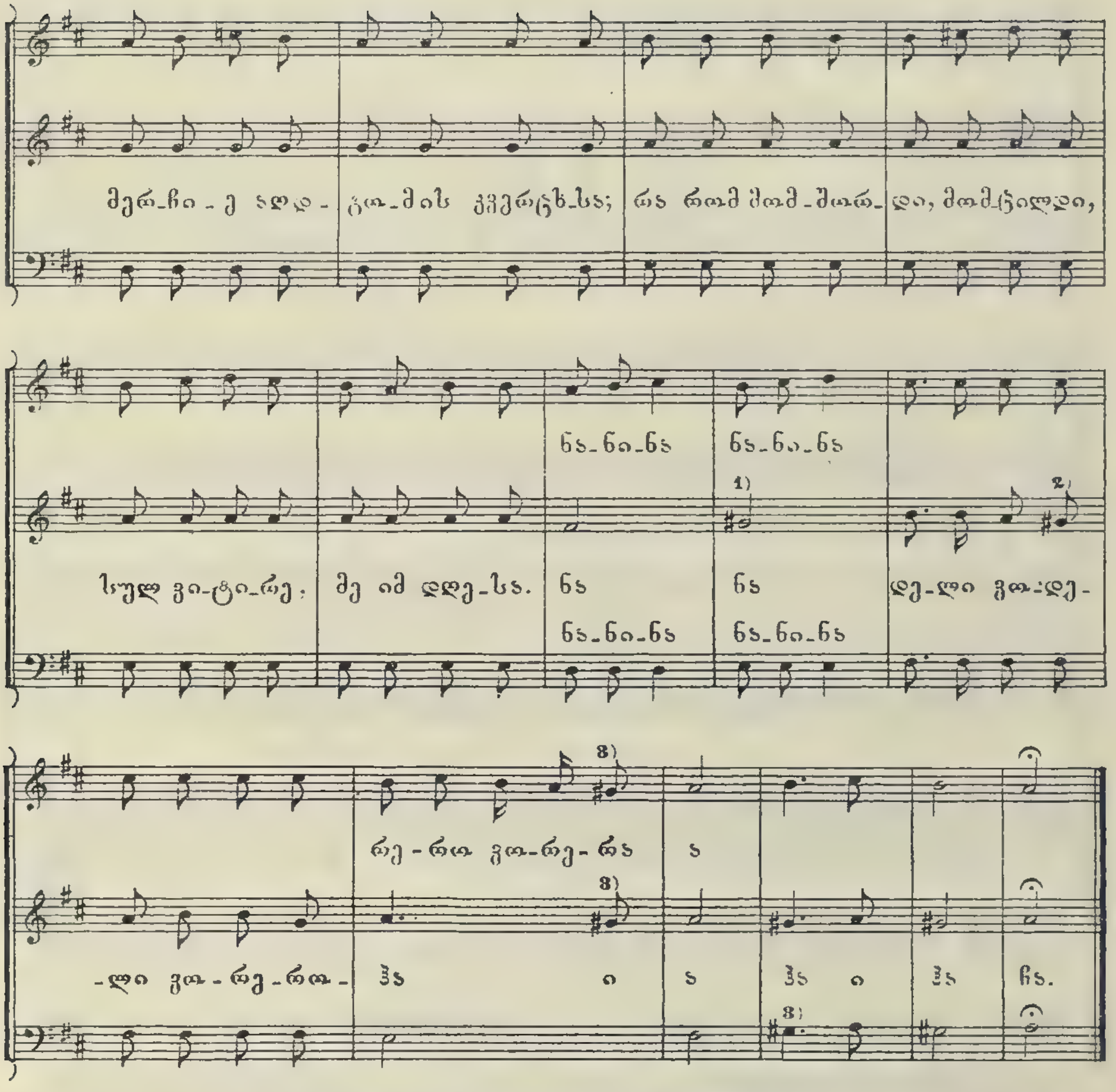
№20. ჩარირამა. ЧАРИРАМА.



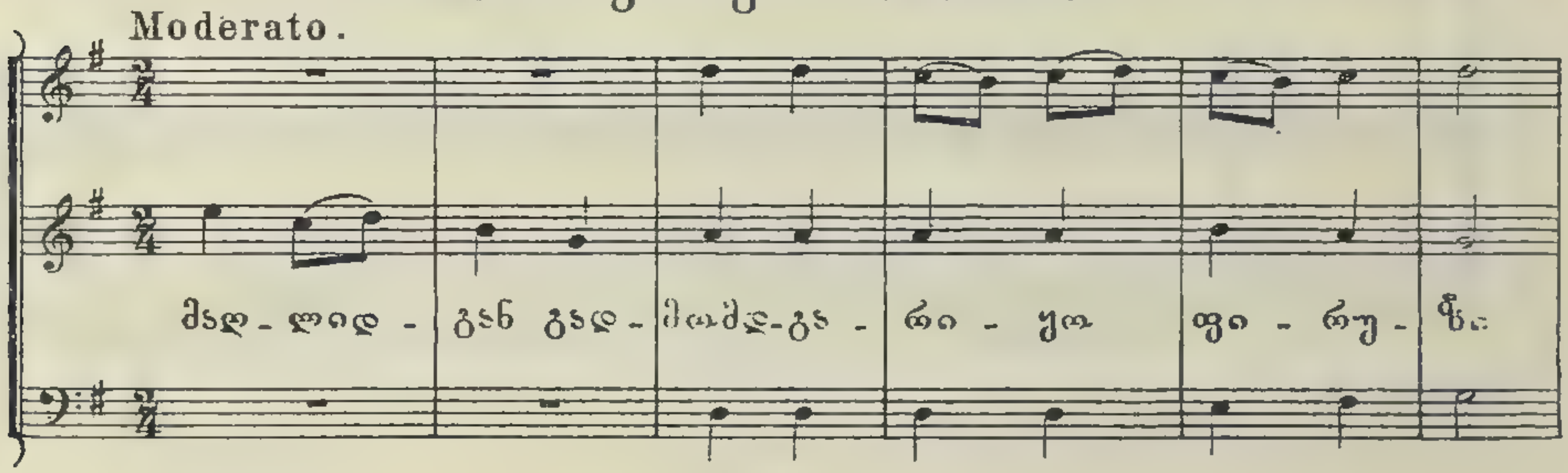
1) Звукъ взять выше.
2) Тоже.
3) Тоже.
4) Ниже.



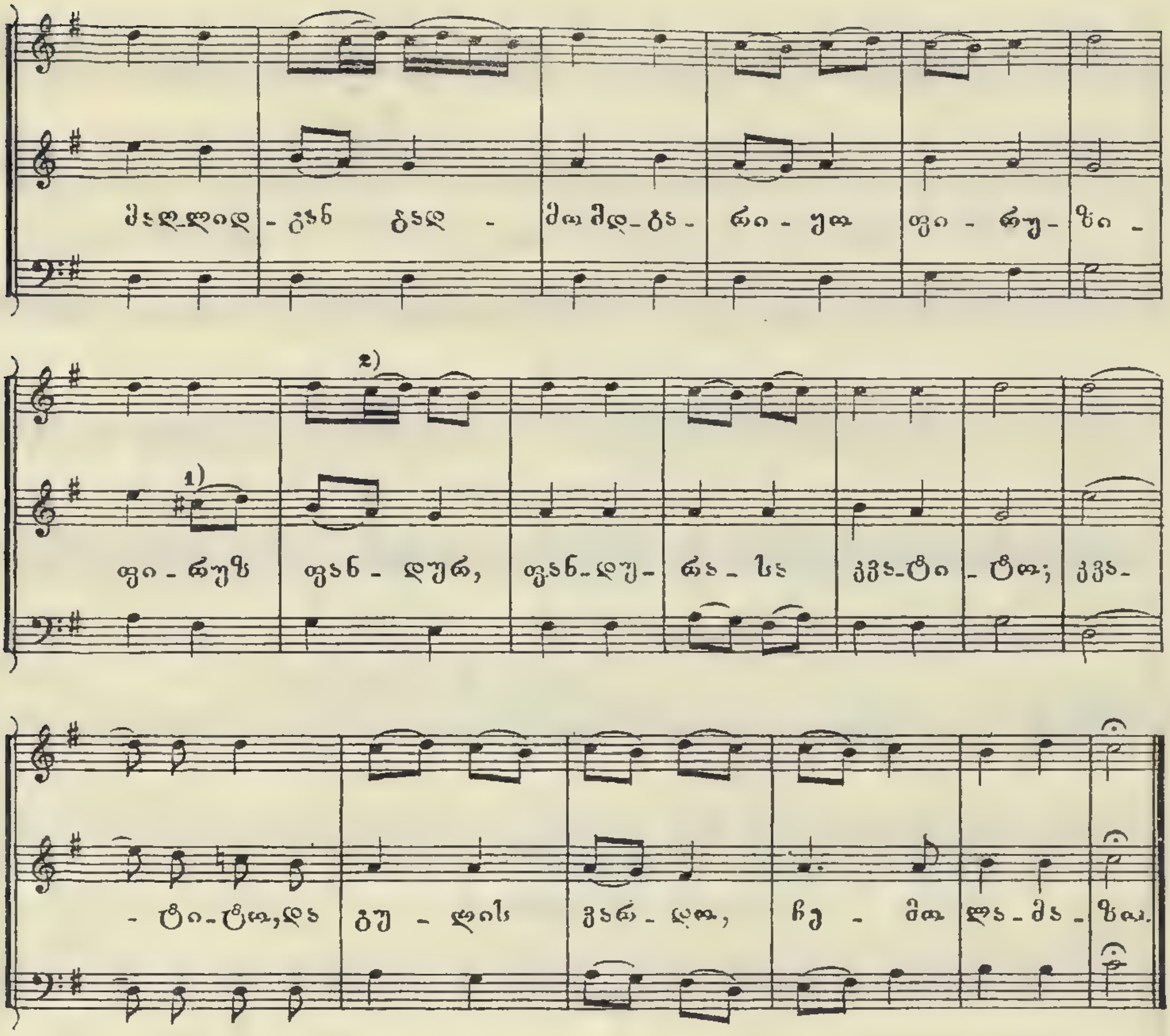
1 Звукъ взять выше.
2 Ниже.
4) Тоже.
5) Ниже



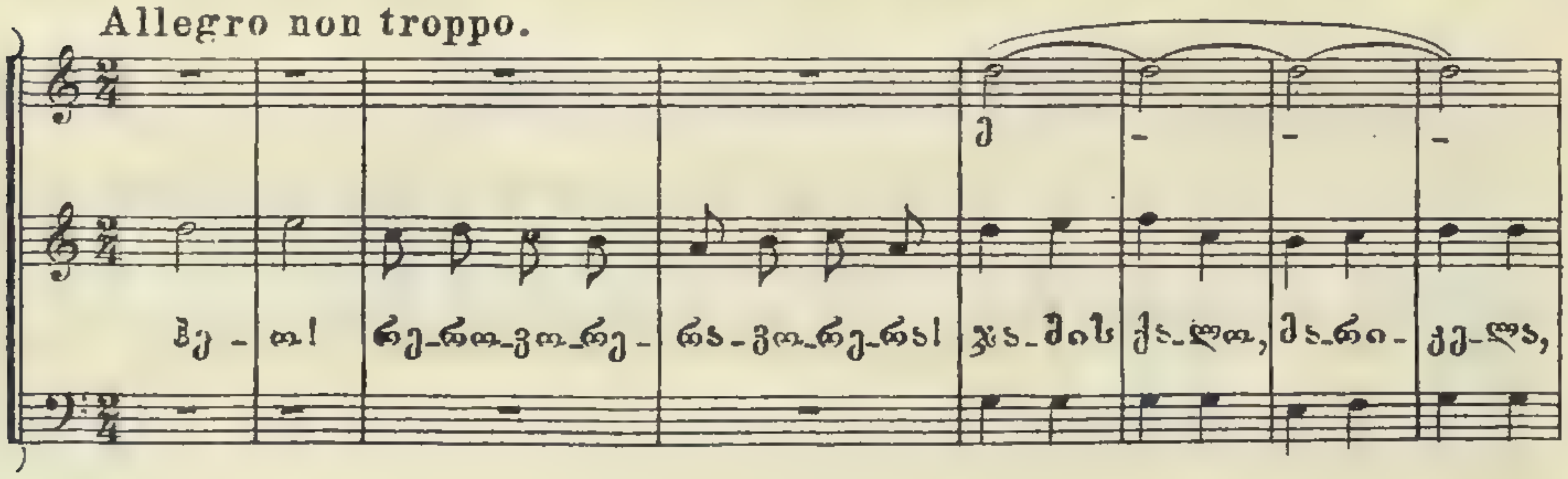
№ 21. ფირუზი. БИРЮЗА.



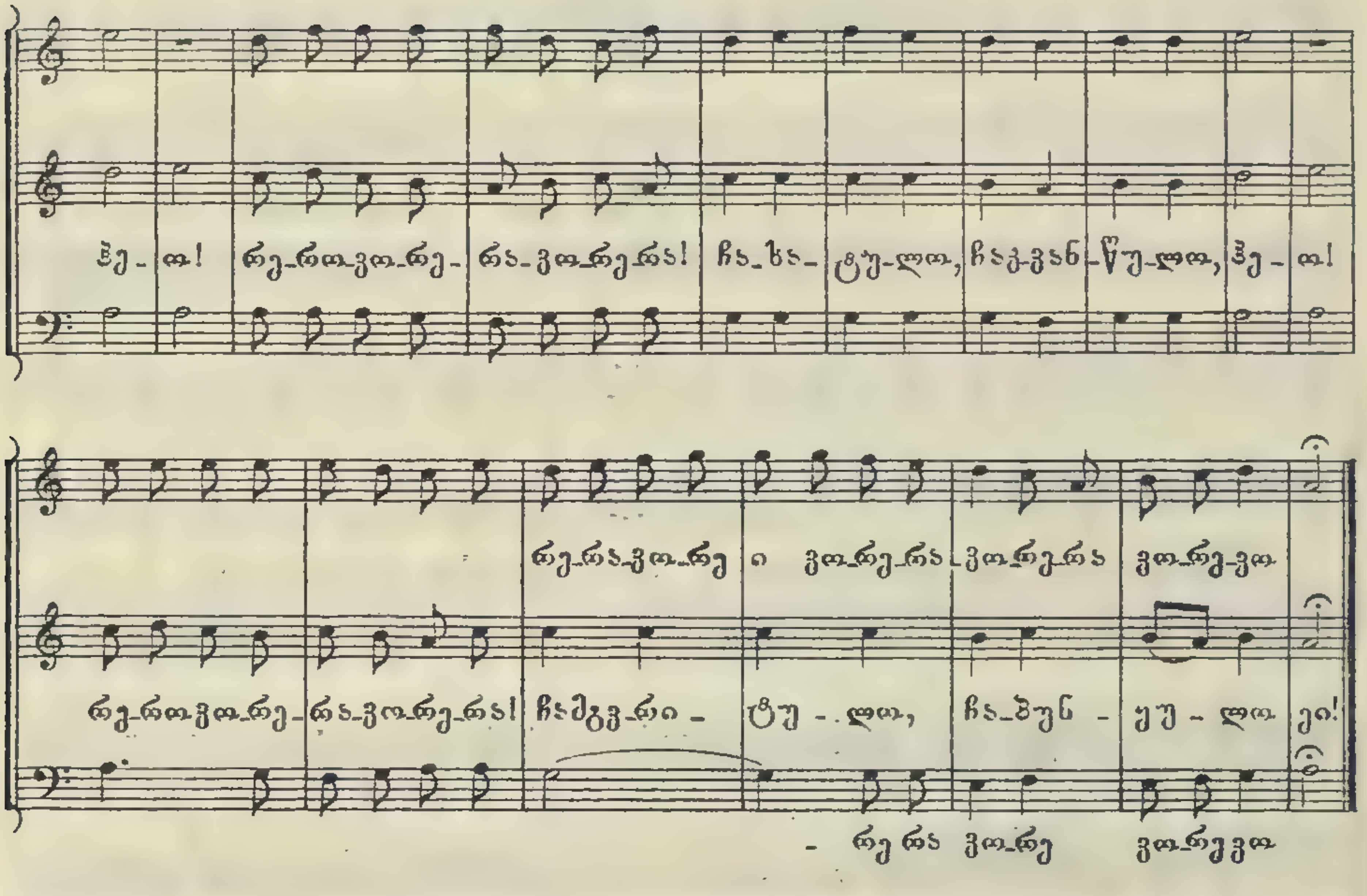
1) Звукъ ниже. 3) Тоже
2) Тоже



№22. ჯაშის ქალი მარიკელა: МАРИКЕЛА, ДОЧЬ ДЖАШИ.

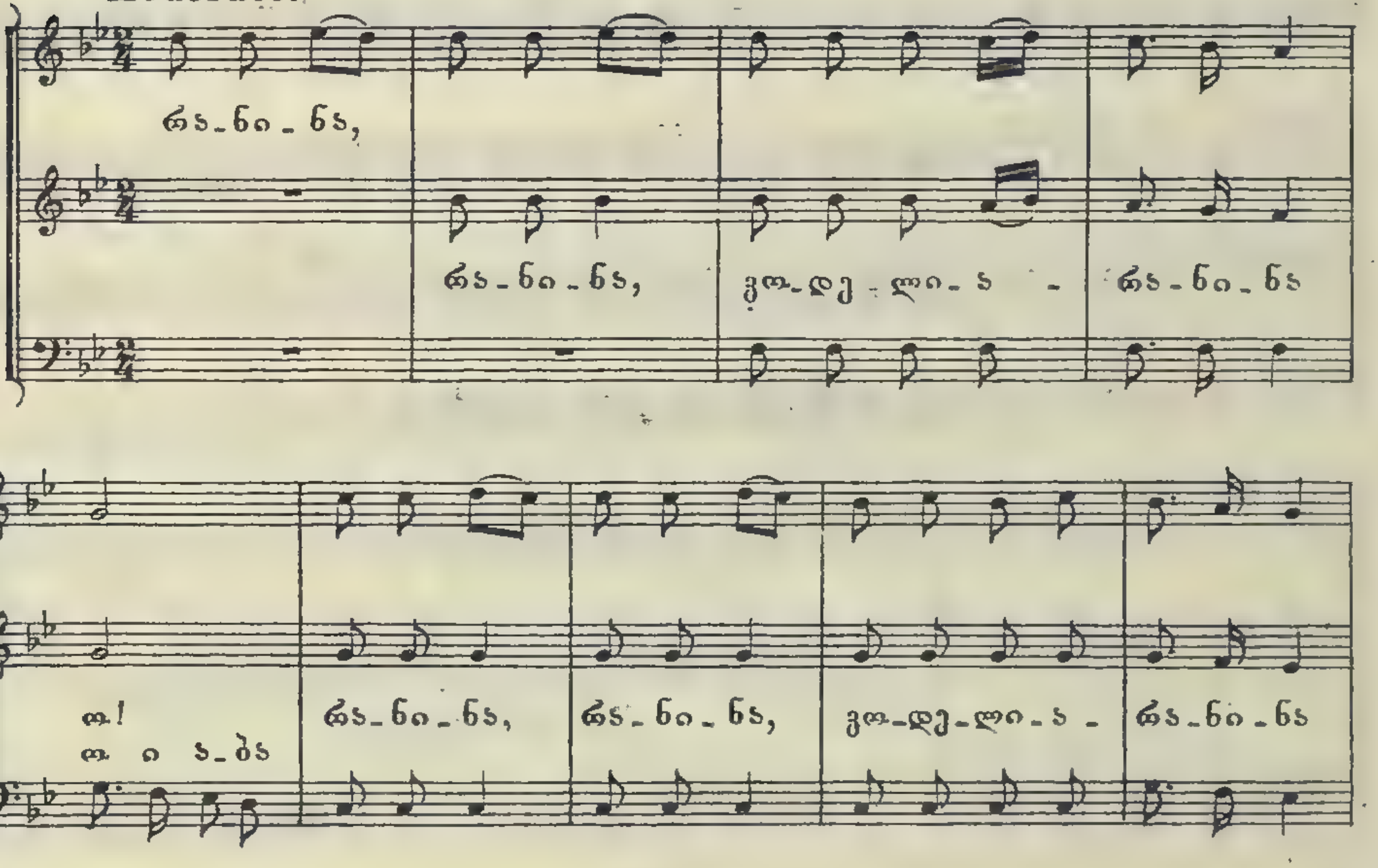


1) Звукъ ниже.
2) Выше.

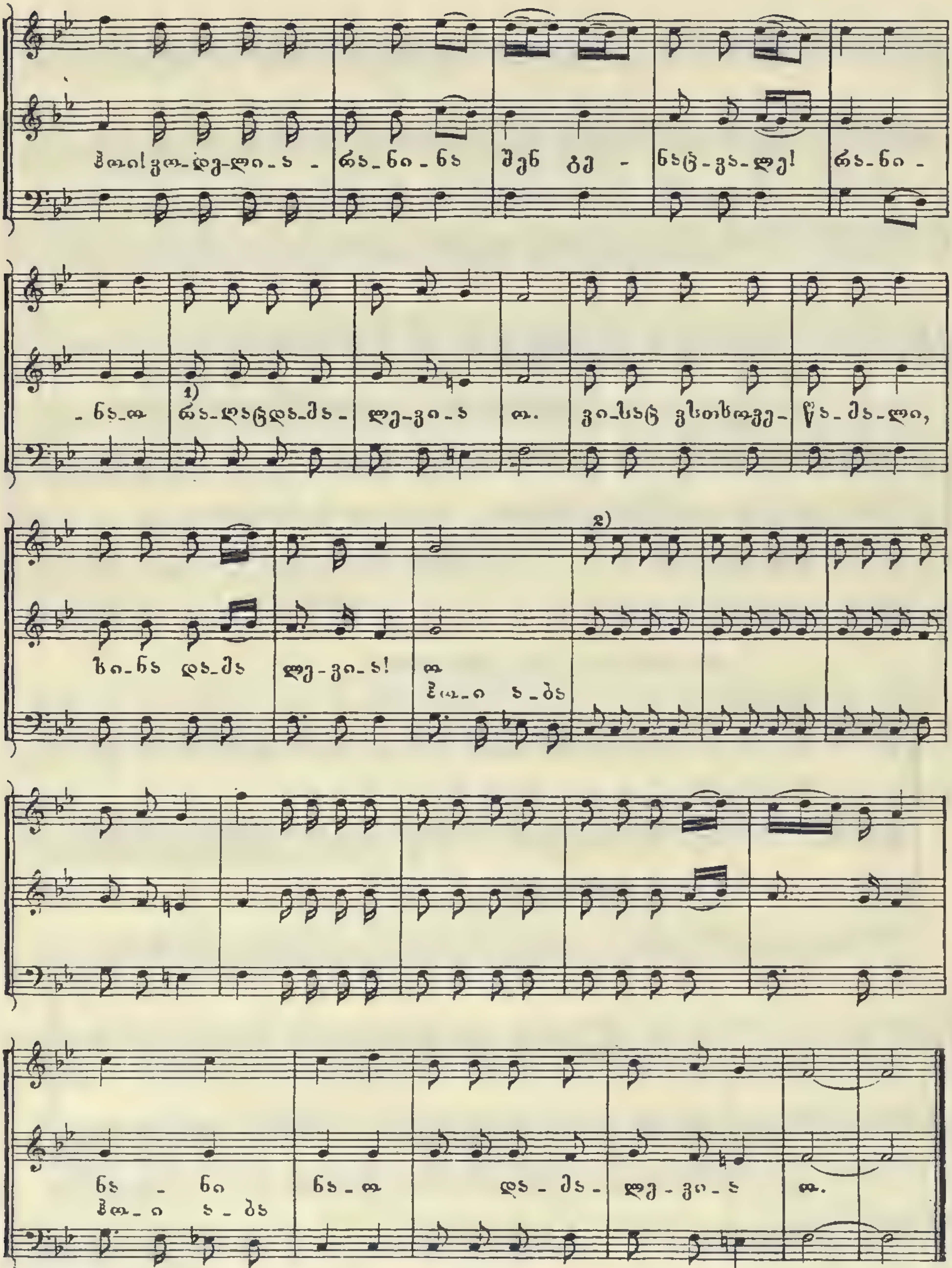


№ 23. რანინა. РАНИНА...

Moderato.



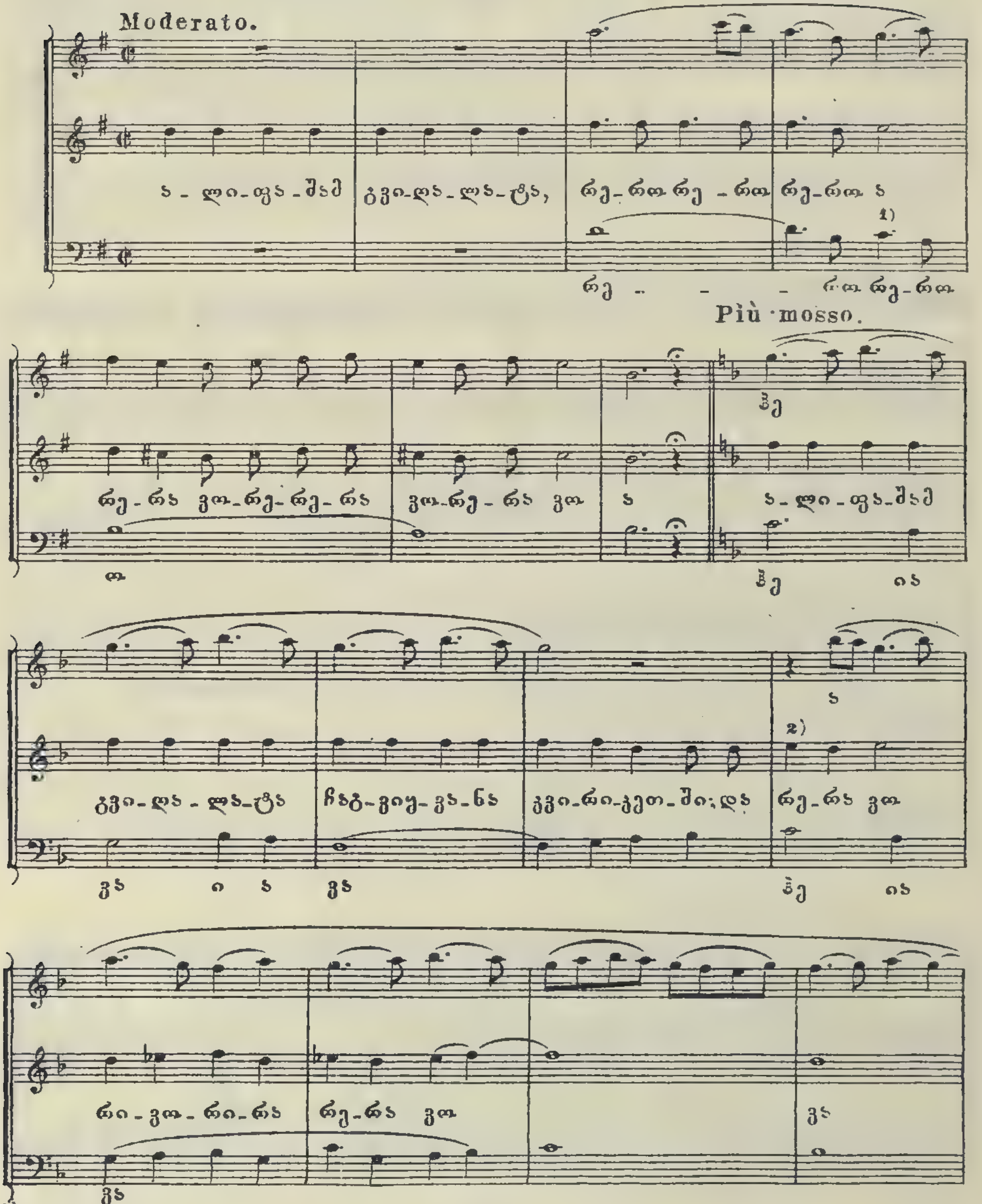
17



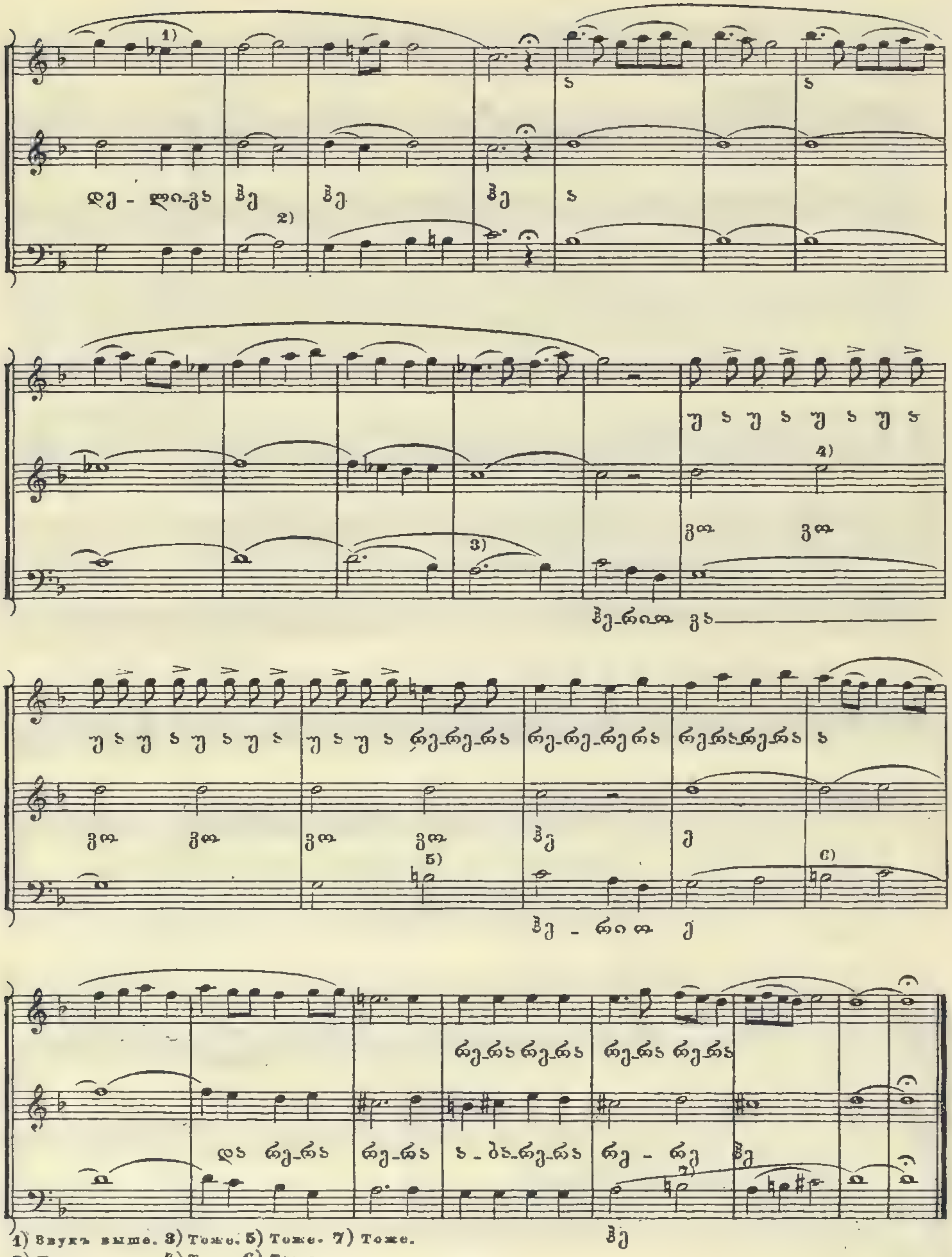
1) Слово неразборчиво.

2) Дальше текстъ въ фонографѣ не слышенъ. 214

№ 24. ალი-ფაშა. АЛИ-ПАША.

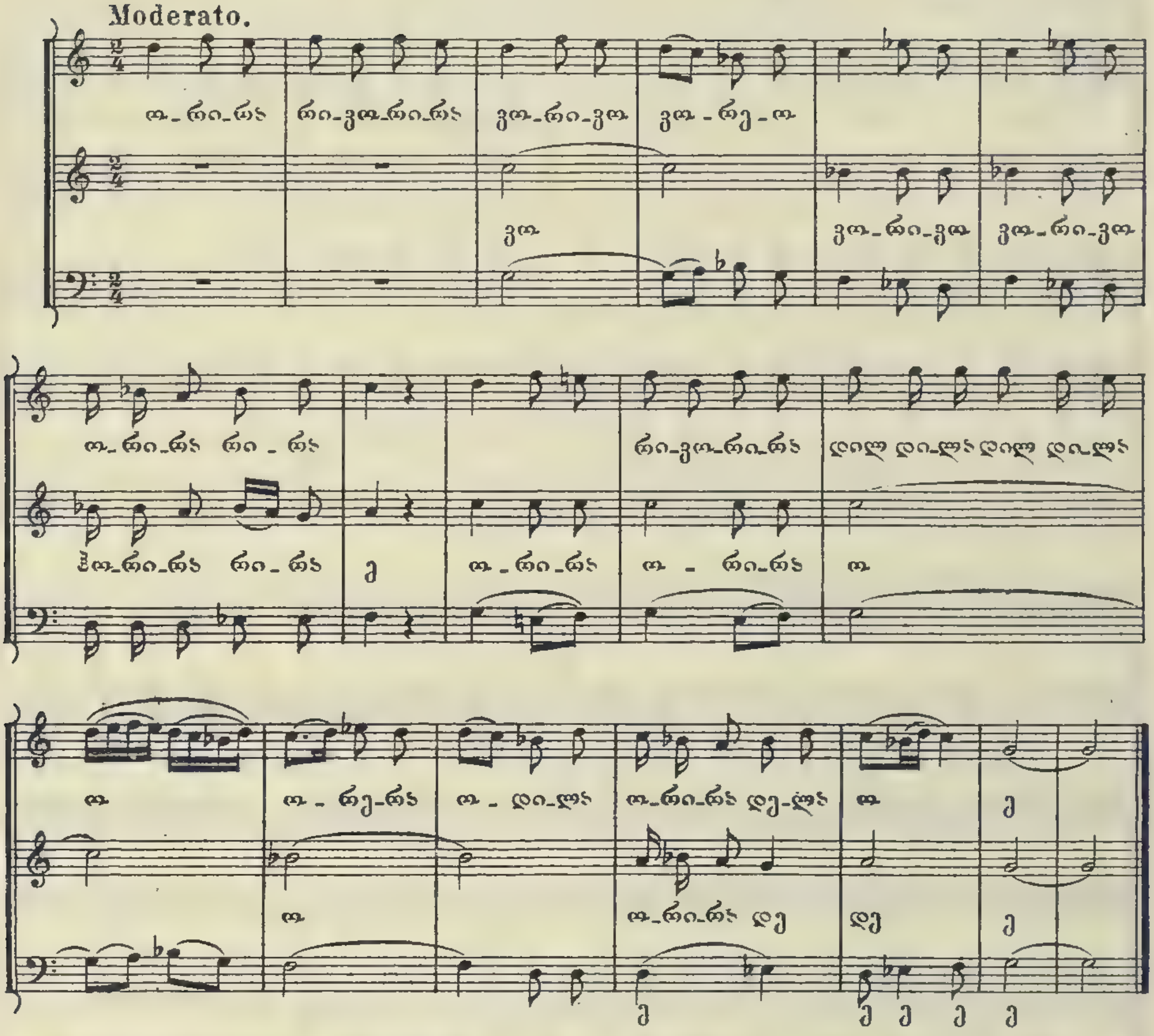


1) Звукъ выше.
2) Ниже.

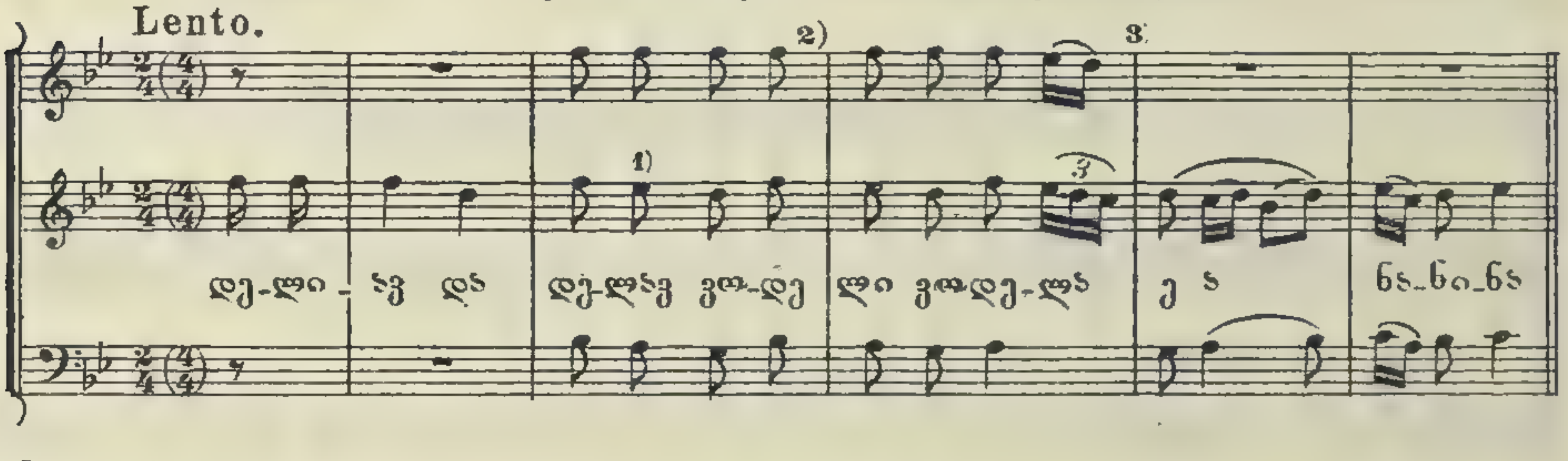


1) Звукъ выше. 3) Тоже. 5) Тоже. 7) Тоже.
2) Ниже. 4) Тоже. 6) Тоже.

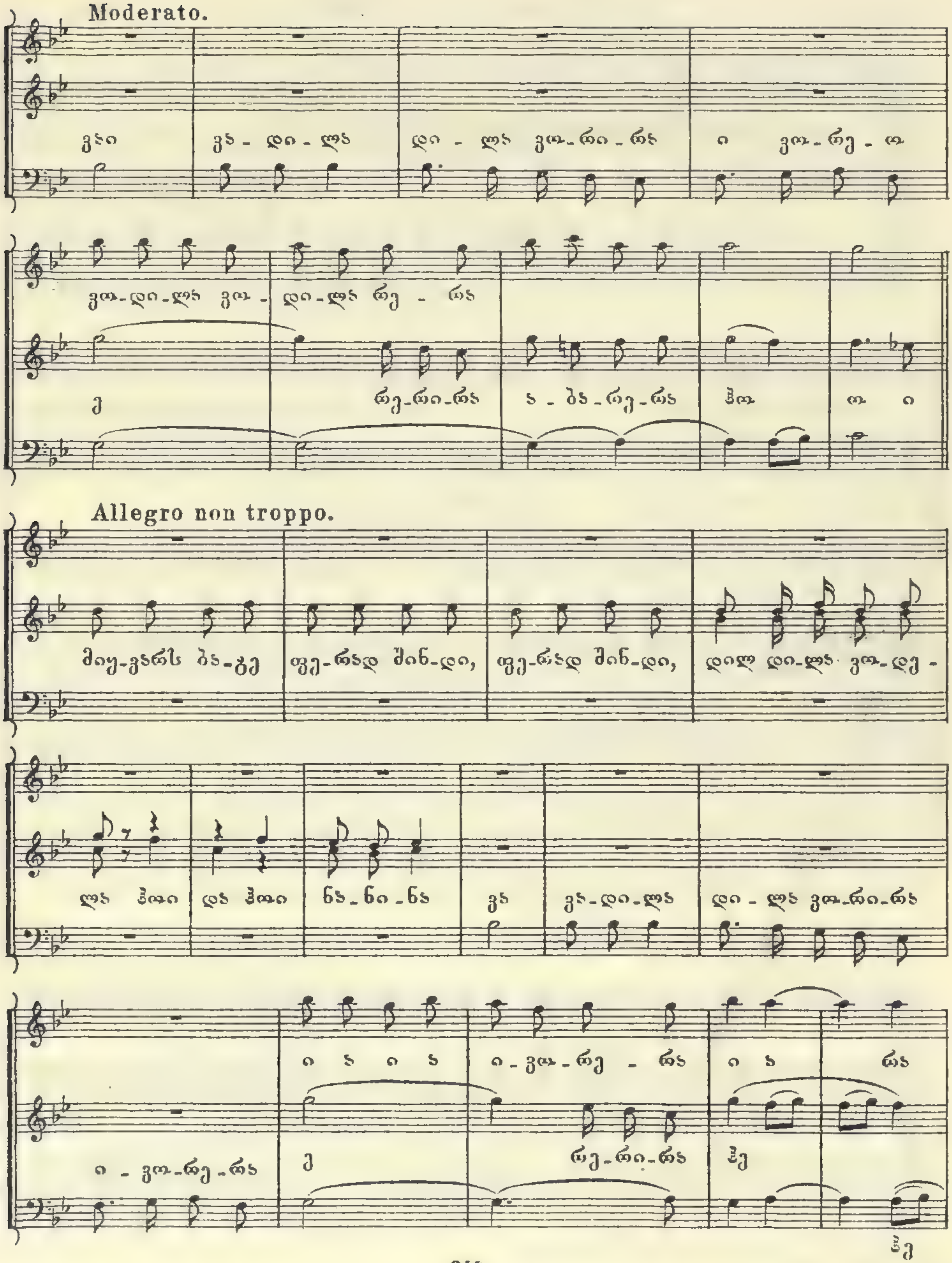
№ 25. ორირა. ОРИРА...



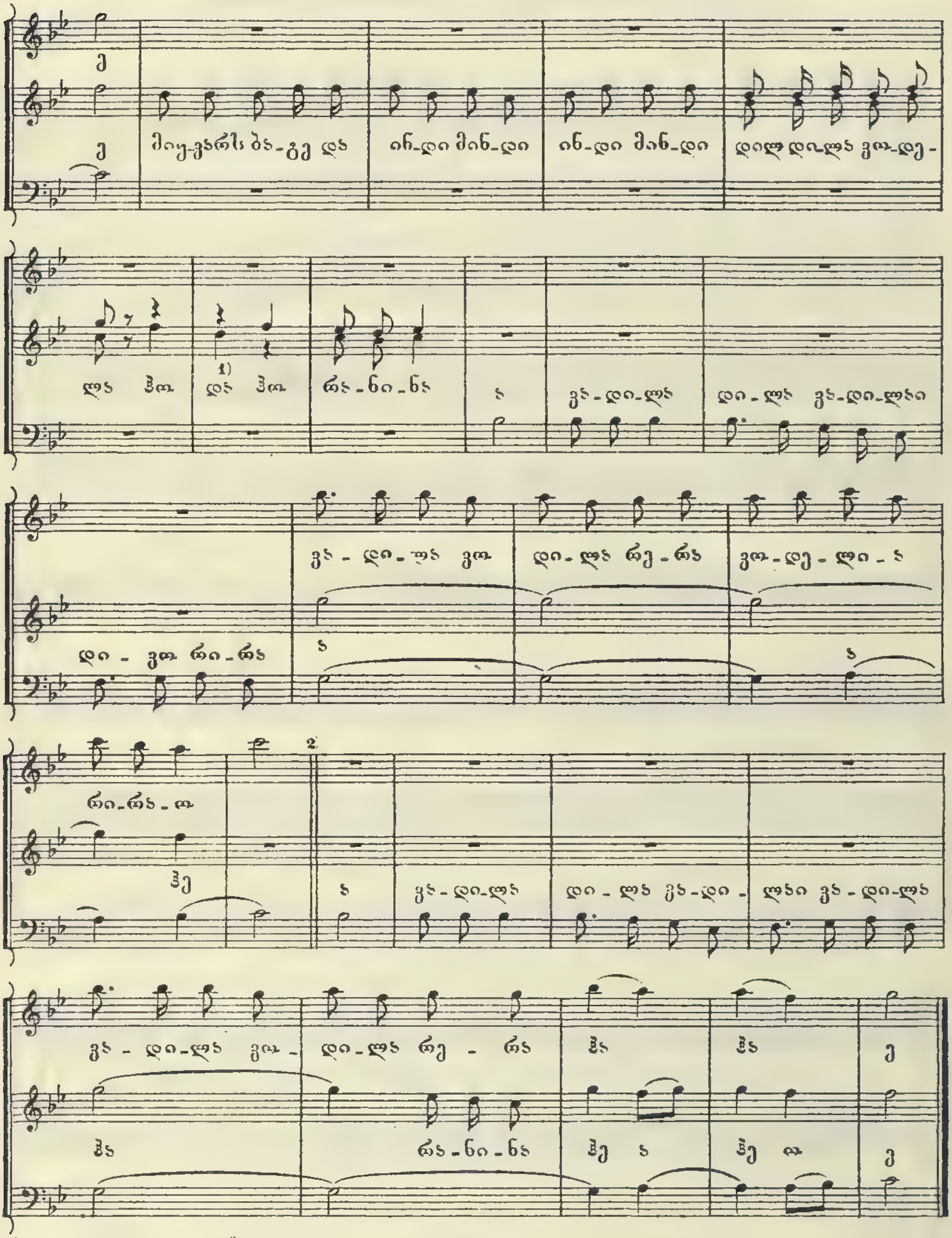
№ 26. ინდი-მინდი. ИНДИ-МИНДИ.



1) Звукъ выше.
2) Этотъ тактъ плохо слышенъ въ фонографѣ.
3) Дальше верхній голосъ тоже не слышенъ

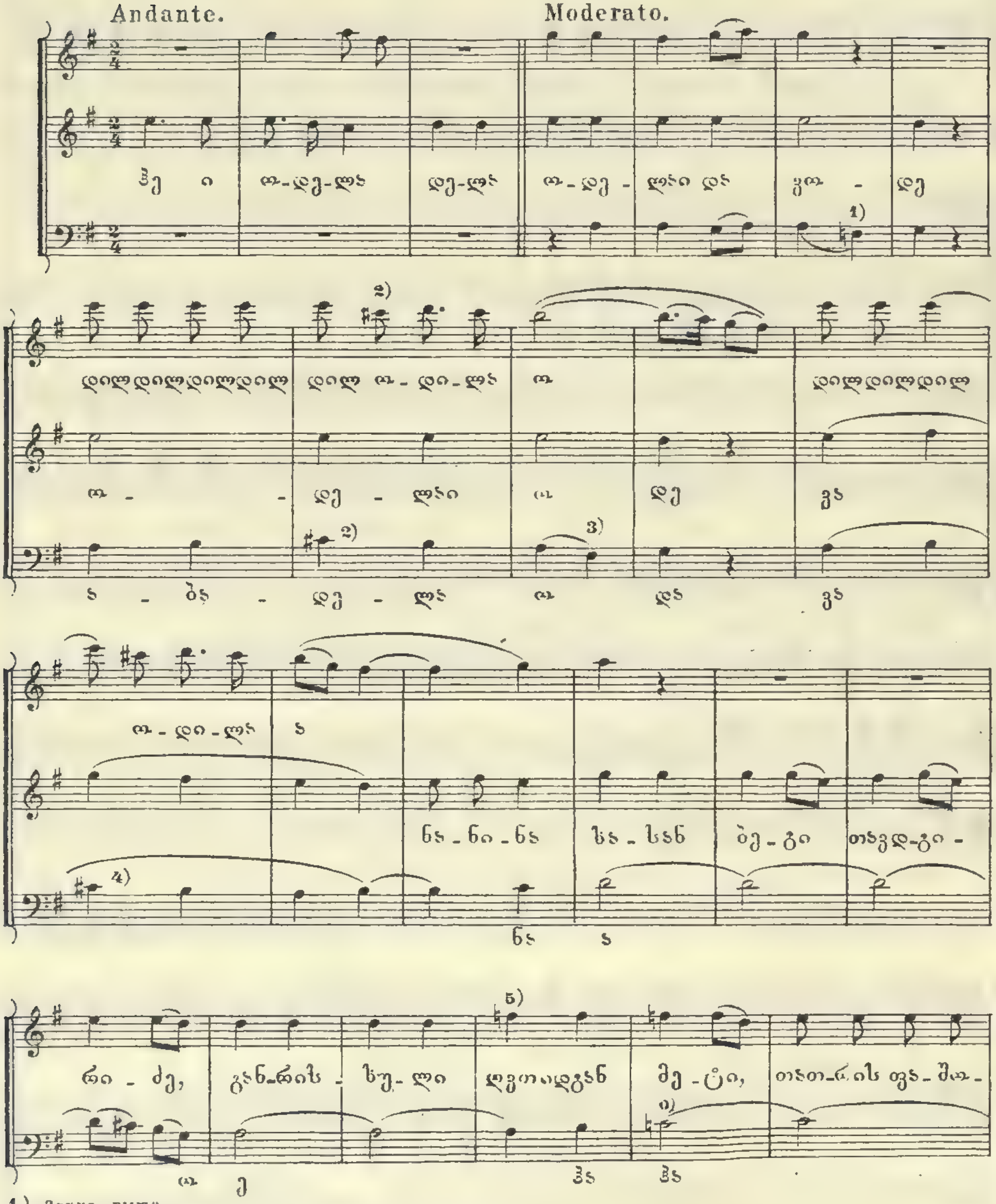

Moderato.
ვაი
ვა - დი - ლა
დი - ლა ვო-რი - რა
ი ვო-რე - ო
ვო-დი-ლა ვო - დი-ლა რე - რა
ე
რე-რი-რა
ა - ბა-რე-რა
ჰო
ო ი
Allegro non troppo.
მიყ-ვარს ბა-ბე
ფე-რად შინ-დი,
ფე-რად შინ-დი,
დილ დი-ლა ვო-დე -
ლა ჰოი
და ჰოი
ნა-ნი-ნა
ვა
ვა-დი-ლა
დი - ლა ვო-რი-რა
ი - ვო-რე-რა
ი ა ი ა
ი - ვო-რე - რა
ი ა
რა
ე
რე-რი-რა
ჰე
ჰე

22

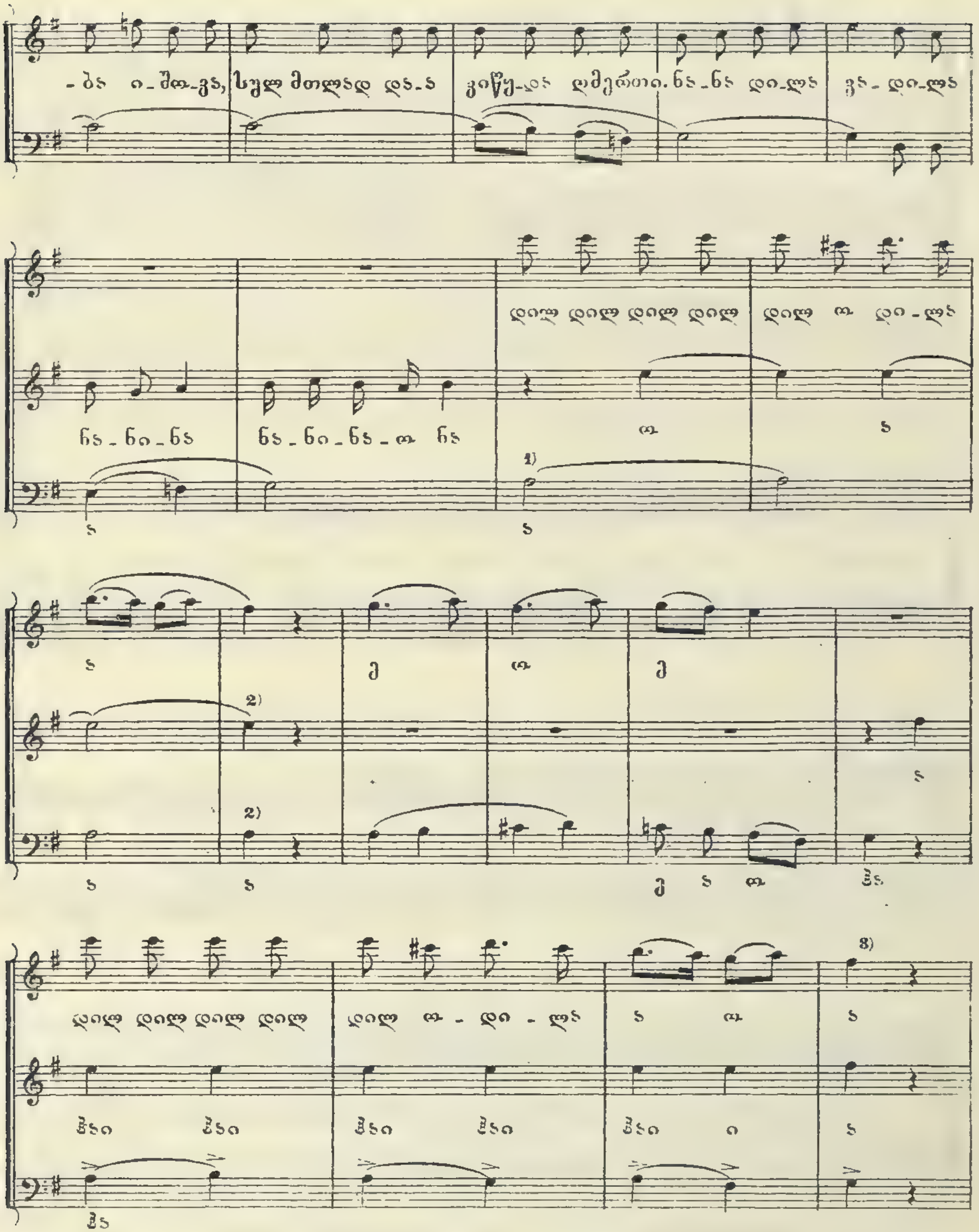


1) Звукъ произвольный.
2) Далѣе въ фонограммѣ не было слышно, такъ какъ стерлось нѣсколько тактовъ.

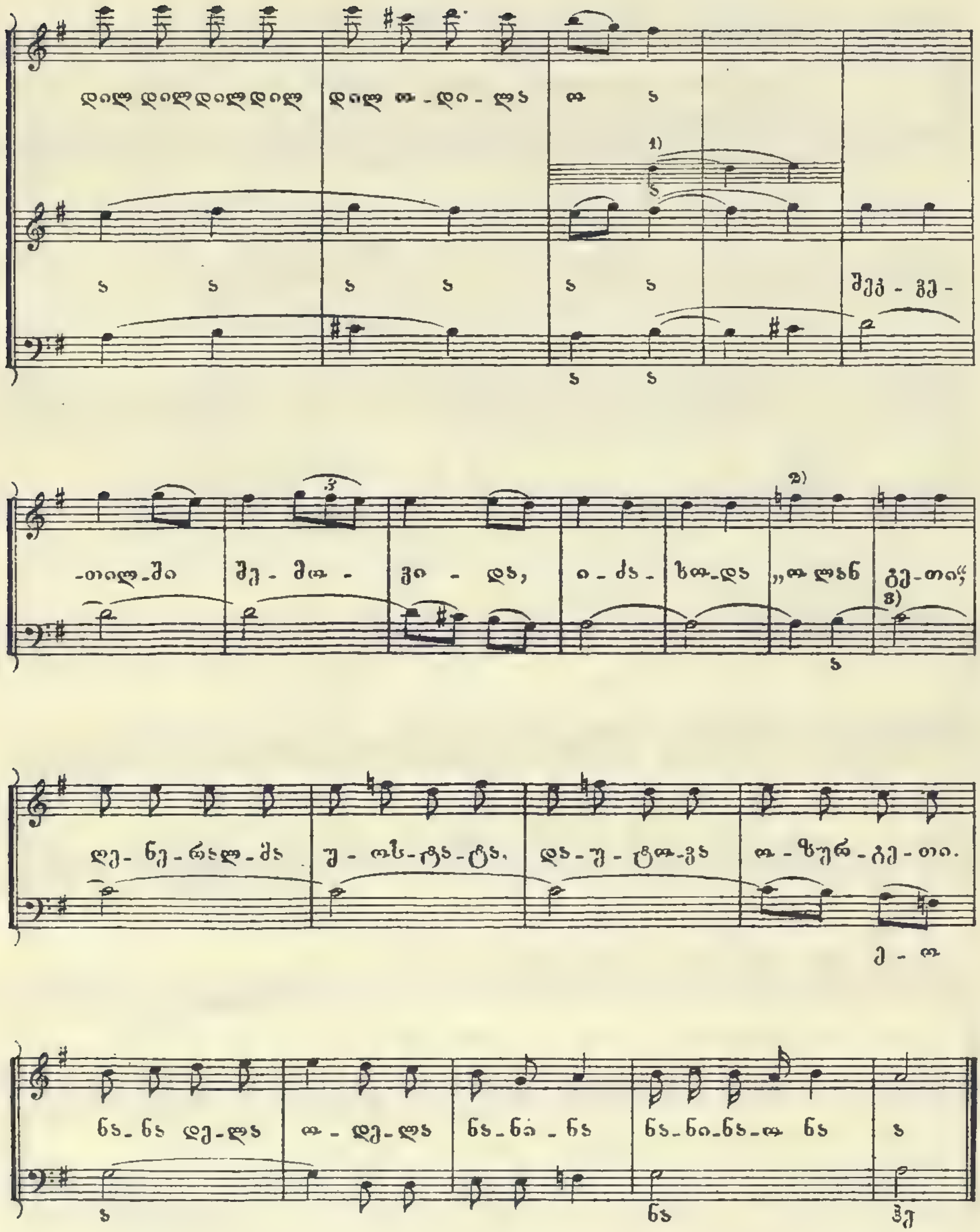
№ 27. ხასანბეგური. ХАСАНБЕГСКАЯ.



1) Звукъ выше.
2) Ниже.
3) Тоже.
4) Тоже.
5) Выше.
6) Тоже.



1) Вмѣсто яснаго звука а, часто слышишь совершенно неопредѣленный звукъ.
2) Звуки взяты произвольно.
3) Диссонансы записаны точно, хотя по сравненію съ фортепiано звучатъ гораздо мягче.

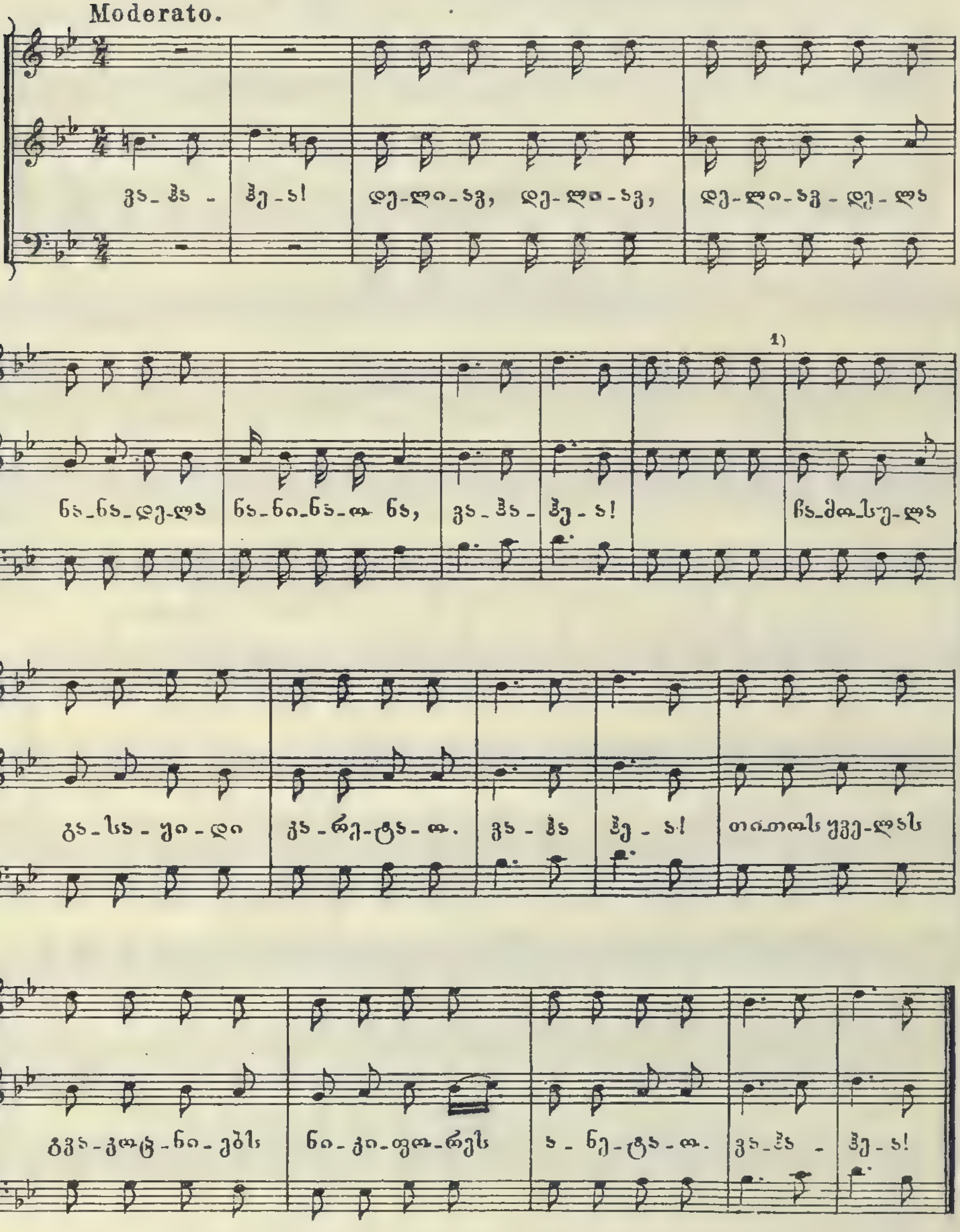


1) Эти ноты вставлялъ во время пѣнія еще одинъ пѣвецъ, принимая участіе время - отъ-времени.
2) Звукъ выше.
3) Тоже.

26

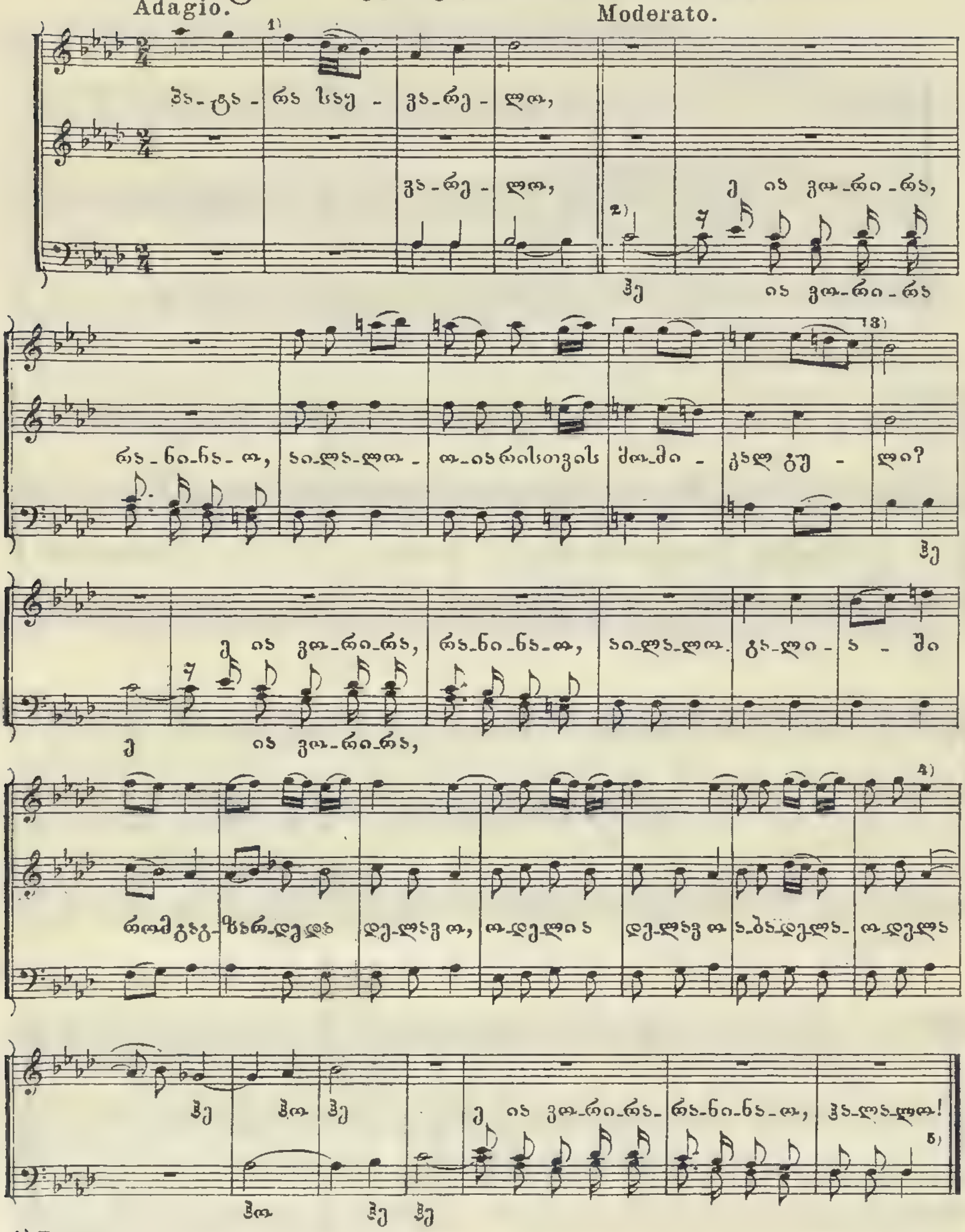
№28. ვახახე. ВАХАХЕ (Шуточная).

Moderato.



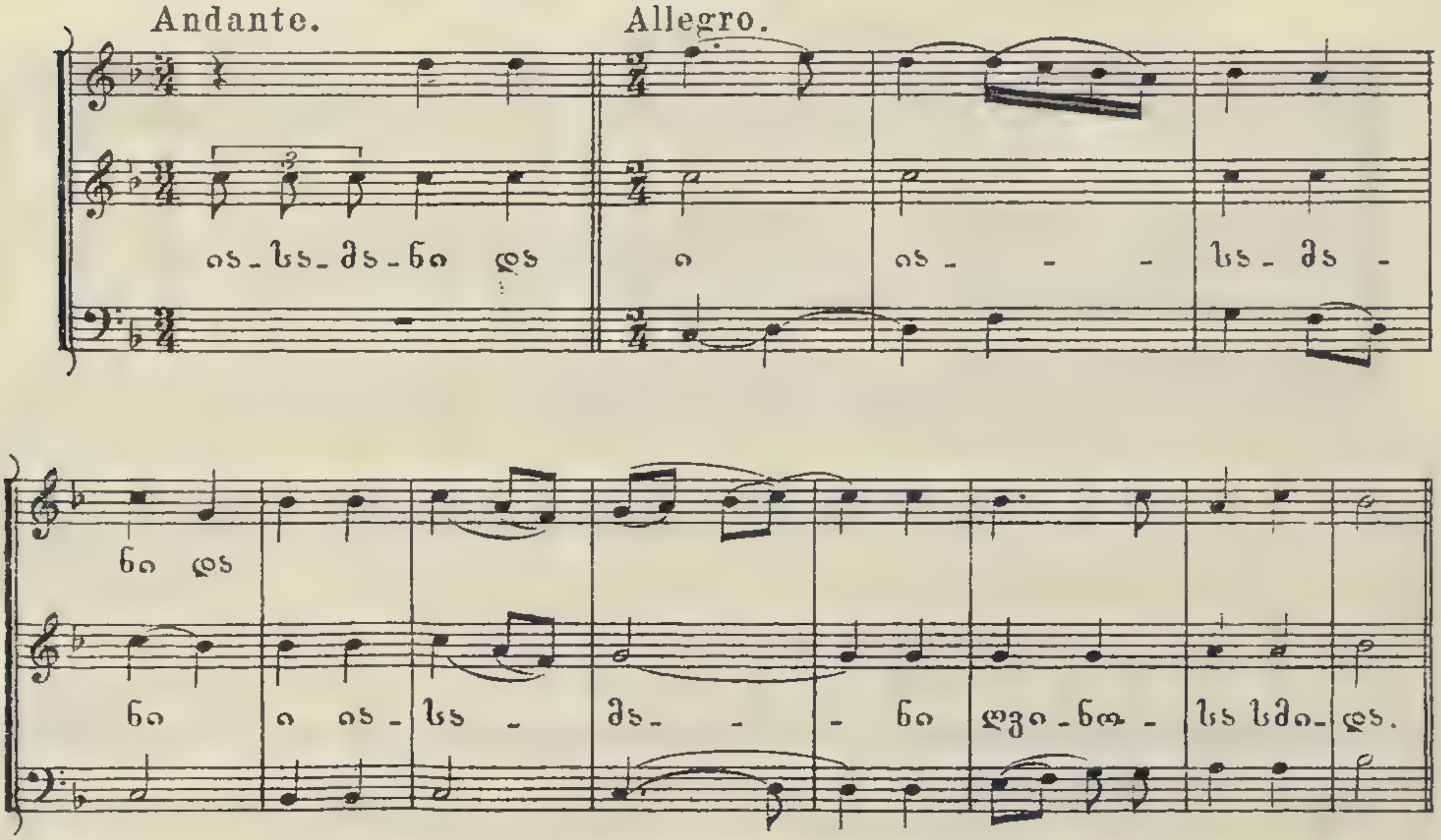
1) Слово въ этомъ тактѣ неразборчиво.

№29. პატარა საყვარელო. МАЛЕНЬКАЯ МИЛОЧКА.

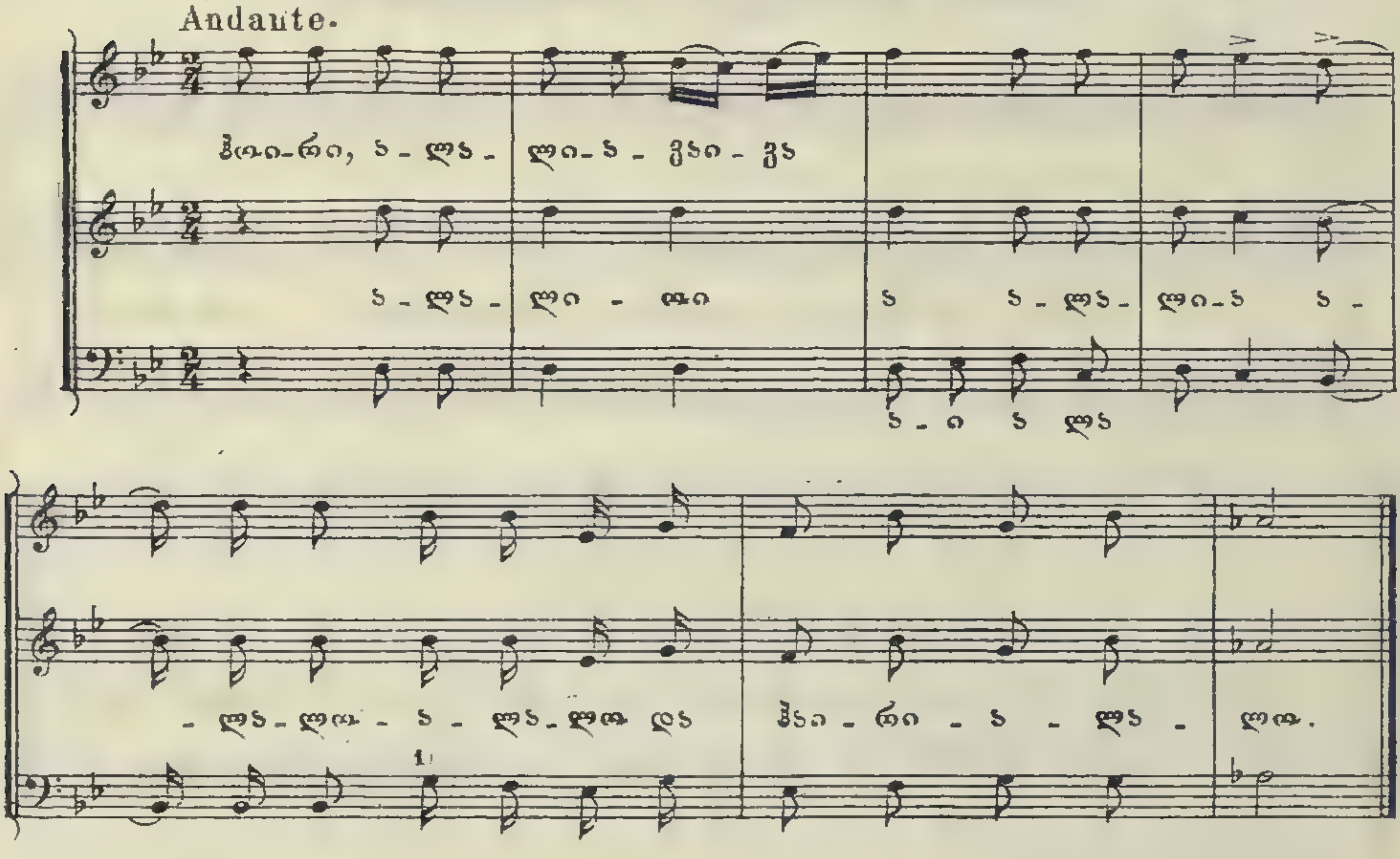


1) Первыя три ноты поются портаменто.
2) Звукъ ниже.
3) Этихъ двухъ тактовъ нѣтъ возможности точно передать въ отношенiи строя.
4) Звуки въ предыдущихъ тактахъ въ первомъ и третьемъ голосахъ не всегда ясны.
5) Въ общемъ на фортепiано пѣсня эта не передается вполнѣ.

№30. იასამანი და ღვინოს სმიდა. ЯСАМАНЪ ПИЛЪ ВИНО.



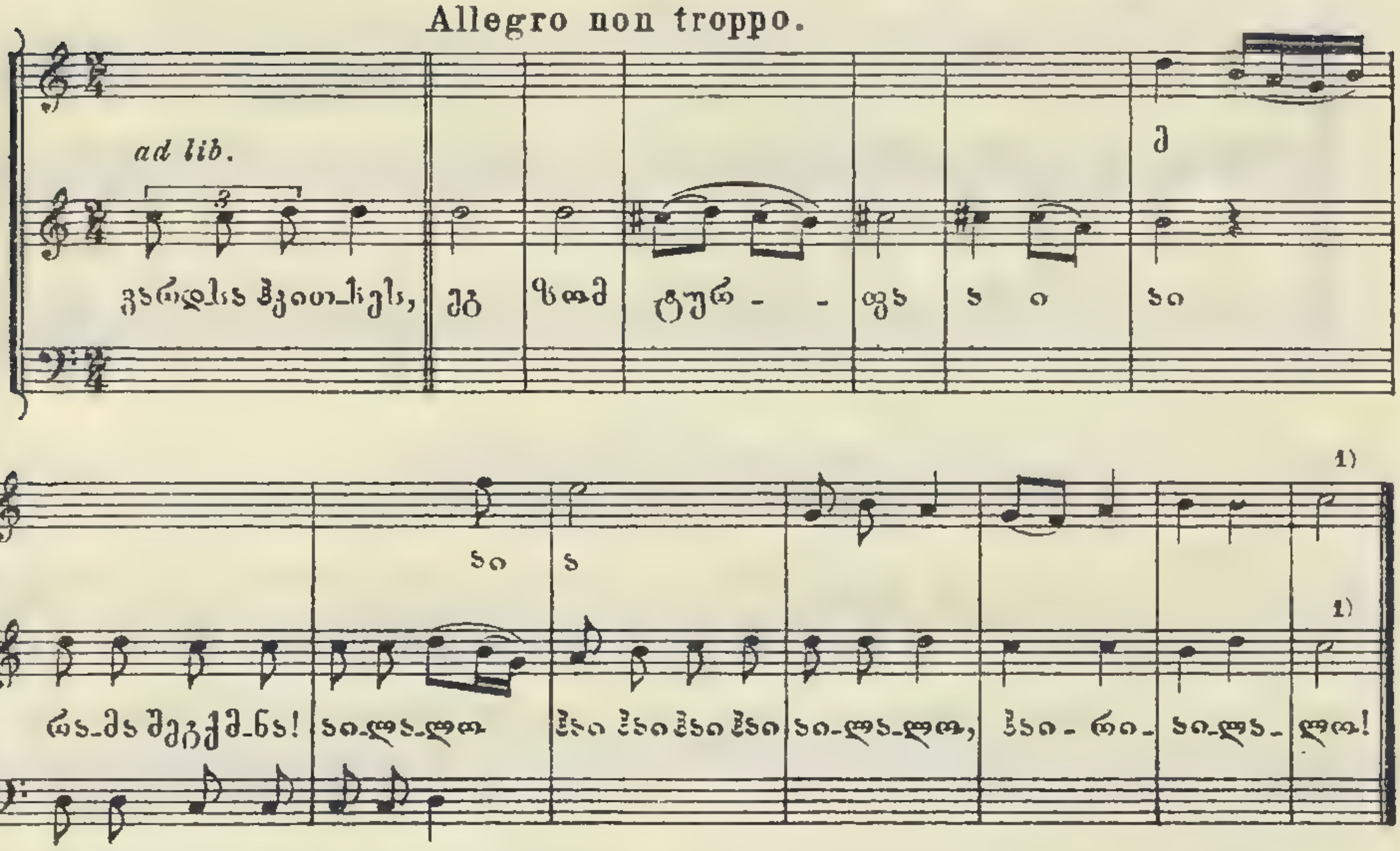
№ 31. სუფრული „ორი-რამა“ ЗАСТОЛЬНАЯ „ОРИ-РАМА“



1) Въ какомъ изъ трехъ голосовъ звучитъ данная фигура 16-ми, неопредѣленно.

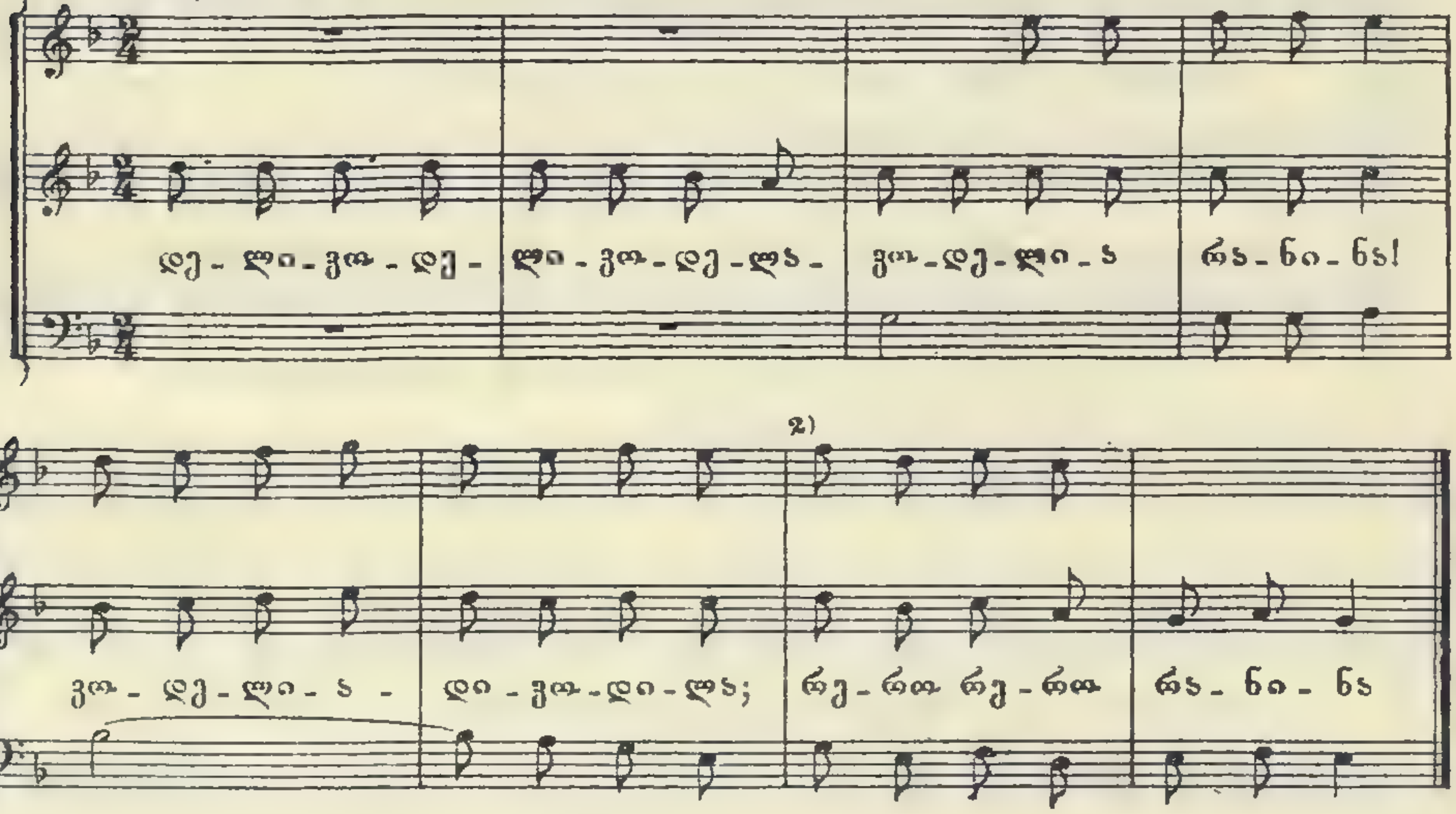
№32. ღიღინი. ЗАСТОЛЬНАЯ „ГИГИНИ“

Allegro non troppo.



№33. ფერხული. ХОРОВОДНАЯ.

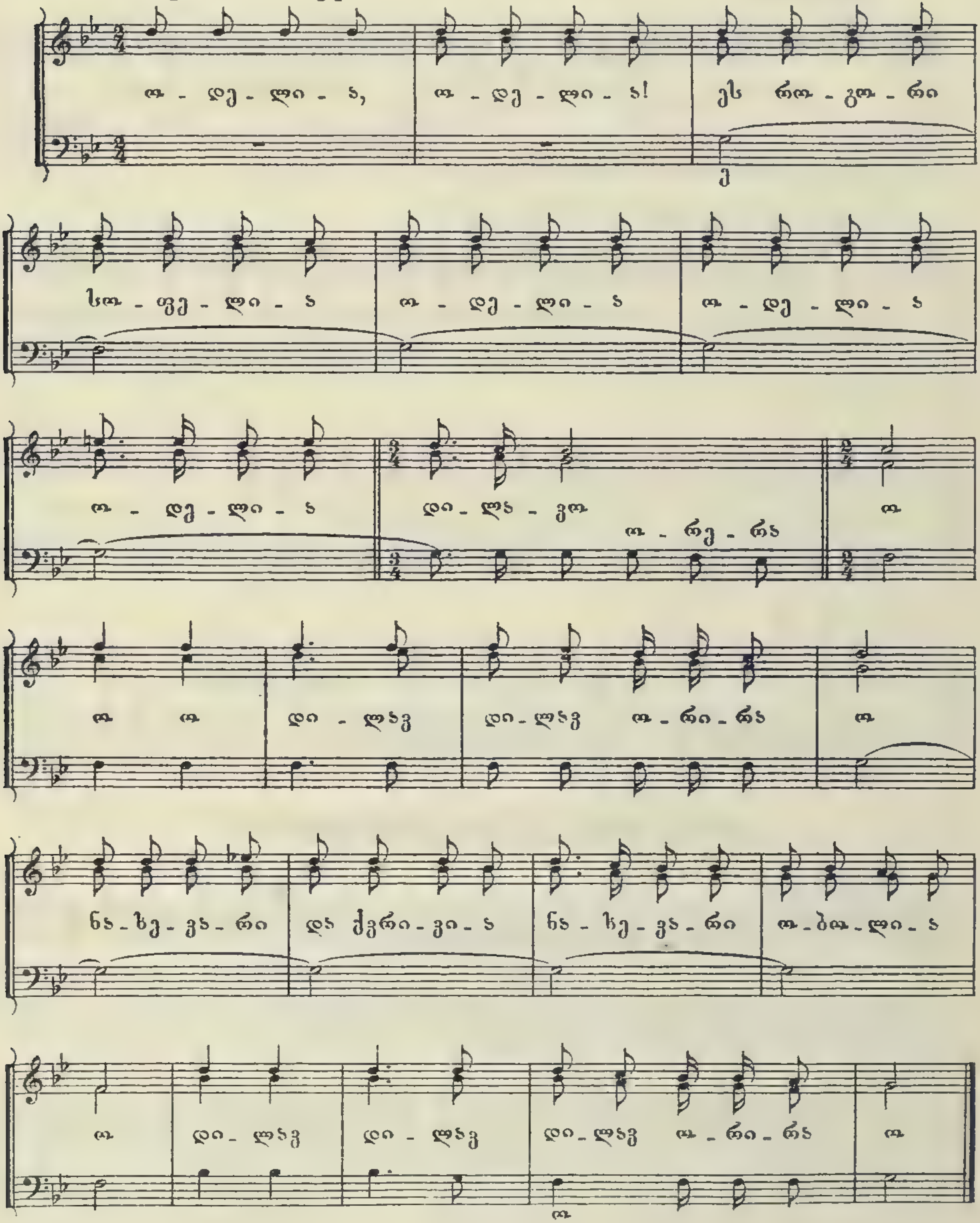
Allegro.



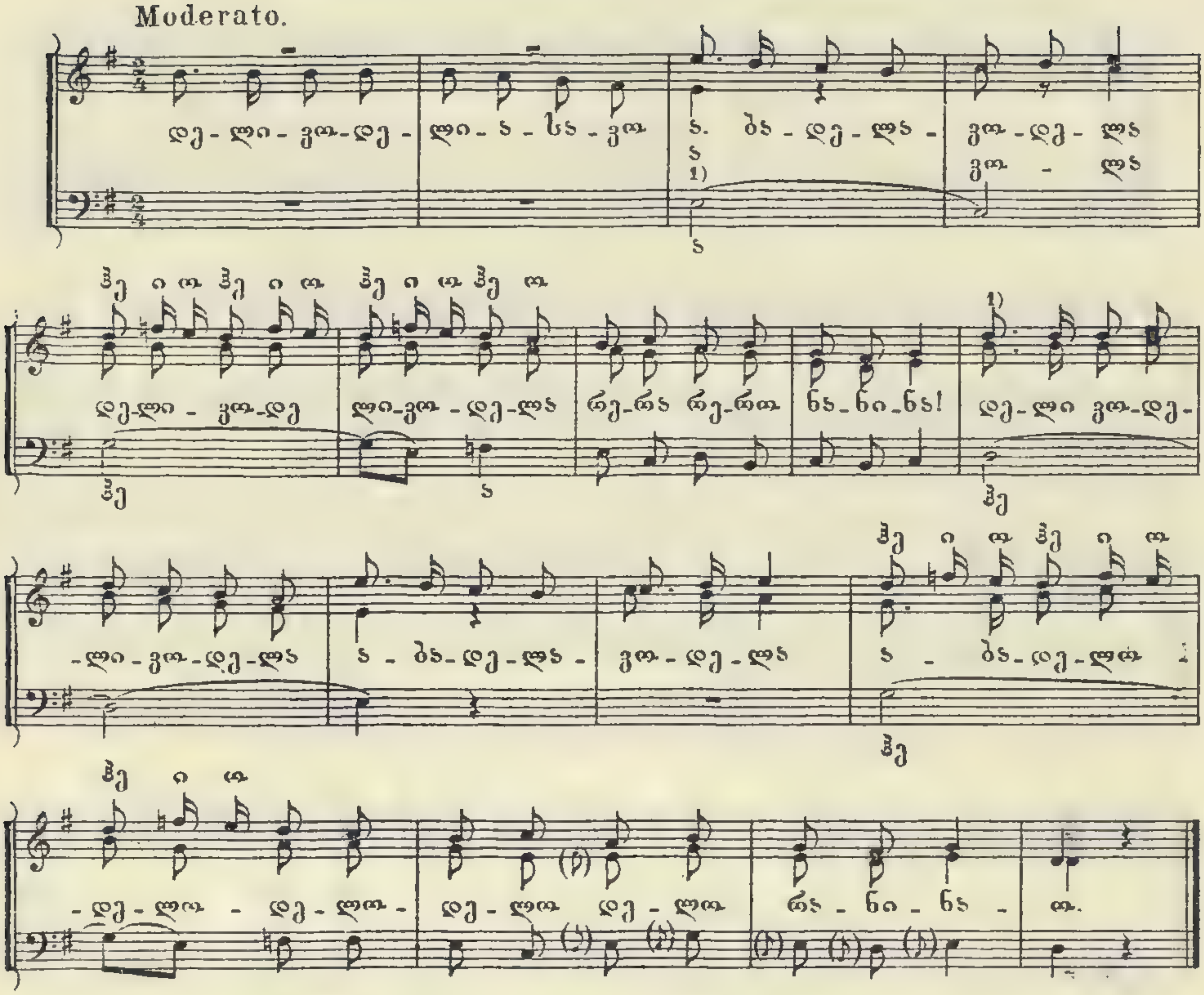
1) Первый и третій голосъ мѣстами пѣли не вѣрно, мы ихъ не записали. Звукъ do въ концѣ выше.
2) Послѣдніе два такта въ фонографѣ звучатъ не совсѣмъ ясно.

№ 34. ოდელია, ოდელია! ОДЭЛІА, ОДЭЛІА!

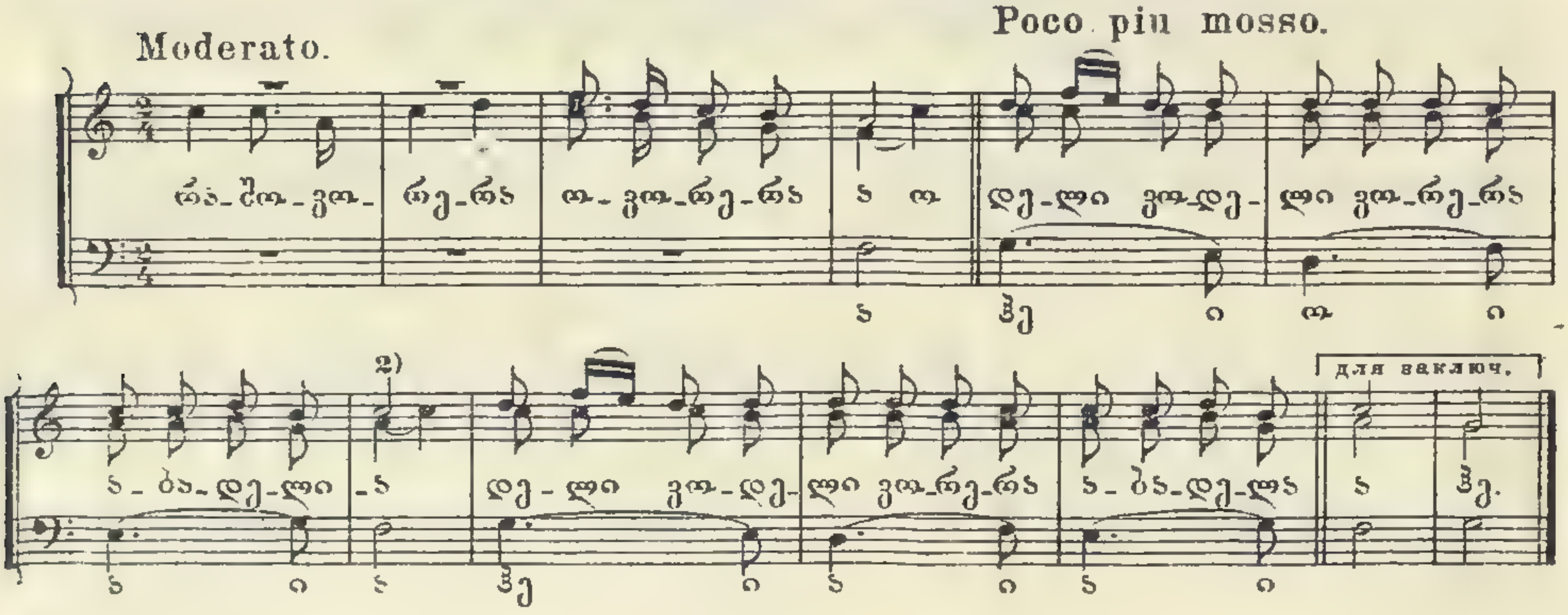
Allegro non troppo.



№ 35. მაყრული. СВАДЕБНАЯ.

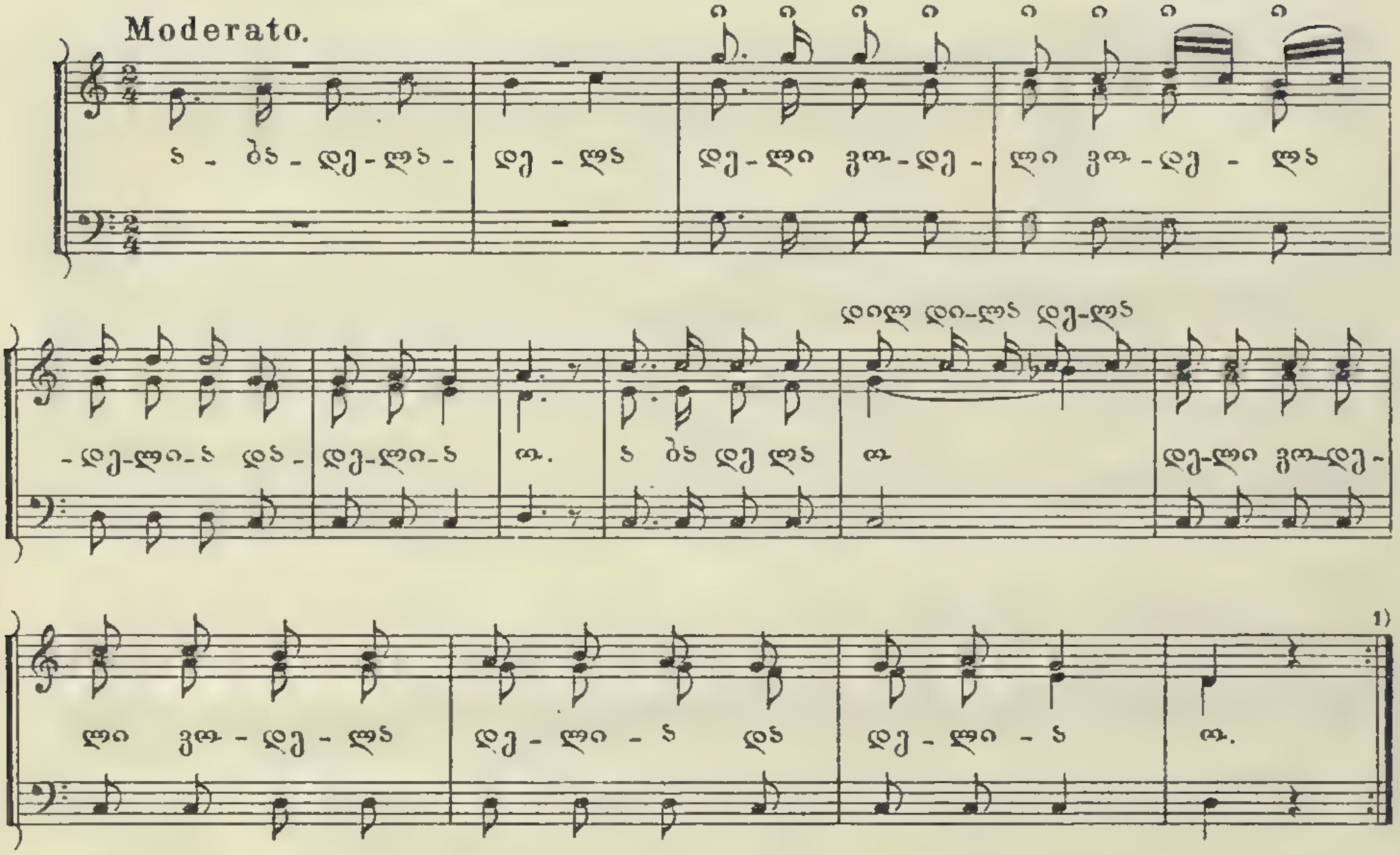


№ 36. რაშოვორერა. РАШОВОРЭРА.

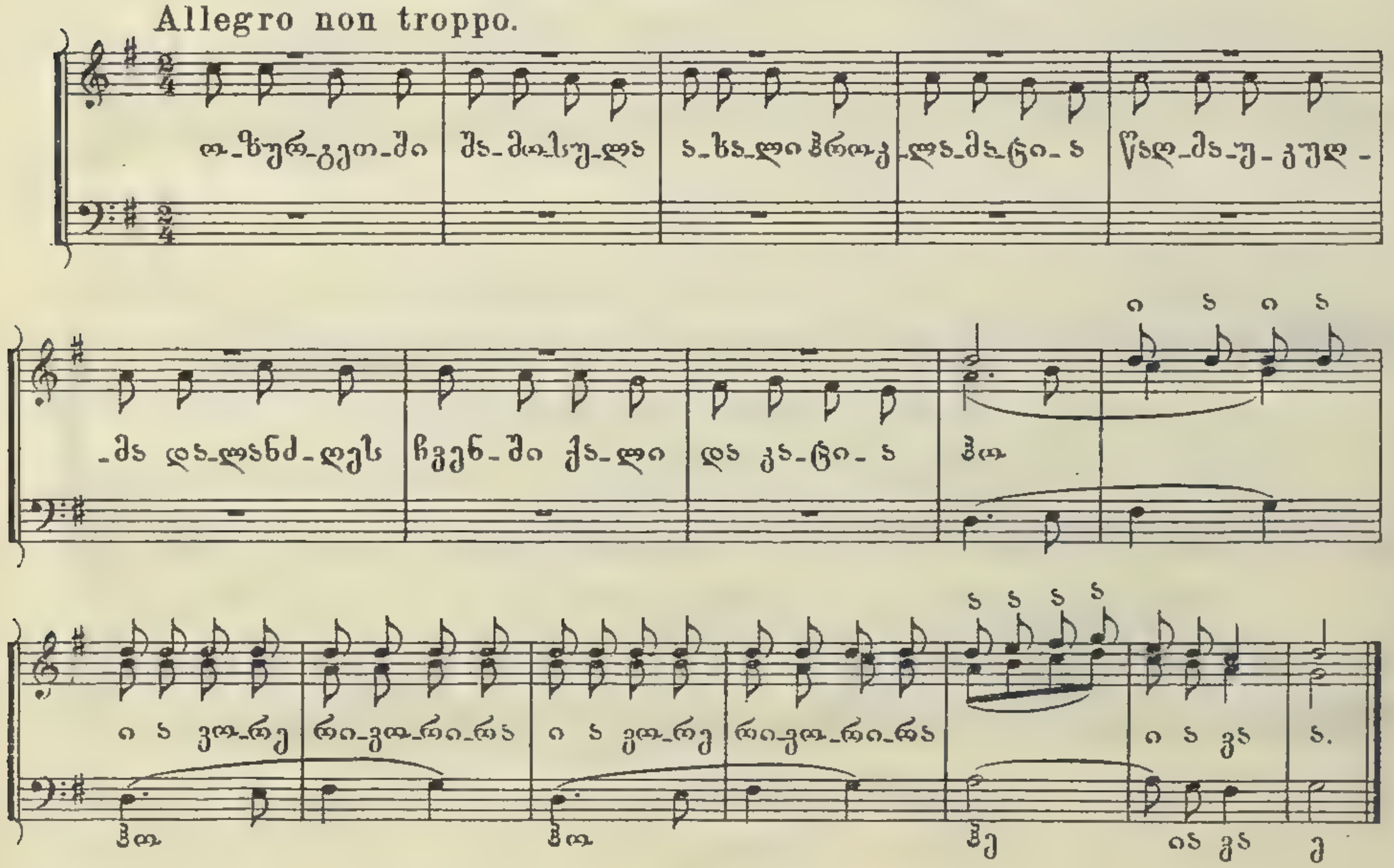


1) Первый голосъ поетъ больше на гласную а.
2) Съ этого такта вторая партія повторяетъ предыдущіе три такта, и такая перекличка происходитъ извѣстное количество времени.

№ 37. აბადელია. АБАДЭЛІА.

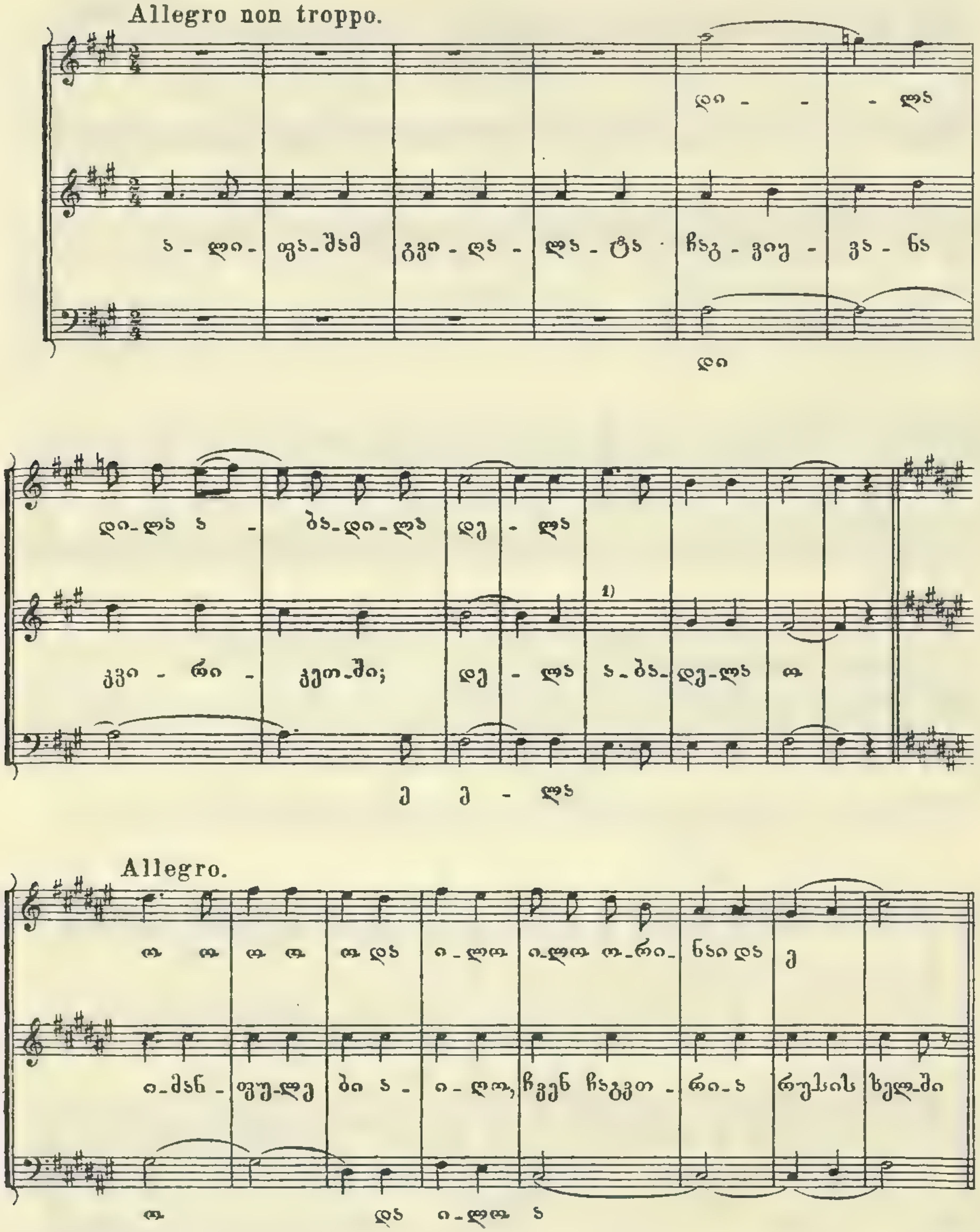


№ 38. პროკლამაცია. ПРОКЛАМАЦІЯ.

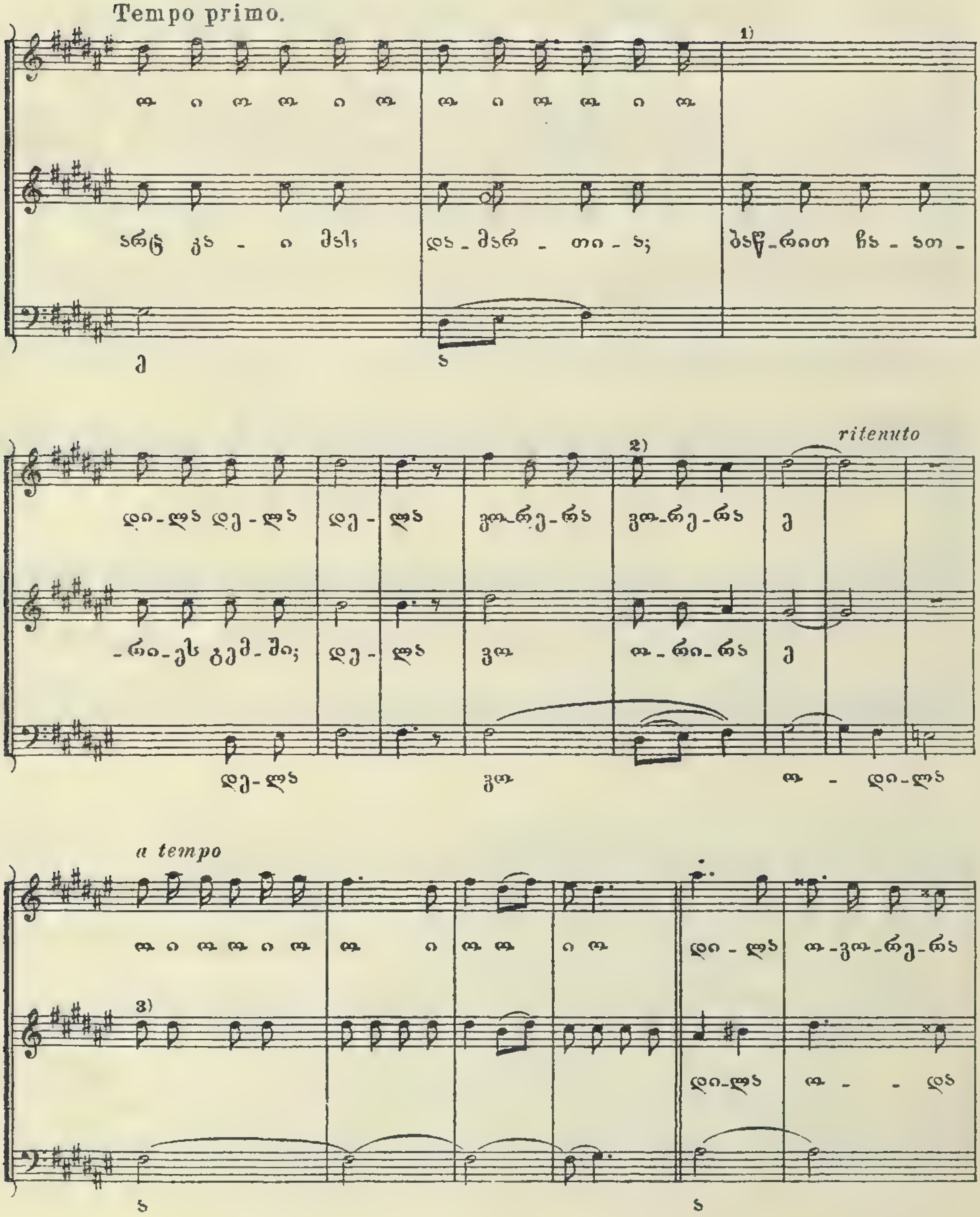


1) Повторяется другой группой, и такъ попеременно. 214

№ 39. ალი-ფაშა (მეორე ვარიანტი). АЛИ-ПАША (второй варіантъ).



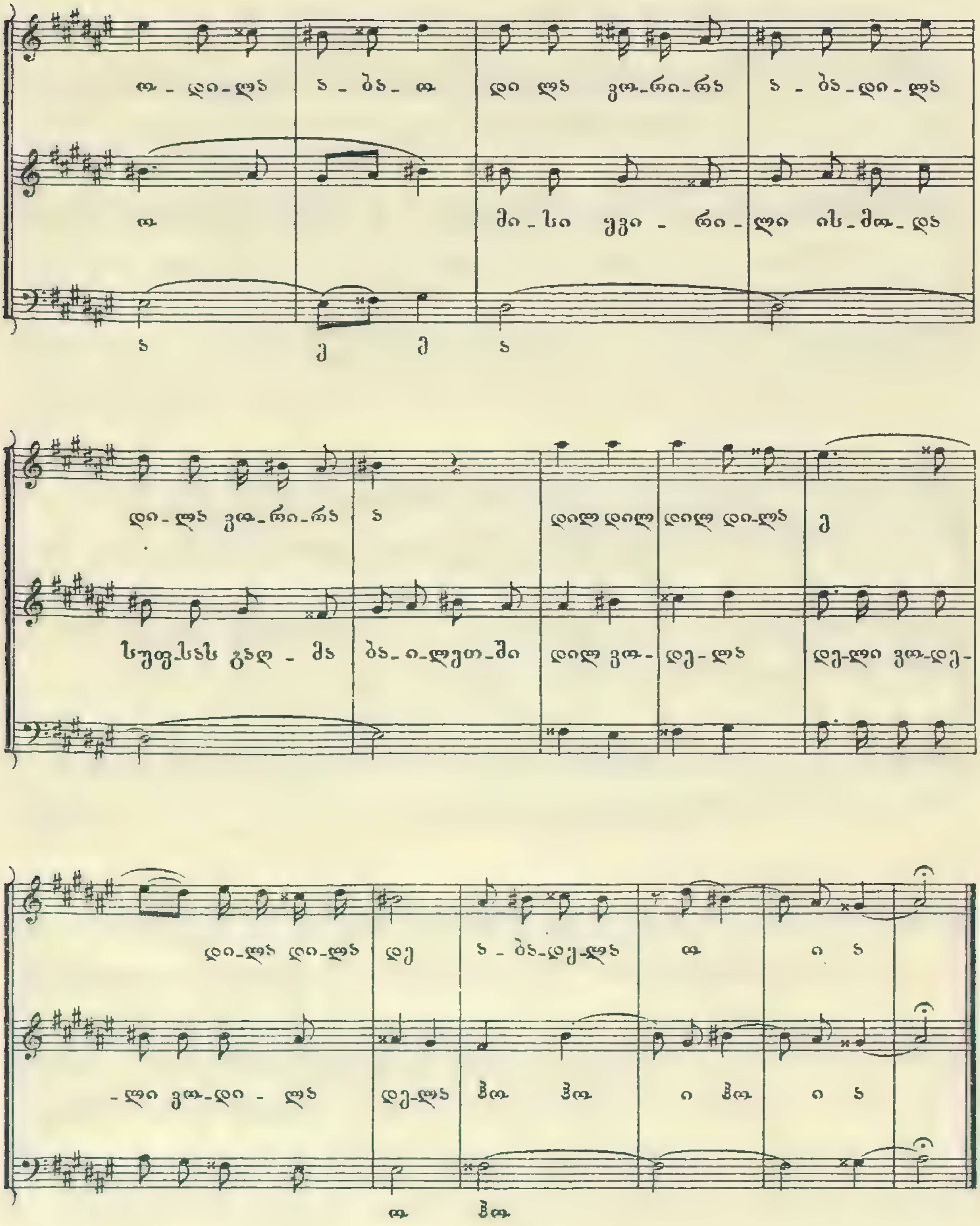
1) Второй голосъ здѣсь не слышенъ.



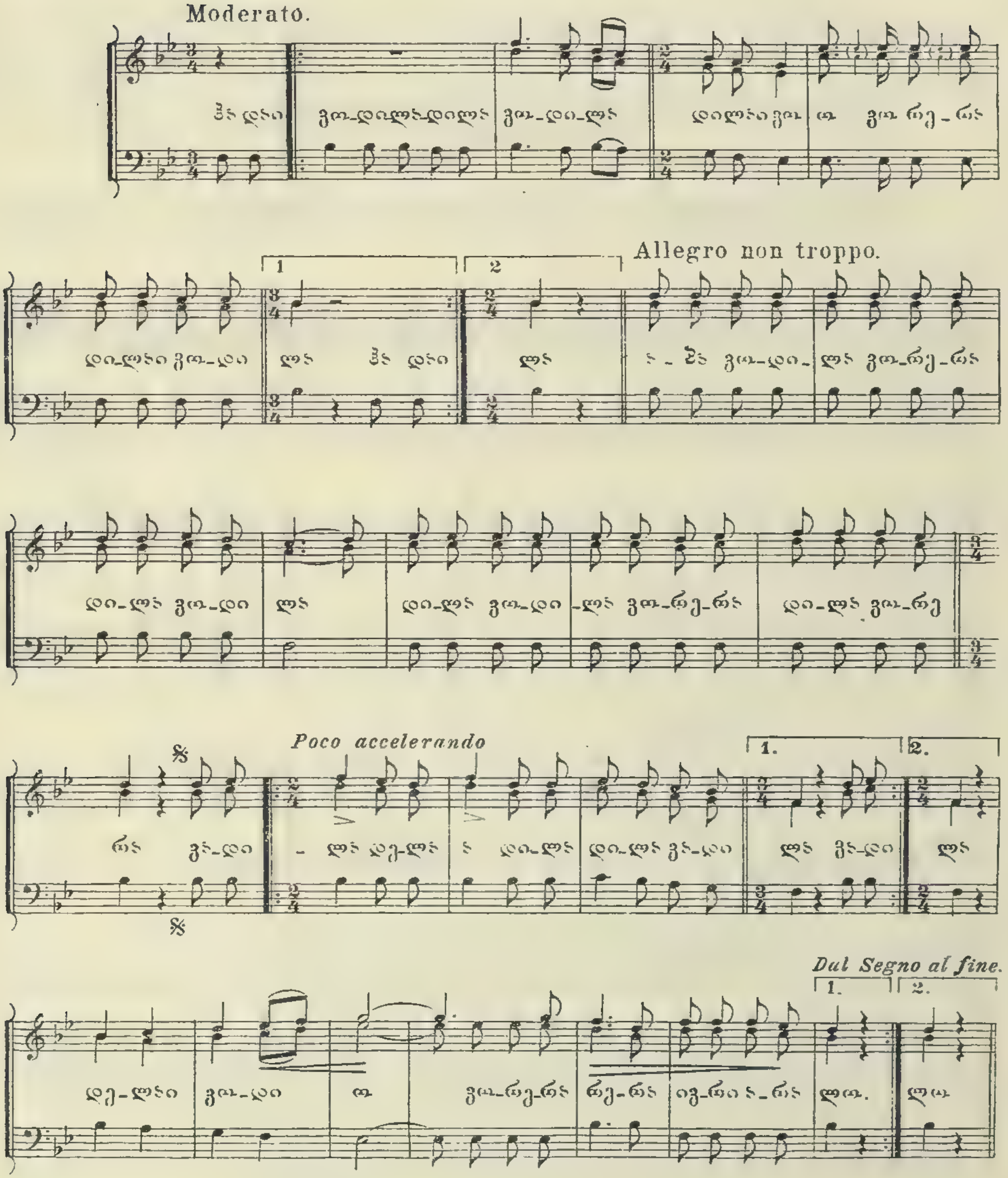
1) Пустыя мѣста, необозначенныя нотами, не слышны въ фонографѣ.

2) Звукъ ниже.

3) Во второмъ голосѣ словъ нельзя разобрать. 214

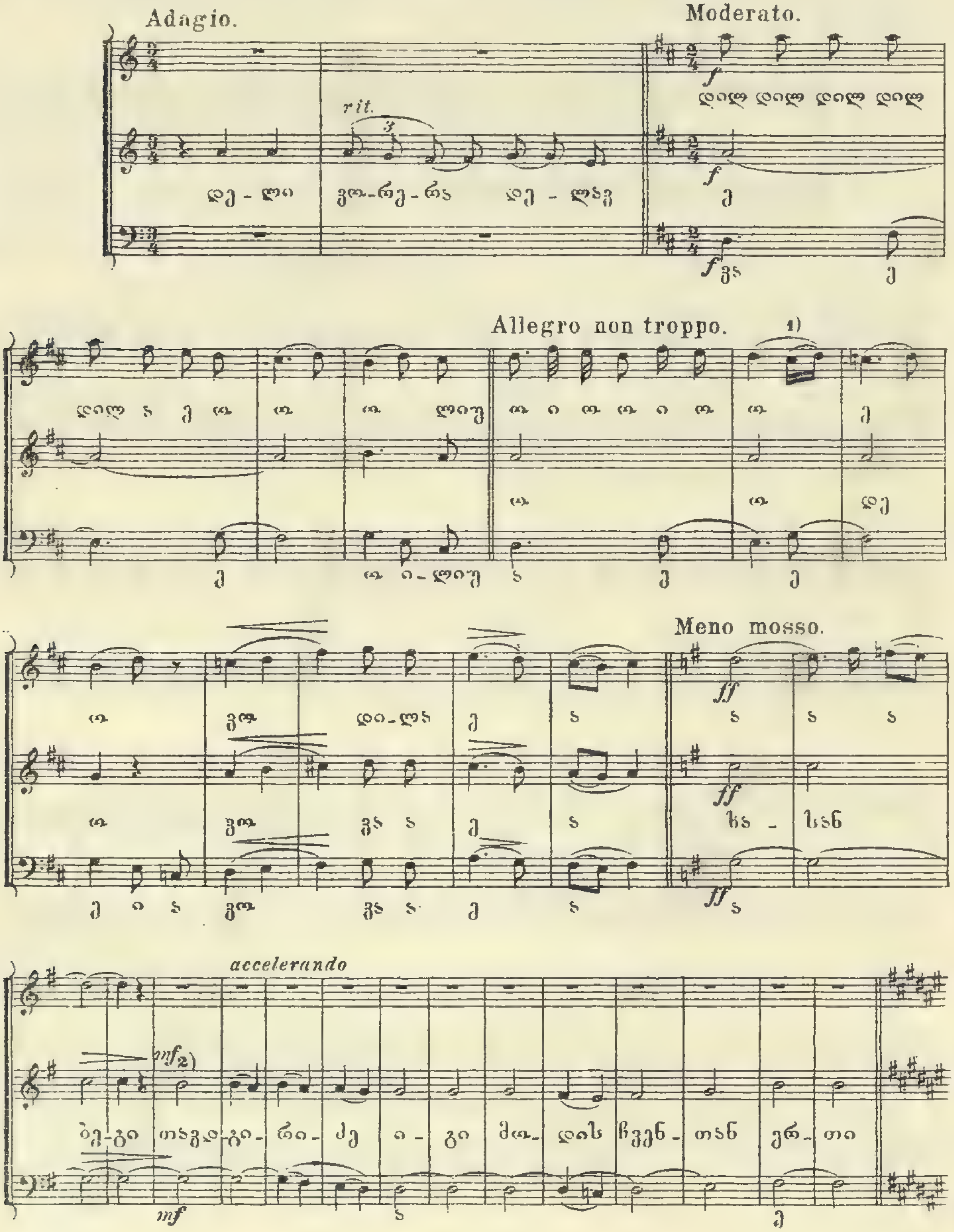

თ - დი - ლა ა - ბა - თ დი ლა ვთ-რი-რა ა - ბა - დი - ლა
თ მი - სი ყვი - რი - ლი ის - მო - და
ა ე ე ა
დი - ლა ვთ - რი - რა ა დილ დილ დილ დი-ლა ე
სუფ-სას გაღ - მა ბა - ი - ლეთ - ში დილ ვთ - დე - ლა დე-ლი ვთ-დე-
დი-ლა დი-ლა დე ა - ბა-დე-ლა თ ი ა
- ლი ვთ-დი - ლა დე-ლა ჰთ ჰთ ი ჰთ ი ა
თ ჰთ

№ 40. დილა ვოდილა. ДИЛА ВОДИЛА.*)

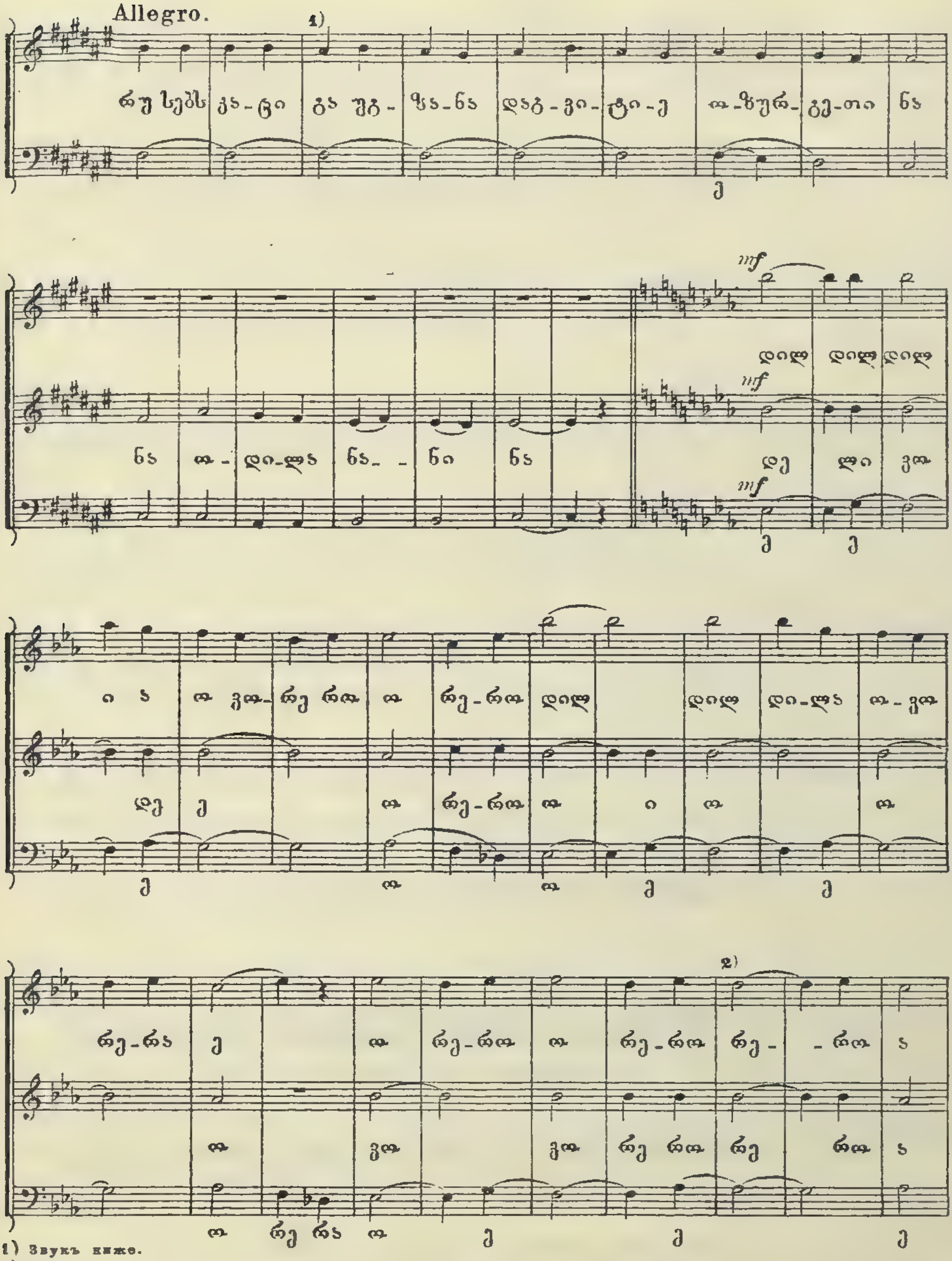


*) Пѣсня городского происхожденія, перешедшая въ народъ. 214

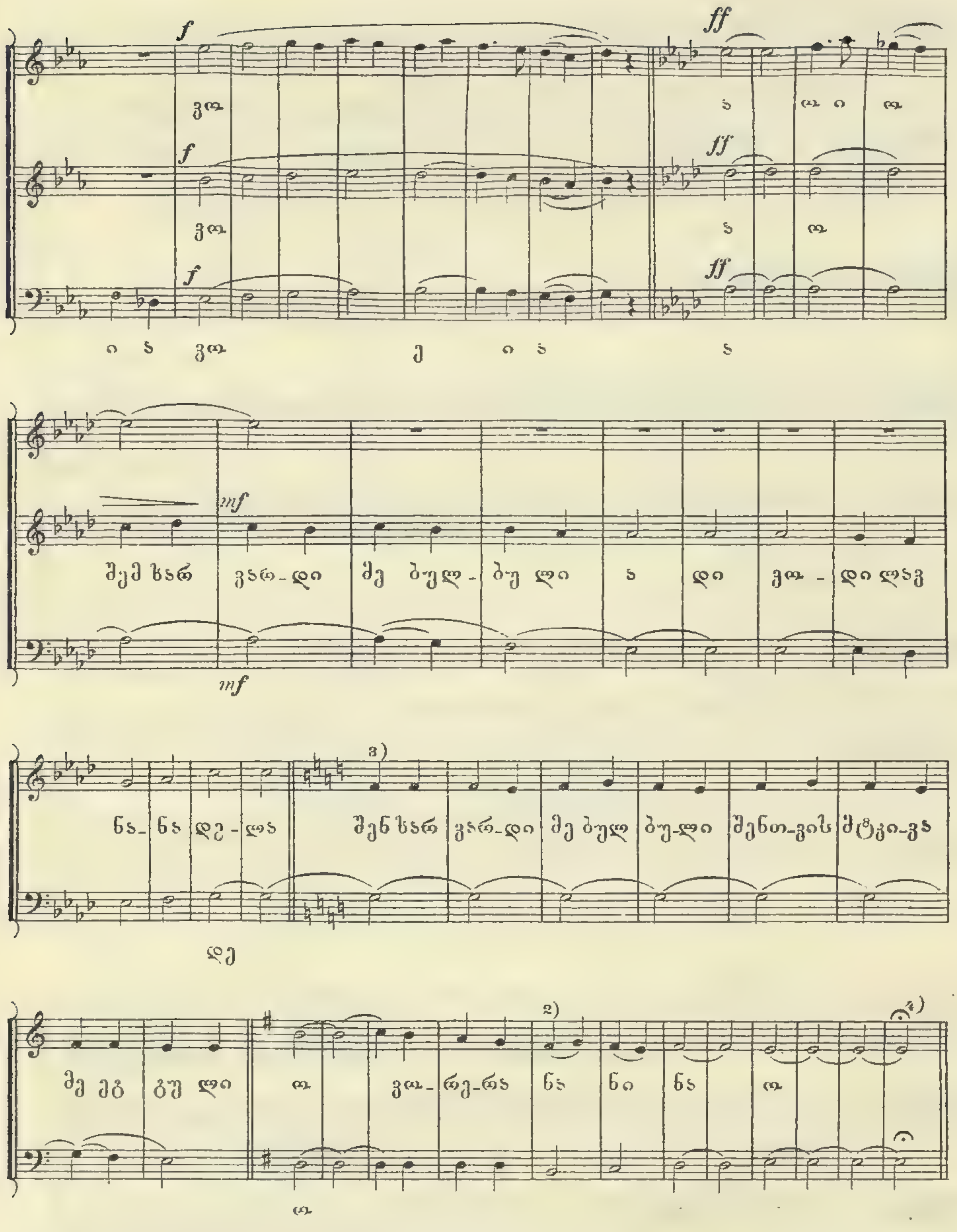
№ 41. ხასანბეგური (მეორე ვარიანტი). ХАСАНБЕГСКАЯ (второй варіантъ).



1) Звукъ ниже.
2) Тоже.



1) Звукъ ниже.
2) Тоже.



1) Звукъ ниже
2) Тоже. 3) Эти слова спѣты, какъ намъ кажется, не впопадъ.
4) Въ отношеніи строя, эта пѣсня за фортепіано мѣстами не выходитъ.

II.

Мингрельская вѣтвь.

I.

Нынѣшніе мингрельцы въ глубокой древности были извѣстны подъ именемъ колховъ. Ихъ страну Колхиду, если вѣрить преданію о золотомъ рунѣ, посѣтили еще въ героическомъ періодѣ величайшіе герои Греціи, какъ, напр., Геркулесъ, Тезей, Пиритой и др. Что тогда она изъ себя представляла, неизвѣстно, но что касается дальнѣйшаго, то мы уже знаемъ эту страну, какъ отдѣльную провинцію Грузіи. „Подъ именемъ Грузіи извѣстно было съ древнихъ временъ то пространство Закавказья, въ составъ котораго входили часть Албаніи, Иверія, Колхида, Месхія и Страбоновъ Таохіо, или грузинскій Таосъ-кари. Оно занимало верхнія области Куры съ долинами—съ сѣвера Арагвы, съ юга Храма или Кціи, Дебеды и Ахстафы, съ востока Алазани, съ запада Чороха, съ сѣверо-запада Ріона и его притоковъ до самыхъ Гагръ. На этомъ пространствѣ господствовалъ грузинскій языкъ съ родственными ему діалектами—сванетскимъ, мингрельскимъ и лазскимъ. Сваны еще въ глубокой древности жили тамъ же, гдѣ живутъ и нынѣ. Мингрельцы занимали все прибрежье Чернаго моря, начиная отъ Кубани до самаго Трапизонда, и самый Трапизондъ, т.-е. ту полосу,—вполнѣ или нѣтъ, не знаемъ,—которая въ позднѣйшія времена заселена была черкесами и абхазцами, гурійцами, дчанами или лазами“ [1]). Въ настоящее время мингрельцы, какъ извѣстно, населяютъ Зугдидскій и Ново - Сенакскій уѣзды и Самурзаканскій округъ Кутаисской губерніи.

До XV ст. Мингрелія, какъ часть цѣлой Грузіи, жила одной общей съ ней жизнью, перенося всѣ ея радости и невзгоды; но когда въ XV ст. Грузія раздѣлилась на три части, она также отпала, вмѣстѣ съ Имеретіей, Гуріей и Сванетіей, въ отдѣльное мингрельское княжество, ставъ въ вассальное отношеніе къ имеретинскому царю. Это вассальное отношеніе, впрочемъ, было недолго; дальше и она отвоевала себѣ независимость и управлялась своими владѣтельными князьями.

Мингрельцы говорятъ грузинскимъ и своимъ мингрельскимъ языкомъ, родственнымъ съ первымъ. Проф. Цагарели высказываетъ мысль, что мингрельскій и грузинскій языки произошли отъ одного и того же отца [2]).

Одѣваясь совершенно по-грузински, мингрельцы носятъ на головѣ *папанаки*—полукруглый кусокъ сукна или матеріи, а женщины вмѣсто *лечаки* употребляютъ

---

[1]) Изъ „Записки въ Имп. Акад. Наукъ“, *Д. Бакрадзе* (См. Арх. пут. по Гуріи и Адчарѣ, предисл. VI стр.).

[2]) Изв. Кав. О. И. Р. Г. О., V т.

тюлевые или газовые куски, фантастически намотанные на голову. Въ общемъ мингрельцы имѣютъ много общаго съ нравами и обычаями грузинъ, что неудивительно, если принять въ соображенiе ихъ многовѣковую единую жизнь съ ними.

Живутъ мингрельцы не деревнями, а въ отдѣльныхъ, уединенныхъ хижинахъ и прячутъ жилища свои въ густой зелени деревъ. Гигантскiй чинаръ или орѣшникъ защищаетъ убогую саклю мингрельца отъ дождя и вѣтра, и около этого орѣшника, подъ его тѣнью, находится вся усадьба, все хозяйство жителя [1]).

Вообще, мингрелецъ живетъ среди роскошной природы. Его тѣсное общенiе съ ней не могло не повлiять на его психику и воображенiе, результатомъ чего, помимо всего другого, появились прелестныя сказки и пѣсни, полныя своеобразной прелести и поэзiи. Въ этихъ сказкахъ фантастическiя, чудесныя начала чередуются съ бытовыми, въ которыхъ главное мѣсто занимаетъ человѣкъ или животныя. Дѣйствующими лицами въ нихъ являются либо „дэвы“ (чудовища-великаны), либо „волки-волшебники“, „колдуны“ и т. п.

Мингрелецъ.

Вообще тамошняя царица-природа щедро разсыпала свои дары, надѣляя лѣса и долы Мингрелiи всевозможными злаками и растенiями и развивая своими красотами любовь къ поэзiи и музыкѣ.

Мингрелецъ высокъ, статенъ, мужественъ, черты лица его нѣжныя и болѣе женственныя, движенiя легки и грацiозны [2]).

Типъ мингрельской женщины одинъ изъ изящныхъ въ свѣтѣ; женщины-крестьянки—и тѣ поразительной красоты: стройный, высокiй ростъ, миловидныя головки, брови черныя, глаза огненные, правильныя, роскошныя формы тѣла привлекаютъ ваше вниманiе [3]). И нужно сказать, что женщина для мингрельца — вся поэзiя. Онъ ее наряжаетъ, балуетъ, устраняетъ отъ заботъ и хлопотъ, и все лишь для того, чтобы любоваться на нее самому и чтобы другiе восторгались ею. Дѣвушку съ колыбели окружаютъ ласками, лелѣютъ ее, какъ нѣжное созданiе; она всегда принаряжена, всегда въ чулкахъ, въ сафьянныхъ желтыхъ или красныхъ „постали“. Съ колыбели она уже готовится и къ замужеству; ей собираютъ приданое; каждый поздравляющiй съ новорожденной кладетъ ей въ колыбель хотя бы копеечку. Ей сыпятся отовсюду подарки въ новогоднiе праздники. Такимъ образомъ дѣвушка растетъ въ комнатѣ, но не въ затворничествѣ. Если у нея нѣтъ

---

[1]) Опытъ географiи Кавк. края. *П. П. Надеждина.* Стр. 136.

[2]) Ibid., стр. 138.

[3]) Ibid., стр. 132—133.

прислуги, то она работаетъ съ матерью по хозяйству: шьетъ одежду, моетъ бѣлье, учится стряпать, вяжетъ чулки, ткетъ дарайю (мѣстная шелковая матерія), сукно, досматриваетъ пищу и т. п. Но за этими хлопотами все же еще много свободнаго времени, которое употребляется на музыку и танцы или у себя дома, или же въ гостяхъ. Въ праздники она одинаково съ мужчинами веселится въ хороводѣ [4]).

Мингрелка.

Въ общемъ замѣчено, что мингрелки стыдятся работать на людяхъ и только „самая крайняя нужда, бѣдность выгоняетъ женщину и на поле, и въ садъ, и въ лѣсъ на помощь мужу или брату". Таково положеніе женщины въ Мингреліи въ семьѣ и обществѣ.

Намъ остается добавить, что вообще мингрельцы (какъ, впрочемъ, и всѣ имеретины) въ обращеніи очень вѣжливы, чрезвычайно воспріимчивы и очень способны. Это ихъ положительныя качества. Что касается отрицательныхъ, то и они, конечно, имѣются у нихъ въ достаточномъ количествѣ, но если мы станемъ и ихъ перечислять, то это заведетъ насъ слишкомъ въ сторону. Поэтому мы прямо приступимъ къ ихъ народной музыкѣ.

II.

Переходя къ народной музыкѣ грузинъ-мингрельцевъ, мы должны сказать, что она у нихъ, какъ и гурійская, дѣлится на нѣсколько категорій, а именно на одноголосную и многоголосную, мужскую и женскую, городскую и деревенскую. Между прочимъ, городская музыка у нихъ, представляющая изъ себя новѣйшее теченіе, въ общемъ всетаки не такъ распространена, какъ у гурійцевъ; напѣвы ихъ въ большинствѣ случаевъ сохранились вполнѣ. Гитара хоть и вошла въ ихъ обиходъ, но не заняла тамъ того положенія, какое заняла она у гурійцевъ. Сольныя пѣсни у нихъ попрежнему исполняются подъ аккомпаниментъ чонгури и, сравнительно въ рѣдкихъ случаяхъ, гитары.

Эти сольныя или одноголосныя пѣсни поются у нихъ мужчинами и женщинами, мужчинами преимущественно речитативно, женщинами же и речитативно и протяжно. Относительно женщинъ мингрелокъ вообще нужно замѣтить, что это большія музыкантши. Можно почти съ увѣренностью сказать, что нѣтъ такой

---

[4]) Изъ быта и вѣрованій мингрельцевъ. *Я. Тепцова.* (Сборн. матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. Вып. 18).

мингрелки, которая бы не играла на своемъ инструментѣ чонгури и не пѣла. Въ г. Поти, гдѣ мнѣ пришлось фонографировать мингрельскія пѣсни, я былъ удивленъ количествомъ поющихъ и играющихъ.

Напѣвы ихъ, помимо другихъ достоинствъ, проникнуты часто глубочайшимъ лиризмомъ. Есть ли это результатъ историческихъ факторовъ, или экономическихъ, или общественныхъ, или какихъ-либо другихъ, я не берусь пока судить. Могу только сказать, что въ ихъ не речитативныхъ пѣсняхъ бездна грусти, мягкости, нѣжности. Къ такимъ пѣснямъ принадлежатъ: „Я хочу погубить себя“, „О, Боже!“.. „Судьба“, „Мингрельская колыбельная“ и др. [1]). Такимъ образомъ, если пѣсни грузинокъ-гурieкъ отличаются благородствомъ очертаній мелодій, красотою, оригинальностью модуляцій, то пѣсни грузинокъ-мингрелокъ отличаются отъ нихъ, помимо вышеуказанныхъ достоинствъ, своимъ глубокимъ лиризмомъ. Въ этомъ, собственно, по-моему и разница въ музыкѣ тѣхъ и другихъ женщинъ.

Въ общемъ, по-моему, мингрельская женщина настолько музыкально одарена, что ей врядъ ли найдется конкурентка не только изъ другихъ грузинскихъ вѣтвей, но и вообще изъ женщинъ другихъ племенъ всего Кавказа. Принимая вышесказанное въ соображеніе, мы не должны забывать еще относительно исполнительницъ ихъ пѣсенъ, среди которыхъ попадаются прямо художницы. Одна изъ такихъ художницъ была представлена мнѣ, и я имѣлъ большое наслажденіе записать отъ нея восемь пѣсенъ на грузинскомъ и мингрельскомъ языкахъ. Эта пѣвица (имя ея Эзопина Чачава) была приглашена изъ деревни Наэсаковой. Обладая красивымъ контральто и имѣя старый, отличный чонгури, она великолѣпно исполняла свои родныя пѣсни. Окружающіе ее только слушали и подпѣвали иногда басовую партію потихоньку, не заглушая чонгури (смотр. въ приложеніи пѣсенъ). Исполненіе ея было въ полномъ смыслѣ слова художественное. Я думаю, если попутешествовать какъ слѣдуетъ по деревнямъ Мингреліи, то, помимо этой, найдешь немало народныхъ пѣвицъ-художницъ. И это, разумѣется, не будетъ удивительно, если принять въ соображеніе высокій уровень музыкальнаго развитія женской грузино-мингрельской пѣсни.

Въ связи съ ихъ напѣвами находятся отчасти и ихъ тексты. Поэтому мы обратимся и къ нимъ, посмотримъ, о чемъ тамъ говоритъ мингрельская женщина, и постараемся найти какую-нибудь связь между музыкой и текстомъ. Приступая къ разсмотрѣнію послѣднихъ, мы видимъ, что они принадлежатъ къ различнымъ категоріямъ. Среди нихъ попадаются, напр., такого рода:

О, Боже, въ чемъ я провинился!
Почему Ты меня не взлюбилъ!
Я еле дышу. Мнѣ опостылѣла жизнь на этомъ свѣтѣ!

Напѣвъ глубокій, выражающій душевную скорбь. Музыка и текстъ вполнѣ соотвѣтствуютъ одинъ другому. Такое же единеніе мы видимъ и въ колыбельныхъ пѣсняхъ, весьма богатыхъ по напѣву. Вотъ одинъ изъ текстовъ колыбельной пѣсни, взятый изъ сборника мингрельскихъ пѣсенъ г. Хр. Гроздова:

„Ты усни, мой родной, а я здѣсь буду тебѣ пѣть. Баюшки баю!
Турокъ идетъ по дорогѣ, израненный твоимъ отцомъ.
Что намъ дѣлать, мой родной? Турки не даютъ покою:

---

[1]) См. въ прилож. пѣсни №№ 4, 7, 8 и 10.

Отнимутъ, обыкновенно, все у человѣка, а потомъ повѣсятъ его.
Впереди—турки, позади—низами;
Подѣлили вещи, а домъ сожгли въ огнѣ.
Твоего отца здѣсь нѣтъ,—мы скрываемся на Уртѣ.
Твой несчастный отецъ рубится, окруженный турками,
Въ день выхода изъ дому онъ заповѣдалъ тебѣ поскорѣе послѣдовать за нимъ.
Ты былъ еще малъ, но онъ увидѣлъ уже въ тебѣ не труса...
Оружіе твое готово: послѣдуй за нимъ поскорѣе;
Конь также осѣдланъ: я благословляю твой путь...
Но, сынокъ, я тебѣ заповѣдую и прошу тебя о томъ, чтобы ты всегда помнилъ меня...
Никогда не показывай спины врагу, хотя бы цѣлая сотня гналась за тобою!“ [1])

Въ общемъ нужно замѣтить, что такое единеніе бываетъ не во всѣхъ категоріяхъ пѣсенъ. Напримѣръ, въ любовныхъ пѣсняхъ, самыхъ богатыхъ по количеству, сплошь и рядомъ текстъ рисуетъ мучительную трагедію, а пѣсня исполняется речитативно, съ тѣмъ или инымъ мелодическимъ рисункомъ, въ мажорѣ или минорѣ, хотя нужно сказать, что такого рода пѣсни съ живымъ аккомпаниментомъ чонгури часто бываютъ очень милы. Вотъ тексты нѣкоторыхъ пѣсенъ подобнаго рода:

„Я хочу погубить себя, до того мнѣ стало невыносимо.
Пока отъ этого меня удерживаетъ совѣсть, которую я не опорочилъ.
Когда я ее вижу, страсть овладѣваетъ мною;
Когда нѣтъ—тоскую по ней;
Готовъ пройти сто верстъ пѣшкомъ къ возлюбленной своей.
Отъ чрезмѣрной любви къ ней я занемогъ,
И если это страданье меня ожидало, то къ чему я родился?
Или дай мнѣ жизнь, или убей, утопи!
Измѣнница любовь наполнила мое сердце скорбью.
Любовь, о которой ты знаешь, изсушила мое сердце.
Которой я довѣрился, мнѣ измѣнила и заставила горько плакать.
У кого я просилъ лѣкарства отъ этой болѣзни, тотъ далъ мнѣ хины:
Ему казалось, что я страдаю лихорадкой.
Отъ этого лѣкарства я чуть не разстался съ жизнью“.

Кромѣ подобныхъ текстовъ, исполняются еще и какіе-либо комическіе стихи или иногда историческіе. Образецъ послѣдняго приводимъ изъ сборника г. Хр. Гроздова:

Пѣсня кн. Гуту-Апакіи.

„За что Ты, Господи, такъ меня обидѣлъ, что я себя презираю?
Если меня ожидалъ такой черный день, то зачѣмъ Ты до сихъ поръ не уничтожилъ меня?
Правосудія они (т.-е. моуравы, управляющіе, владѣт. князья) не соблюли и не обратили вниманія на судебное постановленіе.
Ахъ, зачѣмъ мнѣ приходитъ на умъ мое безвыходное положеніе?!
Вотъ что, именно, называется несчастьемъ,—и теперь ты мнѣ помоги, братъ!
На бокахъ у меня истерлась кожа отъ лежанья на голой доскѣ.
Они преодолѣваютъ меня насиліемъ, но по закону—это не побѣда.

---

[1]) Одна изъ подобныхъ пѣсенъ переложена Лермонтовымъ.

На жизненномъ пути я могъ быть такимъ же значительнымъ человѣкомъ, какъ и тѣ, которые меня преслѣдуютъ.
Мои ноги закованы въ желѣзо, и руки мои лишены силы.
(Вар.: Всѣ члены у меня связаны, не имѣю руки, чтобы пустить ее въ ходъ).
Дурныя мѣры не помогли моему избавленію,—развѣ помогутъ только хорошія мѣры.
Земной законъ не помогъ,—остается развѣ только небесный законъ.
Каждый живой человѣкъ, кромѣ меня, испыталъ на себѣ, что значитъ адъ?
Если мое тѣло отдадутъ на съѣденіе собакѣ, то все-таки мою душу Богъ прославитъ.
Дьяволы меня мучатъ, но Богъ не погубитъ моей души.
Меня вяжутъ по рукамъ и ногамъ и настолько признаютъ виновнымъ, что не даютъ объясниться.
Видно, никто не сожалѣлъ обо мнѣ, кромѣ моей бѣдной жены.
„Гуту,—говорятъ враги,—бѣжалъ изъ крѣпости, но добровольно вернулся,—и теперь онъ въ нашихъ рукахъ".
Кто находится въ бѣгахъ, съ тѣмъ ничего не могутъ сдѣлать, а ловятъ того, кто явится добровольно.[1]).
Дай Богъ, чтобы еще остался законодателемъ Ростомъ Хромой!
Не слѣдовало меня ловить, такъ какъ я покорился добровольно.
Отъ кого я ни слышалъ,—всѣ говорятъ: покориться лучше.
Незачѣмъ мнѣ роптать на другого (т.-е. виновника моего несчастія), когда я самъ въ немъ обманулся.
Развѣ княжескому достоинству къ лицу сидѣть въ кандалахъ?
Ростомъ доложилъ Григорію, что судъ надъ Апакіею совершенъ не совсѣмъ справедливо".

Описываемое въ пѣснѣ событіе, т.-е. заключеніе кн. Апакіи, въ которомъ онъ жалуется на тяжелое положеніе и на несправедливость судей, бросившихъ его въ тюрьму, произошло, по предположенію автора, въ промежутокъ времени 1856—1857 гг., когда владѣтельница Мингреліи Екатерина отсутствовала, будучи въ Петербургѣ. Свѣдѣній о личности Гуту-Апакіи и о его провинности, за которую онъ подвергался преслѣдованію, автору добыть не удалось.

Не менѣе интересные тексты есть и на нѣкоторыя общественно-экономическія явленія народной жизни. Вотъ, наприм., пѣсня о крестьянскомъ возстаніи, приводимая также изъ сборника г. Хр. Гроздова:

„Какъ видно, надъ мингрельской страной тяготѣло беззаконіе.
Барское иго кончилось. Какую причину нашего освобожденія придумаютъ господа?
Господа, оказывается, съѣдали народный заработокъ,
И народъ возстаетъ поголовно и направляется по гористой части Мингреліи.
Беззаконники-баре рѣшительно ничего у крестьянъ не оставляютъ.
Народъ и его господа столкнулись въ деревнѣ Напичхоу.
Крестьяне сжалились надъ господами, а то могли бы отрѣзать имъ головы
До смерти перепуганные, господа едва тащились вверхъ;
Умершіе отъ голоду, они до ночи не могли притти домой.
Они немного легко вздохнули лишь тогда, когда добрались до дому.

---

[1]) Варіантъ: Кто добровольно вернется, тотъ будетъ помилованъ, а кто убѣжитъ—того схватятъ. Что у себя наверху напишутъ, то, сойдя внизъ, изорвутъ (по всей вѣроятности, указывается на непостоянство и противорѣчія въ государственныхъ и судебныхъ рѣшеніяхъ, вслѣдствіе чего узнику приходилось страдать).

Ихъ госпожи-супруги толкли вареную зелень;
До тошноты голодные господа, на полянкѣ передъ домомъ, глотали эту зелень, не жуя [1]).
У помѣщицъ Маріи и Кесаріи уродилось три колоса гоми;
Онѣ ночью вошли въ сарайчикъ и тамъ это гоми молотили.
Молотить, оказывается, онѣ не умѣли и ударили другъ друга по головѣ.
Свои деревянныя била онѣ поломали и выронили изъ рукъ;
Обломки этихъ билъ ударились имъ объ ноги.
Отъ стыда онѣ никого къ себѣ не впускали,
И отъ гнѣва чавкали подобно разъяренному кабану.
Ихъ господа-мужья пошли въ лѣсъ ломать хворостъ.
Животы у нихъ подвело, и они подтянулись поясами.
Гоми вышло жидкое, и онѣ снова начали просѣвать шелуху,
Да и ту не просѣяли, а просто всыпали ее въ котелъ.
Лопатки, оказывается, онѣ не достали и сглаживали гоми рукою;
А когда не достали палочки для мѣшанія гоми, то тыкали въ него пальцемъ.
Когда не достали лопатки, то гоми изъ котла выцарапывали ногтемъ.
Ногтемъ вынутое гоми господъ не насытило,
А обожженный барскій палецъ пришлось обливать холодной водой.
„И это всегда такъ будетъ съ нами!"—всплакались господа [2]).

Мы не приводимъ еще много другихъ текстовъ въ одноголосной мингрельской пѣснѣ, такъ какъ болѣе подробное разсмотрѣніе ихъ пока не входитъ въ нашу задачу. Вмѣсто этого мы находимъ своевременнымъ коснуться вкратцѣ звукорядной стороны вопроса и прослѣдить, нѣтъ ли у нея чего-либо общаго въ этомъ отношеніи съ остальными грузинами.

III.

Однако, прежде чѣмъ приступить къ подобному обзору, я нахожу необходимымъ выяснить, что мною записано за все время собиранія сравнительно небольшое количество одноголосныхъ мингрельскихъ пѣсенъ и плясокъ. Если къ этому количеству прибавить еще пѣсни изъ сборника мингрельскихъ пѣсенъ г. Гроздова, то изъ этого все-таки получится тотъ минимумъ, который далеко не дастъ того результата, который хотѣлось бы имѣть. Такимъ образомъ, ограниченное количество матеріала заставляетъ насъ работать въ извѣстныхъ предѣлахъ, не позволяя расширить ихъ, какъ нужно было бы.

Итакъ, просматривая и то количество пѣсенъ, какое имѣется передъ нами, мы видимъ, что наиболѣе древніе звукоряды въ нихъ, это — кварты. Пѣсня № 4 отчасти это доказываетъ, имѣя въ своей первый основѣ минорный тетрахордъ (безъ верхняго звука re), который дальше модулируетъ во второй мажорный sol-do (звукъ fa-діезъ считаемъ вспомогательнымъ), и лишь этотъ послѣдній въ заключительныхъ тактахъ переходитъ въ звукорядъ квинты. Пѣсня за № 1 находится вся въ квартѣ, если не обращать вниманія на аккомпаниментъ инструмента. Если же мы ее ста-

---

[1]) По объясненію старика-крестьянина, пѣвшаго эту пѣсню, описываемое событіе произошло лѣтъ 30 тому назадъ; слѣдовательно, должно думать, что въ пѣснѣ изображенъ одинъ изъ эпизодовъ крестьянскаго возмущенія, происходившаго въ Мингреліи въ 1857 году при владѣтельницѣ Екатеринѣ Мингрельской. (Примѣч. автора.)

[2]) Варіантъ: см. выше.

немъ разсматривать вмѣстѣ съ аккомпаниментомъ, то увидимъ, что она дѣлится на двѣ части: первая часть находится въ квинтовомъ трихордѣ минорномъ, вторая—re-sol-la—мажорномъ. Первая мелодія все время идетъ въ унисонъ съ квартовымъ (верхнимъ la и потомъ sol) звукомъ, а вторая (варіантъ)—съ квинтовымъ (верхнее si, а потомъ la) звукомъ. Такимъ образомъ, въ этомъ строѣ кварты могутъ свободно чередоваться съ квинтами. Но такое совмѣстное разсмотрѣніе—между прочимъ [1]). Вообще же, эта миленькая пѣсенка поется при убаюкиваніи ребенка и имѣетъ текстъ, связанный съ солнцемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что она представляетъ изъ себя сохранившійся пережитокъ сѣдой языческой старины. Возвращаемся къ прерванному.

Кромѣ этой пѣсенки, отчасти можетъ служить примѣромъ кварты и мелодія хороводной пѣсни на чонгури за № 14, безъ текста; конечно, аккомпаниментъ мы не считаемъ. Пѣсня за № 16 у г. Гроздова также въ квартѣ. Между прочимъ, она дѣлится на двѣ части: первая часть въ предѣлахъ la-re, вторая—do-sol внизъ.

Просматривая пѣсни далѣе, мы встрѣчаемся съ звукорядами квинтъ, которые представляютъ какъ бы дальнѣйшую эволюцію пѣсни. Эти пѣсни у меня находятся подъ слѣдующими нумерами въ приложеніи: № 2, 3 (звукъ re-бемоль откидываемъ, какъ верхній вспомогательный), 6 и отчасти 7 и 8 (безъ вспомогательныхъ нотъ); затѣмъ мелодія на чонгури за № 16, подъ которую речитативомъ исполняютъ какіе-либо стихи комическаго содержанія, и у Х. Гроздова—отрывки за №№ 12 и 13 (безъ sol) и пѣсня за № 15 (въ которой откидываемъ mi и прибавляемъ въ концѣ недостающую sol, считая do-діезъ и la-діезъ въ аккомпаниментѣ не совсѣмъ правильными, такъ какъ неиспорченный слухъ народа не можетъ брать такихъ фортепіанно-вводныхъ звуковъ).

Далѣе послѣ квинтъ идутъ звукоряды секстъ (у меня въ приложеніи за № 9, откидываю только звукъ fa, какъ украшающій, и прибавляю въ концѣ недостающій sol). Пѣсня безъ текста № 13 тоже въ этомъ звукорядѣ, варіантъ же въ квартѣ. Въ сборникѣ мингрельскихъ пѣсенъ Х. Гроздова пѣсни за №№ 1 и 18 въ началѣ также въ секстѣ, хотя, дальше во второй половинѣ, онѣ переходятъ въ кварту.

Теперь остается намъ сказать о септимахъ и октавахъ.

Въ звукорядѣ септимы находятся: моя пѣсня подъ № 12 (и 10, если считать звукъ хора) въ приложеніи, затѣмъ хороводныя на чонгури (одинъ изъ варіантовъ) за № 15, въ октавѣ же № 11 (прибавляемъ вверху недостающій звукъ re), и у Х. Гроздова: № 17 (также прибавляемъ sol), затѣмъ № 4—«Пѣсня утопленника». Вотъ все, что касается одноголосной музыки.

Разумѣется, обо всѣхъ этихъ звукорядахъ и ихъ градаціяхъ я говорю только въ самыхъ общихъ чертахъ, такъ какъ здѣсь еще слишкомъ много есть неизвѣданнаго, темнаго, сложнаго, чтобы можно было говорить въ подробностяхъ. Здѣсь, напримѣръ, являются такіе вопросы: можно ли говорить о звукорядахъ въ пѣсняхъ, которыя имѣютъ аккомпаниментъ, т.-е. до нѣкоторой степени художественное украшеніе? Нужно ли ихъ разсматривать совмѣстно или совершенно выдѣлить въ особую группу, какъ народное произведеніе уже высшаго порядка? Быть-можетъ, часть нужно разсматривать совмѣстно, какъ произведеніе, созданное неразрывно съ аккомпаниментомъ, часть — безъ него, а часть какъ-нибудь иначе и т. д. Въ силу этого и свои подраздѣленія пѣсенъ на звукоряды въ томъ видѣ,

[1]) При разсматриваніи пѣсенъ мы будемъ придерживаться, въ общемъ, того же принципа, что и въ гурійской пѣснѣ, т.-е. аккомпаниментъ удалять.

какъ я это дѣлаю, я не выдаю какъ за неопровержимую истину, а предлагаю только условно. Болѣе подробное изслѣдованіе, весьма вѣроятно, дастъ совсѣмъ другую группировку, которая съ нашей совсѣмъ будетъ расходиться. Когда это будетъ сдѣлано, мы посмотримъ, а теперь позволимъ себѣ замѣтить, что кварта все-таки въ видѣ тетрахорда и у мингрельцевъ является основнымъ звукорядомъ. Послѣ нея идетъ звукорядъ пятизвучный, сначала съ устоями кварты плюсъ секунда сверху, т.-е. трихорда въ квинтѣ (инструментъ), а затѣмъ просто квинты. Вслѣдъ за ними идутъ звукоряды сексты, септимы и октавы. Послѣднія особенно рельефно выдѣлены въ самомъ строѣ инструмента чонгури.

Какъ извѣстно, прежде чѣмъ пѣть, мингрелка настраиваетъ инструментъ сообразно напѣву; пока пѣсня не кончится, строй остается неизмѣннымъ и, слѣдовательно, зависитъ отъ самой пѣсни. Строи въ мингрельскихъ пѣсняхъ одинаковые съ гурійскими, т.-е. *re-sol-si-rè*, *sol-do-re*, *sol-do-re-sòl*, *sol-si-re*, *sol-si-re-sòl*, *sol-re-fa-sòl*, *sol-do-sòl*, *sol-re-sòl* и т. п. Всѣ эти звукоряды представляютъ изъ себя извѣстные устои въ пѣніи, которыхъ пѣвецъ или пѣвица должны придерживаться. Относительно своихъ пѣвицъ и пѣвцовъ я долженъ сказать, что они этихъ устоевъ не всегда придерживались и дѣлали отклоненія; чонгури, бывало, настроятъ въ квинту (sol-re), а исполняютъ въ предѣлахъ sol-do-fa. Получается какъ бы два звукоряда: одинъ на инструментѣ, другой у пѣвца. Какъ бы то ни было, все же, сравнивая эти строи со строями гурійской одноголосной пѣсни, мы видимъ, что они одни и тѣ же. Если принять въ соображеніе ихъ сосѣдство и тѣсное общеніе между собою, благодаря чему у нихъ и инструментъ общій (см. опис. чонгури въ статьѣ о гурійск. пѣс.) и одинаковая манера пѣнія и игры, то, разумѣется, ничего въ этомъ непонятнаго не будетъ. Такимъ образомъ, чего-либо новаго въ строяхъ одноголосной мингрельской пѣсни мы не найдемъ; они тожественны какъ съ гурійскими, такъ и вообще съ грузинскими строями пѣсенъ.

IV.

Скажемъ теперь относительно формы и ритма въ одноголосныхъ пѣсняхъ мингрельцевъ.

Формы въ мингрельской пѣснѣ различныя. Такъ, наприм., четырехтактныя предложенія въ какомъ-нибудь одномъ звукорядѣ или двухъ (во второмъ случаѣ всегда бываетъ модуляція на б. секунду внизъ). Далѣе есть восьми и десятитактныя предложенія и періоды съ такими построеніями мелодическихъ фразъ: два такта— одинъ звукорядъ, слѣдующіе два—модуляція на б. секунду внизъ, далѣе опять два такта первоначальнаго звукоряда, затѣмъ два модулированнаго и конецъ въ двухъ тактахъ опять первоначальнаго звукоряда (см. въ приложеніи пѣсню за № 5). Встрѣчаются и такія, которыя начинаются съ доминанты и въ четвертомъ тактѣ переходятъ въ тонику, потомъ опять съ доминанты и заключеніе въ тонику (тамъ же, № 11). Есть періоды расширенные до 9 такт. (тамъ же, №№ 2 и 7), до 10 (тамъ же, №№ 4, 5 и 8) и до 12 тактовъ (тамъ же, № 12 и 3 [1]). Пѣсни съ восьмитактными предложеніями или періодами будутъ слѣдующія: №№ 6, 9, 11, 13, 14; съ четырехтактнымъ предложеніемъ № 15 и двойнымъ двутактомъ № 16 (тамъ же). Во всѣхъ случаяхъ, разумѣется, пѣсню мы расчленили на простые такты, потому что сложный тактъ изъ четырехъ четвертей или шести восьмыхъ есть продуктъ

[1]) Въ третьей пѣснѣ не догравировали въ голосахъ одного такта.

художественной музыки. Помимо восьмитактныхъ предложенiй и перiодовъ есть пѣсни съ 16-тактными перiодами, какъ, напримѣръ, пѣсня «Водонцквили обишхас», № 4, въ сборн. г. X. Гроздова, въ которомъ, по-моему, не 16 тактовъ (я, разумѣется, считаю тактъ простой—въ $^3/_8$, а не сложный въ $^{12}/_8$), а 20 (съ частью заключенiя), и затѣмъ моей записи № 10 въ 17 тактовъ, имѣющей законченный видъ пѣсни, построенной нѣсколько не по-европейски. Построенiе этой пѣсни таково: первые 4 такта находятся въ одномъ звукорядѣ, представляющемъ одно предложенiе, вторые—въ другомъ, модулированномъ, образующемъ вмѣстѣ восьмитактный перiодъ, далѣе идетъ варьированное повторенiе перваго предложенiя и заключенiе въ пяти тактахъ новаго предложенiя, образующаго вмѣстѣ второй перiодъ. Такимъ образомъ, вся пѣсня состоитъ изъ двухъ перiодовъ по восьми тактовъ въ каждомъ и представляетъ не что иное, какъ двухчастную простую форму пѣсни, расходящуюся въ построенiи съ такой же формой художественной музыки.

Какъ видите, нельзя мингрелкамъ отказать какъ въ изобрѣтательности, такъ и въ оригинальности формы. Всѣ эти пѣсни обязательно сопровождаются прелюдiями на чонгури въ четырехъ или восьми тактахъ, смотря по формѣ пѣсни, представляющими изъ себя по большей части дальнѣйшiй аккомпаниментъ. Послѣ этихъ прелюдiй вступаетъ обыкновенно исполнитель, по окончанiи котораго чонгури, не прерывая, играетъ извѣстное количество тактовъ (четыре, восемь) для дальнѣйшаго исполненiя пѣвца. Роль чонгури въ этихъ пѣсняхъ, какъ и у гурiйцевъ, бываетъ различная. Въ однѣхъ пѣсняхъ чонгури играетъ мелодiю совмѣстно съ исполнителемъ, въ другихъ онъ аккомпанируетъ аккордами, въ третьихъ играетъ совершенно самостоятельно въ видѣ bassa-melodia ostinata. Въ этихъ случаяхъ фразки бываютъ не болѣе двухъ тактовъ. Кромѣ того, нужно добавить, что на чонгури исполняются также пляски, которыя по характеру своему ничѣмъ не отличаются отъ гурiйскихъ.

Далѣе относительно ритма. Ритмы въ мингрельской одноголосной пѣснѣ въ большинствѣ случаевъ простые: двухдольные и трехдольные. Встрѣчаются и смѣшанные, но это сравнительно рѣдко. Какъ на интересный образецъ ритма можно указать на пѣсню въ сборникѣ г. X. Гроздова, за № 2, гдѣ пѣвецъ поетъ въ строгомъ темпо $^4/_4$, а аккомпаниментъ въ $^3/_8$ и $^5/_8$.

Въ заключенiе два слова: почему у западныхъ грузинъ такъ развита сольная пѣсня, въ особенности у женщинъ, и почему ея нѣтъ у женщинъ восточныхъ? Мнѣ кажется, что отвѣтъ на это кроется въ историческихъ и политическихъ условiяхъ того и другого края. Какъ извѣстно, въ послѣднiя времена Грузiя была раздѣлена двумя сильными народами на двѣ сферы влiянiя. Народы эти были персы и турки. Отъ послѣднихъ къ мингрельцамъ, я думаю, перешла самая форма исполненiя одноголосныхъ пѣсенъ, тѣмъ болѣе, что они весьма усердно набивали свои гаремы мингрелками и гурiйками, прославленными красавицами. Въ гаремахъ же у турокъ распространенъ очень схожiй съ чонгури инструментъ подъ названiемъ танбуръ, звуками котораго въ свободное время эти плѣнницы услаждали себя. Что касается персовъ, то они, какъ извѣстно, помимо всего другого, тоже усердно насаждали въ восточной Грузiи какъ свою музыку, такъ и музыкальные инструменты, какъ, наприм., тари, чiанури и др.; но только здѣсь женщина не восприняла ея, какъ въ Мингрелiи и Гурiи, вѣроятно, потому, что музыка и ея исполнительная роль принадлежала, главнымъ образомъ, мужчинамъ. Занимались этимъ дѣломъ исключительно «сазандари», специалисты-музыканты—

пѣвцы и инструменталисты. Возможно, конечно, что этому воспріятію мѣшали и какіе-нибудь другіе факторы; но какіе—мы не знаемъ.

Переходимъ теперь къ двухголосной грузино-мингрельской народной музыкѣ.

V.

Передъ нами пять двухголосныхъ мингрельскихъ пѣсенъ: двѣ изъ сборника г. Бенашвили, три моей записи. Изъ этихъ пяти пѣсенъ одна (изъ сб. г. Бенашв.) совсѣмъ не внушаетъ довѣрія въ своемъ мингрельскомъ происхожденіи, другая же (изъ моихъ) настолько неясна по своей конструкціи, что я даже затрудняюсь ее опредѣлять въ отношеніи звукоряда. Примѣръ ея приводится подъ № 17, въ приложеніи. Эта пѣсня въ высшей степени интересна тѣмъ, что исполняется подъ текстъ „лейсон да киріа", т.-е. „киріе элейсон" послѣ окончанія полевыхъ работъ въ Мингреліи, и, кромѣ того, на пасху, когда обходятъ вокругъ церкви. Поется эта пѣсня мужчинами попеременно solo (верхній голосъ) и хоромъ (нижній голосъ). Все, что можно сказать относительно ея звукоряда, это—что онъ не превышаетъ квинты, если не считать звука fa вспомогательнымъ.

Третья пѣсня—хороводная; построена она (я привожу ее подъ № 18, въ прил.) въ звукорядѣ sol-do-re-sol. Поется мужчинами попеременно двумя пѣвцами и хоромъ. Когда ее споютъ нѣсколько разъ, то вслѣдъ за нею начинаютъ исполнять, ускоряя темпъ, пѣсню (четвертую) за № 19, въ прил., которая, по-моему, дѣлится на двѣ части. Въ первой части тетрахордъ do-fa, во второй пентахордъ, квинта sol-re, при чемъ звуки si бем., la и fa, взятый скачкомъ, служатъ проходящими для второго звукоряда. Между прочимъ, здѣсь будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ относительно мингрельскихъ хороводовъ, въ особенности о хороводѣ „осхапуэ", который уже выводится подъ вліяніемъ новизны и соблюдается только въ отдаленныхъ уголкахъ этой страны, гдѣ еще стороннее вліяніе не успѣло искоренить народнаго патріархальнаго быта.

Осхапуэ [1]) обыкновенно начинается съ кануна праздничнаго дня и оканчивается вечернею зарей праздника. Изъ этого времени исключаются только церковныя службы, которыя посѣщаются прихожанами.

Начинается осхапуэ гдѣ-либо на лужайкѣ или на церковной площади; ночью хороводъ приглашается въ чью-либо саклю, а утромъ снова хороводъ поетъ и пляшетъ на виду всей деревни.

Въ хороводѣ участвуетъ не только молодежь обоего пола, но и пожилые обыватели, иногда же сѣдовласые старцы. Въ старину на осхапуэ съѣзжались и гости съ окрестныхъ деревень, какъ на деревенскій праздникъ. Въ хороводѣ, по обычаю, принимала участіе вся деревня, какъ одна семья, и каждый членъ этой семьи вносилъ что-либо на общее веселье. Иногда осхапуэ устраиваетъ только одна семья.

Устройство было слѣдующаго рода: молодежь, взявшись за руки, составляла кругъ (кучхиши, осхапуэ) и такимъ образомъ, чтобы женщины чередовались въ мѣстахъ съ мужчинами. Пары эти составлялись случайно и рѣдко по выбору. Затѣмъ начиналась пѣсня въ соединеніи съ оригинальнымъ танцемъ: кругъ двигался въ тактъ пѣсни то вправо, то влѣво; потомъ женщины дѣлаютъ па въ середину круга, оставляя мужчинъ на мѣстѣ, за ними повторяютъ то же самое и

[1]) Правильнѣе, „Кучхиши обиреши", или однимъ словомъ „Охуджури" (наше замѣчаніе).

мужчины. Самое пѣніе при этомъ раздваивается: половина круга поетъ первую половину пѣсни, остальные подхватываютъ вторую половину. Такое пѣніе носитъ особое названіе: „Ицогала". Осхапуэ сопровождалось разными играми, состязаніями въ бѣгѣ, въ ловкости, въ верховой ѣздѣ, которыя тоже выводятся уже изъ употребленія. Осхапуэ пока еще кое-гдѣ существуетъ, но исполняется не съ такимъ одушевленіемъ какъ въ старину. [1])

Далѣе у насъ осталась еще пятая двухголосная пѣсня; она помѣщена въ сборн. г. Бенашвили подъ назв. „Оиса іавара" и имѣетъ звукорядъ въ восемь звуковъ.

Такимъ образомъ, и въ двухголосныхъ мингрельскихъ пѣсняхъ мы видимъ тотъ же принципъ, какой и въ одноголосныхъ, и, кромѣ того, что этотъ принципъ есть общій какъ для грузино-гурійской, такъ пшаво-хевсурской и карталино-кахетинской одноголосной и двухголосной пѣсни (судимъ, разумѣется, пока на основаніи того матеріала, какой у насъ имѣется). Попеременность исполненія хороводныхъ пѣсенъ, конечно, дополняетъ это положеніе.

VI.

Посмотримъ теперь, какая у нихъ трехголосная пѣсня.

Трехголосная пѣсня у мингрельцевъ такая же богатая, какъ и у гурійцевъ. Мы видимъ, что у нихъ имѣются пѣсни и свадебныя, и хороводныя, и плясовыя, и любовныя, и рабочія, и много другихъ, приноровленныхъ также къ тѣмъ или инымъ явленіямъ ихъ крестьянской жизни. Пѣсни эти поются или на одно какое-нибудь слово, какъ, напр.: абадела, абарера, ворера, дэла, дэли водэла и т. п., какъ и у гурійцевъ, или сопровождаются текстами. Тексты ихъ пѣсенъ весьма разнообразны по своему содержанію. Въ однихъ рисуются какія-либо историческія событія, въ другихъ общественныя, въ третьихъ всевозможныя явленія бытовой жизни и т. п. Любовь, какъ всегда, стоитъ на первомъ планѣ. Мы приводимъ нѣкоторые тексты, чтобы читатель имѣлъ понятіе и о текстахъ въ трехголосныхъ пѣсняхъ.

Пѣсня узника [2]).

Я прикорнулъ, всѣми оставленный, положивъ голову на руку.
Плечи у меня связаны цѣпью, на ногахъ тяжелые кандалы.
Я едва дышу, и мой ротъ прикрываетъ шапка.
Десять лѣтъ уже проходитъ, какъ я не видалъ на дворѣ росы.
Въ такомъ положеніи моего сна мнѣ чудится мой конь.
Конь забылъ мою руку, и на немъ сидитъ уже другой.
Мои саморѣзы—кинжалъ и шашка—
Все это досталось моему измѣннику-врагу.
Вмѣсто перины, я ворочаюсь съ боку на бокъ на полу.
Подобно вѣтру сыплется снѣжная пыль въ мои глаза.
Напрасно меня обольщаетъ сновидѣніе: здѣсь я и человѣка не вижу.

---

[1]) Изъ быта и вѣрованій мингрельцевъ. *Я. Тенцова.* (Въ сборн. матер. для описанія мѣстност. и племенъ Кавк. Вып. 18. Взято въ извлеченіи).

[2]) Изъ сборн. мингрельскихъ пѣсенъ г. *Хр. Гроздова.*

Глупый сонъ напоминаетъ мнѣ мое былое время:
Въ рукѣ нагайка, на плечѣ бурка,—я выкрикиваю: „Гей арало-тарало!“
Мнѣ не нужно было говорить, гдѣ празднество,—
Гдѣ метанье копья на конѣ и прогулки съ дѣвицами.
Глаза дѣвицъ возбуждали въ моихъ соперникахъ зависть ко мнѣ.
Гдѣ-бы я ни появлялся, для меня земля была чувяками, а не шапкой (т.-е. вездѣ мнѣ было „море по колѣно“).
Зачѣмъ, счастье, я обладалъ тобою до сихъ поръ, если мнѣ пришлось тебя лишиться?!

Застольная [1]).

Пей, пожалуйста, вино и молодое и старое!
Учардія, черный человѣкъ! Если ты не пилъ, то почему пришелъ?
Притащи-ка сюда черное звенящее ведерцо!
Пурпуровая кула, пурпуровая кула!
Кто выпьетъ вино, тотъ, дѣйствительно, человѣкъ.
Или выпьемъ, или скушаемъ чего-нибудь,
Или же только глазами полюбуемся на пиръ.
Веселье гостямъ, удовольствіе хозяину,
А что получше—то для барынь.

Застольная прибаутка [2]).

На водѣ сидитъ дикая утка, а поодаль чайка,
Юноша, что ты смотришь? Можетъ-быть, желаешь меня?
Если ты имѣешь хоть немного счастья, то, можетъ-быть, я и буду твоею.

Любовь [3]).

Я всегда проклинаю любовь, когда у меня страдаетъ сердце;
Во всякой неудачѣ въ жизни я обвиняю ее.
Тотъ истинно счастливъ, кто счастливъ любовью;
Она счастье для того, кто наслаждается ею.
Почему я не зналъ, что рукою нельзя поймать ее?
Или почему мнѣ было неизвѣстно, что я не могъ сплести ограду, чтобы удержать ее?
Что ее ни поймать нельзя, какъ птицу, ни построить забора для ея огражденія?
Для нѣкоторыхъ любовь—словно цѣлебная мазь и сало,
А для нѣкоторыхъ она такой же врагъ, какъ топоръ для дуба;
Для нѣкоторыхъ она служитъ украшеніемъ, какъ ворота для дома,
А для нѣкоторыхъ она острая боль, засѣвшая въ желудокъ.

Разсматривая трехголосную мингрельскую музыку, мы видимъ, что у ней по характеру очень много общаго съ гурійской. Есть даже общія пѣсни, которыя поются какъ здѣсь, такъ и тамъ, напр.: „Ори одэліа“, „Хелхвави“, „Али паша“ и др. Иногда, впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ поются съ небольшими измѣненіями, такъ, напр., пѣсня „Али паша“ начинается у нихъ со словъ: „Та-

1) Изъ сборн. пѣс. г. *Хр. Гроздова.*
2) Тамъ же.
3) Тамъ же.

тари да руси чхубобс". Помимо такихъ пѣсенъ у нихъ есть напѣвы общіе и съ другими грузинскими вѣтвями, какъ, напр., рачинцами, сванами. Образцы послѣднихъ приведены въ сборн. г. Гроздова.

Между прочимъ, объ этомъ сборникѣ, представляющемъ изъ себя теперь библіографическую рѣдкость [1]). Въ немъ 19 №№, семь изъ нихъ хоровые, а остальные сольные. Изъ этихъ семи пѣсенъ три поетъ мужской хоръ, а четыре женскій. Мужскія: первая (№ 3) „Рекрутская" аналогична съ пѣсней „Шоу нана, шоу скуа" и происхожденія, дѣйствительно, позднѣйшаго, хотя, насколько она мингрельская, въ этомъ нужно разобраться.

Дѣло въ томъ, что лѣтъ 16—17 тому назадъ въ Тифлисѣ и друг. городахъ Кавказа была распространена весьма пошлая, въ отношеніи текста, пѣсня, подъ назв. „Вай мэ, дэдав, мешиніан", съ мелодіей тожественной съ „Рекрутской". Перешла ли эта мелодія сюда изъ Мингреліи, или зародилась она здѣсь и попала туда, неизвѣстно. Фактъ, во всякомъ случаѣ, тотъ, что она была очень распространена, да и теперь, собственно, часто поется за столомъ во время пирушки, но только съ текстомъ укоризны къ „Тамадѣ", т.-е. предсѣдателю пирушки („Тамадао, чапчалао!"). Въ общемъ, за ея мингрельское происхожденіе говоритъ какъ форма, такъ и характеръ пѣсни.

Что касается второй пѣсни № 8, „Пѣсня о ранней зимѣ", то она тожественна по своей гармоніи со сванской или скорѣе рачинской пѣсней.

Третья № 10, „Застольная", также очень аналогична со сванскою пѣсней, о чемъ свидѣтельствуютъ оригинальные трихорды въ квинтовыхъ звукорядахъ.

Что же касается женскихъ хоровыхъ пѣсенъ, то если какая-нибудь изъ нихъ представляетъ строго научный интересъ, то только „Пѣсня узника" за № 5, которая интересна своими квинтовыми параллельными ходами, хотя нужно сказать, что и здѣсь второй голосъ своими безпрерывно терцевыми ходами свидѣтельствуетъ о европейскомъ вліяніи. Остальные же по своимъ оборотамъ, какъ, напр., въ пѣснѣ № 9 второй тактъ, въ № 14 шестой тактъ, № 19 третій тактъ дополняютъ лишь только-что сказанное. Въ глухой деревнѣ врядъ ли крестьянки, т.-е. простой народъ, могли бы такъ спѣть: это дѣло людей коснувшихся музыкально-европейской культуры.

Такимъ образомъ, въ пѣсняхъ г. Гроздова мы встрѣчаемъ матеріалъ не весь чисто-мингрельскій, а находящійся подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ грузинскихъ вѣтвей, за исключеніемъ сольныхъ пѣсенъ, которыя во всѣхъ отношеніяхъ интересны. Но возвращаемся къ прерванному.

Итакъ, что же? Есть ли у мингрельцевъ своя собственная хоровая пѣсня, отличающая ее отъ гурійской или другихъ грузинскихъ вѣтвей, или нѣтъ?

Мое мнѣніе положительное. Пѣсня своя у нихъ есть, хотя записанныхъ мы пока имѣемъ незначительное количество. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ „Абадэла вадила—вадои цквири обишхас", „Джгири джгириша" и въ особенности свадебная пѣсня „Кучха бединера", которая имъ принадлежитъ такъ же, какъ гурійцамъ, имеретинамъ, карталинцамъ, кахетинцамъ „Макрули", пшавамъ „Джварис цйнаса", мохевцамъ „Джорули" и т. д. Объ этой свадебной пѣснѣ, какъ и при какихъ условіяхъ она исполняется, стоитъ сказать нѣсколько словъ. Предварительно о самомъ обычаѣ.

---

[3]) Рукопись этого сборника была любезно прислана мнѣ Хр. Ник. Гроздовымъ. Пользуюсь случаемъ выразить ему самую сердечную благодарность за нее.

Свадьба у мингрельцевъ не сопровождается какими-либо особенно оригинальными обрядами. На „авось“ здѣсь не сватаютъ, такъ какъ отказъ влечетъ за собою вражду, покражу невѣсты, а подчасъ и рѣзню. Покража невѣсты — дѣло не рѣдкое. Причиною покражи бываетъ отказъ или самой невѣсты или ея родныхъ. Фактъ покражи—большое безчестье какъ для дѣвушки, такъ и для всей семьи ея. Позоръ этотъ можетъ смыться только бракомъ съ похитителемъ. Если же похищенная все же не пожелаетъ выйти за похитителя, то она вынуждена будетъ переносить презрѣніе не только всего общества, но и родныхъ своихъ. Кромѣ того, краденая дѣвушка, въ силу презрѣнія къ ней, не можетъ разсчитывать на какой бы то ни было бракъ.

Мингрельцы.

Въ обыкновенной свадьбѣ дѣло ведется такъ:

Женихъ избираетъ довѣренныхъ, и мужчинъ по преимуществу. Довѣренные отправляются къ избранной въ домъ и дѣлаютъ предложеніе отъ имени жениха сперва роднымъ, а потомъ невѣстѣ. Тутъ же ведутся переговоры о приданомъ и о срокѣ свадьбы: послѣдній опредѣляется обоюднымъ соглашеніемъ.

Когда приданое готово, то назначается день увода невѣсты. Въ этотъ день близкіе жениха и невѣсты собираются въ домѣ послѣдней и кутятъ до вечера, послѣ чего, обыкновенно въ сумеркахъ, открываютъ торжественное шествіе невѣсты въ домъ жениха. Впереди несутъ и везутъ ея приданое, за нимъ идетъ невѣста, сопровождаемая близкими родственниками, а позади остальная публика. Хоръ при этомъ всю дорогу поетъ свадебную, соотвѣтствующую данному моменту, пѣсню: „Бедидо кучха бединера“, что значитъ: „Счастье, сдѣлай уходъ твой счастливымъ“. Пѣніе сопровождается частыми выстрѣлами... Актъ увода невѣсты, помимо церковнаго обряда и таинства связываетъ брачущихся неразрывными узами въ силу стариннаго обычая [1]) или обычнаго права [2]).

Пѣсню эту запѣваетъ второй голосъ, за нимъ вступаетъ басъ, исполняя ее на органномъ пунктѣ, а затѣмъ поетъ первый голосъ, исполняя ее то съ „криманчули“, т.-е. руладами, то безъ послѣднихъ, притомъ первый со вторымъ голосомъ поютъ попеременно, чередуясь съ двумя другими [3]).

---

[1]) Аналогичный обычай существуетъ у карачаевцевъ и осетинъ. (Мы можемъ добавить, что онъ существуетъ еще у армавирскихъ очеркесившихся армянъ. Д. А.)

[2]) „Изъ быта и вѣрованій мингрельцевъ“. *Я. Тепцова.* (Сб. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавк., вып. 18).

[3]) См. пѣсню въ сборникѣ г. Бенашвили.

Вся эта пѣсня, со всею своею церемоніей, совершенно аналогична съ кахетинскою свадебною пѣсней „Макрули“. Отличаетъ ее только напѣвъ и затѣмъ слова въ послѣдней: „Идемъ и радуемся“, что также можетъ служить отголоскомъ удачнаго нападенія на извѣстную семью для похищенія невѣсты [1]).

VII.

Итакъ, возвращаясь къ прерванному, я бы характеризовалъ мингрельскую хоровую пѣсню такимъ образомъ: тѣ пѣсни, которыя общи съ гурійскими, имѣютъ тотъ же порывистый и жизнерадостный характеръ. Ихъ большинство. Что же касается меньшинства, то онѣ не обладаютъ вышеуказанными особенностями и носятъ болѣе минорный отпечатокъ. Какъ извѣстно, гурійская мужская пѣсня минора почти не знаетъ; тамъ все въ пѣснѣ искрится, движется, играетъ, чего въ нѣкоторыхъ категоріяхъ мингрельскихъ пѣсенъ мы не видимъ.

Это мы говоримъ про пѣсни меньшинства, которыя отличаются нѣсколько отъ гурійскихъ; что же касается большинства, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которыя мы знаемъ, то онѣ безусловно по характеру своему общи съ гурійскими. Въ особенности на это указываютъ хороводныя пѣсни „Перхули“, которыя имѣютъ тѣ же обороты и прелесть мелодіи, оригинальность контрапункта, тотъ же ритмъ, ту же поперемѣнную форму исполненія и манеру передачи. Если бы я взялъ другія категоріи пѣсенъ, мнѣ пришлось бы только повторяться, а потому я ограничусь вышесказаннымъ.

Пѣсни ихъ также дѣлятся на двѣ группы, т.-е. на пѣсни съ „криманчули“ и безъ нихъ, на полифонныя и гомофонныя, и все, что мы говорили по этому поводу о гурійской пѣснѣ, равносильно и въ мингрельской.

Полифонизмъ у нихъ, разумѣется, общій съ гурійцами, и, слѣдовательно, объясненіе его и гомофонизма у карталинцевъ и кахетинцевъ одинаковое.

Все, что приходилось говорить относительно ритма и записи въ гурійской пѣснѣ, то же самое нужно сказать и здѣсь [2]). Что же касается технической стороны вопроса, то здѣсь намъ придется немного остановиться.

Въ трехголосныхъ пѣсняхъ мингрельцевъ мы встрѣчаемъ различные звукоряды. Такъ, напр., если мы отбросимъ въ данной плясовой пѣснѣ верхній голосъ, представляющій изъ себя подголосокъ, то увидимъ чередованіе квартъ la-re (какъ въ этомъ, такъ и въ друг. случаяхъ поютъ мужскіе голоса) съ квинтами la-mi и далѣе—квартъ do fa съ тѣми же квинтами. (См. № 20 въ прил.).

Обративъ вниманіе на главные устои пѣсни „Чарирама“ (приводимъ пѣсню подъ № 21), мы увидимъ въ основѣ звукоряды трихорда въ квинтѣ.

Далѣе, отбросивъ въ хороводной пѣснѣ за № 22 верхній голосъ, представляющій изъ себя подголосокъ (легкій „криманчули“), мы увидимъ пѣсню въ квинтѣ. Разсматривая далѣе и далѣе, мы увидимъ пѣсни или въ предѣлахъ восьмизвучнаго звукоряда или такія, которыя находятся не въ одномъ какомъ-либо звукорядѣ, а въ нѣсколькихъ, какъ, напр., „Татари да руси чхубобс“, представляющія изъ себя дальнѣйшую свободную эволюцію пѣсни, т.-е. переходъ пѣсни изъ простыхъ формъ въ болѣе сложныя, какъ и у гурійцевъ. Говорить здѣсь о какихъ-либо древне-греческихъ или церковныхъ

---

1) *А. С. Хахановъ.* „Очерки по ист. груз. слов.“. Вып. I, стр. 18.

2) См. мою статью о гурійской пѣснѣ.

ладахъ въ пѣсняхъ, особенно послѣдняго періода, было бы странно, такъ какъ все здѣсь сводится къ творчеству самого народа, какъ въ созданіи музыки, такъ, разумѣется, и техническихъ основъ, сообразно съ общимъ прогрессомъ и культурою его. Если еще можно допустить какое-нибудь вліяніе ладовъ въ мингрельской пѣснѣ въ нѣкоторыхъ ея категоріяхъ, то это только ладовъ византійскихъ, которые могли войти въ народное пѣніе черезъ церковь, хотя и здѣсь нужно оговориться, что они могли войти въ свое время, когда народъ могъ удовлетвориться напѣвомъ одноголоснымъ, болѣе простымъ. Долго онъ на этомъ не могъ остановиться, и мы видимъ, дѣйствительно, что онъ далеко ушелъ, разработавъ пѣсню до степени трехголосія, съ интереснѣйшею гармоніей и контрапунктомъ. Такимъ образомъ, все то, что мы видимъ въ настоящій моментъ, есть достояніе народа, продуктъ его духа, его прогресса, его культуры. Таковы положенія въ общихъ чертахъ. Что скажетъ дѣло дальнѣйшаго изслѣдованія въ подробностяхъ, мы не знаемъ.

Здѣсь умѣстно было бы коснуться и народной музыки турокъ, прослѣдить, не имѣли ли они какого-нибудь вліянія на мингрельцевъ съ той или иной стороны (хотя музыка у нихъ, насколько намъ извѣстно, одноголосная). Не имѣя по этому вопросу никакихъ свѣдѣній, намъ приходится, къ сожалѣнію, вопросъ оставить открытымъ.

VIII.

Изъ всего вышесказаннаго, я думаю, для читателя стало яснымъ, насколько пѣсня мингрельцевъ тожественна съ гурійской и какія она имѣетъ отличія какъ въ одноголосной, такъ двух- и трехголосной пѣснѣ. Мнѣ остается только дополнить свое первое положеніе и затѣмъ указать на общность мингрельской пѣсни съ карталино-кахетинской и пшаво-хевсурской.

Названіе голосовъ — перваго, второго и третьяго — у мингрельцевъ то же, что у гурійцевъ (см. статью о гурійской пѣснѣ). Способъ исполненія тотъ же. Гармонія и контрапунктъ одинаковы. Относительно гармоніи, между прочимъ, нужно сказать, что у нихъ есть пѣсни съ большими фокусами. Такъ, наприм., пѣсня „Дэли водэли водэла“ начинается въ одной тональности и кончается такимъ образомъ, что дальше начинать пѣсню съ начала необходимо секундой выше. Есть такія, которыя постепенно отклоняются въ сторону, модулируя въ различные строи, а потомъ возвращаются къ началу, какъ въ одной изъ формъ кахетинскаго „Чакруло“.

Далѣе у нихъ полная аналогія въ формахъ пѣсни и попеременности.

Чѣмъ она аналогична съ пѣснями другихъ грузинскихъ вѣтвей?

Во-первыхъ, своими техническими основаніями, такъ какъ въ основѣ своей одноголосной музыки она имѣетъ тѣ же звукоряды, какіе имѣютъ пшавы, хевсуры, карталинцы, кахетинцы и гурійцы, т.-е. кварта, какъ основная единица, далѣе—кварта плюсъ секунда сверху, потомъ квинта и другіе звукоряды.

Затѣмъ мингрельская пѣсня аналогична съ двухголосной, имѣя однѣ и тѣ же основы съ пшавами, карталинцами, кахетинцами и гурійцами.

Въ трехголосной также, но только съ карталинцами, кахетинцами и гурійцами, такъ какъ намъ неизвѣстно, есть ли у пшавовъ пѣсни на три голоса.

Далѣе, аналогію мы видимъ въ тѣхъ же $^4/_6$ аккордахъ и смѣлыхъ оборотахъ гармоніи между послѣдними тремя грузинскими вѣтвями и попеременности формъ пѣсенъ, аналогичной для всѣхъ перечисленныхъ вѣтвей.

Итакъ, чѣмъ же отличается пѣсня мингрельской семьи грузинской вѣтви отъ перечисленныхъ вѣтвей? Только характеромъ музыки, живой и подвижной, когда она обща съ гурійскими трехголосными пѣснями, и менѣе живой и подвижной и болѣе грустной, когда она мингрельская. Это—въ трехголосныхъ. Въ одноголосныхъ же ее отличаетъ глубокій лиризмъ.

Намъ остается сказать два слова объ инструментахъ мингрельцевъ.

Музыкальныхъ инструментовъ у мингрельцевъ мнѣ пришлось встрѣтить два. Это чонгури, о которомъ я уже говорилъ, и чанги [1]). Относительно послѣдняго я считаю нелишнимъ сообщить слѣдующее. Какъ-то весною, описывая грузинскіе музыкальные инструменты въ Дашковскомъ Этнограф. музеѣ, я встрѣтился съ академикомъ Ѳ. Е. Коршемъ, который, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что совсѣмъ не знаетъ и не имѣетъ представленія объ инструментѣ чанги, упоминаемомъ въ произведеніяхъ древнихъ персидскихъ поэтовъ (у знаменитаго грузинскаго поэта XII в. Шота Руставели о немъ также упоминается). Теперь этотъ чанги найденъ и представляетъ изъ себя не что иное, какъ ручную трехугольную (я думаю, финикійскую) арфу. Видѣнная мною арфа (по словамъ владѣльца, его арфа есть копія съ инструмента рачинскаго князя Гугунава) имѣетъ небольшой четырехугольный корпусъ, вершковъ семь или восемь длины, вершка два высоты и полтора ширины. На декѣ расположены въ два ряда (по семи) продушины, между которыми вдавливаются колышками девять струнъ. На каждой изъ стѣнокъ тоже по три продушины. За корпусомъ идетъ ручка, которая соединяется съ вертикальной рамой вершковъ 13 высоты, съ прорѣзомъ посрединѣ. На обратной сторонѣ рамы расположены колки. Струны изъ крученыхъ шелковыхъ нитокъ, какъ въ чонгури. Играютъ на немъ, или положивъ инструментъ на колѣни, или же на столъ. Въ настоящее время инструментъ этотъ принадлежитъ г-жѣ Аннетѣ Чавава, которую я никакъ не могъ упросить поиграть на немъ для того, чтобы узнать строй и музыку на этомъ инструментѣ.

Въ заключеніе я долженъ повторить то, что говорилъ раньше въ другихъ работахъ: мингрельская народная пѣсня ждетъ своего изслѣдователя, который болѣе подробно остановится на каждой категоріи пѣсенъ отдѣльно. Это, разумѣется, будетъ тогда, когда обойдутся всѣ уголки Мингреліи, когда соберется весь матеріалъ. Музыкальнаго богатства въ этомъ краѣ очень много, въ особенности среди женщинъ; но только, чтобы всѣ эти богатства собрать, нужно знать хорошо край, всѣхъ лицъ, которыя хорошо играютъ на чонгури, нужно имѣть хорошихъ руководителей. До тѣхъ же поръ, пока не будетъ все собрано, придется говорить только въ общихъ чертахъ, какъ мы и сдѣлали. Намъ остается прибавить къ этому, что и сравнительный обзоръ народной пѣсни данной грузинской вѣтви, насколько намъ извѣстно, является впервые.

---

[1]) Впослѣдствіи я узналъ, что у нихъ имѣются еще инструменты: во 1) пастушій „сасцрапо“, представляющій изъ себя соединеніе шести маленькихъ свирѣлей различныхъ тоновъ и аналогичный по формѣ съ румынскимъ „наемъ“, и затѣмъ во 2) „саквири“, представляющій изъ себя обитую сверху жестью трубу около двухъ аршинъ высоты, съ довольно широкимъ раструбомъ. Эта труба употребляется у нихъ въ настоящее время для созыва схода. Она имѣетъ много общаго съ „карнаемъ“, военною трубой жителей Средней Азіи. Такой же формы инструментъ имѣется и въ Дашковскомъ Этнографическомъ музеѣ въ Москвѣ.

Тексты мингрельскихъ пѣсенъ съ русскимъ переводомъ.

1. მზე შინაო, მზე შინაო.

მზე შინაო, მზე შინაო,
მზე შინ შემოდიო!

1. Солнце [1]).

Солнце въ домъ, солнце въ домъ,
Солнце, взойди въ домъ!

2. დიდო ღმერთო.

მე თუ ქმარსა თუ მაღირსებს
დიდებული დიდი ღმერთი.
აქა ვინმე მეღირსება
საკადრისი ვინმე ერთი.

ვინაობას თუ მიკითხავთ,
ვარ ღარიბი ვინმე ქალი;
სხვისი ცეცხლი გულსაც მიკლავს,
ვერ გაუძლებ მე საწყალი.

2. Великій Богъ.

Если Великій Богъ
Меня удостоитъ мужа,
То здѣсь имѣется въ виду
Достойный меня.
Если вы меня спросите о моемъ
соціальномъ положеніи,
То я бѣдная дѣвушка.
Несчастіе другихъ меня трогаетъ,
И я не могу быть равнодушной.

3. მე თუ ქმარსა თუ მაღირსებს.

(იხ. მეორე ნომერი).

3. Если Великій Богъ...

(текстъ тотъ-же, что и во второмъ номерѣ).

4. დუდი ოჯილართიმაფუ...

დუდი ოჯილართიმაფუ, საქმექ თეში
გინი მართუ; ნანა.
მარა სინდისის უკჷინექ, დია უჩა ვამი ღაფა.
ვორწყექინი ვიჭუქ, ვარდა გვალო
გური მიღურუ
თინა მეგულებუნ ექი, ოში ვერსის
კუჩხით ულუ.
ასე ლეხი მა ბკჷანუქ, თიში ყოროფათ
განაჭირი
თე ჭყაში მირსხენდუნი ფერ მითინი
ვაბძირი,
თე დღა თაში მო ბძუდუდა დღაშახ
მუ შენ ვადო ჩილი.
«გინდა ჩილი, გინდ მაცოცხლი, გინდ
წყარც მოშქვიდეე»,
ფერ წამალი დომიგორი, თე ჭყაში
დოფსქიდეე.

4. Я хочу погубить себя...

Я хочу погубить себя, до того мнѣ
стало невыносимо.
—Пока отъ этого меня удерживаетъ
совѣсть, которую я не опорочилъ.
Когда я ее вижу, страсть овладѣваетъ
мною; когда нѣтъ—тоскую по ней.
Готовъ пройти сто верстъ
къ возлюбленной своей.
Сейчасъ я сильно боленъ отъ чрез-
мѣрной любви къ ней.
И если это страданье меня ожидало,
то къ чему я родился?
«Или дай мнѣ жить, иль убей, утопи!»
Измѣнница любовь наполнила
мое сердце скорбью.

---

[1]) Текста этой пѣсни мнѣ не сообщили. Онъ, вѣроятно, аналогиченъ какъ съ гурійскимъ, такъ и карталино-кахетинскимъ текстами.

5. ვარა ნანი, ვარა ნანი.

ვარა ნანი, ვარა ნანი, ვარი ჭიფე
ვარა ზანი;
ჭიფე ფთქვინი, ზანი ვარე, ზანი
ფთქვინი, სქვამი ვარე.
სქან ყოროფა მაზეჭთთეში, კვესი
ვაჭუნც ოზედის;
ჩქიმი გური თეში მუკოზუ,
მუჭოთჩხომი ანკესის.
თან დაზალოთ გეხვეწუქუ;
ნუ დომიჭუმა ზედის?
ჩქიმი ჩილამური ვააქოსე სწორეთ
დიდი სალფეთქის.
ყოროფას ვონდურუქ, გური
ალაჭვილი მაფუ.
უზედური ჩქიმი დუდი ვაი მუსუ
მოსხუმაფუ!
ღურა დღაშა ვიტანჯეე, ფერი საქმე
დო მიჭუაფუ,
მოღალატე ყოროფაქ გური სევდით
დომილაფუ.

5. Вара нани, вара нани [1]).

Вара нани, вара нани, или пѣть
первымъ, или вторымъ.
Запѣлъ первымъ—второй хромаетъ,
запѣлъ вторымъ—оказалось негодно.
Любовь къ тебѣ меня сжигаетъ, какъ
отъ искры кремня фитиль [2]).
Мое сердце принадлежитъ тебѣ
такъ-же, какъ рыба водѣ.
Колѣнопреклоненно умоляю тебя,
не отравляй мою жизнь,
Иначе весь вѣкъ мнѣ придется
плакать и страдать;
Хотя и при этихъ условіяхъ
Я никогда тебя не забуду.

6. ოროფაი.

სიყვარულმა დამწვა-დამწვა, ხომ კი
იცი გამსწირა.
მე ვენდვე, და არდამინდო, ცხარე
ცრემლით მასტირა.

მიყვარს შენი შავი თვალი, და შურისა
დამთესავი.
ფიცით გეტყვი მოგახსენებ, არ ხარ
ჩემი ნათესავი.

სი დოხოკი მაგალინა, სტოლს
ვაგონწყუაფუა
გონებუდა დო ხო კჯიდო, ვარდა
გოგულებაფუა.

6. Любовь.

Любовь иссушила мое сердце.
Я довѣрился ей, а она отвѣтила мнѣ
недовѣріемъ и заставила меня
плакать горькими слезами.

Люблю твои черныя очи, вселяющія
ревность.
Клянусь тебѣ и скажу, что ты все-же
не родственникъ мнѣ.

Ты сядь. Я за тобою буду ухаживать.
Накрою для тебя столъ.
Если тебѣ за столомъ надоѣстъ сидѣть,
то можемъ пойти гулять.

---

[1]) Слово это тожественно съ грузинскимъ аралале.
[2]) Фитиль-абеди дѣлается изъ древесной массы.

მიილი, ბატია, ჩქიმი თხოვნა, ამის-
რულია გურიში ნდომა!
ტყურათ ვეგემიღინუა ჩქიმი ხანდებადო
შრომა.
სახე ანგელოზიშ გილუ, სირმაში გე-
გოწყვაითუ თომა.

7. ვაი, ღორონთი!

ვაი; ღორონთი, მუ შექრცოდი, მუს
გიჭირსა ჩქიმი რინა!
წარეთ შურსუ ჰკაშუნ ქუდო გოჭდო-
გელი მაფუ რინა.

ოროფა მწარე დღას ვეშ მანგარე, ცაშა
მეურც შურ მეუბარე;
ვა ოროფა ნიჭი სრული წამს ტკბილი
და დიდ ხანს მწარე.

8. ადამიან კოჩიშ სქუას...

ადამიან კოჩიშ სქუას ნატრი მუთუნს
ვახვარუნო;
ნატრიქ კოცა გეურთუნი, მუთუნ წიგ-
ნის გაჭარუნო;
ეგებ მითინ ქრისტიანეს თეცალ წიგნი
გობარუნო;
ქუმოთხიი შემწეობა გაჭირვებულს
ვახვარუნო:
ფერი სნეულება მოჭუ, ჩქიმი სქილადა
ვეშილებე,
წამალი მუთუნც ვამოხვარუ, ექიმც
დუდი დავანებე;
ცოცხალი ვორდე მუშოთ მოკო, წვალე-
ბაში თუდორინა
ნატრით ვიშერებუქ ჰდო ვიეპოტინუ,
მუ ფქიმინა!
ჰჸე, ჩიტი, ქოფურინი, ქემეული თენა
თის!
ენახეს ქიმეჩიდო, ერთი ქააჭყუდი პიც!
ან ფერ სქანი ჩიტო ბას, მუს მომიღა
დუნართის,
მუთუნ ქაარაგადაფე ერთი ჩქიმოთ
დინაფილს!

Прійми, Батіа, мою просьбу, исполни
мое душевное желанье!
Пусть понапрасну не пропадаетъ моя
забота, мой большой трудъ.
Лицо у тебя ангельское, а плечи
украшаютъ золотые кудри.

7. О, Боже!...

О, Боже, въ чемъ я провинился!
Почему Ты меня не взлюбилъ!
Я еле дышу. Мнѣ опостылѣла жизнь
на этомъ свѣтѣ!

Несчастной любви своей забыть не могу.
Мои страданья доходятъ до небесъ.
За мигъ наслажденія съ тобой готовъ
идти на вѣчныя муки.

8. Человѣку...

Человѣку не падлежитъ гадать.
Если-же желанье исполнилось, то это
написано въ книгѣ судебъ.
Быть можетъ какая нибудь христіанская
душа знаетъ объ этой книгѣ,
Тогда пусть она укажетъ, или одолжитъ
ее, чтобы я могъ вычитать
лѣкарство отъ своего недуга.
Я страдаю такой болѣзнью, что помочь
мнѣ едва-ли возможно.
Отъ врача я отказался и лѣкарство
не принимаю.
Я такъ изстрадался, что жизнь мнѣ
тяжка.

Птичка, расправь крылья и полети
къ ней, снеси мой поцѣлуй!
Ты знаешь, птичка, что передать и
чѣмъ облегчить мое сердце.
Заставь ее, для меня утраченную,
высказаться.

9. საარშიყო.

სიყვარულმა დამწვა-დამწვა, ხომ კი
იცი გამსწირა;
ვის მე ვენდევ, არ დამინდო, მწარე
ცრემლით მასტირა.
ვისაც ვსთხოვე წამალი, ხინა დამალე-
ვინა;
მას ეგონა ციება, სული გამაცხებინა.

მიყვარს შენი შავი თვალი, და შურისა
დამთესავი,
ფიცით გეტყვი, მოგახსენებ, არ ხარ
ჩემი ნათესავი.

9. Любовная.

Любовь изсушила мое сердце.
Та, которой я довѣрился, отвѣтила мнѣ
недовѣріемъ и заставила меня
плакать горькими слезами.
У кого я просилъ лѣкарства—тотъ
напоилъ меня хиной.
Ему казалось, что у меня лихорадка,
и я чуть не разстался съ жизнью.

Люблю твои черныя очи, вселяющія
ревность.
Клянусь тебѣ и скажу, что ты все-же
не родственникъ мнѣ.

10. მეგრული არანანუ.

ვორირა, ვორირა, ვორირა-დილა!
დილ-დილ-დილა, დილ-ვოდილა,
ვოდილა რანინაო!

10. Мингрельская колыбельная.

Ворира, ворира, ворира-дила!
Дил-дил-дила, дил-водила,
Вадила ранинао!

11. მუ ფქუმინა ბედი ჭვილქუ!

მუ ფქიმინა ბედი ჭვილქუ! დილავ ნანაო.
იროართო მასი ფშუქა;....
ბრელი შახი მიიმნდომი....
სქანი აშა ჭყოლი დაფა;....
მარა მუთუნქ ვაგო მირთუ,....
დუც ვომირი ტყურაი ჸაფა....
აწი შვიდობითი ბატა;....
სი ჩქიმ იმედითი ვარდა:....
სქანი დო ჩქიმი ყოროფას....
გჷლირი აფუ ვადა....

11. Скажи...

Скажи, что дѣлать мнѣ несчастному,
Вспоминающему тебя ежеминутно!
Хотя я желаю тебя забыть,
Но не могу.
Прощаюсь съ тобой, милая!
Для тебя я потерянъ.
Ты меня разлюбила.

12. მიკვირს...

მიკვირს, როგორ ღმერთმა ჩემზედ,
ნეტა როგორ მოიცალა,
წუთი სოფლის დროს ტარება მე სულ
აღარ დამაცალა.
ჩემ სატყურფო ლოდვის შვილი ჩემს
სიყვარულს ეურჩება.
დატანჯული ჩემი გული იმას როგორ
გადურჩება!

12. Удивляюсь...

Удивляюсь, какъ у Бога нашлось
время обратить на меня вниманіе!
Онъ прямо не далъ мнѣ насладиться
жизнью.
Первенецъ моей любви отвергаетъ
меня.
Измученное мое сердце врядъ-ли это
переживетъ.

13. სიმღერა (უტექსტოდ).

14. ფერხული ჩონგურზედ (უტექსტოდ).

15. ფერხული ჩონგურზედ (ვარიანტი).

16. მელოდია ჩონგურზედ.

17. ლეისონ და კირია.

ლეისონ და კირია, ლეისონ და კირია.

18. ფერხული.

ო-ოხო, ო-ოხო! ო-ოხო, ო-ოხო!

19. ფერხულის № 18-ს გაგრძელება.

დელი-ვოდელი-ვოდელა, ვოდელია-რანინა!

20. სათამაშო.

ვადილა-ე, ვადილა-ე, ვადილა ორერა.

21. ჩარირამა.

ჩარირამა, ჩარირამა, ჩარირამა ბიცოლა!
აბადელი-ვოდელი-ვოდელა ჩა.

22. ფერხული.

ორი-ოხო, ოხო, ოხო! ორი-ოხო, ოხო, ოხო!

23. ფერხული (მეორე).

24. საცეკვავი.

25. ორი ოდელია.

ორი ოდელია, დილ-დილ-დილა ვოდელია.
ორიდილა, დილა-დილა, ვოდილა ნა.

26. ვადილა.

აბადელა, ვადილა, აბარერა,
ივორერა, ნანინა, ჰეი!

13. Пѣсня (безъ текста).

14. Хороводная на чонгури (безъ текста).

15. Хороводная на чонгури (одинъ изъ варіант.)

16. Мелодія на чонгури.

17. Лейсонъ да кирія.

Лейсонъ да кирія, лейсонъ да кирія.

18. Хороводная.

О-охо, о-охо! О-охо, о-охо!

19. Хороводная (продолженіе № 18).

Дэли водэли-водэла, водэлія рапина!

20. Плясовая.

Вадила̀-э, вадила-э, вадила орера.

21. Чарирама.

Чарирама, чарирама, чарирама Бицола.
(жена дяди)!
Абадэли-водэли-водэла ча.

22. Хороводная.

Ори-охо, охо, охо! Ори-охо, охо, охо!

23. Хороводная (вторая, поется на гласную э).

24. Плясовая (мелодія).

25. Ори одэлія.

Ори-оделія, дил-дил-дила водэлія.
Оридила, дила-дила, водила̀ на.

26. Вадила̀.

Абадэла, вадила, абарера,
Иворера, нанина, ей!

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Мингрельскія пѣсни въ народной гармонизаціи.

Настоящее приложеніе состоитъ изъ 26 мингрельскихъ пѣсенъ, которыя я записалъ въ гг. Москвѣ и Поти Кут. губ. Въ Москвѣ хоровыя пѣсни за №№ 20, 21, 22 и 23 я записалъ отъ гг. П. Басилая, Н. Мачаваріани и П. и А. Дгебуадзе, а сольныя № 1 отъ П. Басилая, 13-же, 14, 15 и 16 отъ своего пріятеля, очень хорошаго чонгуриста, Порфирія Іулоновича Дгебуадзе. Отъ него же записаны и двухголосныя хоровыя пѣсни. Затѣмъ въ г. Поти, по его же рекомендаціи, мнѣ пришлось фонографировать пѣсни у его родственницы г-жи Урсасанъ, оказавшей мнѣ широкое содѣйствіе. Благодаря ей мнѣ удалось фонографировать, между прочимъ, восемь мингрельскихъ пѣсенъ отъ г-жи Эзопины Чачава, пѣвицы съ большимъ дарованіемъ.

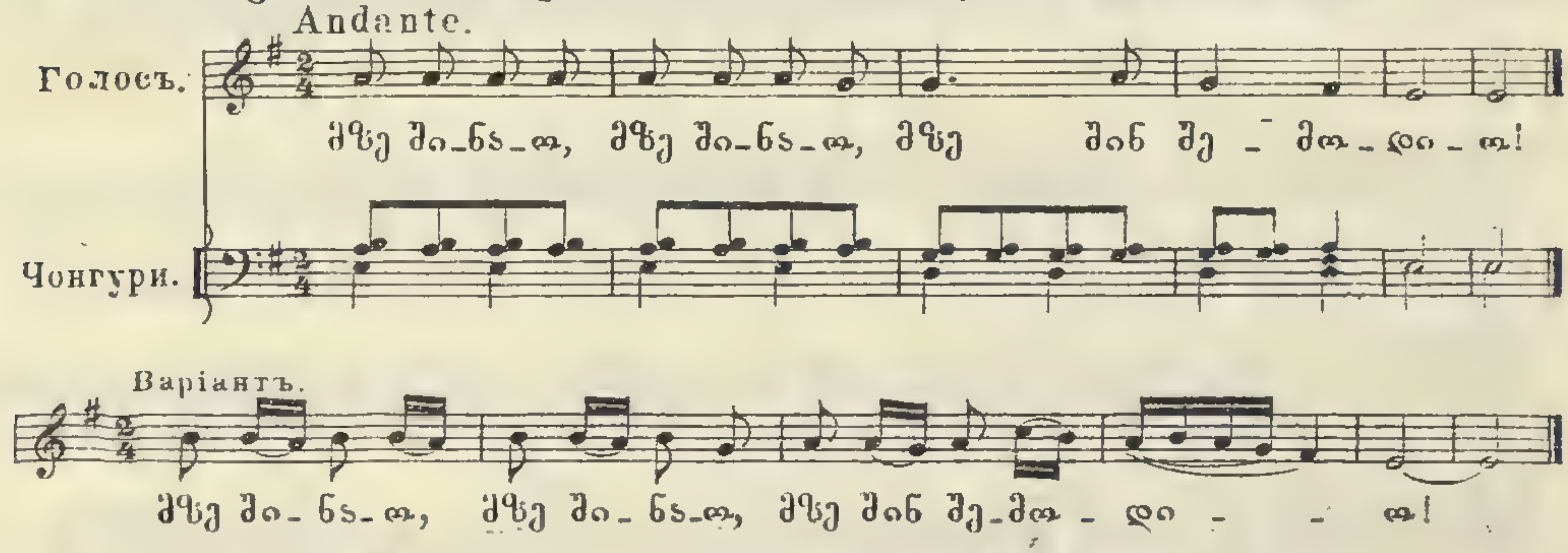
Нынѣ, выпуская въ свѣтъ эти пѣсни, а также записанныя въ Москвѣ, я считаю своимъ непремѣннымъ долгомъ выразить глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, какъ исполнявшимъ напѣвы, такъ и способствовавшимъ мнѣ такъ или иначе въ этомъ трудномъ дѣлѣ, и кромѣ того, А. Д. Кваліашвили, помогавшему мнѣ въ переводахъ пѣсенъ съ грузинскаго на русскій языкъ.

მეგრული ეროვნული სიმღერები, ჩაწ. 1900-1902 წ., დიმიტრი არაყიშვილის მიერ.

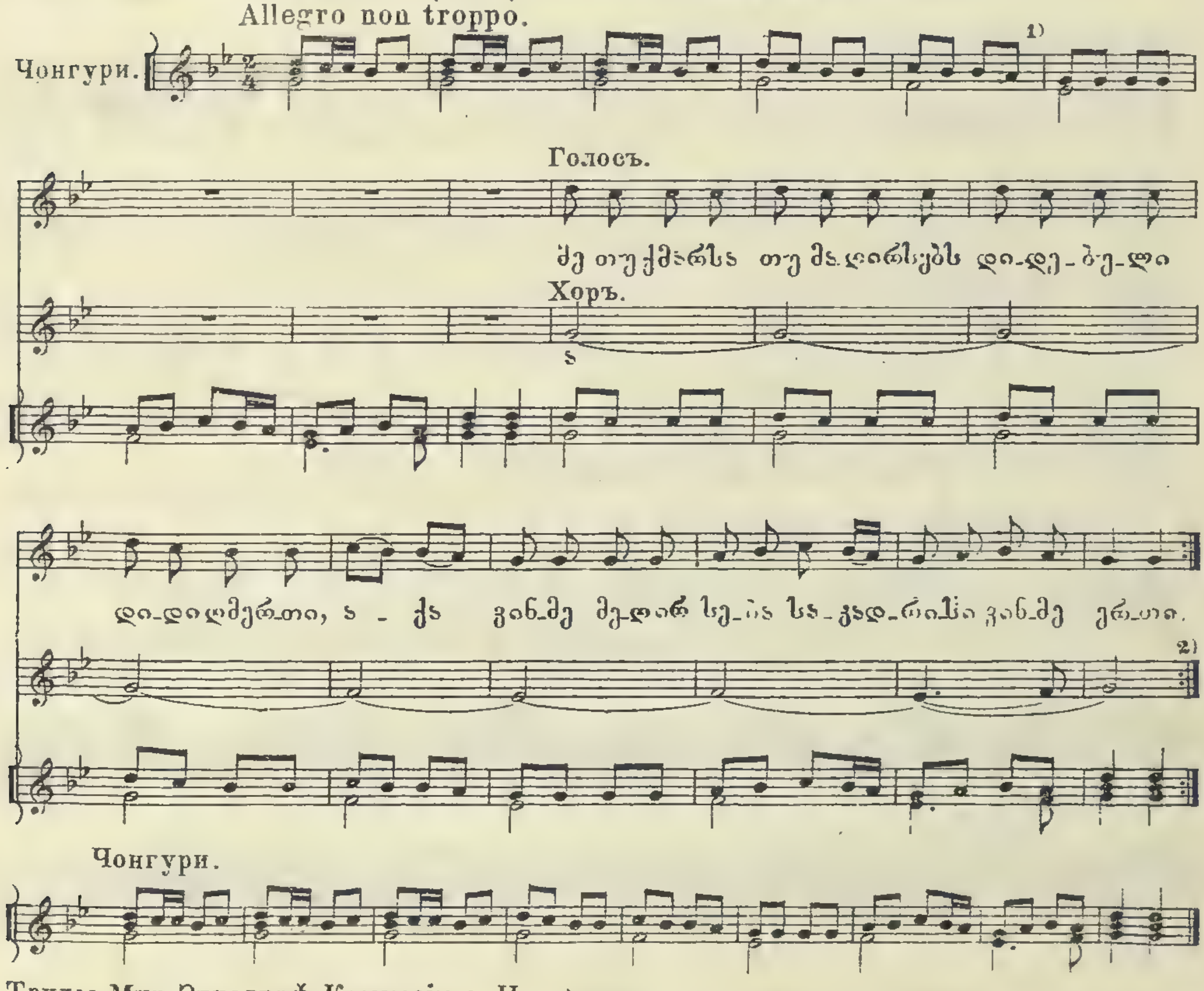
МИНГРЕЛЬСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

зап. въ 1900-1902 г. Д. И. АРАКЧІЕВЫМЪ.

№ 1. მზე შინათ, მზე შინათ! СОЛНЦЕ, ВЗОЙДИ ВЪ ДОМЪ!



№2. დიდო ღმერთო. ВЕЛИКІЙ БОГЪ...

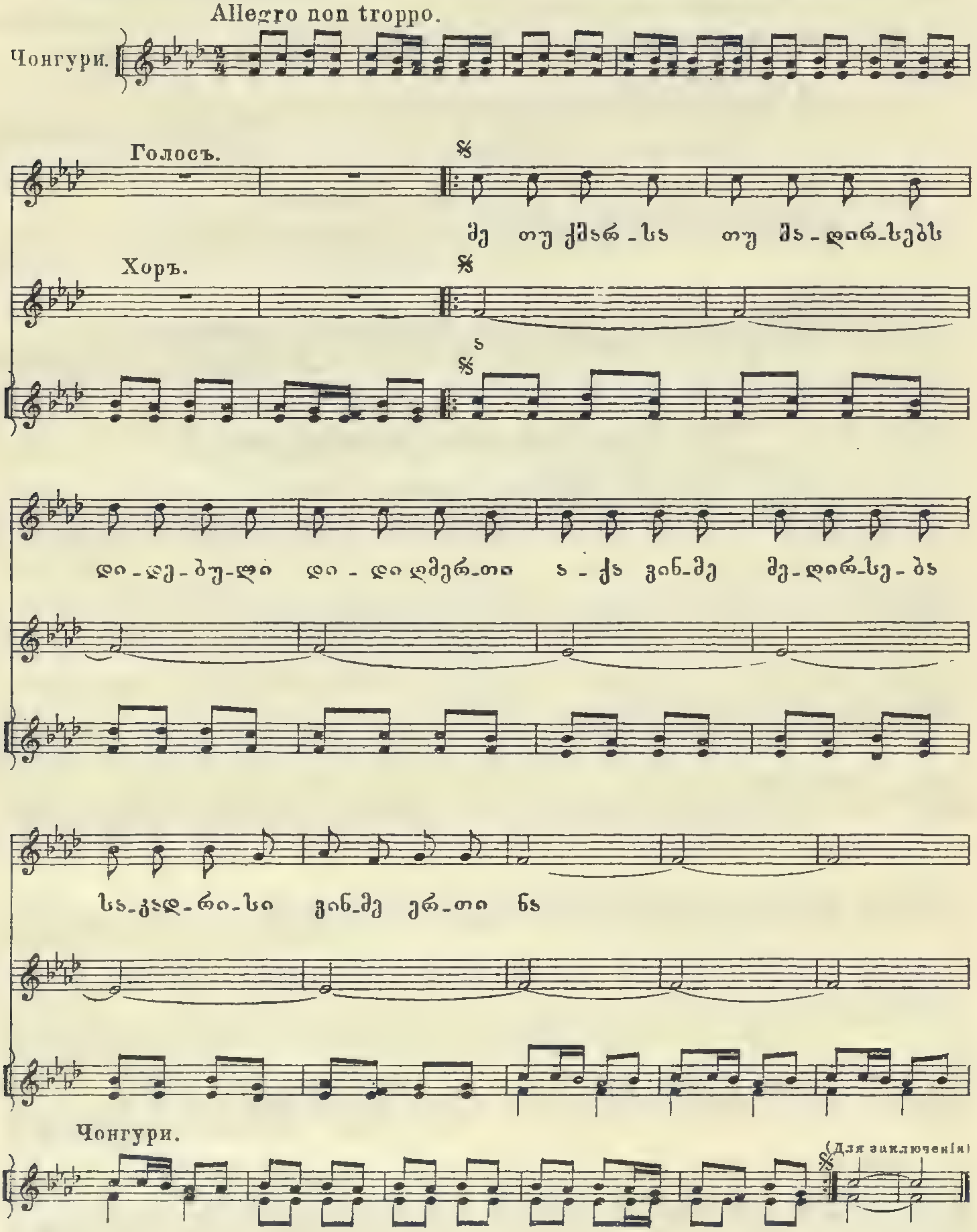


Печатня В. Гроссе въ Москвѣ.

1) Звукъ, по сравненію съ фортепіано, ниже.

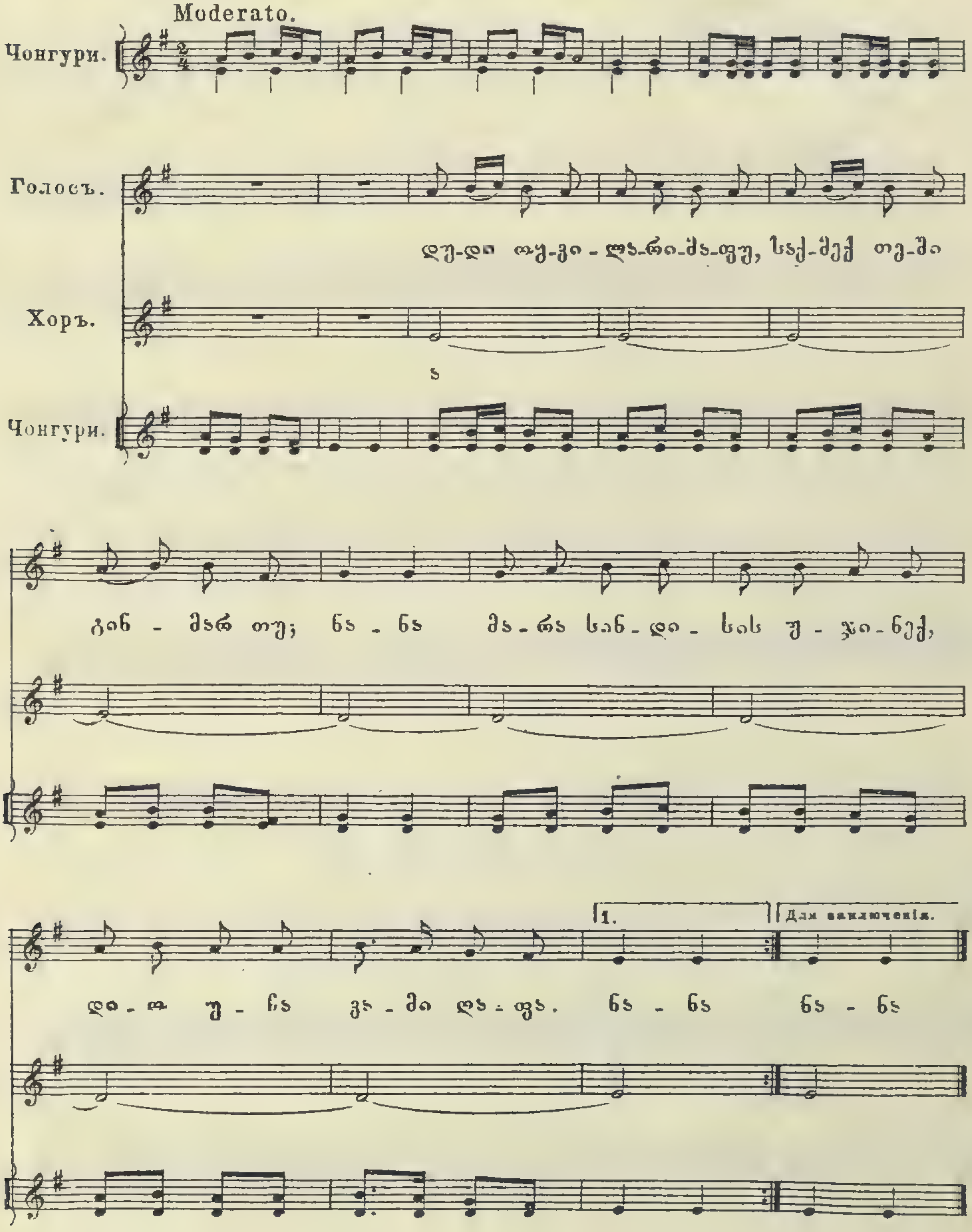
2) Текстъ второй половины пѣсни неясенъ и сдѣланъ по своему.

№3. მე თუ ქმარსა თუ მაღირსებს.. ЕСЛИ ВЕЛИКІЙ БОГЪ.

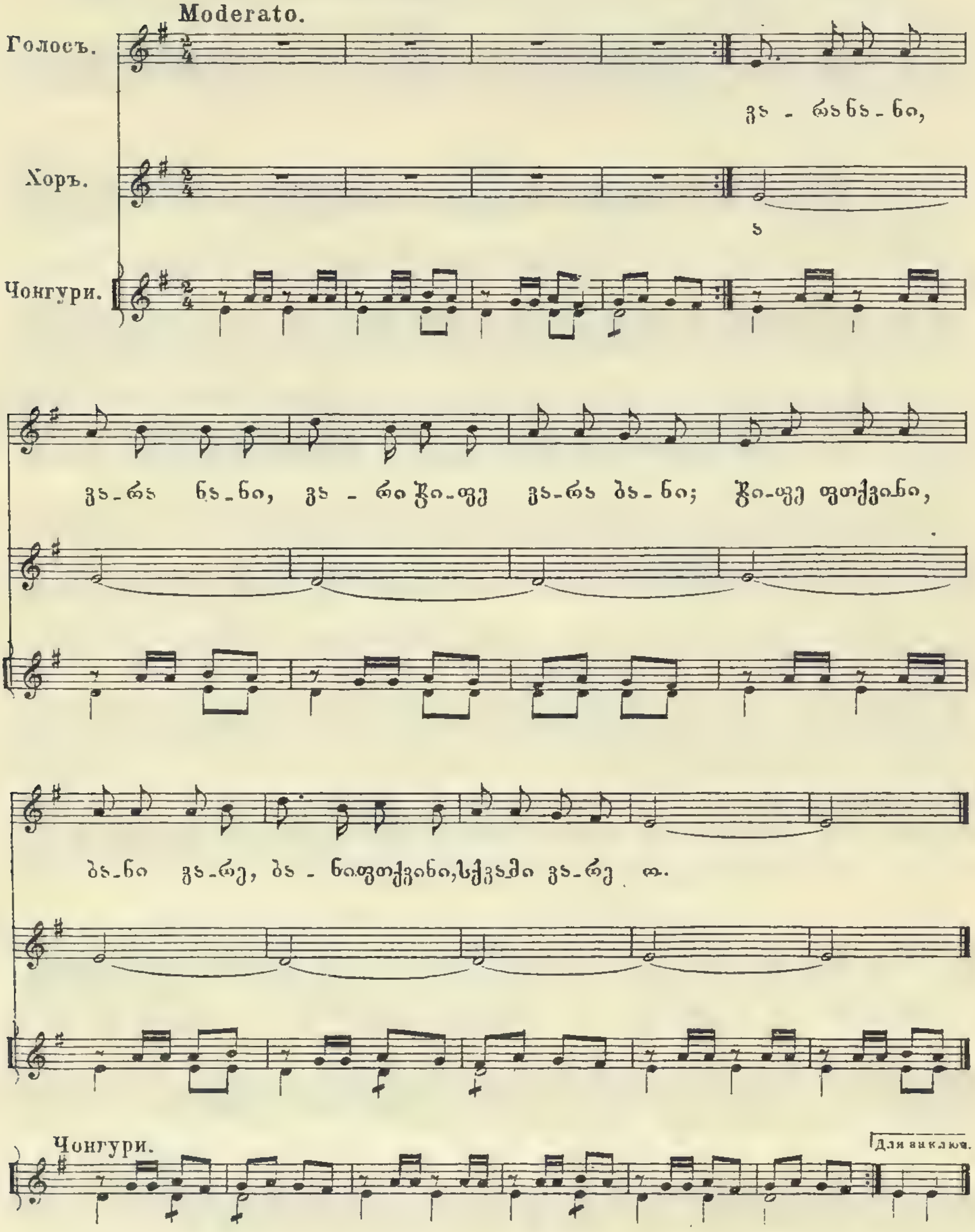


2

№4. დუდი თუვილარიმაფუ... Я ХОЧУ ПОГУБИТЬ СЕБЯ...

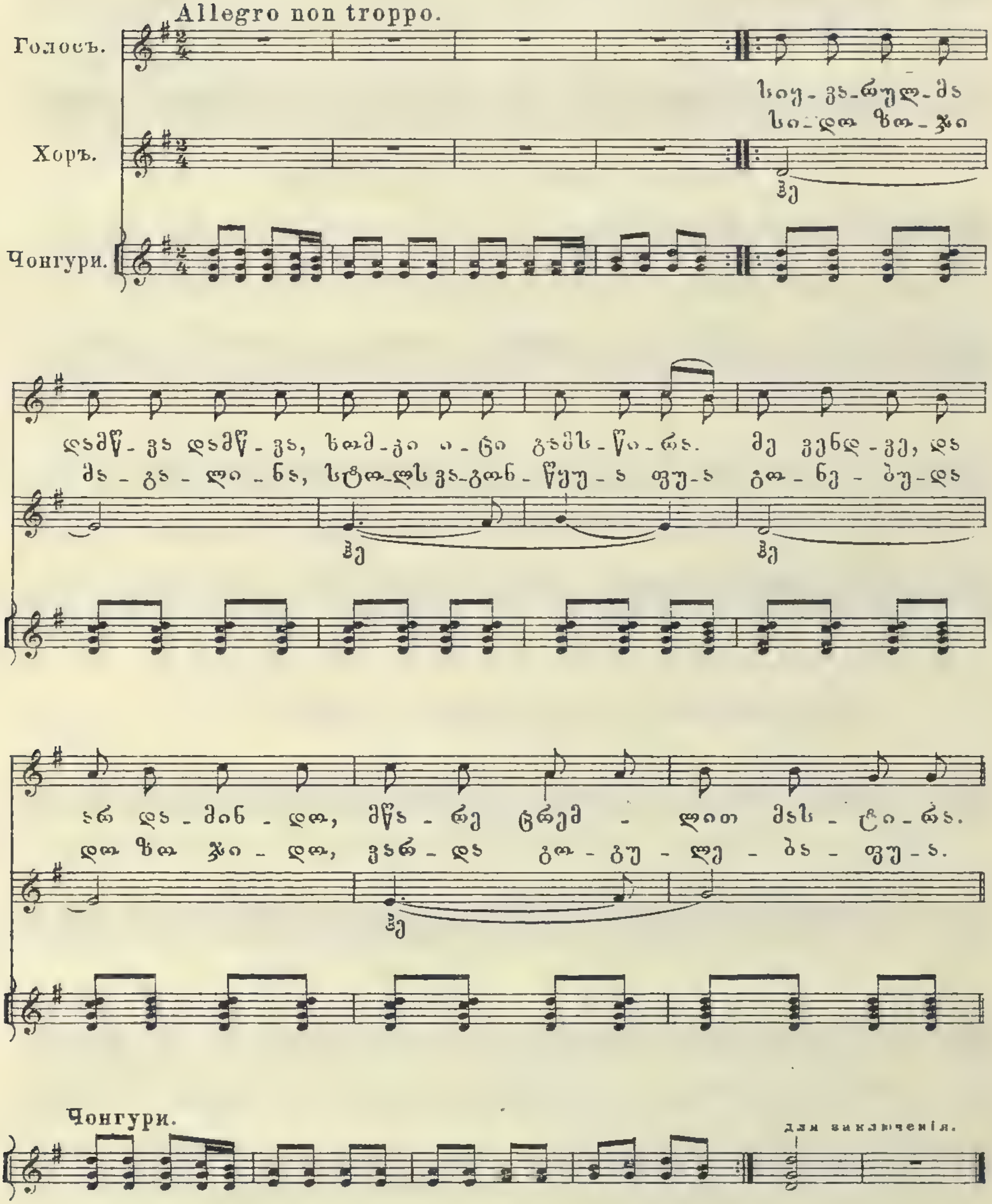


№ 5. ვარა ნანი, ვარა ნანი. ВАРА-НАНИ.



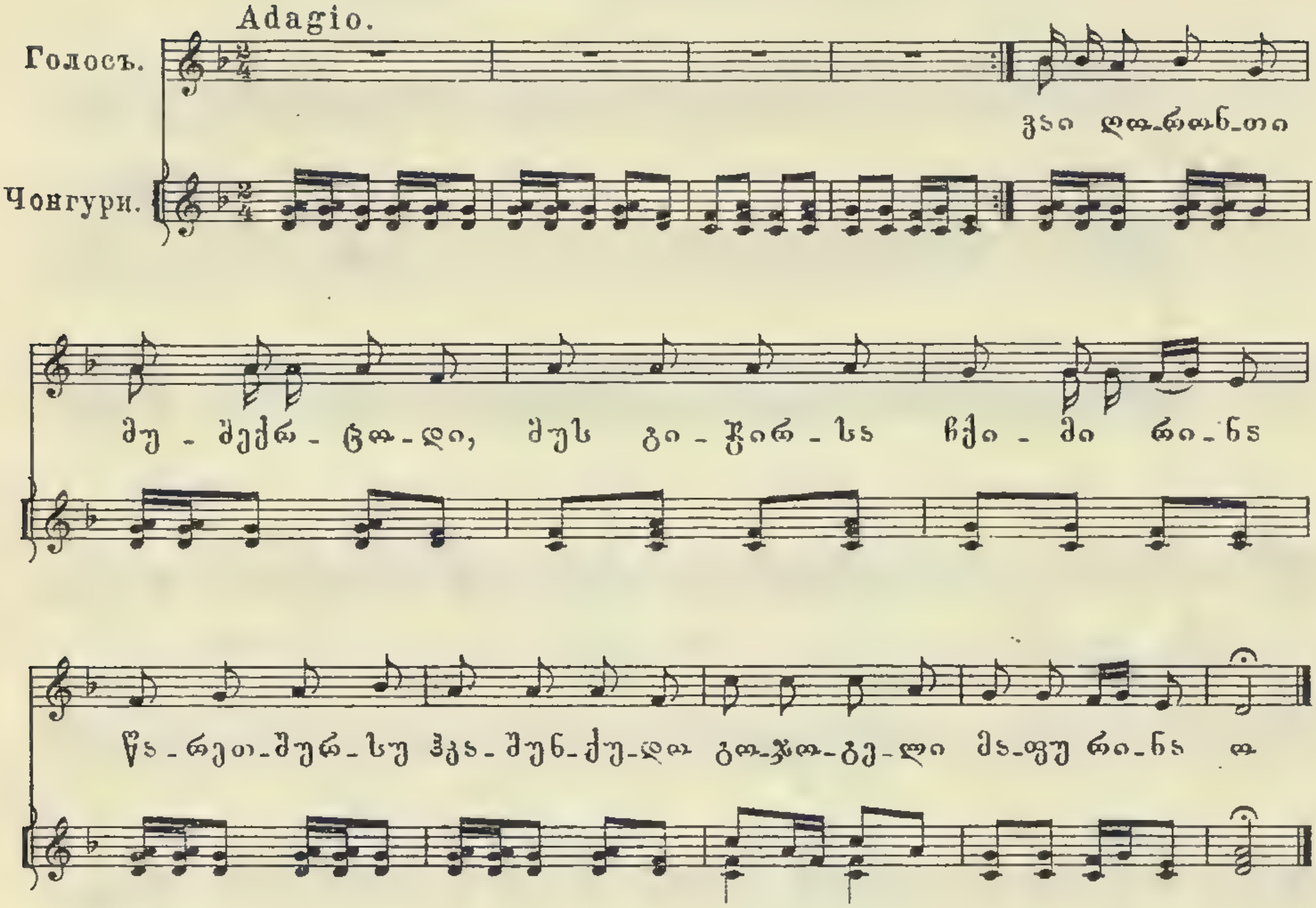
4

№6. ტრთფაი. ЛЮБОВЬ.*)

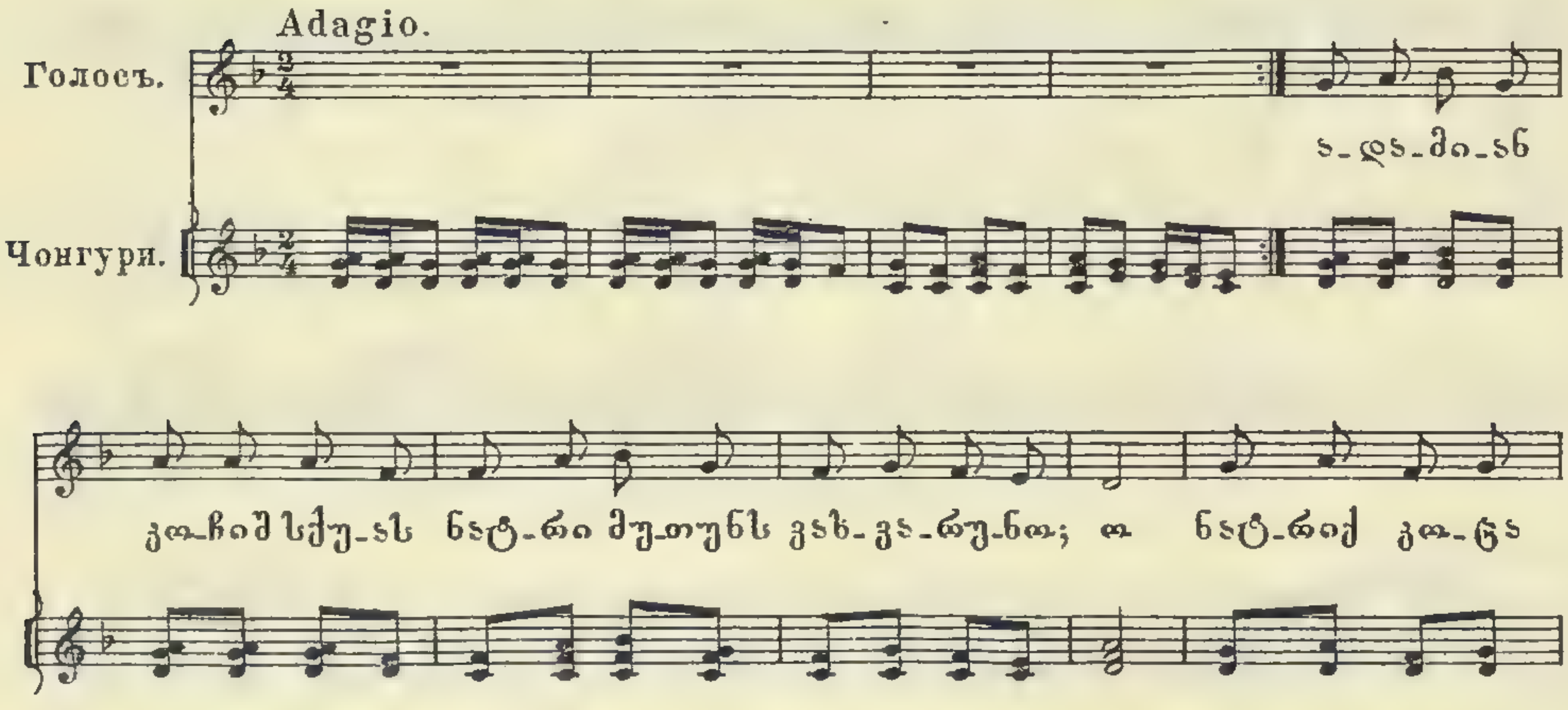


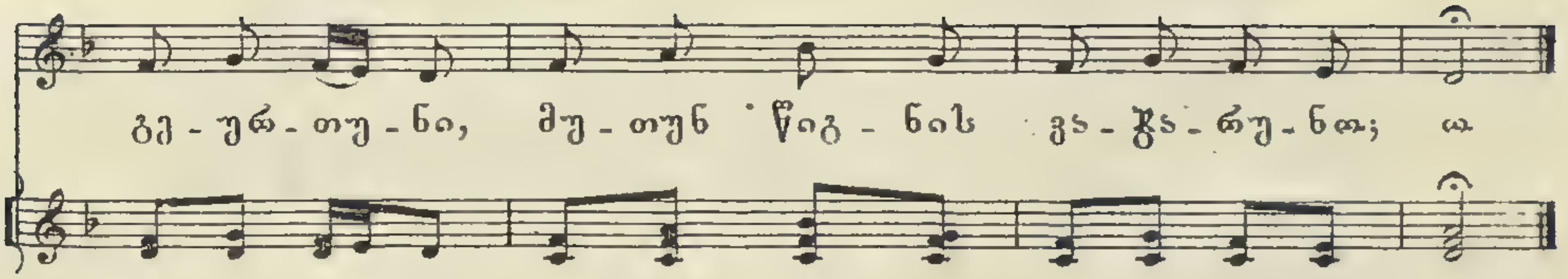
*) Въ этой пѣснѣ вторая строчка стиха, представляетъ изъ себя точный оригинальный текстъ.

№7. ვაი, დორონთი!.. О, БОЖЕ!..

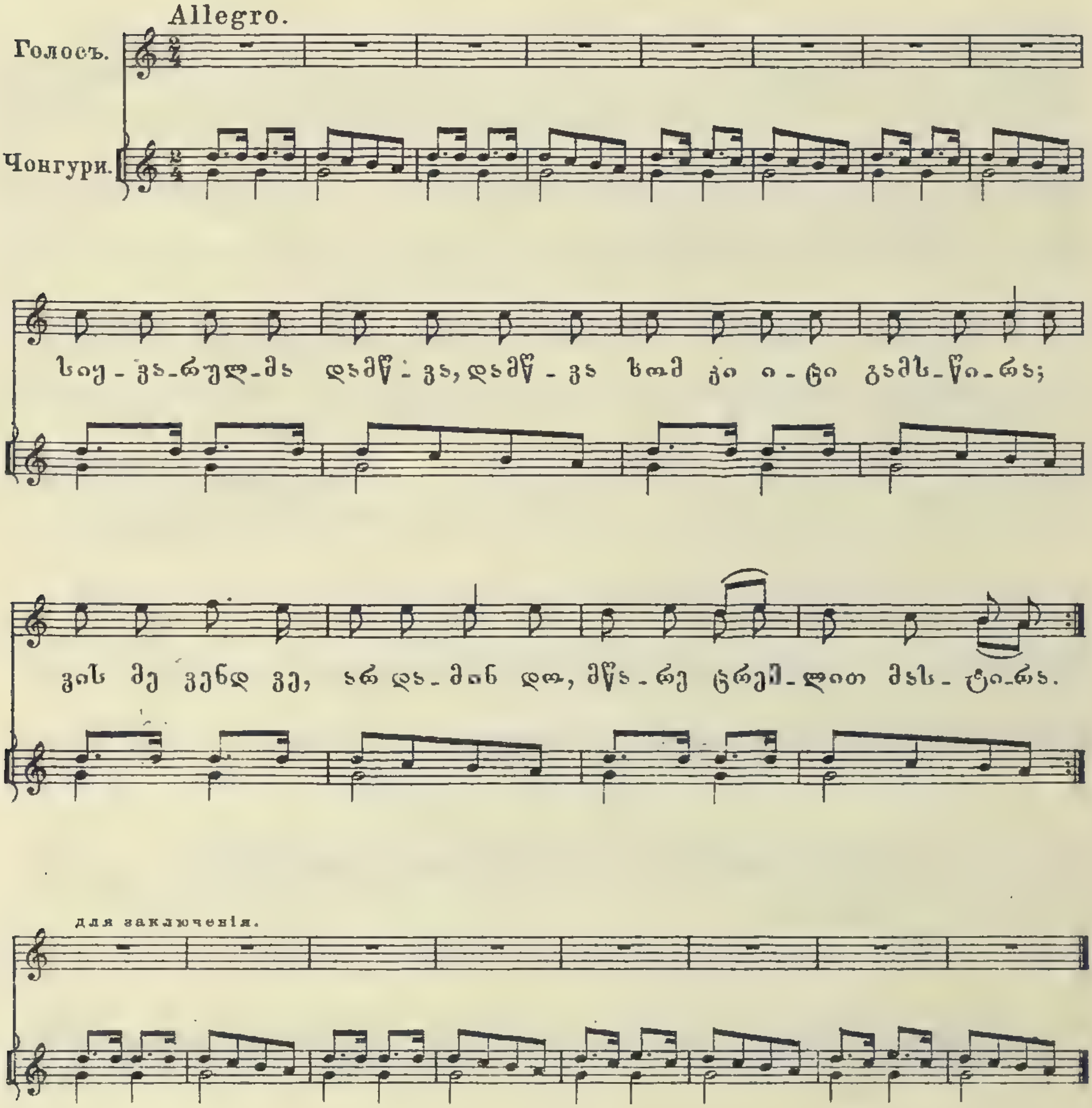


№8. ადამიან კოჩიშ სქუას... СУДЬБА.

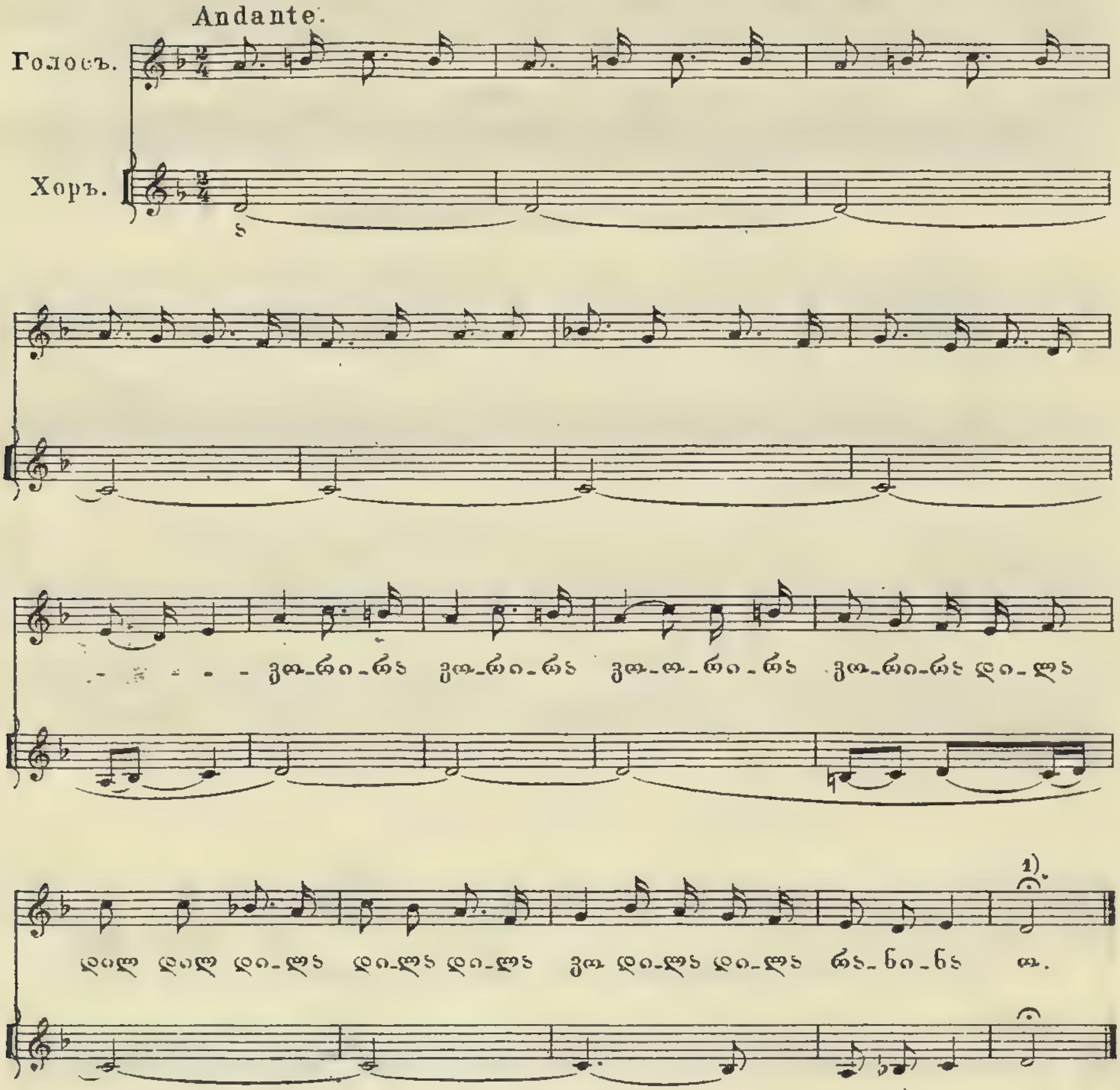




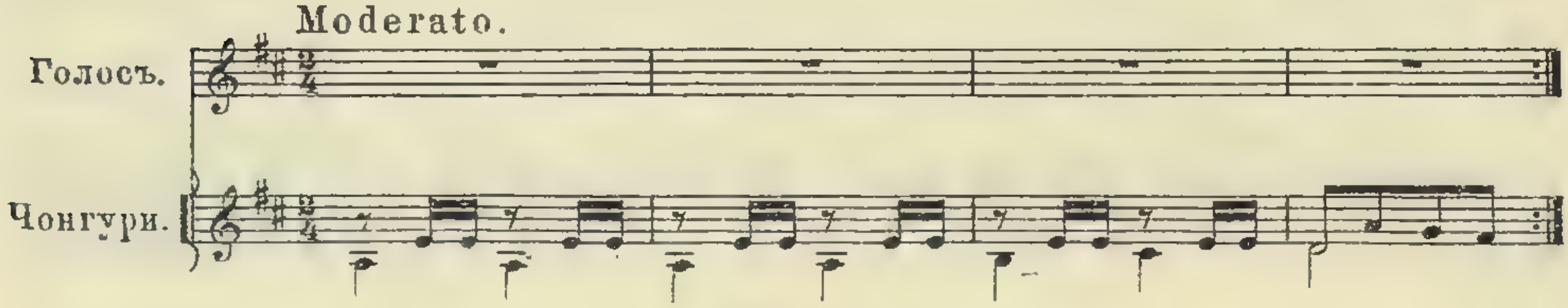
№9. საარშიყო. ЛЮБОВНАЯ.



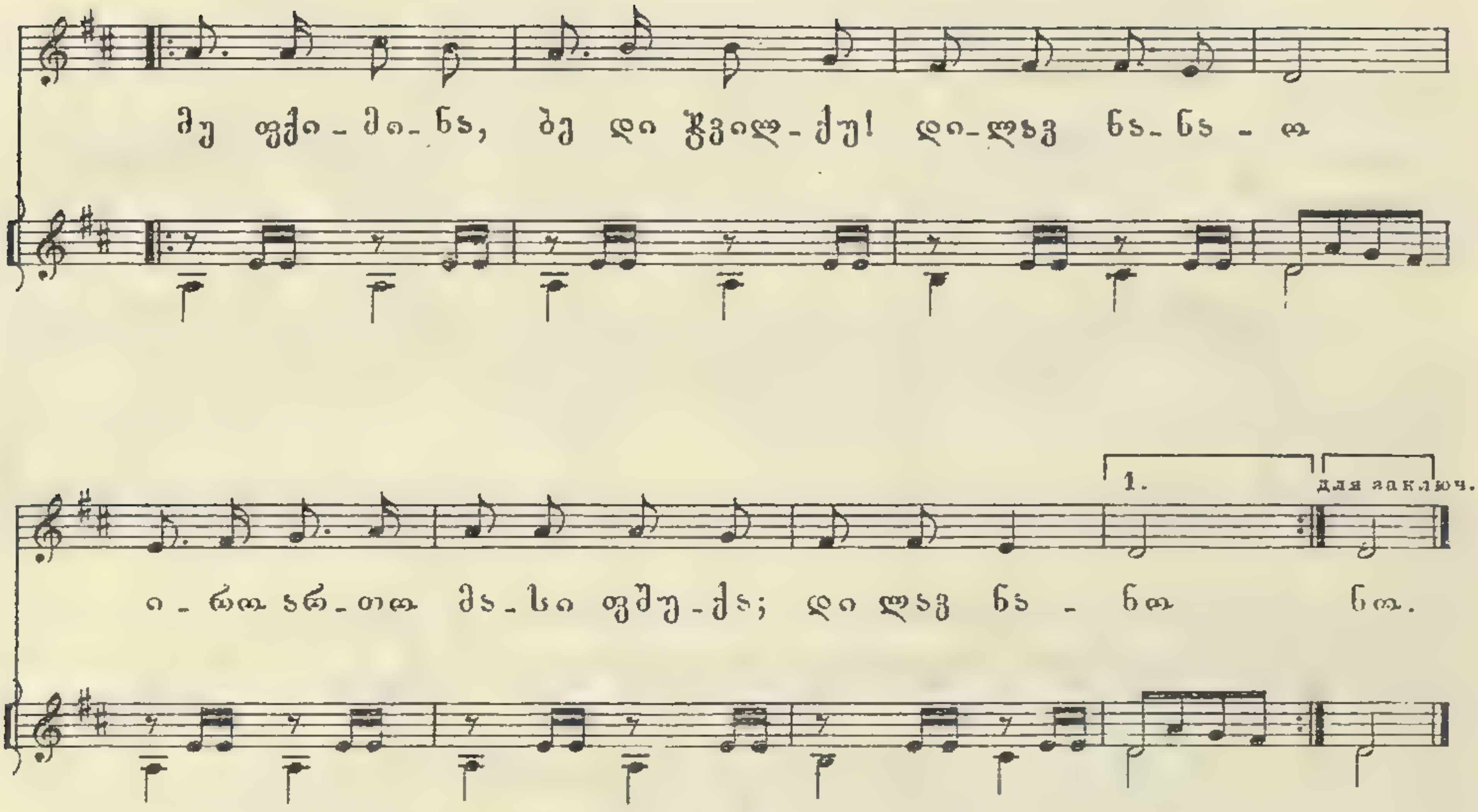
№10. მეგრული არანანუ. КОЛЫБЕЛЬНАЯ.



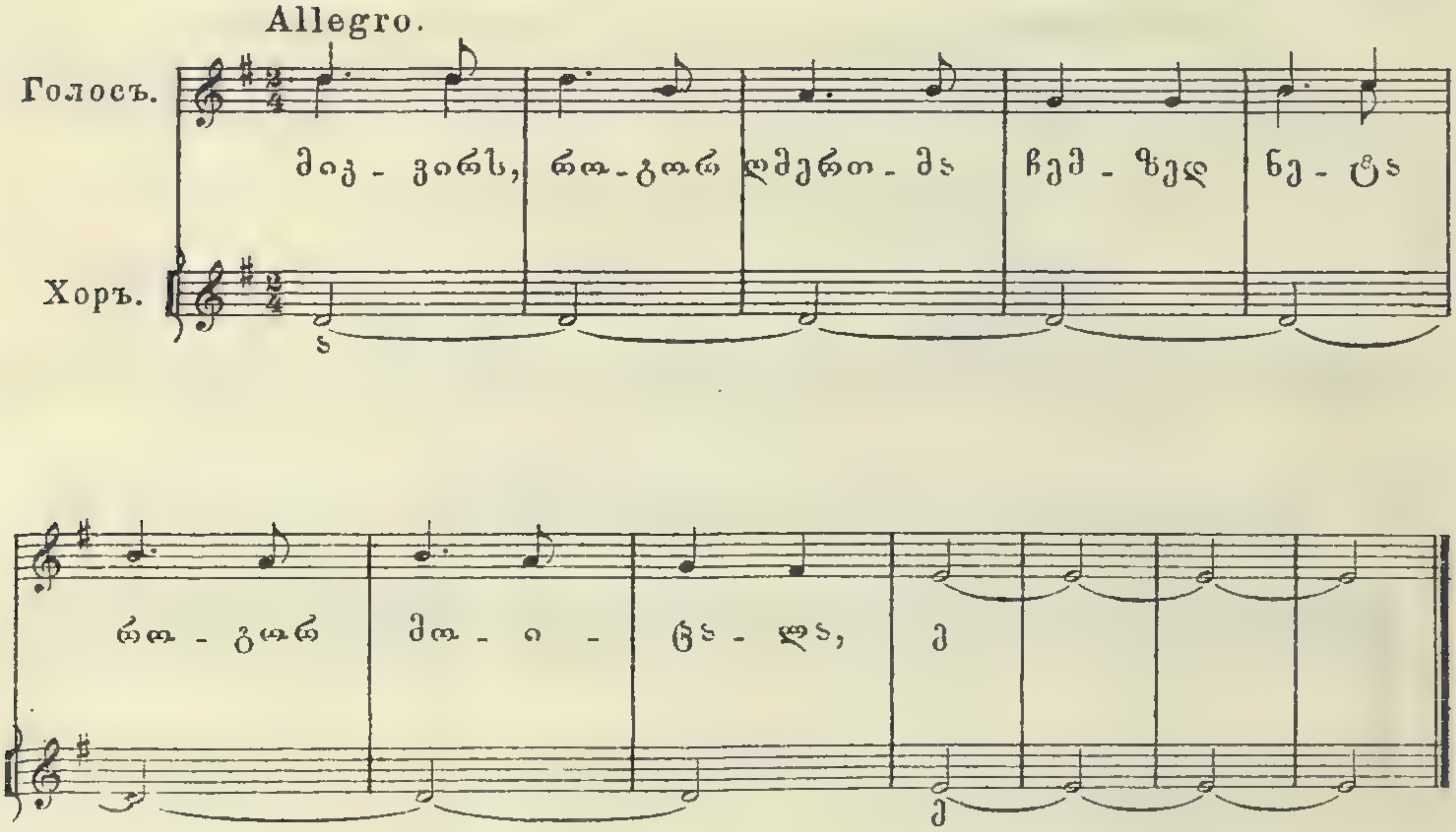
№11. მუ ფქიმინა, ბედი ჭვილქუ. СКАЖИ....



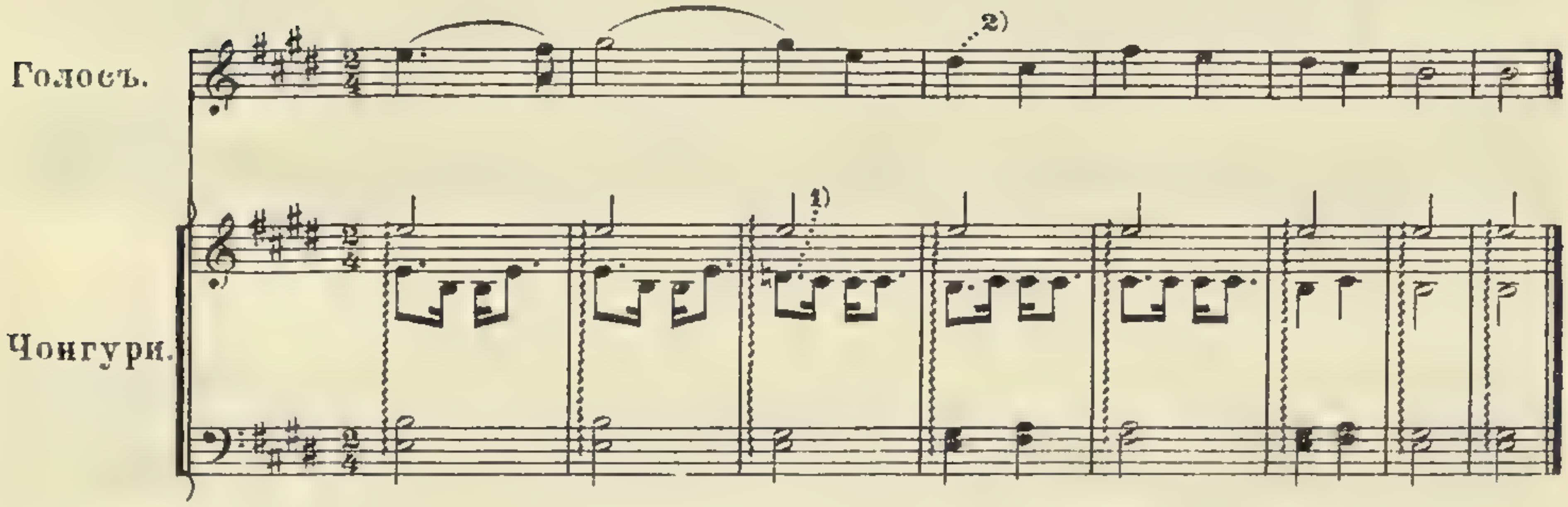
1) Начальныхъ стиховъ этой пѣсни намъ не удалось записать.



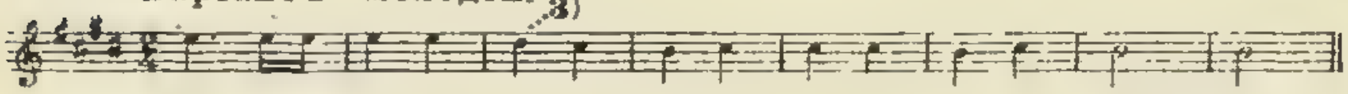
№12. მიკვირს, როგორ ღმერთმა ჩემზედ მოიცალა. УДИВЛЯЮСЬ...



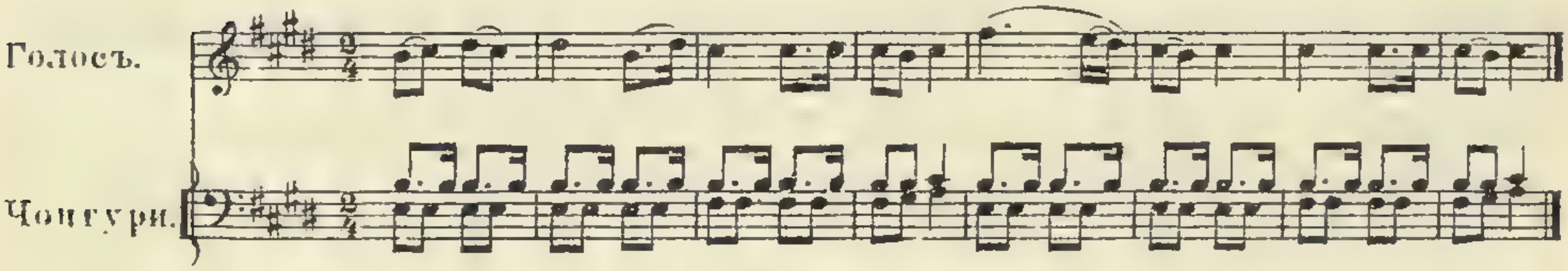
№ 13. სიმღერა (უტექსტოდ). ПѢСНЯ БЕЗЪ СЛОВЪ.



Варіантъ мелодіи.



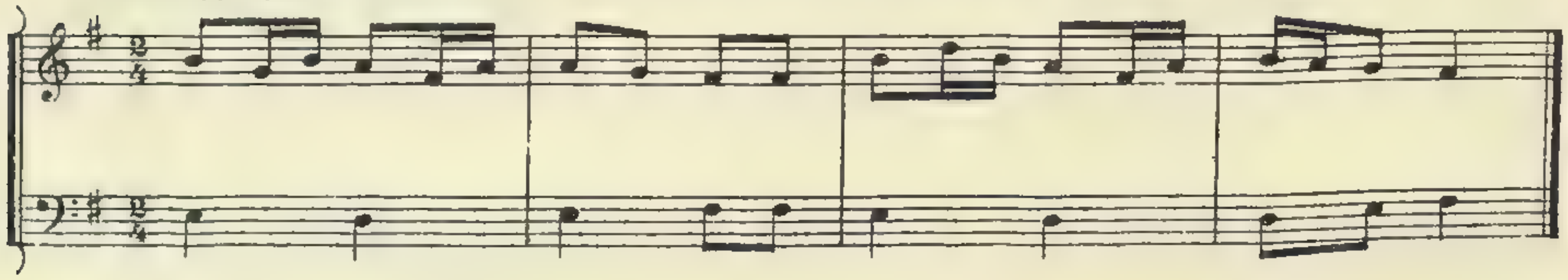
№ 14. ХОРОВОДНАЯ НА ЧОНГУРИ (безъ текста).
ფერხული ჩონგურზედ (უტექსტოდ).



№ 15. ХОРОВОДНАЯ НА ЧОНГУРИ.
ფერხული ჩონგურზედ.

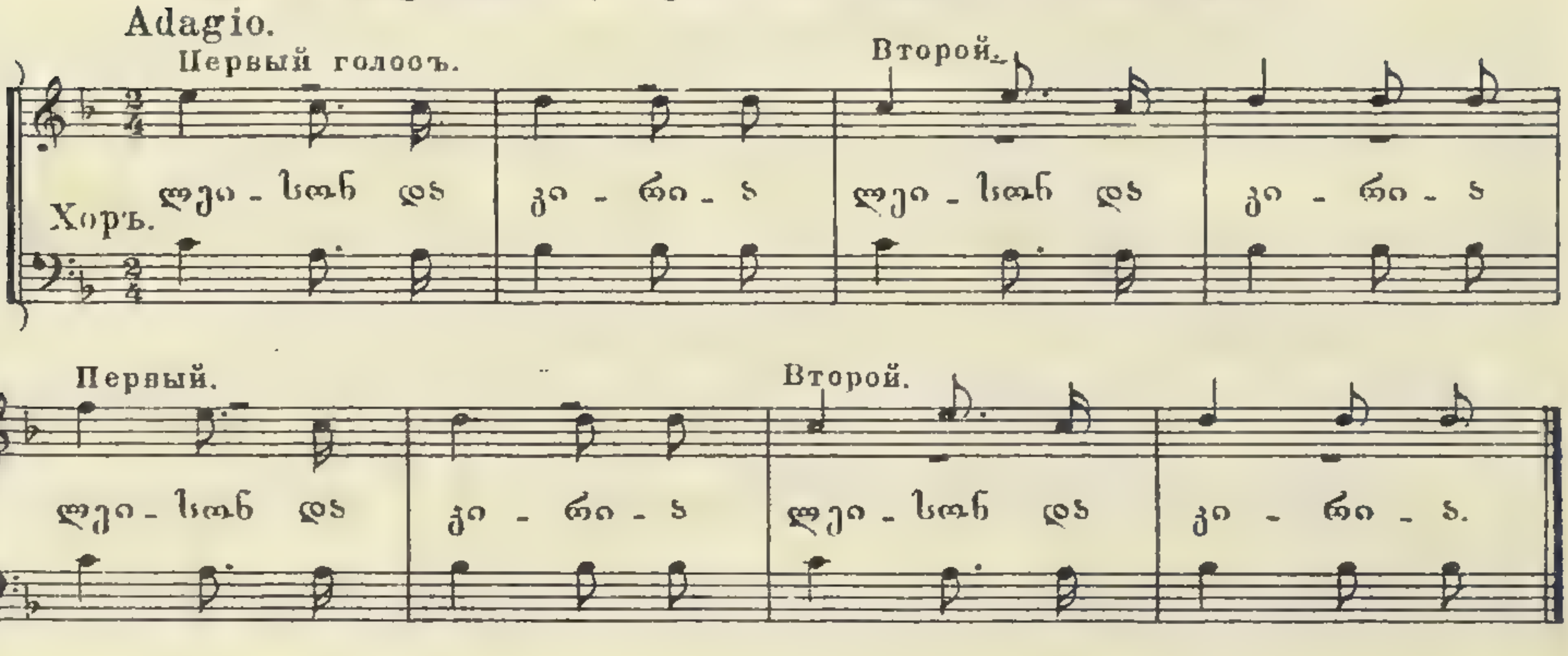
№ 16. მელოდია ჩონგურზედ. МЕЛОДІЯ НА ЧОНГУРИ.

Moderato.

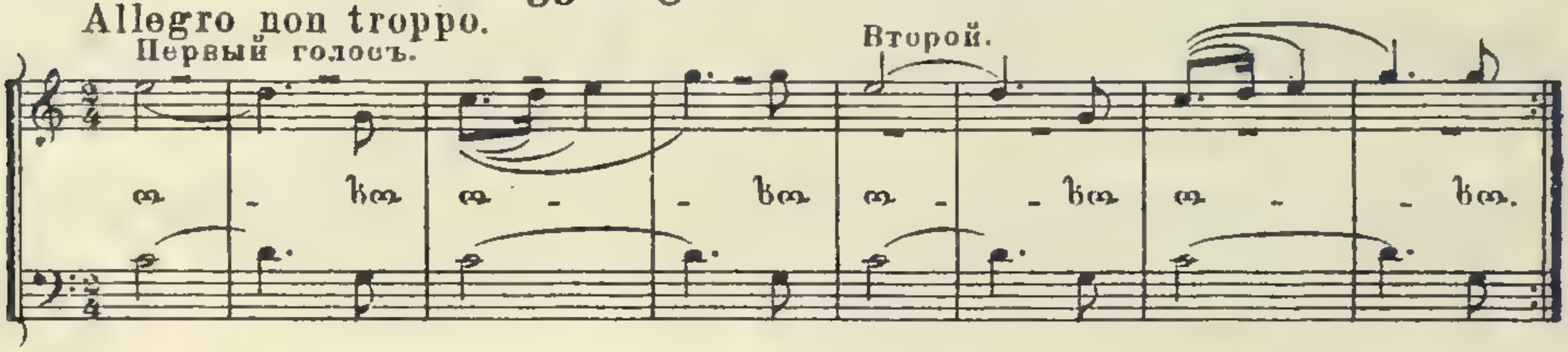


1) Звукъ выше.
2) Ниже.
3) Тоже.

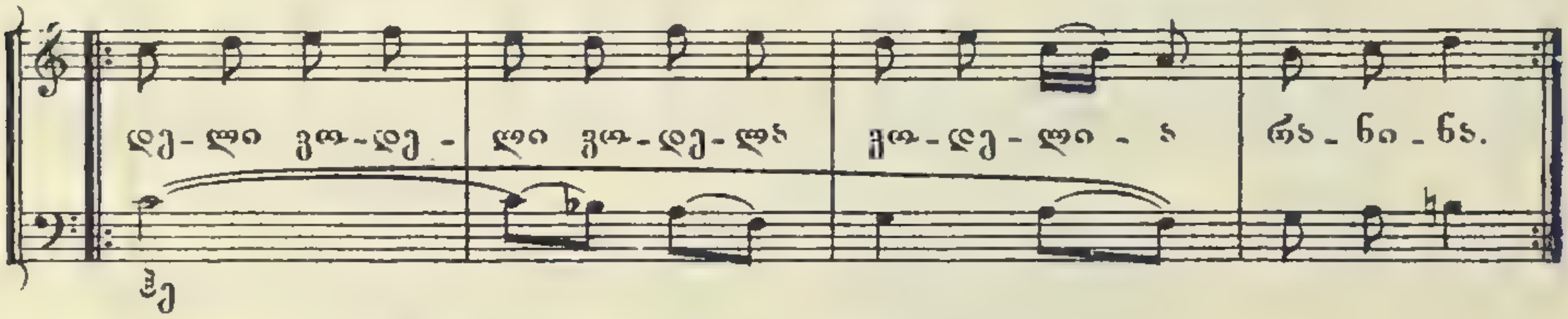
№ 17. ლეისონ და კირია. ЛЕЙСОН ДА КИРІА.



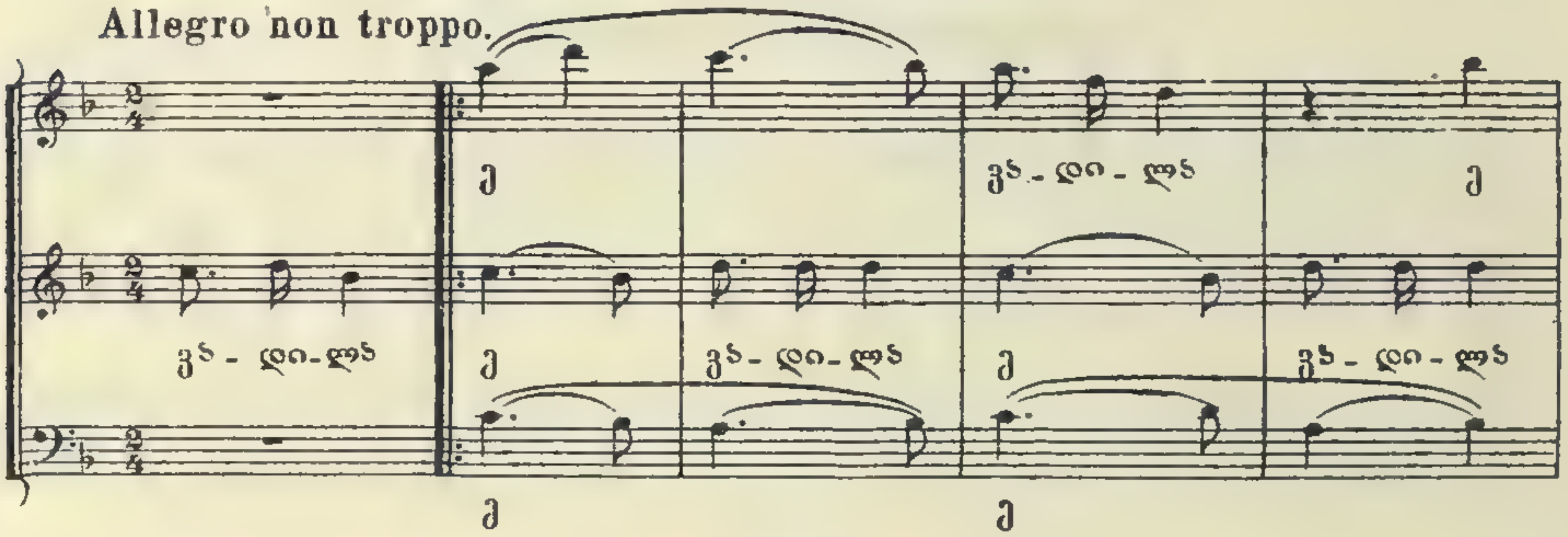
№18. ფერხული. ХОРОВОДНАЯ.

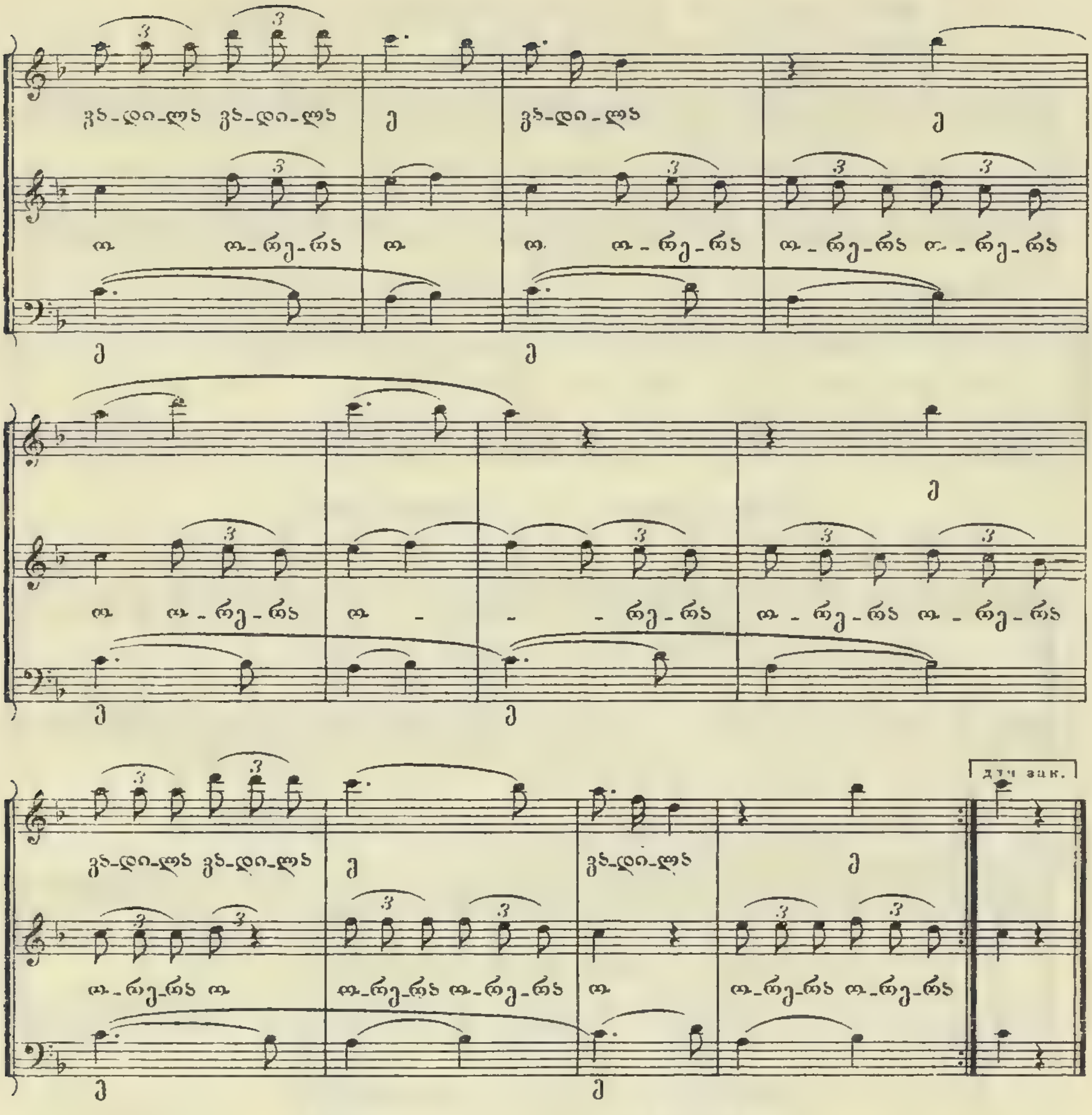


№19. ფერხულის გაგრძელება. ХОРОВОДНАЯ.



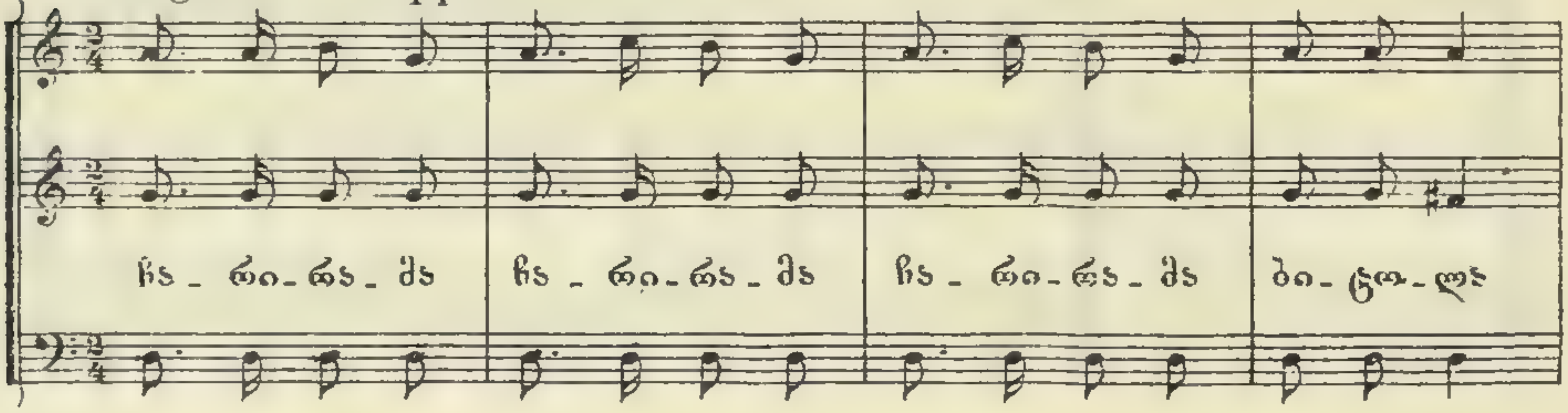
№ 20. სათამაშო. ПЛЯСОВАЯ.

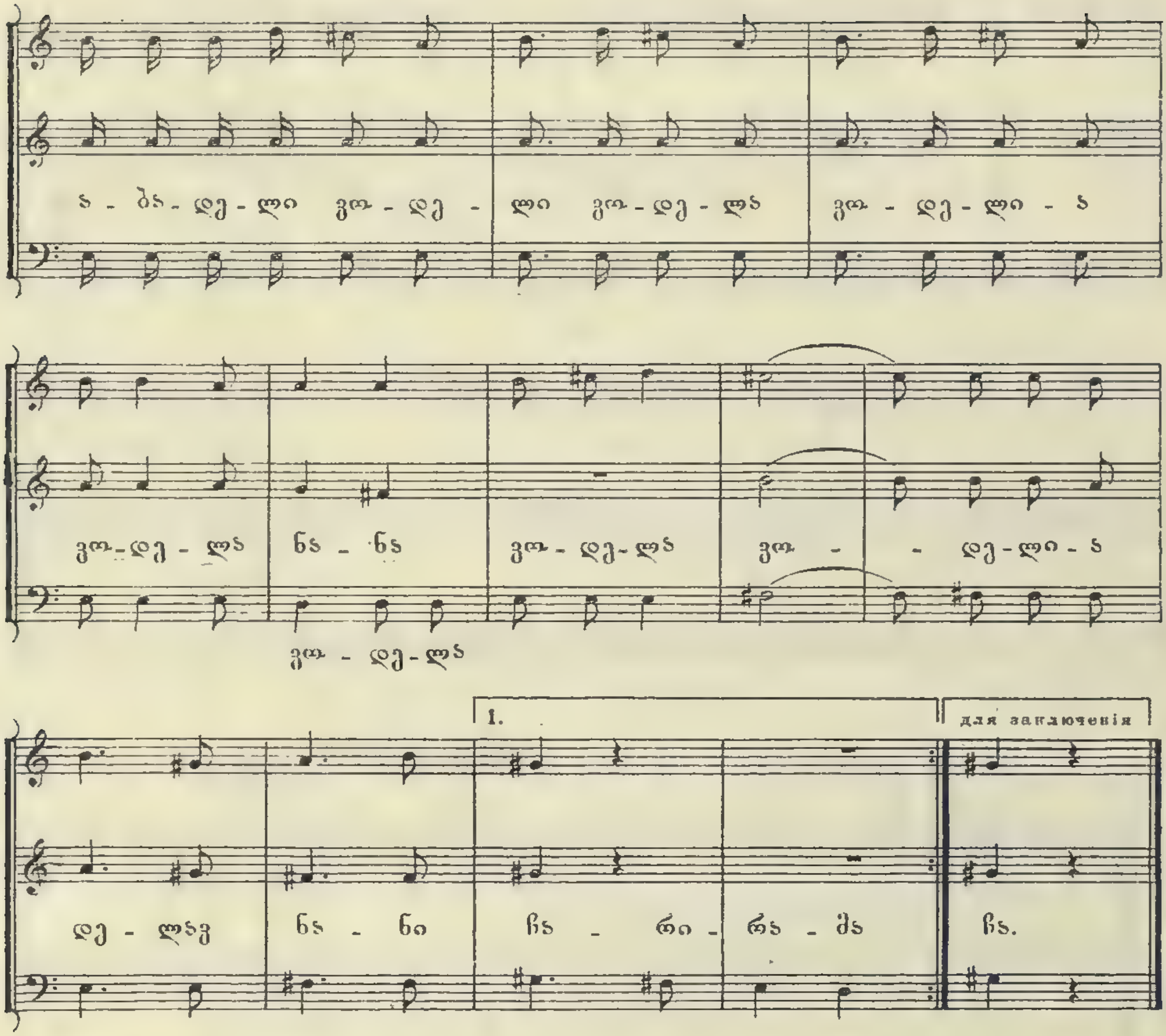




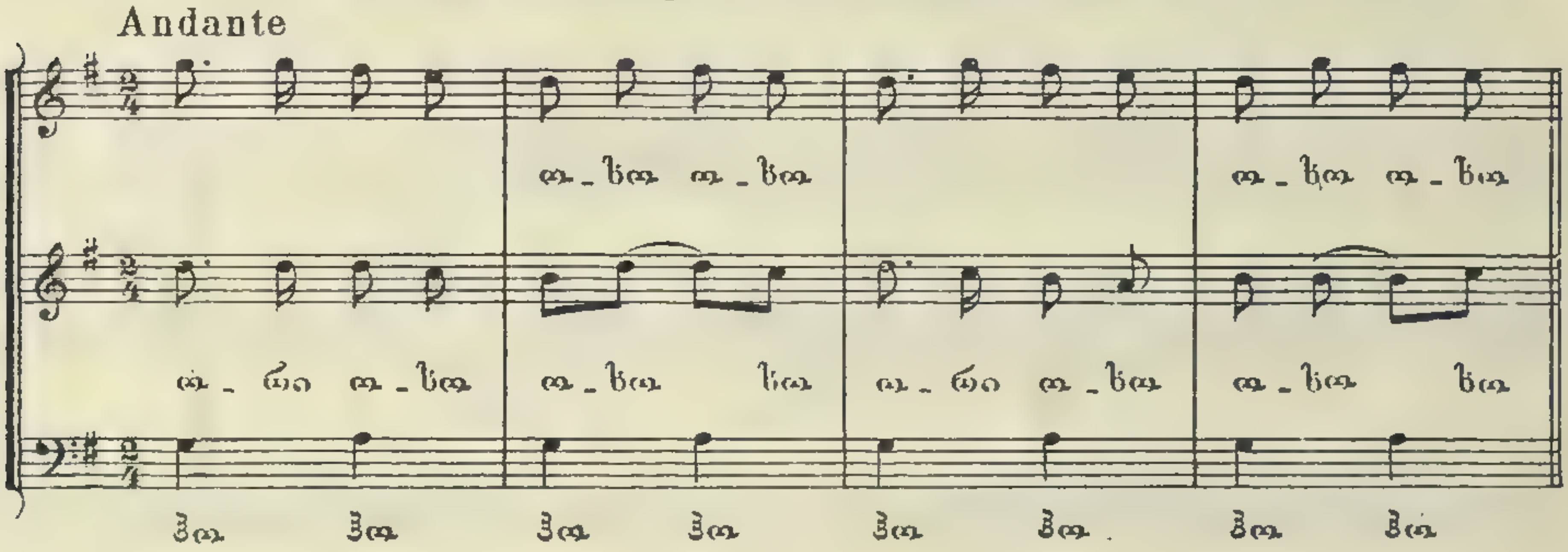
№ 21. ჩარირამა. ЧАРИРАМА.

Allegro non troppo.

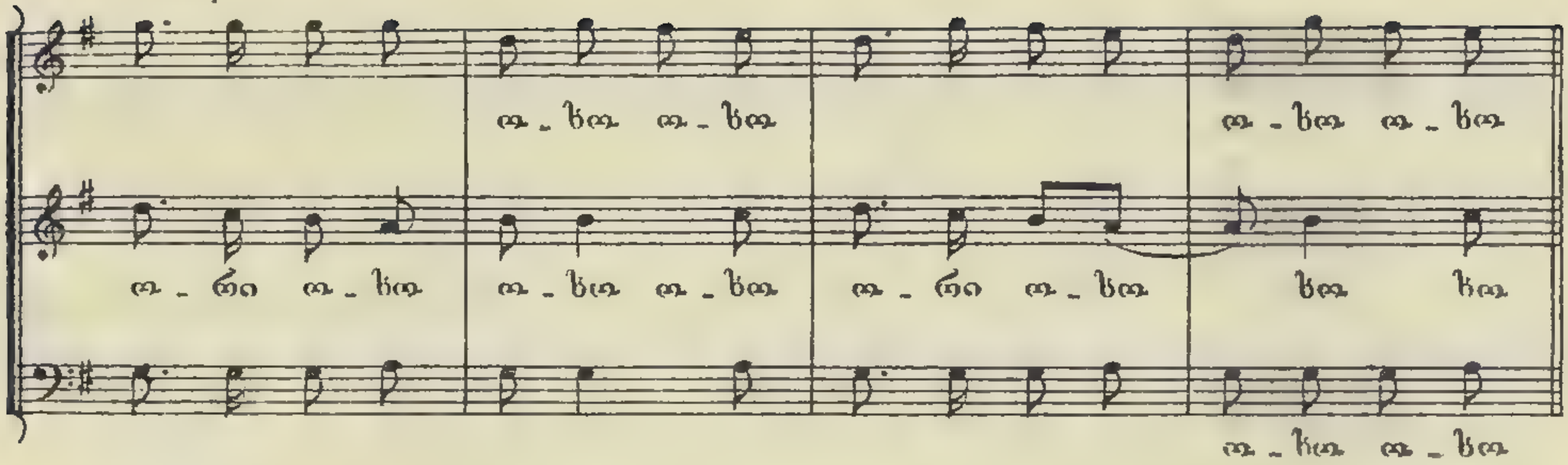




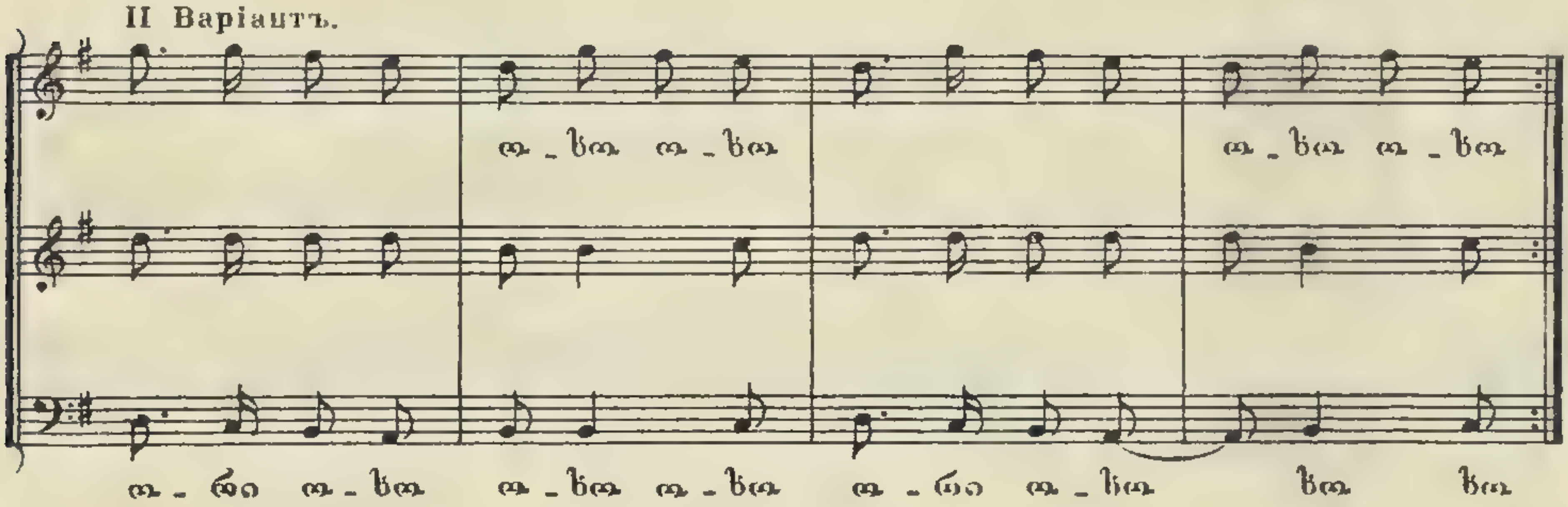
№ 22. ფერხული. ХОРОВОДНАЯ.



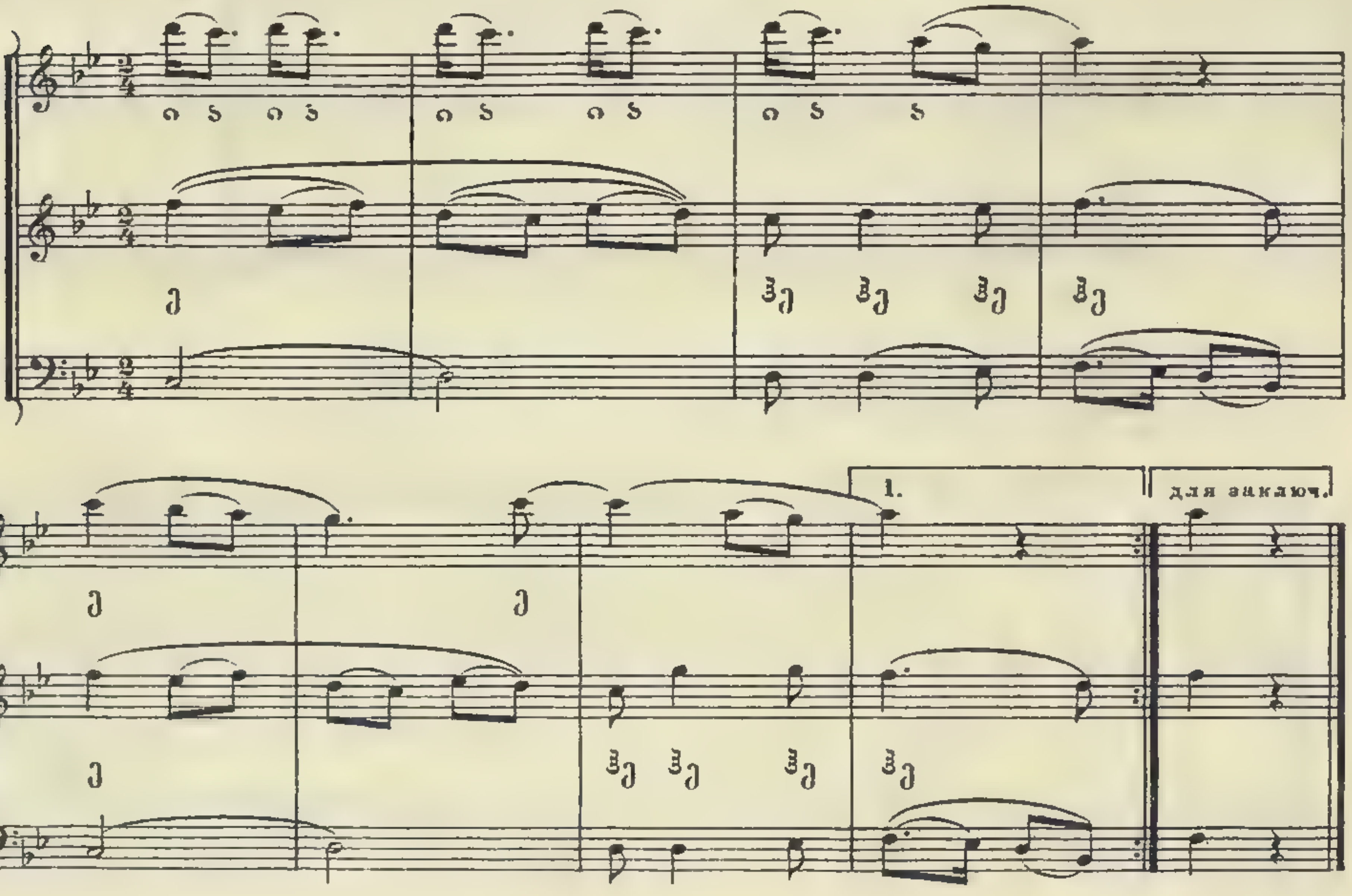
I Варіантъ.



II Варіантъ.

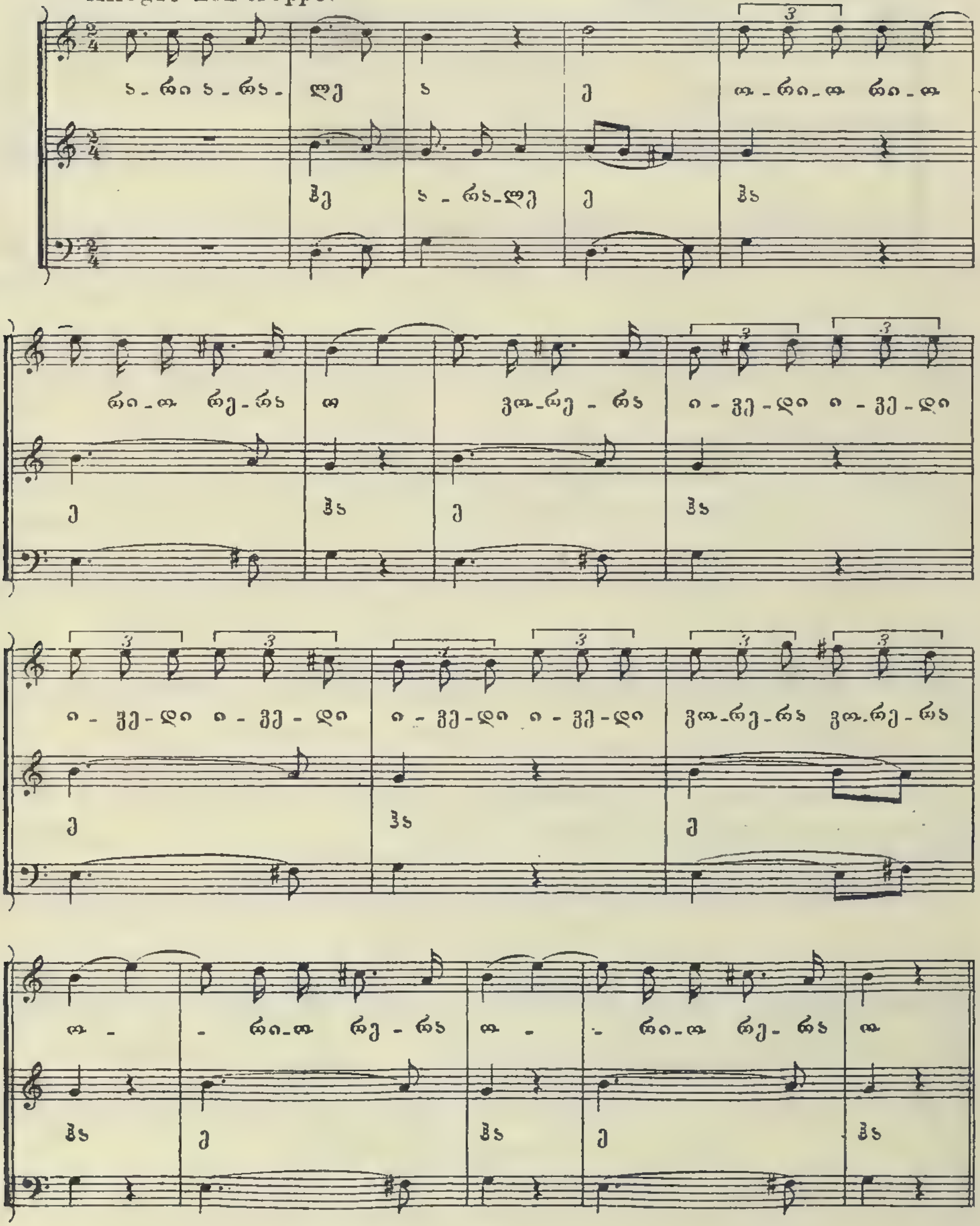


№ 23. ცერსხული (მეგრ.). ХОРОВОДНАЯ.



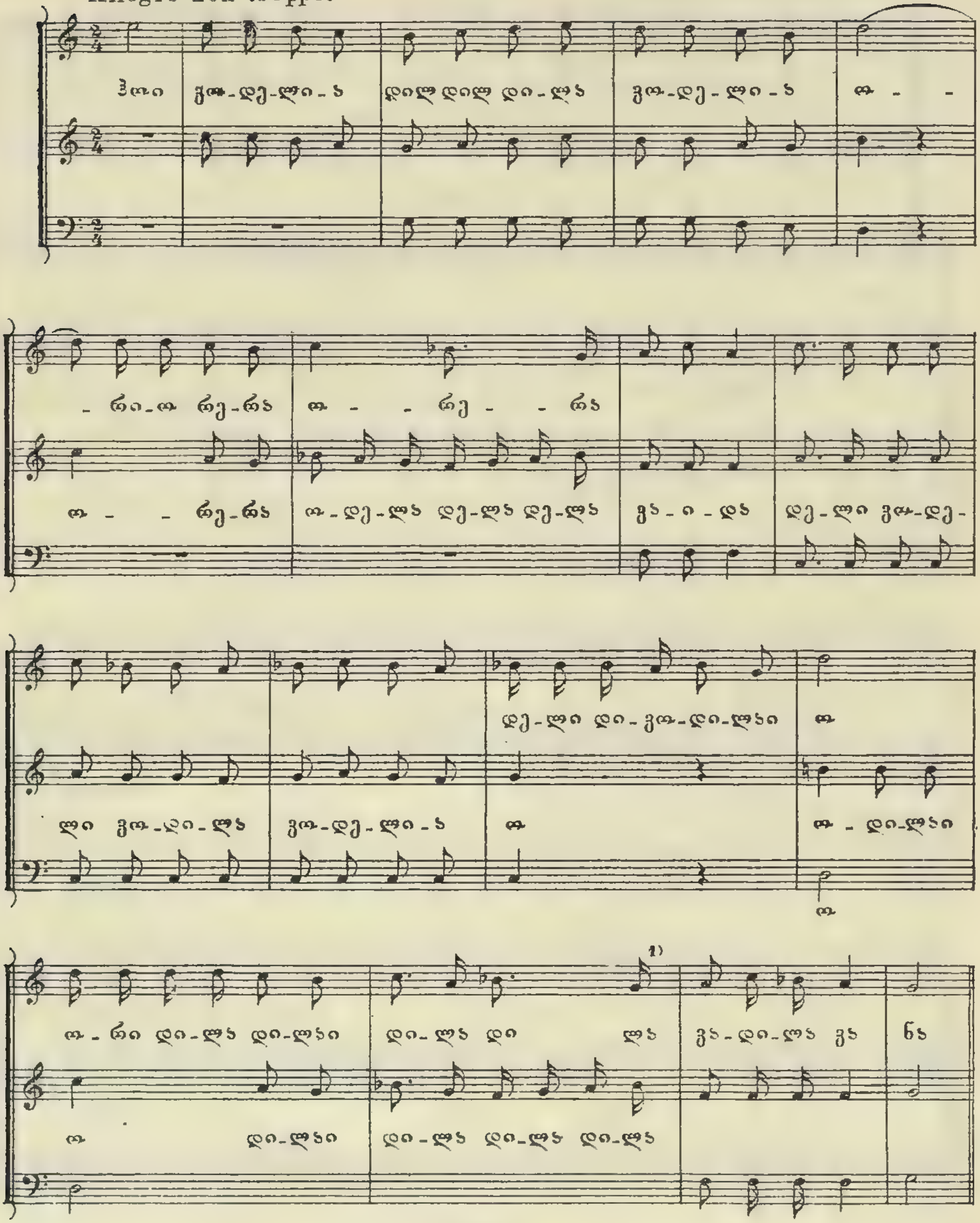
№24. Ნაცეკვავი. ПЛЯСОВАЯ.

Allegro non troppo.



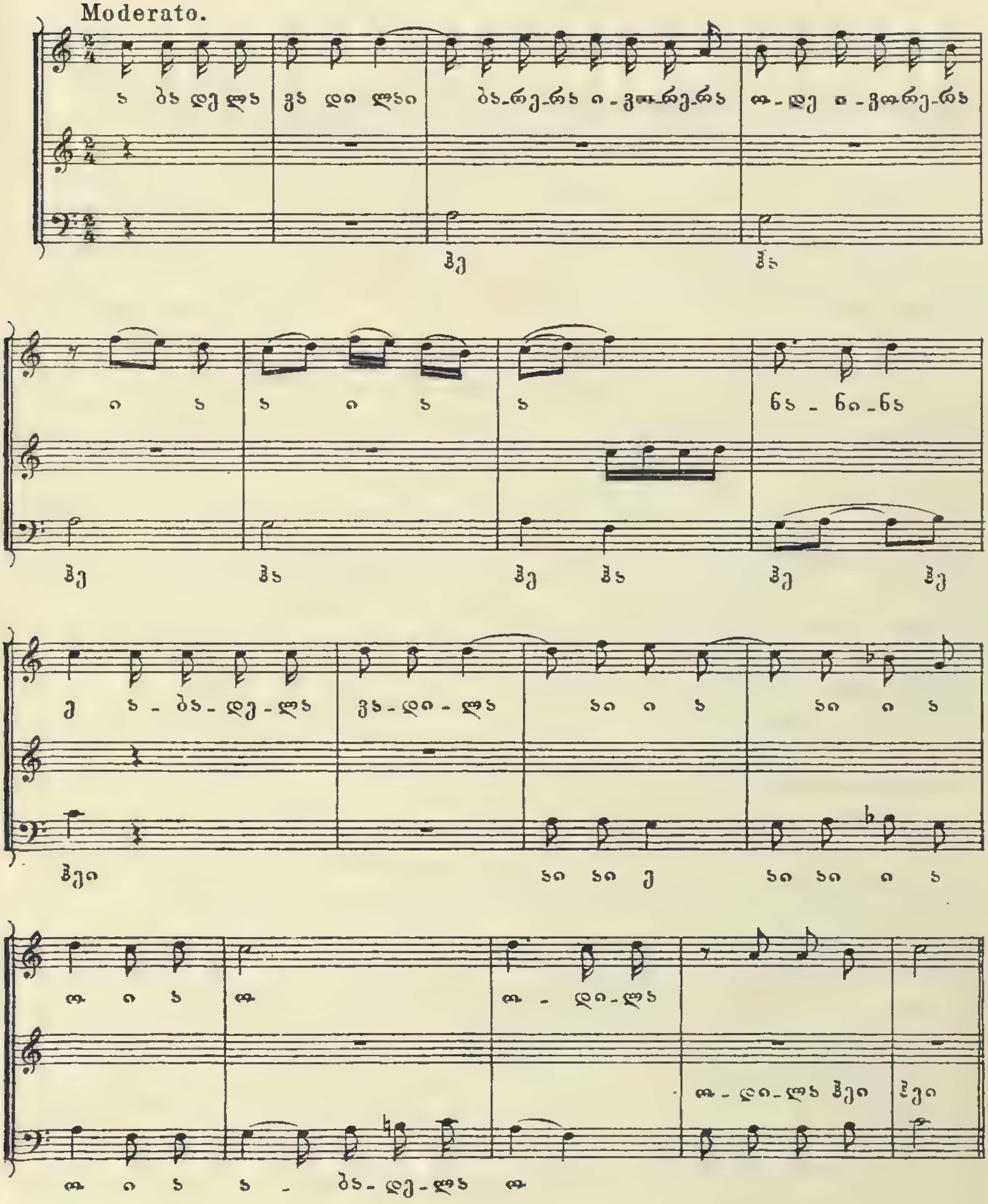
№ 25. ორი ოდელია. ОРИ-ОДЭЛІА.

Allegro non troppo.



1) Третій голосъ въ этомъ тактѣ плохо былъ слышенъ въ фонографѣ.

№26. ვადილა. ВАДИЛА.*)



*) Второй голосъ въ этой пѣснѣ также былъ плохо слышенъ въ фонографѣ.

III.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ ОБЪ ИМЕРЕТИНСКОЙ НАРОДНОЙ ПѢСНѢ РАЧИНСКАГО УѢЗДА, КУТАИССКОЙ ГУБЕРНІИ.

Въ этой замѣткѣ, я не намѣренъ говорить подробно о пѣсняхъ грузинъ Имеретіи вообще, и въ частности о рачинцахъ. Въ свое время, когда у меня накопится матеріалъ, я посвящу имъ отдѣльное изслѣдованіе, пока-же, за неимѣніемъ пѣсенъ другихъ уѣздовъ Имеретіи, я ограничусь бѣглымъ взглядомъ на пѣсню рачинцевъ.

Скажу одно: пѣсни этой части Грузіи, меня удивили своею оригинальностью, прелестью и разнообразіемъ напѣвовъ, и лишній разъ убѣдили въ томъ, что сами грузины рѣшительно ничего не знаютъ, сколько неисчерпаемаго музыкальнаго богатства разсыпано во всѣхъ уголкахъ ихъ страны. Мнѣ, послѣ знакомства съ ихъ пѣснями, очень хотѣлось побывать въ самой Рачѣ, но, благодаря «смутному времени» и другимъ причинамъ, такъ и не удалось осуществить этой мысли. Такимъ образомъ пришлось оставить все до болѣе благопріятнаго времени. Что-же касается пѣсенъ приведенныхъ ниже, то записывать ихъ мнѣ пришлось въ г. г. Тифлисѣ *) и Кутаисѣ отъ рачинцевъ—мушей **), жителей мѣстечкаОни, Кут. губ. Въ Кутаисѣ, между прочимъ пѣвцы были совершенно безъ голосовъ, хотя это имъ не мѣшало пѣть правильно свои интересныя напѣвы. Характеръ послѣднихъ, не взирая на то, что они были имеретинами, т.-е. грузинами Западной Грузіи, оказался совершенно не имеретинскій; а скорѣе примыкающій къ карталино-кахетинской группѣ, что особенно было удивительно и интересно. Ихъ пѣсня оказалась не контрапунктической, какъ должна-бы была быть, а гомофонической, аналогичной съ пѣсней грузинъ Карталиніи и Кахетіи. Слушая ихъ пѣсни, приходилось только отмѣчать одно: они исполняли ихъ совершенно своеобразно, по-рачински. Это рачинское исполненіе заключалось въ томъ, что они пѣли какъ-то удивительно тяжеловѣсно, съ усиліемъ, съ какимъ-то напряженіемъ, въ особенности въ пѣсняхъ «короткихъ». Единственный напѣвъ, который они исполняли на гурійско-мингрельскій, или вообще говоря, на имеретинскій ладъ «съ голосовыми пиццикатами», былъ «Мравалжаміер». Все-же остальное было свое рачинское, съ своей мѣстной окраской. Эта мѣстная окраска, впрочемъ, не была въ разладѣ съ характеромъ напѣвовъ тѣхъ грузинъ. Затѣмъ нужно отмѣтить, что они иногда пѣли и на манеръ гурійцевъ и мингрельцевъ на отдѣльныя слова, какъ, напр.: «Водәліа нанинао», «Водилав да водила» и др., но музыка по родству больше принадлежала всетаки тѣмъ грузинскимъ вѣтвямъ, а не этимъ. Такимъ

*) Пользуюсь случаемъ выразить душевную признательность свящ. В. Г. Карбелову, при содѣйствіи котораго были записаны 1—6, 15 и 16 номера пѣсенъ, а также Е. Е. Басилая, переводившему нѣкоторые тексты.

**) Муша—носильщикъ. За небольшое вознагражденіе они таскаютъ на себѣ тяжести.

образомъ благодаря такой аналогіи, а также общему характеру текстовъ (встрѣчаются интереснѣйшіе, старинные), ихъ одинаковымъ формамъ употребленія, однимъ и тѣмъ-же пріемамъ припѣвовъ аралали и др. словъ, принадлежащихъ пѣснямъ карталинцевъ и кахетинцевъ, приходится думать, что они, т.-е. имеретины—рачинцы, вѣроятно, выходцы, въ давнопрошедшія времена изъ восточныхъ провинцій Грузіи: Кахетіи, Карталиніи. Единственно, что еще какъ будто-бы можетъ внушить на этотъ счетъ сомнѣніе, это характерныя начала пѣсенъ у рачинцевъ трихордами (sol-do-re) въ квинтѣ (см. пѣсни за №№ 9, 10, 11 и 14), которыя у тѣхъ не бросаются въ глаза такъ ярко, хотя при внимательномъ обзорѣ пѣсенъ они у нихъ, т.-е. у карталинцевъ и кахетинцевъ, такъ-же встрѣчаются. Вообще этотъ характерный звукорядъ является какимъ-то центромъ въ трехголосныхъ грузинскихъ пѣсняхъ, въ особенности у гурійцевъ и мингрельцевъ. У гурійцевъ пѣсни часто точно по какому-то закону начинаются съ этого оригинальнаго, диссонирующаго звукоряда. У грузинъ же Карталиніи и Кахетіи этотъ звукорядъ наблюдается больше въ духовной музыкѣ, хотя часто встрѣчается и въ свѣтской. Очевидно, въ свое время, это былъ одинъ источникъ, сохранившійся у однихъ въ болѣе первобытномъ видѣ, у другихъ менѣе. У горскихъ грузинъ свановъ между прочимъ, онъ такъ-же лежитъ въ основѣ ихъ пѣсни въ довольно примитивномъ видѣ, и если къ этому добавить, что и музыка у нихъ очень много имѣетъ сходства съ рачинской, то является, въ свою очередь, не менѣе интересный вопросъ, кто такіе сваны, къ какой, собственно, грузинской вѣтви принадлежатъ они, не выходцы-ли они изъ Рачи, и т. д., и т. д.

Вообще рачинская пѣсня помимо своихъ музыкальныхъ достоинствъ возбуждаетъ массу другихъ интересныхъ вопросовъ. Вотъ почему музыканту-этнографу необходимо тамъ побывать и хорошенько ознакомиться съ краемъ. Матеріалы оттуда дадутъ много богатства во всѣхъ отношеніяхъ. Народъ тамъ, повидимому, въ высшей степени музыкальный и интересный, притомъ сохранившій свою родную пѣсню вполнѣ. Онъ-же является главнымъ поставщикомъ и странствующихъ музыкантовъ по Грузіи «Мествире» (см. о нихъ въ моей статьѣ «Краткое описаніе груз. муз. инстр. въ Дашк. Этн. Музеѣ»), что также имѣетъ свое значеніе. Однимъ словомъ тамъ необходимо побывать и поработать. Если намъ удастся это сдѣлать, то тогда мы напишемъ болѣе обстоятельный обзоръ ихъ пѣсни, и кстати прихватимъ и другихъ имеретинъ, обитателей Кутаисскаго и Шорапанскаго уѣздовъ.

Имеретинскія пѣсни Рачинскаго уѣзда, Кутаис. губ.,

СЪ РУССКИМЪ ПЕРЕВОДОМЪ.

1. ფერხული.

დიგორი და ბასიანი
ჩოხა ნაბდით სავსე არი.

ქვედრულა მოდიდებულა,
თან მოაქ მთა და ბარი;
კალოს საბძელი მოსტაცა,
სამოცი კოდი ქერია.
«შენი ქვედრულა მოგიკვდეს,
თუ ვერ გიცვალო ფერია;
წისქვილი უკან გაჰკიდა
წადი იქა ფქვია.
საცერი უკან გაჰკიდა:
წადი და იქა სცერია».
დიასახლისი სტიროდა:
ვაი, რას მოვესწარია!
მომივა გულის სტუმარი
ჭადზე ვარ მასპინძელია!

2. მრავალჟამიერ.

მრავალჟამიერ, ჰარნი არალე!

3. ოდილა და ოდელია.

ოდილა და ოდელია
სხვავა დიდი სოფელია:
ნახევარი ქურდია,
ნახევარი მთხრობელია.

---

1. Хороводная.

Дигори и Басіани [1])
Полны черкесками и бурками.

Кведрула [2]) разлилась,
Неся съ собой горы и долины.
У риги сарай снесла
Съ 60 четвертями ячменя.
«Пусть я не буду Кведрула,
Если не разрушу все!
Вотъ, мельницу своротила,
Попробуй размалывать!
Также сито утащила,
Пойди тамъ, просѣй муку»!
Хозяйка кручинилась:
Ой, чего я дождалася!
Придетъ желанный гость
И я должна однимъ чади [3]) угощать.

2. Многая лѣта.

Многая лѣта, арни арале!

3. Одила да одэліа.

Одила да одэліа.
Схвава большая деревня:
Половина въ ней воры,
А половина доносчики.

---

[1]) Названіе деревень. [2]) Названіе рѣчки.
[3]) Кукурузный хлѣбъ.

ვარალალო, ვარალალო.
ზის ქალი წყაროზედა,
ხელსა იბანდა პირსაო.
მისი ხელ-პირის ნაბანი
ავჭალას ჩამოსდგარაო.
შიგ დამხრჩვალა დიაკვანი,
საბრალო დედის, ერთაო.
იპოვნეს გამოასვენეს;
პირი ამსოდა შლამითა,
ქოჩორი ანაგორითა.

Варалало, варалало.
Сидитъ дѣвица у родника
Умываетъ лицо, руки.
Вода, которой она умывалась,
Потекла въ Авчалу [1]).
Въ ней утонулъ діаконъ,
Единственный сынъ у матери,
Его нашли и извлекли.
Ротъ у него былъ наполненъ иломъ,
А волосы пескомъ.

4. ოდელია ნანინაო.

ოდელია ნანინაო! დელია,
დელია, არირა ჰე!
ვოდილა-ვოდელია დი ვოდილა,
ოვორერა, ნანა, ვადილა ჰე!

4. Одэлія нанинао.

Одэлія нанинао! Дэлія,
Дэлія, арира э!
Водила-водэлія ди водила,
Оворэра, нана, вадила э!

5. რირავაშა.

ჰე, ჰე, ჰე! ჰერი და ოდა!
ჰე, რირავაშა...
ოდეს ააგეს მანგლისი
წყალი ადინეს მილითა.
სასახლეები ააგეს,
თეთრად შეჰფერეს კირითა,
შიგა ზის ქალი ლამაზი,
პირს იბანს თეთრი ღვინითა.
მეცხვარე შემოეჩვია.
ნეტავი, გოგო ლამაზო,
შენთან გამამძლო ძილითა!
«მეცხვარევ! ცხვარი გაგიწყდა
სულ ერთიანად ჭირითა,
თუნდ რომ გუნებაში გქონდა
რადად ამოთქვი პირითა?
ტყავებს ვერ ასდიოდე,
ტყავიც გაგქონდეს ვირითა».

5. Рираваша (плясовая).

Э, э, э! Эри да ода!
Э, рираваша...
Когда основали Манглисъ,
То и воду провели.
Выстроили дома,
Выбѣлили известкой.
Въ немъ сидитъ дѣвица-красавица,
Лицо умываетъ бѣлымъ виномъ.
Пастухъ повадился къ ней ходить.
—О, дѣвица-красавица,
Хоть-бы вместь поспать мнѣ съ тобой!
«Пастухъ, хоть-бы у тебя чума
перевела баранту [2]),
И чтобы ты не успѣвалъ
Кожу съ нихъ сдирать
И увозить на ослѣ.
Если ты что и имѣлъ въ мысляхъ,
То зачѣмъ это было высказывать»?

[1]) Рѣка.
[2]) Разумѣется, за то, что ты сказалъ такую глупость.

ნეტავი, გოგო ლამაზო,
მოვიდოდეს ლეკის ჯარი
წაგიყვანდეს ტირილითა,
მე წინ შემოგეყრებოდე,
ფული მომქონდეს ქილითა.
დაგიხსნიდე, წაგიყვანდი
სიმღერითა და ლხინითა.

—О, дѣвица-красавица!
Хоть-бы на тебя напали лезгины [1])
И утащили со слезами,
А мнѣ-бы встрѣтить васъ
Съ большой казной,
Выкупить тебя и увезти
Съ пѣсней и веселіемъ.

6. მუშური.

6. Рабочая.

ჰარალალო, ჰარალალო, ჰარი არალალო!
ლხინმა შემყარა სოფელსა, ჰარი
არალალო!

Аралало, аралало, ари аралало!
Пиръ столкнулъ (свелъ) меня
съ міромъ.

7. ყურძენი.

7. Виноградъ.

ყურძენმა სთქვა: «მეც ხილი ვარ
სუფრისა,
ყოველ ხილზე უმჯობესი:
ზამთარ ხე ვარ, და ხე ხმელი,
გაზაფხულზედ ავყვავდები;
თავში დავისხამ ყურძენსა;
მომკრეფენ და მომწურავენ;
ქვევრში და ვარ ჩასასხმელი;
უცეცხლოდ გადმოვდუღდები;
ჭკუიანთანაც კარგი ვარ,
ბრიყვთანაც წამოვგიჟდები.

Виноградъ сказалъ: я тоже фруктъ
застольный,
Лучшій изъ всѣхъ фруктовъ:
Зимою я лоза, и лоза сухая,
Весною-же разцвѣтаю.
Разодѣваясь виноградомъ.
Меня собираютъ, выжимаютъ сокъ,
И наливаютъ въ кувшины;
Безъ огня я начинаю бродить (кипѣть);
Съ умнымъ я бываю хорошъ (уменъ),
Съ глупымъ—съ ума схожу.

8. სიმღერა შავქუჯაზე.

8. Пѣсня о Шавкуджѣ.

შავქუჯას ცოლი ტიროდა:
«ვაიმე, ჩემო შავქუჯავ,
ველარ ჩამოხვალ შინაო!»

Жена Шавкуджи плакала:
«О, мой Шавкуджа,
Ты не вернешься домой»!

ოი უნდა წავიდეთ შქეთს,
მდიდარე სოფელს აქებენ;
შეხვალ და ველარ ჩამოხვალ.

О, мы должны пойти въ Шкети,
Хвалятъ, что большая деревня;
Войдешь въ нее и оттуда
не выберешься.

---

[1]) Собственно, лезгинскія войска.

9. სიო შრუშანა.

ქალსა ვისმე ერქვა შრუშანა;
ხუთსა თითსა ეცვა ბეჭედი;
ბეჭდის თვალსა მოლი მოსრულა;
მოლის პირსა ბოსტანი იდგა;
ბოსტანსა ნაძვი ასრულა;
ნაძვის წვერსა ქორ-ბუდე იდგა;
ბუდე იყო აბრეშუმისა;
კვერცხი ედვა იაგუნდისა;
შვილი ჰყავდა მარგალიტისა.
ღმერთო! ერთი ჩემთვის გაზარდე,
სხვა ათასი სხვისთვის გაზარდე—
გაზარდე და გზა გაუწალდე,
სანადიროთ წასულიყოს,
მოკლას ირემი,
მოიკიდოს, შინ წამოიღოს.
ჩემო რძალო, ლერწამ ტანისა!
ამ ირემსა ბეწვი წაგლიჯე,
ამ ბეწვისა ჩოხა და შართი...

9. Сіо Шрушана.

Одну женщину звали Шрушана.
На пяти пальцахъ она кольца носила.
Камень кольца покрылся травкой;
Кругомъ травки шелъ огородъ,
Въ огородѣ выросла ель,
На верхушкѣ ели находилось гнѣздо,
Гнѣздо изъ шелка.
Въ немъ лежало яйцо изъ яхонта.
Птенца имѣло оно изъ жемчуга.
Боже! Дай вырости одному для меня,
А тысячѣ для другихъ.
Возрости и открой широкую дорогу,
Отправиться ему на охоту,
Убить оленя,
Взвалить на плечи и принести домой.
Моя невѣста, стройная какъ тростникъ!
Возьми волокно у этого оленя,
И приготовь изъ него черкеску
и шарти (украшенье).

10. ამირანი.

ამირან და ყმანი მისნი
სანადიროთ წასულიყვნენ.
წინ ირემი შემოყროდა;
ოქროს გავდა რქანი მისნი.
დავუჩოქე და ვესროლე;
არ გავარდა ცვარი სისხლი.
დღე ვდიე და ღამე ვდექი,
არ დავკარგე კვალი მისი;
ამიძღვა და იქ ჩამიძღვა
კახეთ მინდორ ქვეყანასა.
კახეთ მინდორს კოშკი იდგა,

კოშკი იდგა ანგურისა,
ანგურისა აგებული.
სამჯერ გარს შემოვუარე,
ვერ ვიპოვნე კარი მისი.

10. Амиранъ.

Амиранъ и его рабы (крѣпостные)
Пошли на охоту.
Встрѣтился имъ олень
Съ золотыми рогами.
Я прицѣлился и выстрѣлилъ
И не видѣлъ его крови.
Бѣжалъ за нимъ день и ночь,
И не потерялъ слѣда.
Долго онъ меня водилъ,
Наконецъ привелъ въ Кахетію.
На степи (равнинѣ) Кахетіи
возвышался замокъ,
Замокъ кирпичный,
Выстроенный изъ кирпича.
Я три раза его обошелъ кругомъ,
И не могъ найти входа.

სად ამირან წიხლი ჩაკრა,
იქ ჩაალო კარი მისი.
კარებს უკან კუბო იდგა;
კუბოშიდან მკვდარი იყო;
მე მეგონა სამი დღისა,
თურმე იყო სამი წლისა.
თითებ შუა წიგნი ქონდა,
ვინც ამ წიგნსა წაიკითხავს,
იმას მივცემ თამარ-ქალსა.
კახის ბიჭმა წაიკითხა,
კახის ბიჭმა სოლომანმა,
იმას მივცემ თამარ-ქალსა.

Стоило Амирану ударить въ стѣну ногой,
И дверь (входъ) открылась.
За дверями стоялъ гробъ.
Въ гробу лежалъ мертвецъ.
Я думалъ, что онъ трехдневный,
Оказалось, что онъ трехлѣтній.
Между пальцами у него было письмо.
Кто прочтетъ это письмо,
За того выдамъ Тамару—дѣвицу.
Прочелъ его молодецъ изъ Кахетіи,
По имени Соломонъ.
За него я выдамъ Тамару—дѣвицу.

11. დელი-დელა

(მგზავრული ლეჩხუმური).

დელი-დელა, დელი-დელა,
დელი-ვოდელი-ვოდელა!
ჰაერში მტრედი ფრინავდა.
ცაში ვარსკვლავი ბრწყინავდა.
იმ საყვარელს ვენაცვალე,
რომელიც ღამე ჩემს უბეში ხვრინავდა.

11. Дэли-дэла

(Лечхумская походная).

Дэли-дэла, дэли-дэла,
Дэли-водэли-водэла!
Въ воздухѣ голубь леталъ.
Въ небесахъ звѣзда мерцала.
Привѣтствую ту милую,
Которая на моей груди ночью заснула.

12. დალიე, ჩემო ბატონო!

დალიე, ჩემო ბატონო,
დალიე დი მიგდე თასი.
შენ ვინ მოგცა ჩემი ფასი?
ჭიქითა ვსვამ და კულითა,
მეც იმან გამაგულისა.

12. Выпей, мой господинъ!

Выпей, мой господинъ,
Выпей и верни мнѣ сосудъ.
Развѣ знаешь ты мнѣ цѣну?
Пью бокаломъ, пью кулой [1]),
Отъ него-то я такъ веселъ.

13. მაყრული.

ვოდილავ-და ვოდილა-დილა.

13. Свадебная.

Водилав-да водила-дила.

14. ოდელა.

ოდელა, ქალაქულო!
ქალები დაკარგულა.
კარგია კარგი ყოფა.

14. Одэла.

Одэла, горожанинъ!
Женщины исчезли.
Хорошо въ удовольствіи жить.

[1]) Небольшая посудина съ длиннымъ горломъ, изъ котораго пьютъ вино.

15. სუფრული.

პირველად ღმერთი ვახსენოთ ის უფრო
დიდებულია.
იმერეთიდან წამოველ, ჩამოვიარე
ძირულა.

15. Застольная.

Сначала произнесемъ имя Бога, такъ
какъ онъ болѣе Всемогущій.
Вышелъ изъ Имеретіи, спустился
къ Дзирулѣ.

16. სუფრული.

ღმერთი დიდათ გაისარჯა ჩვენის
გამოსახვისთვინა.
ახლო-ახლო დაგვასახლა ერთმანერთი-
ვის ნახვისთვინა.

იმერეთიდან წამოველ ჩამოვიარე
ძირულა.
იმათ მადლი გწყალობდეთ რაც სიონს
წირვა წირულა.

მე რომ კაცმა დამპატიჟოს, ნეტა რა
დაეხარჯება.
ტურფად დაუკრამ ჩონგურსა, ბავშვებს
ხომ გაეხარდებათ.

16. Застольная.

Богъ много потрудился для нашего
созданія.
Разселилъ онъ насъ поблизости для
взаимнаго свиданія.

Вышелъ изъ Имеретіи и спустился
къ Дзирулѣ.
Да благословятъ васъ всѣ молитвы,
что возносятся къ небу въ Сіонѣ.

Если меня пригласитъ кто-нибудь,
то что онъ потеряетъ?
Съиграю я славно на чонгури,
и развеселю ребятъ.

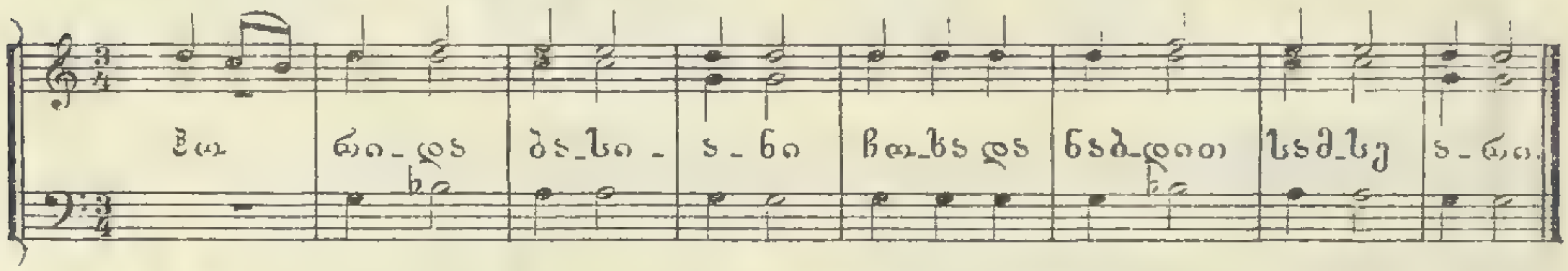
იმერული (რაჭული) ეროვნული სიმღერები, ჩაწ. 1901-1902 წ., დიმიტრი არაყიშვილის მიერ.

ИМЕРЕТИНСКIЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ

Рачинск. уѣзда, Кут. губ, зап. въ 1901–1902 г. Д. И. АРАКЧIЕВЫМЪ.

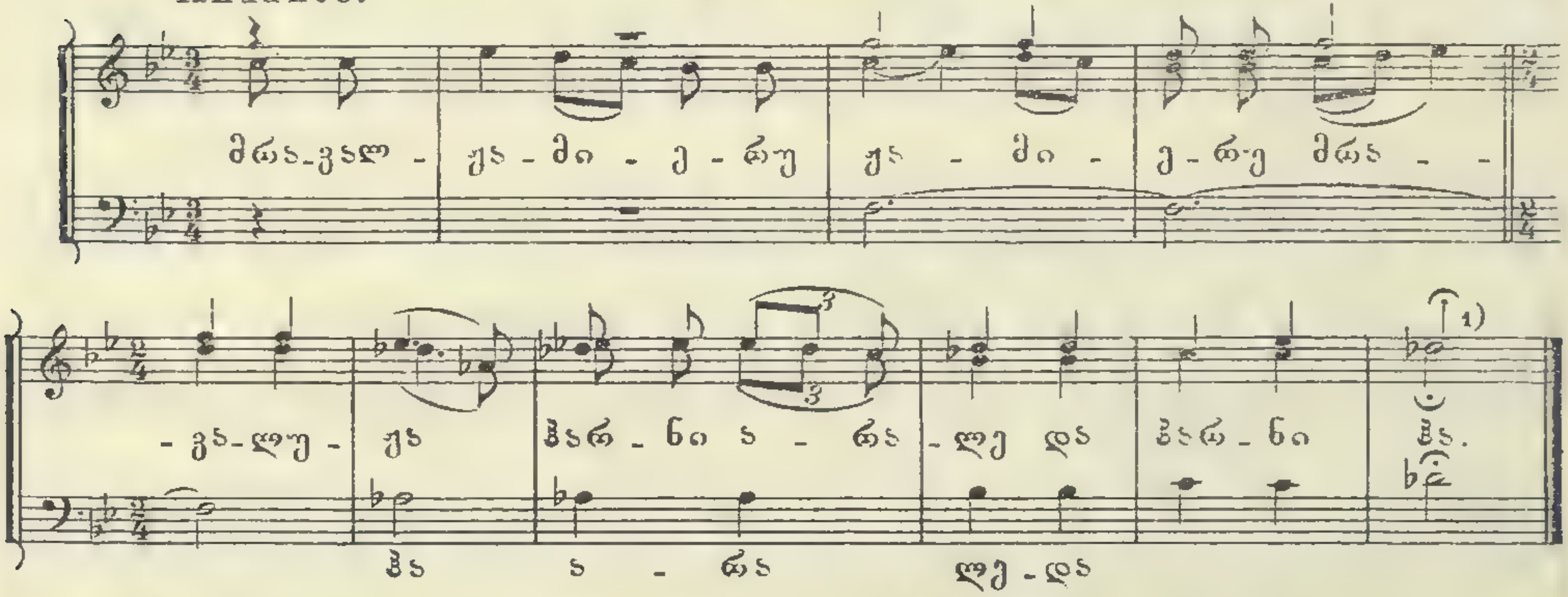
№1. ფერხული. ХОРОВОДНАЯ.

Moderato.



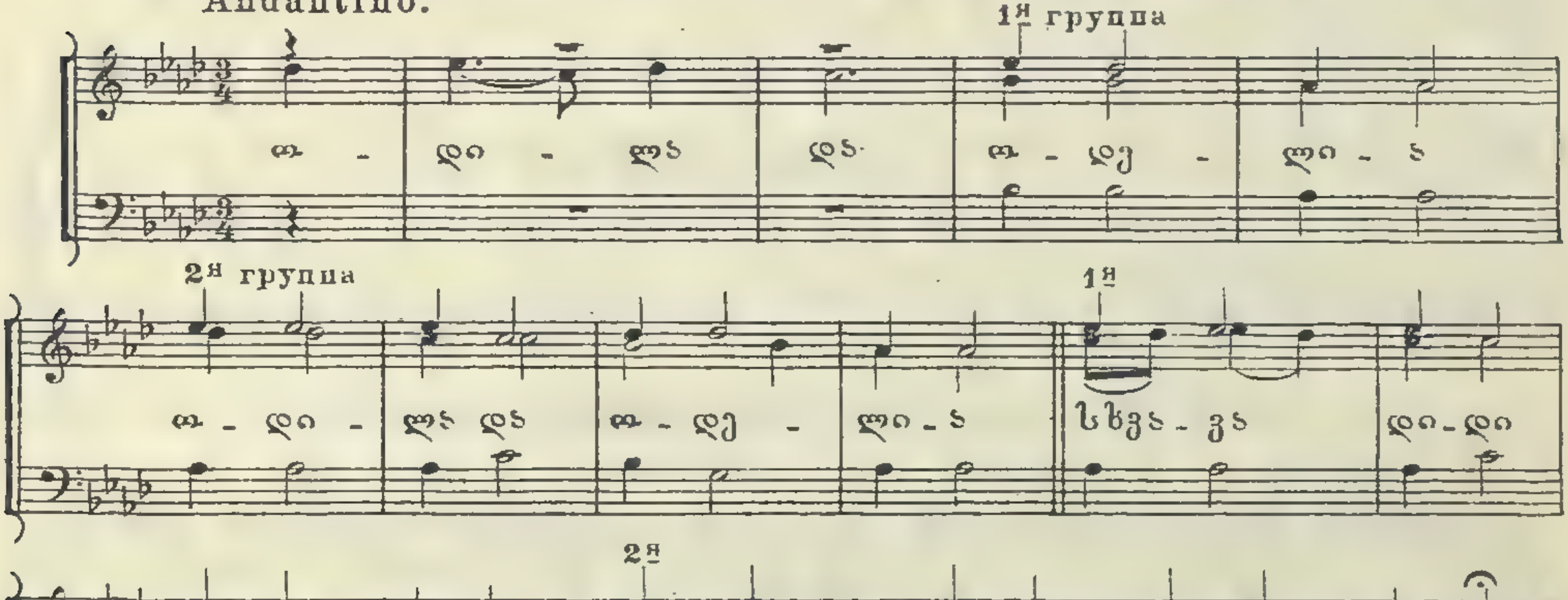
№2. მრავალჟამიერ. МРАВАЛЖАМIЕРЪ.

Andante.



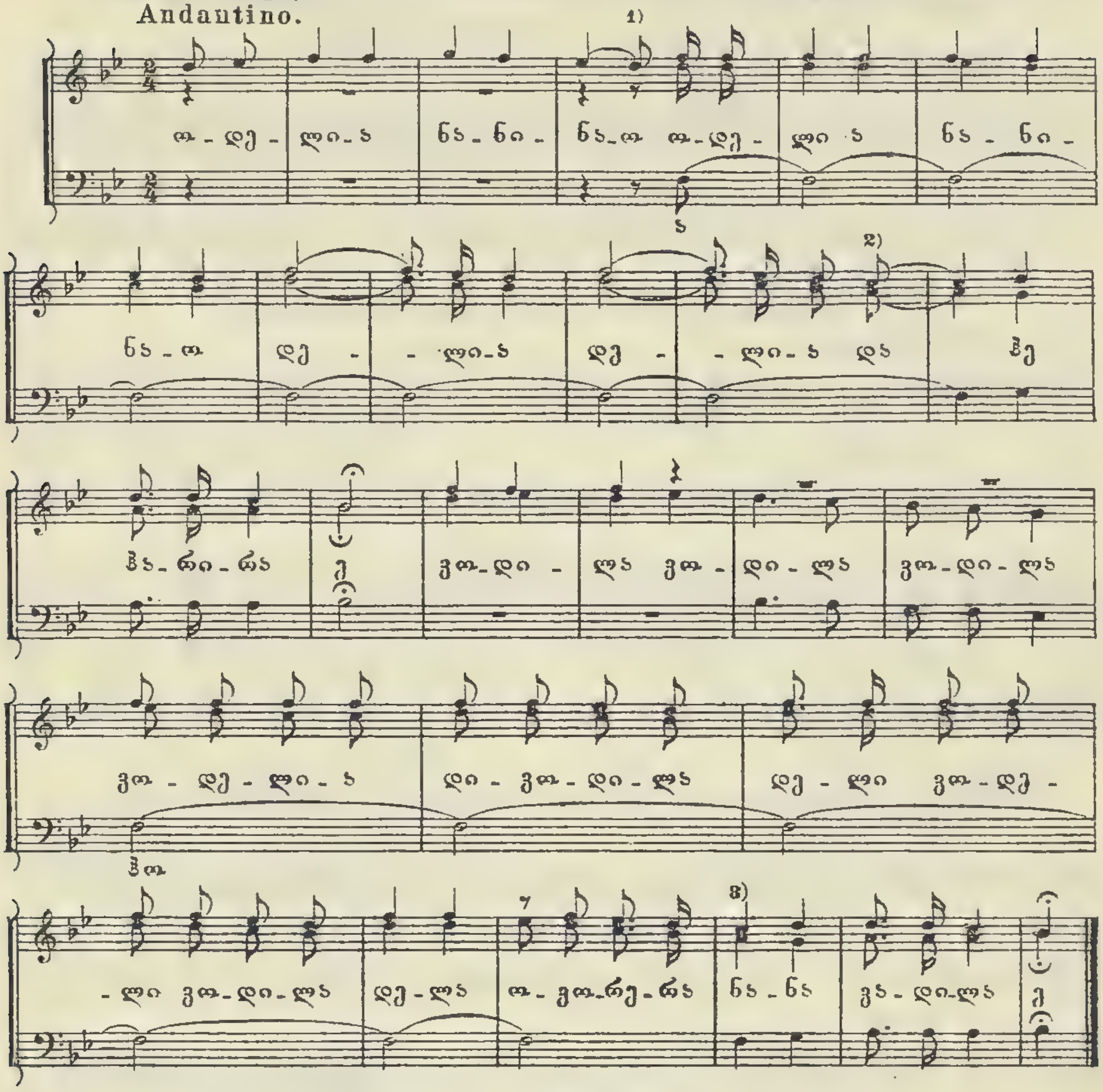
№3. ოდილა-და-ოძელია. ОДИЛА-ДА-ОДЭЛIА (хоровод.).

Andantino.

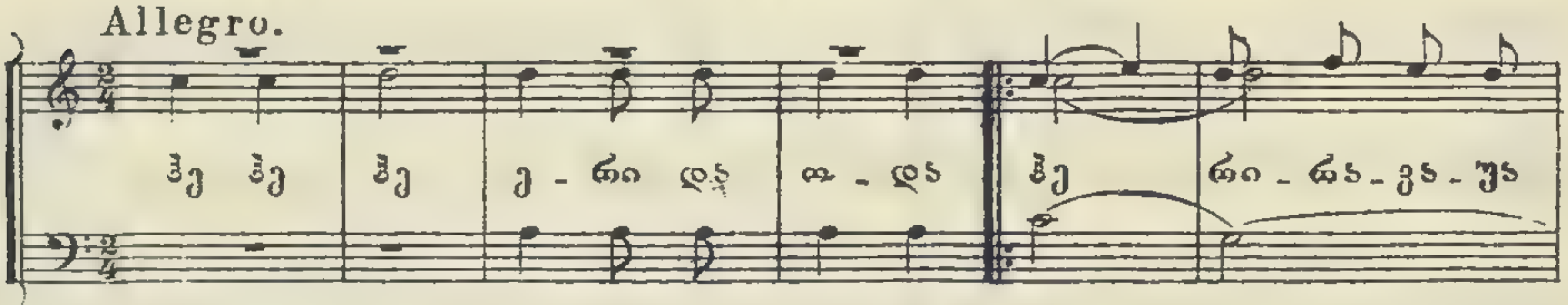


1) Звукъ въ сравненiи съ фортепiано выше.

№ 4. ოდელია ნანინაო. ОДЭЛІА-НАНИНАО.



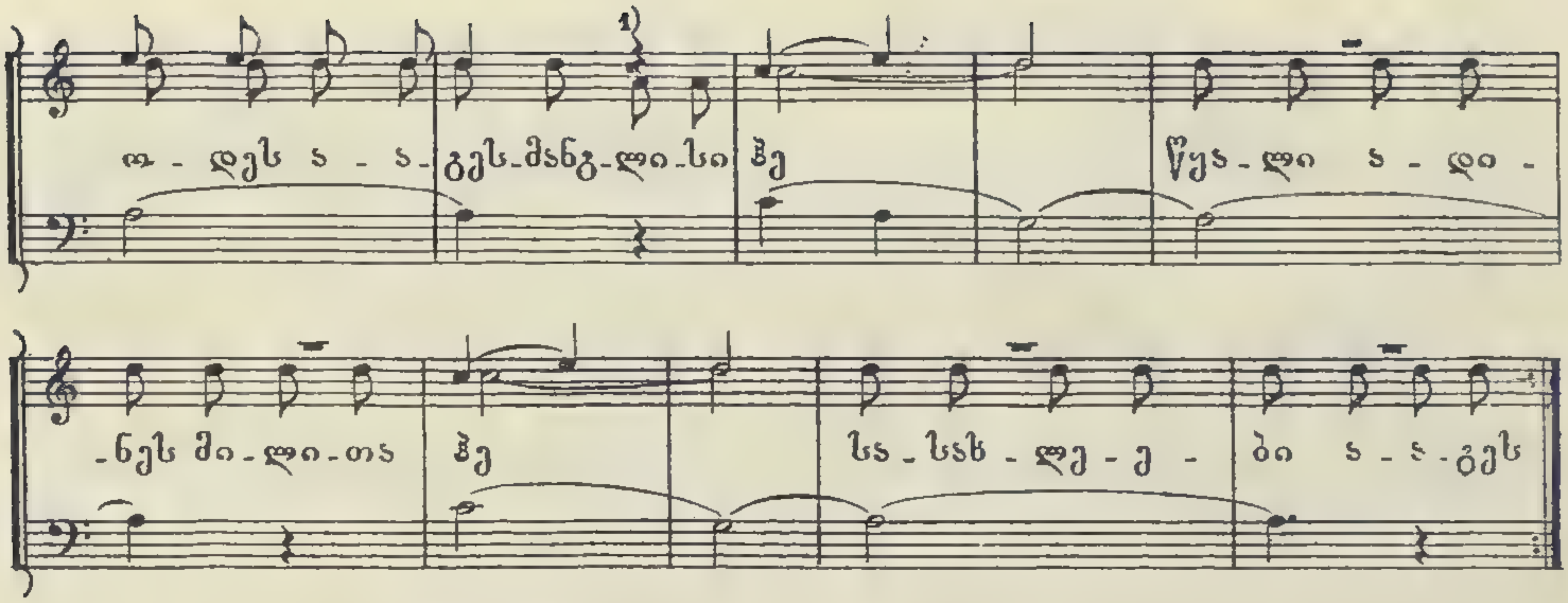
№ 5. რირავაშა. РИРАВАША (плясовая).



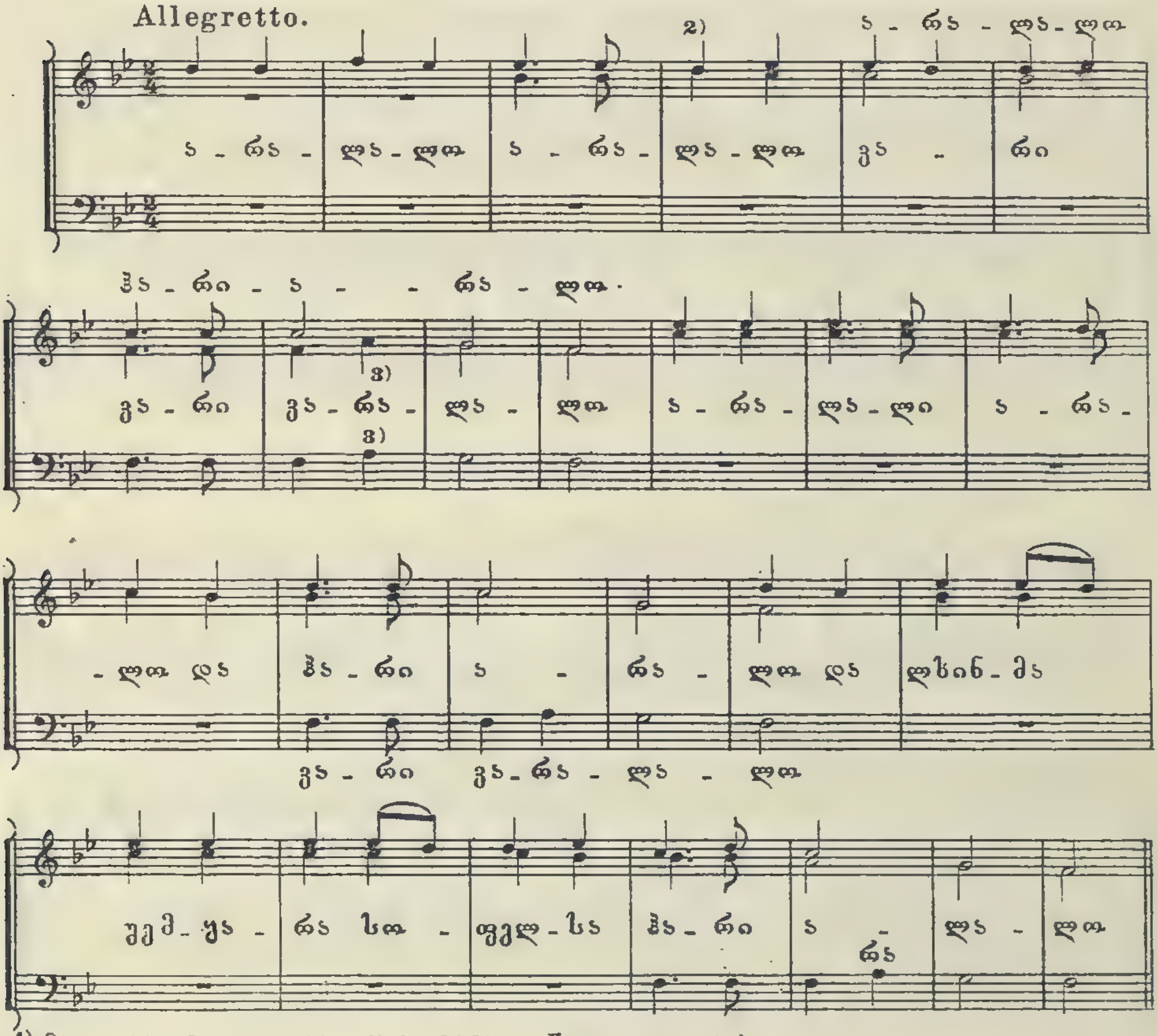
1) Съ достовѣрностью мы не можемъ сказать, запѣваетъ-ли первый голосъ, или второй.

2) Звукъ la какъ во второмъ голосѣ, такъ и въ третьемъ дальше-немного ниже.

3) Такъ же.



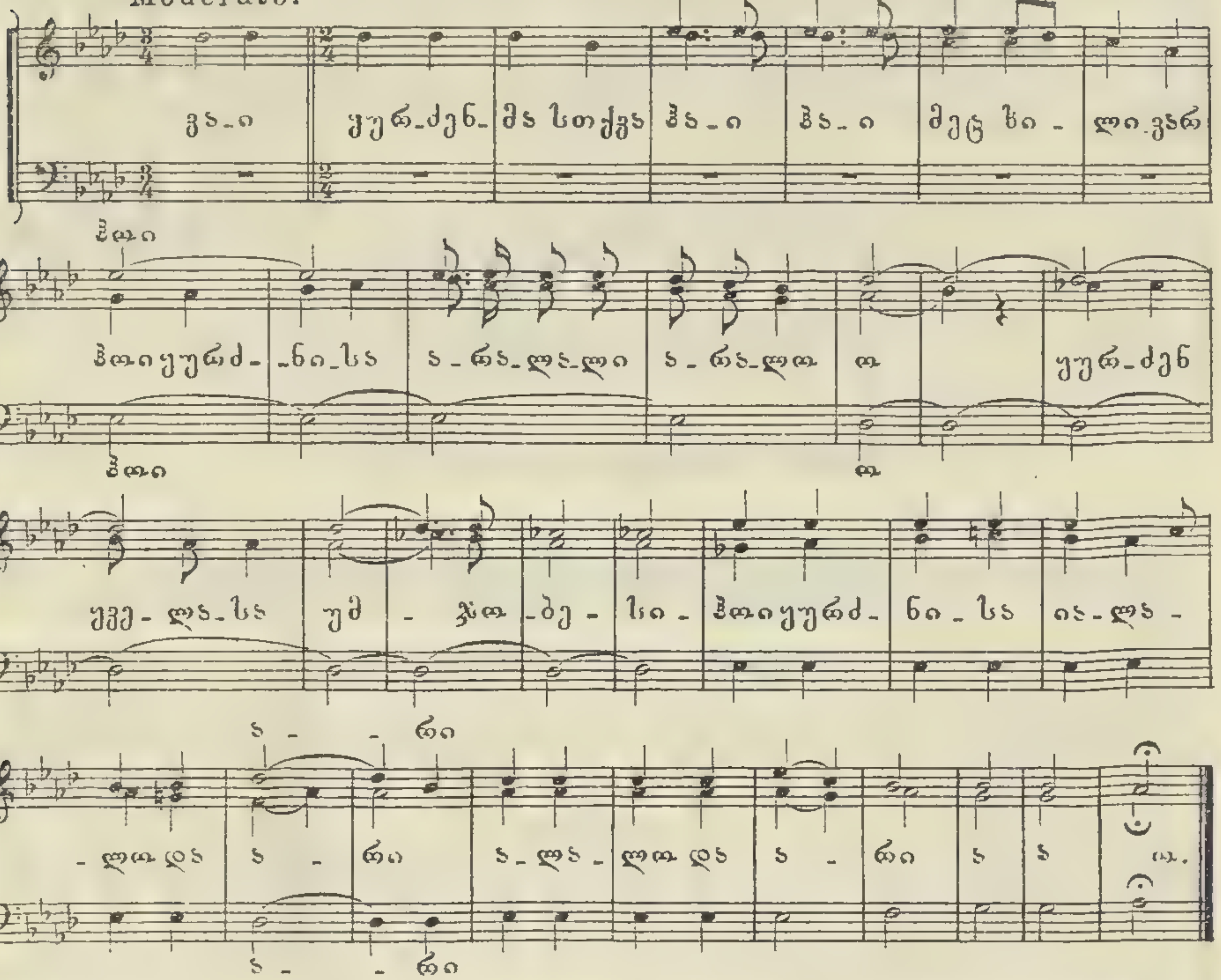
№ 6. მუშური. РАБОЧАЯ.



1) Отъ ноты ге звукъ взятъ произвольно. Подтекстовка сдѣлана нами произвольно.
2) Звукъ ге ниже.
3) Звукъ la тоже.

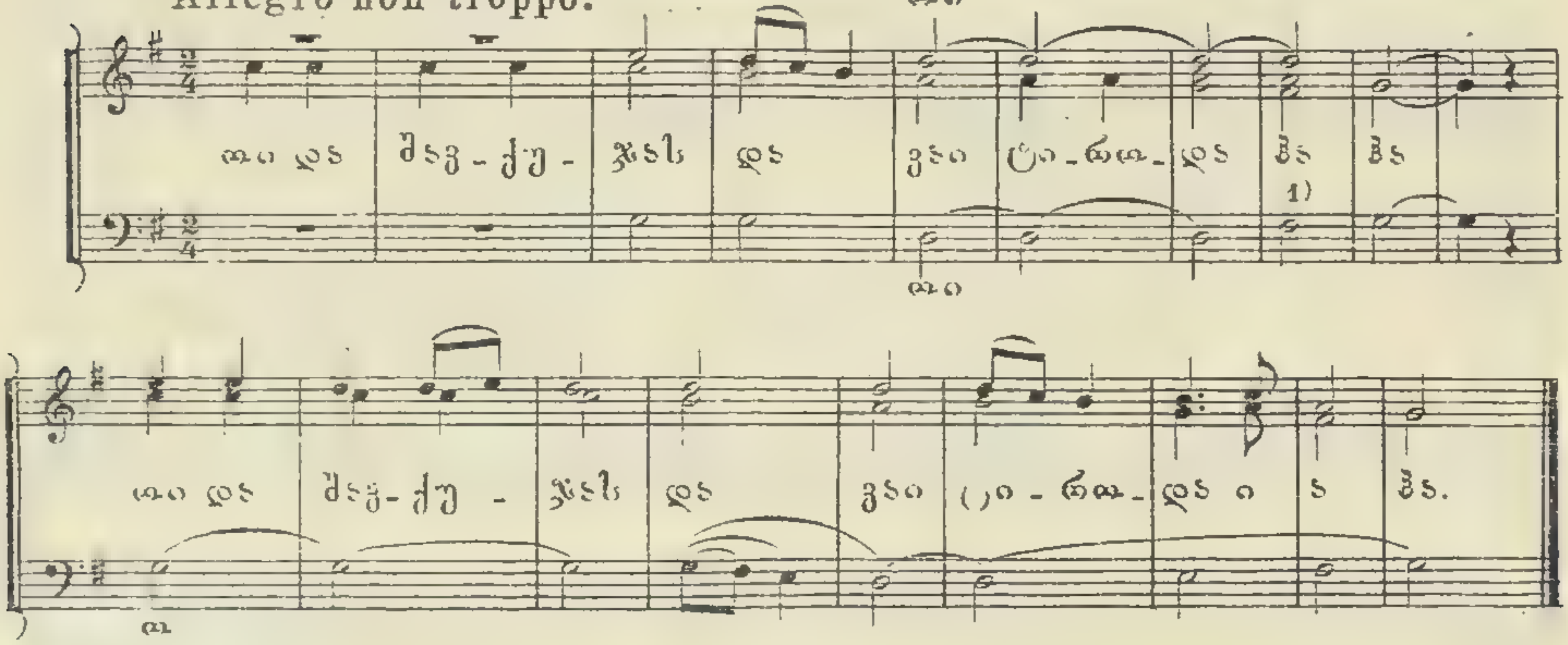
№7. ყურძენი. ВИНОГРАДЪ.

Moderato.



№ 8. სიმღერა შავქუჯაზე. ПѢСНЯ О ШАВКУДЖѢ.

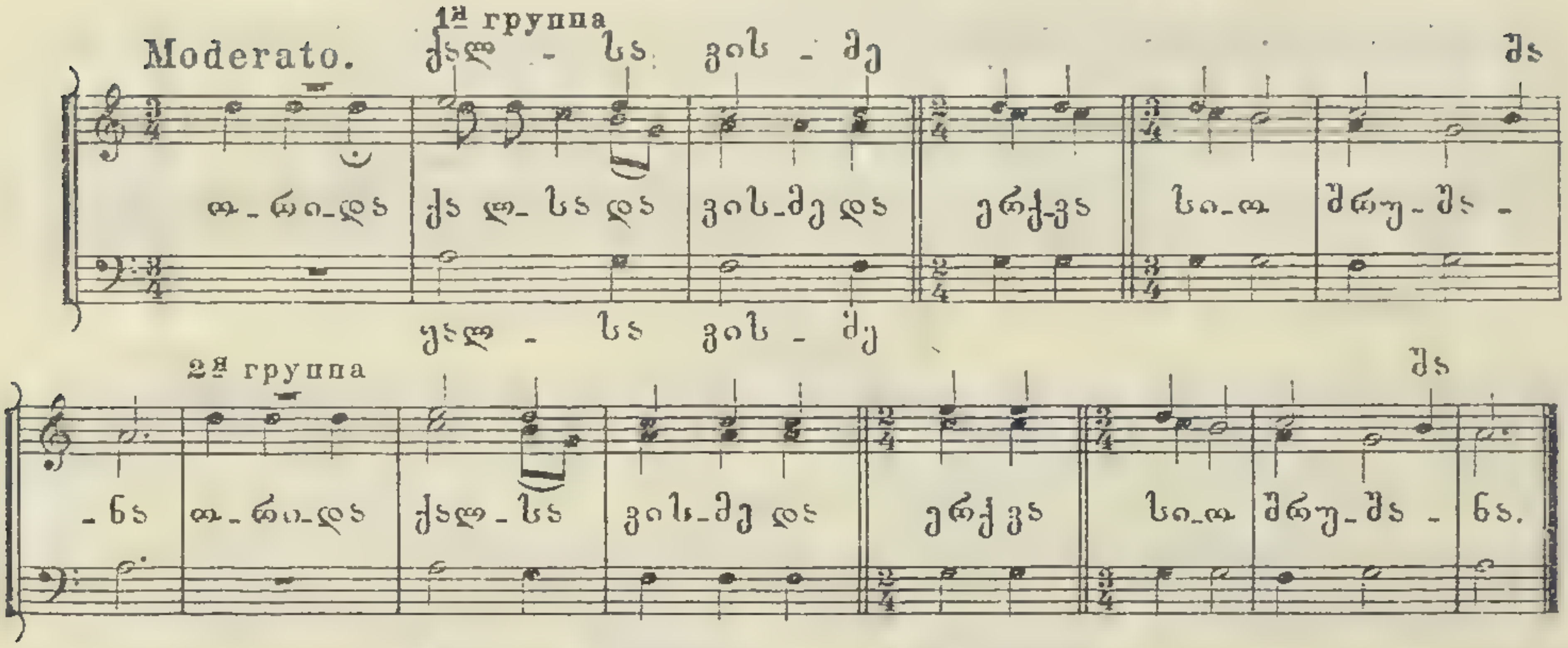
Allegro non troppo.



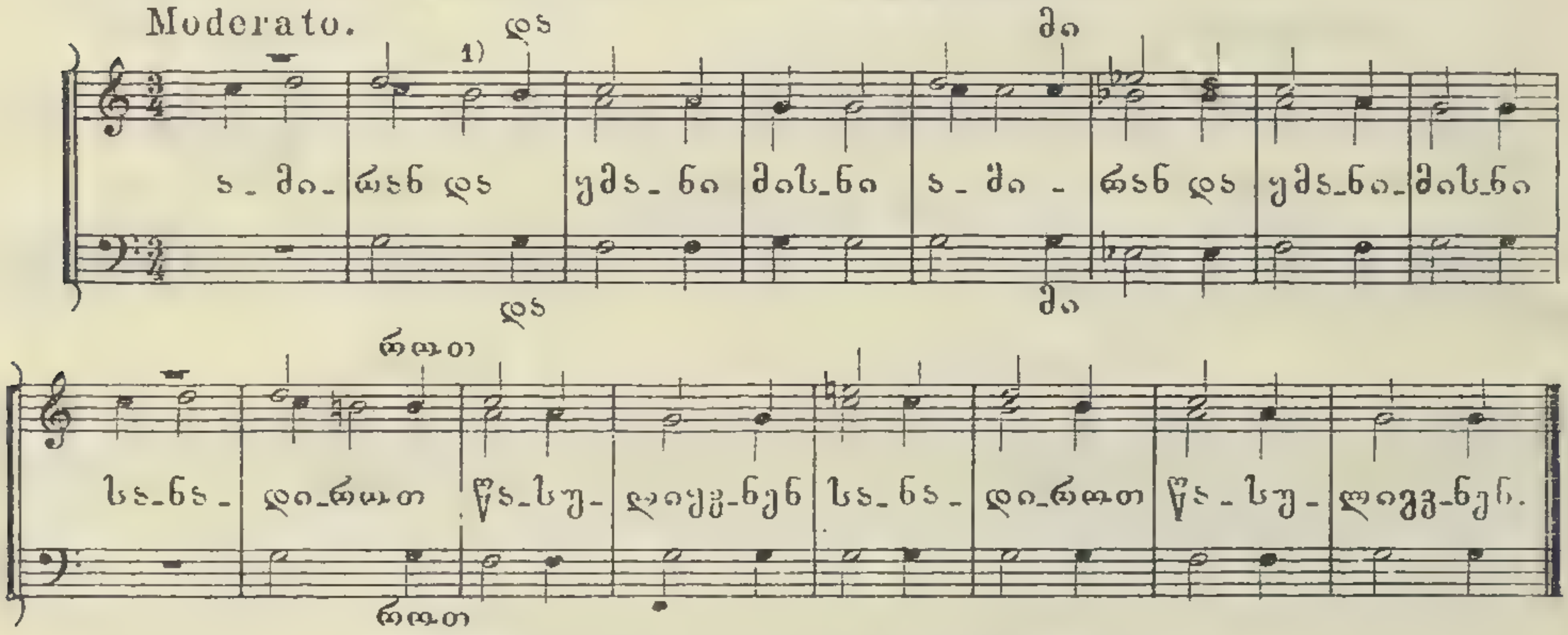
1) Звукъ ниже.

4

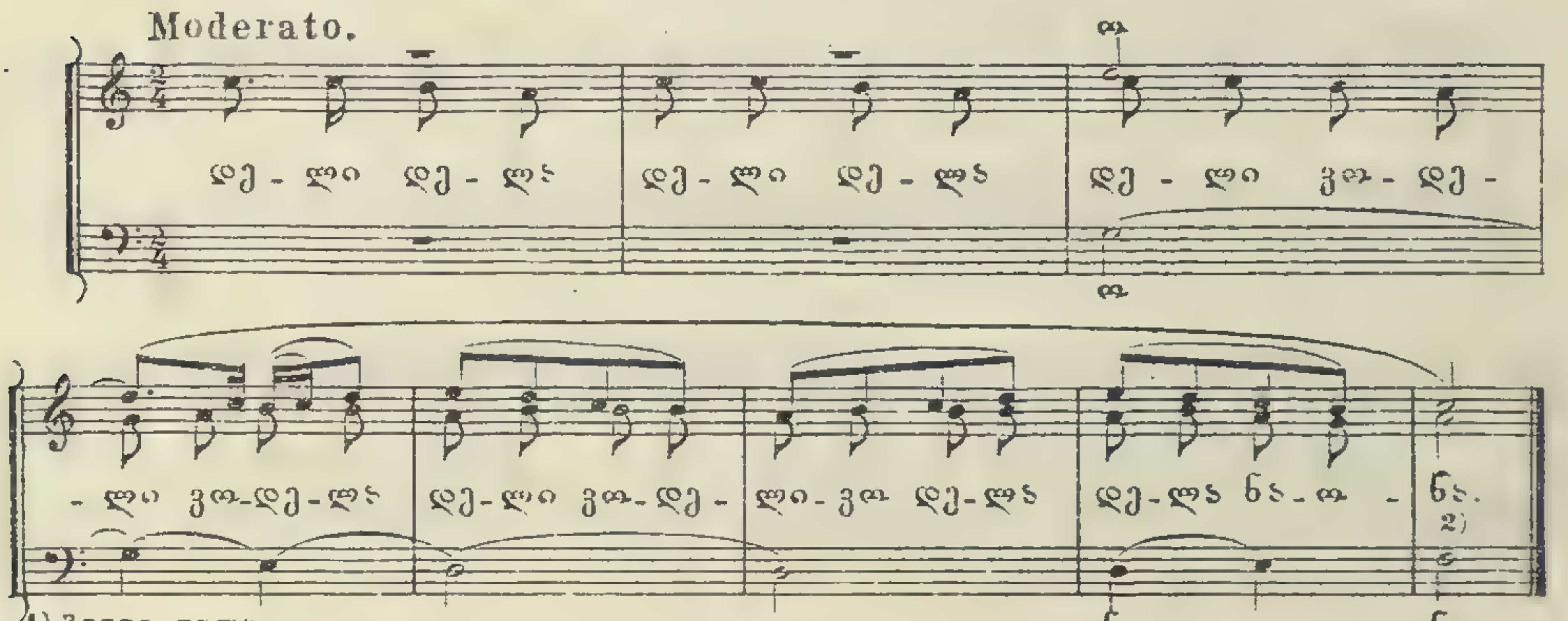
№9. სიო შრუშანა. СІО ШРУШАНА.



№10. ამირანი. АМИРАНЪ.

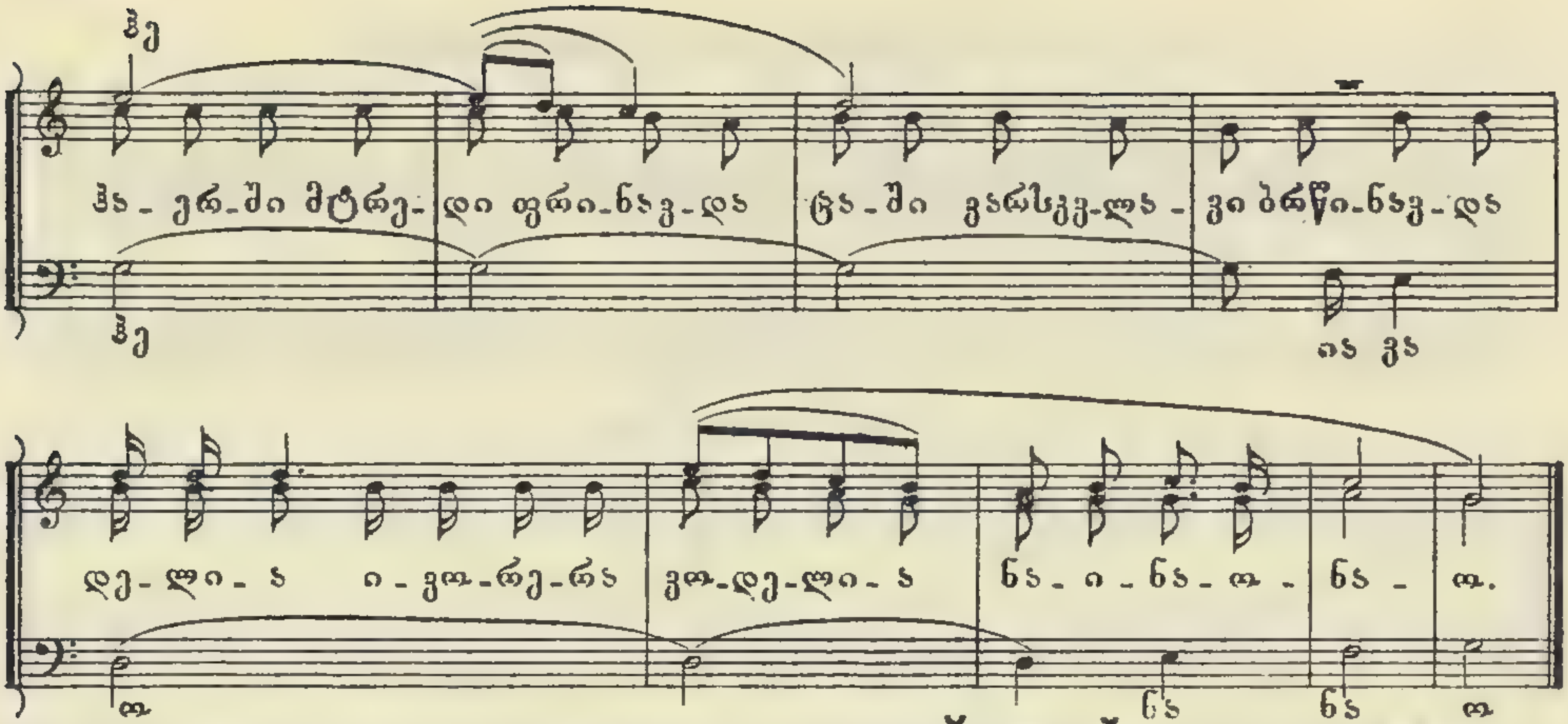


№11. დელი-დელა (მგზავრული.) ДЭЛИ-ДЭЛА (походная).



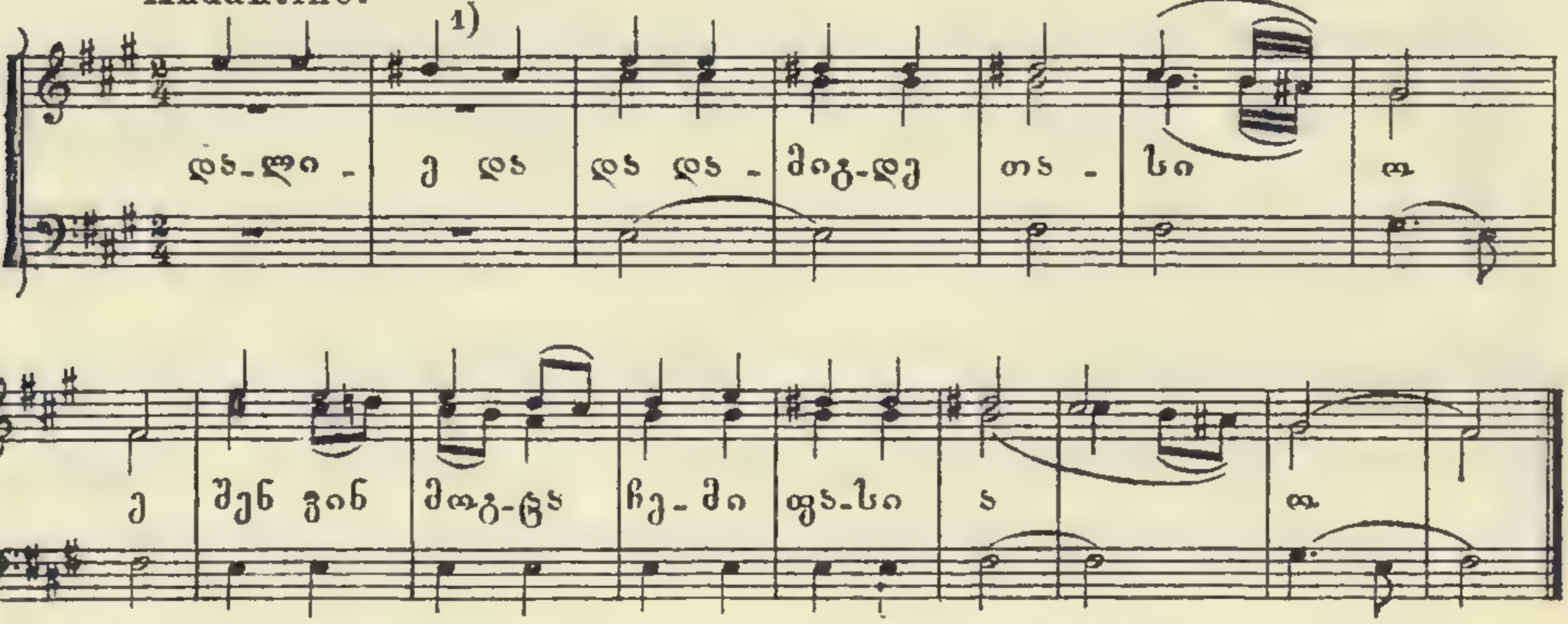
1) Звукъ ниже.
2) Нота fa немного выше.

5



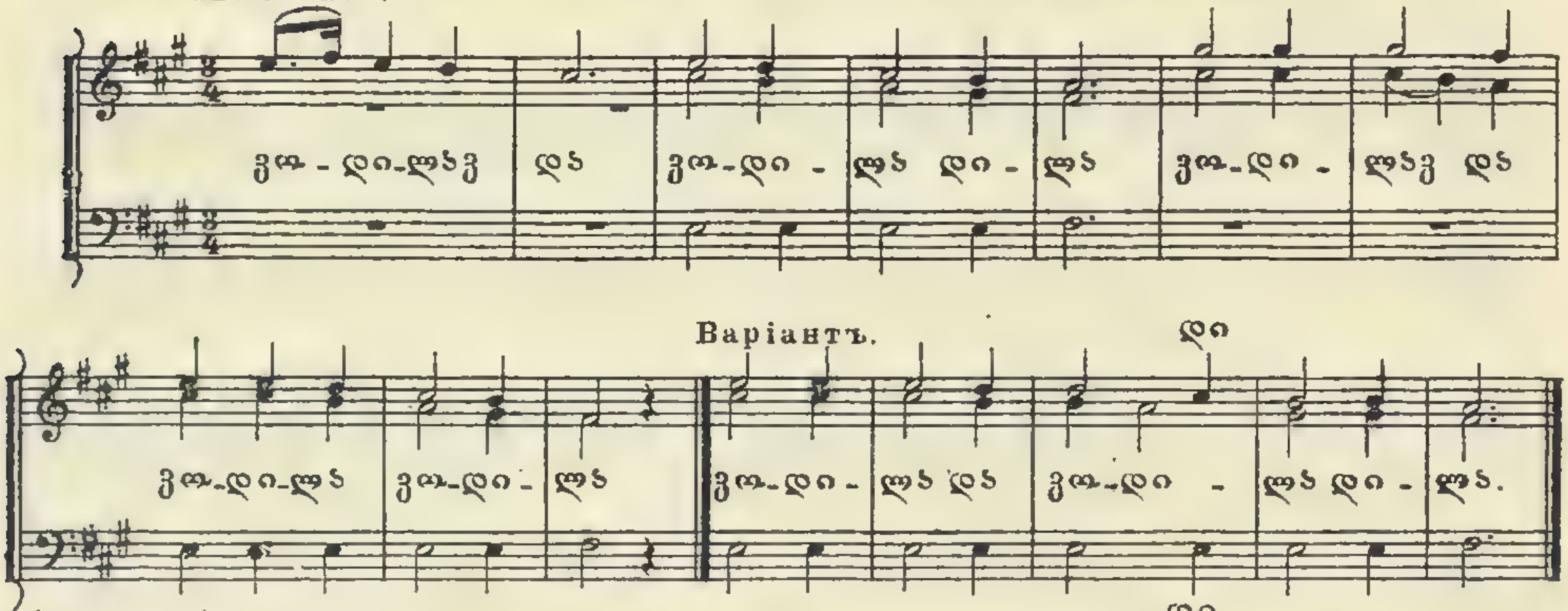
№12. დალიე, ჩემო ბატონო! ВЫПЕЙ, МОЙ ГОСПОДИНЪ!

Andantino.



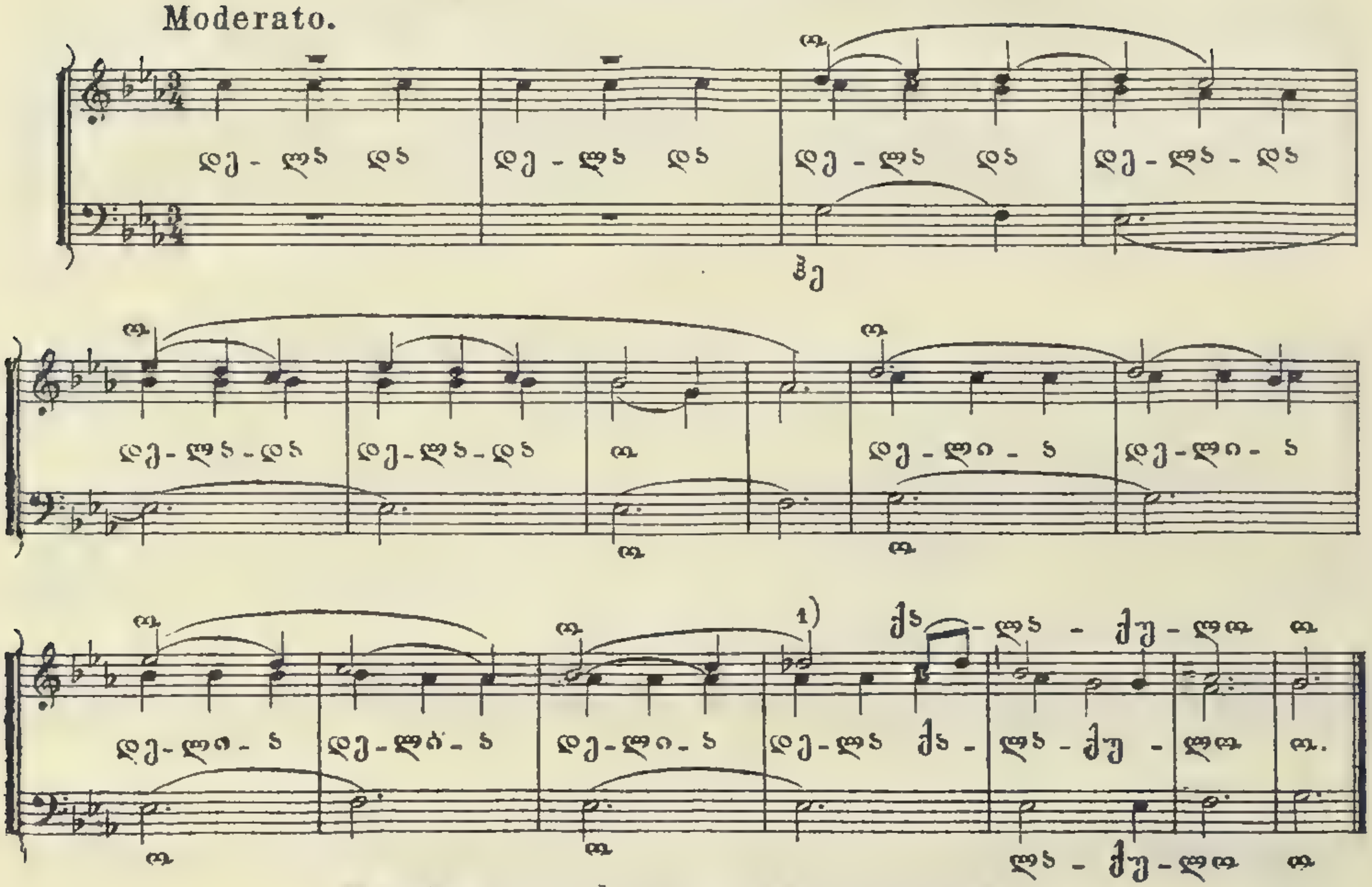
№13. მაყრული. СВАДЕБНАЯ.

Moderato.

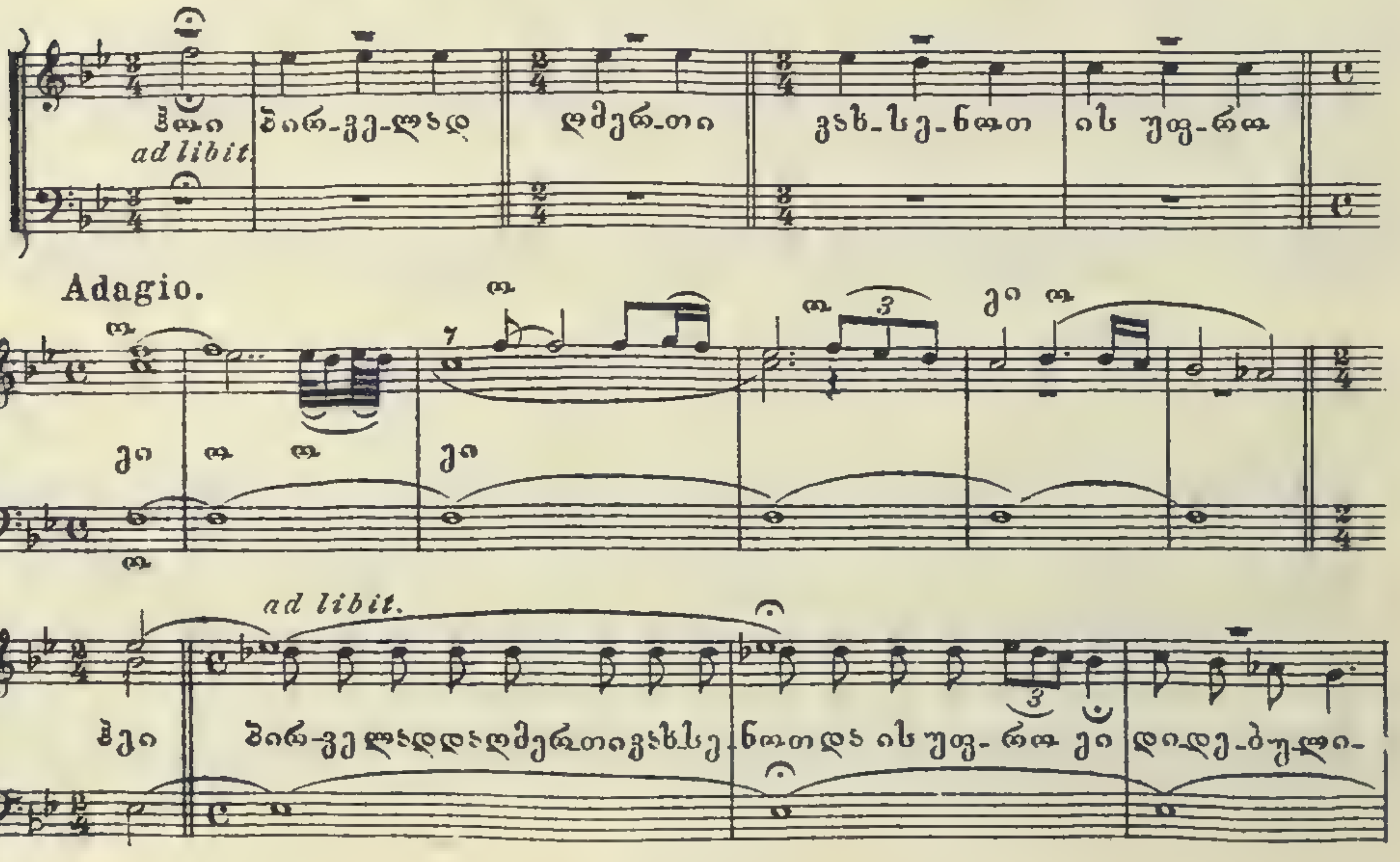


1) Нота re# немного ниже.

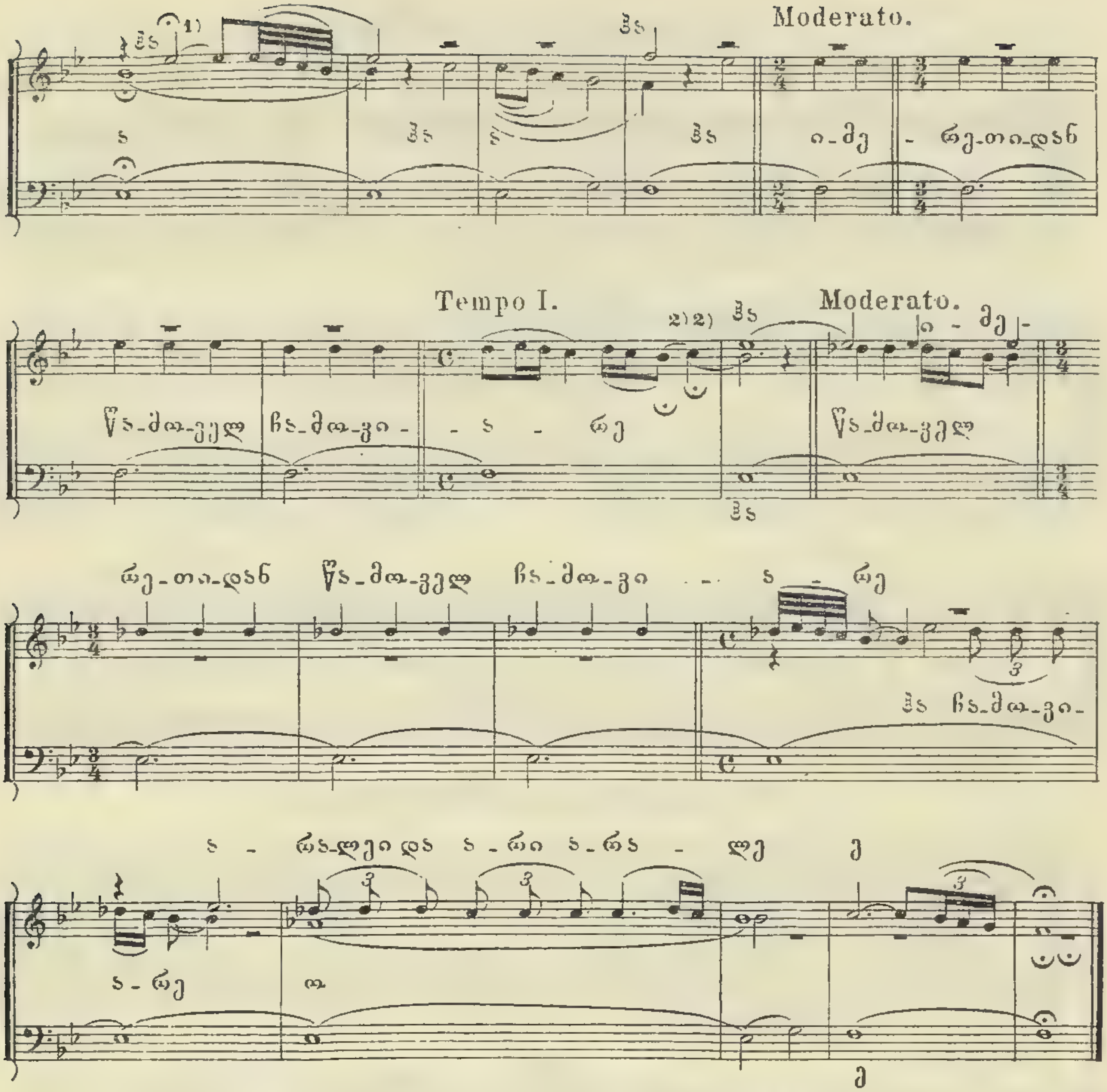
№ 14. ოდელა. ОДЭЛА...



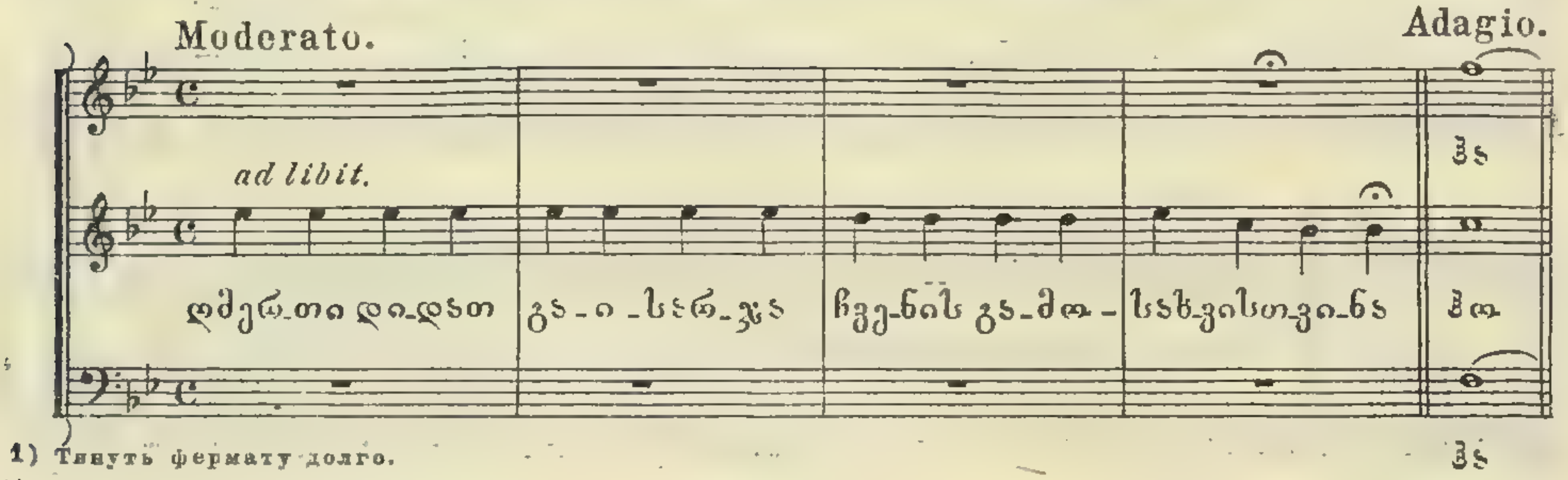
№ 15. სუფრული. ЗАСТОЛЬНАЯ.



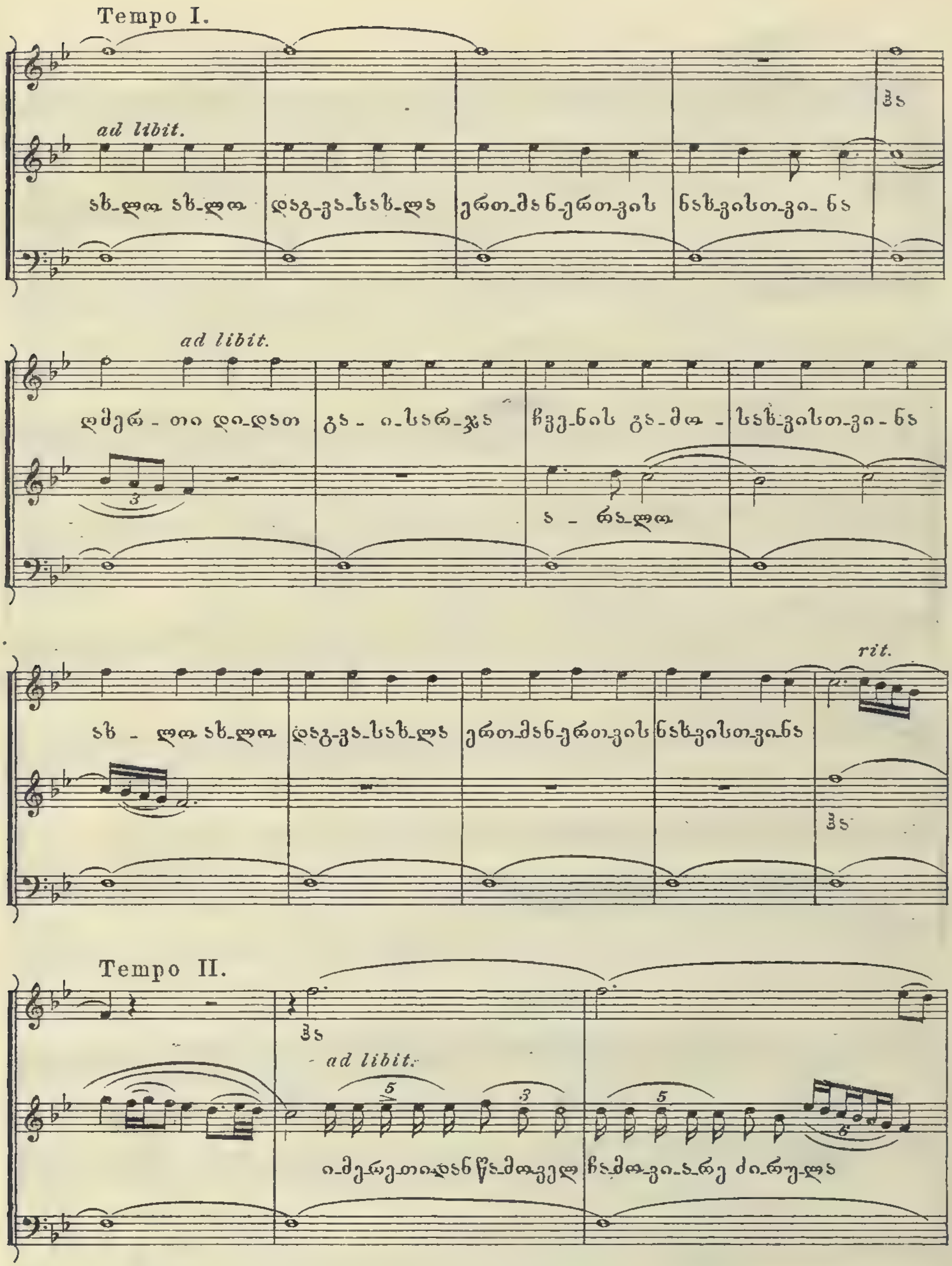
1) Звукъ re♭ спѣть выше.

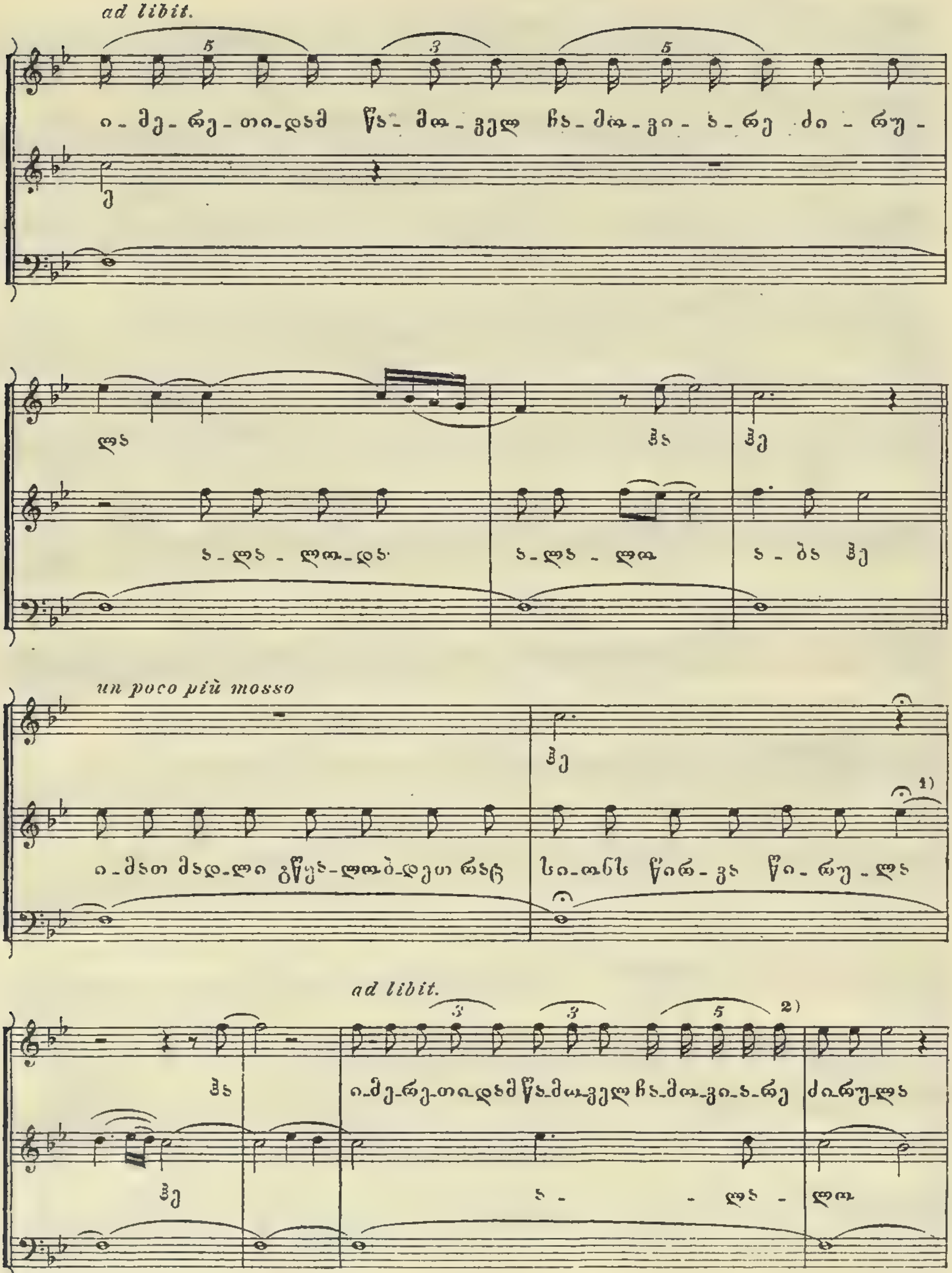


№ 16. სუფრული. ЗАСТОЛЬНАЯ.



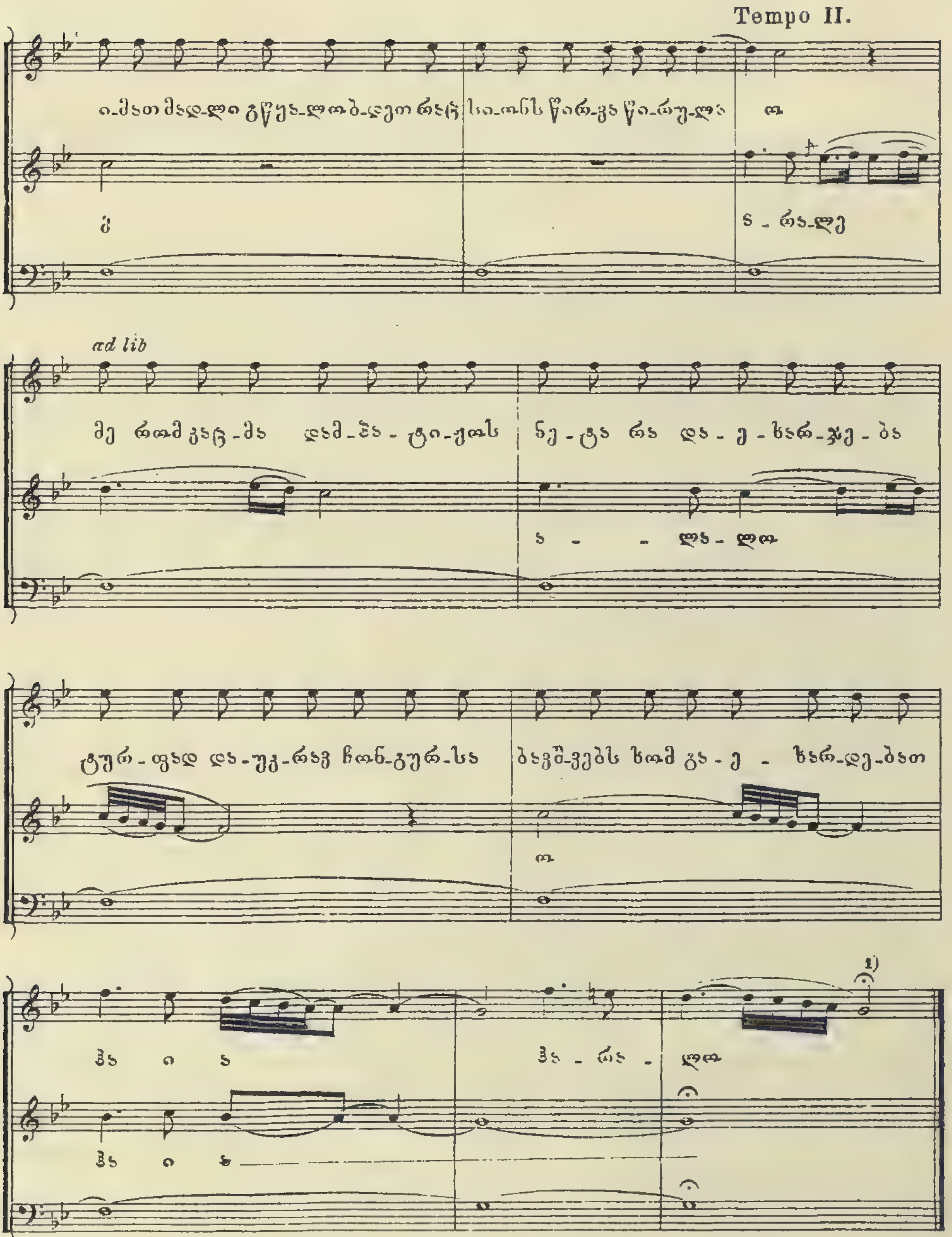
1) Тянуть фермату долго.
2)2) Недолгія ферматы.


Tempo I.
ვა
ad libit.
ახ-ლო ახ-ლო დაგ-ვა-სახ-ლა ერთ-მა ნ-ერთ-ვის ნახ-ვისთ-ვი- ნა
ad libit.
ღმერ - თი დი-დათ გა - ი-სარ-ჯა ჩვე-ნის გა-მო - სახ-ვისთ-ვი-ნა
ა - რა-ლო
rit.
ახ - ლო ახ-ლო დაგ-ვა-სახ-ლა ერთ-მან-ერთი-ვის ნახ-ვისთ-ვი-ნა
ვა
Tempo II.
ვა
ad libit.
ი-მე-რე-თი-დან წა-მო-ველ ჩა-მო-ვი-ა-რე ძი-რუ-ლა



1) Недолгая фермата.

2) Эти 16-я исполнить какъ 8-я.



1) Въ этой пѣснѣ, а также въ № 15, текстъ былъ не всегда ясенъ въ фонографѣ, и намъ, чтобы сохранить напѣвъ, пришлось его мѣстами подписать по своему.

IV.

О грузинскихъ музыкальныхъ инструментахъ изъ собраній Москвы и Тифлиса.

Грузинскіе музыкальные инструменты находятся въ Москвѣ, насколько намъ извѣстно, въ трехъ музеяхъ, а именно: въ Дашковскомъ Этнографическомъ музеѣ, въ музеѣ Московской консерваторіи и музыкально-драматическомъ училищѣ Моск. Филармоническаго Общества.

Въ Дашковскомъ Этнографическомъ музеѣ, помѣщающемся въ зданіи Румянцовскаго музея, есть много музыкальныхъ инструментовъ, принадлежащихъ различнымъ народностямъ Россіи, и среди нихъ есть также грузинскіе.

Первое мѣсто изъ этихъ инструментовъ принадлежитъ ручной 11-струнной *арфѣ* (судимъ по колкамъ, такъ какъ струнъ нѣтъ, а есть только обрывки). Рисунокъ см. за № 2 въ статьѣ: „Иллюстрированное описаніе музыкальныхъ инструментовъ Дашковскаго Этнографическаго музея", А. Маслова. Она имѣетъ дугообразную шею въ 15 вершковъ длины, четырехугольный, къ началу закругленный резонаторъ изъ дерева, 12 вершковъ длины, 2 вершка ширины и 2 вершка высоты. На срединѣ деки между продушинами (четыре и четыре) — мѣста для струнъ, которыя вдавливаются маленькими колышками. Струны изъ волосъ. Около послѣдней струны (самаго высокаго по мѣсту звука) — пуговица, которая, при ея нажиманіи, приводитъ въ движеніе фигурки (двѣ лошадки и туръ), расположенныя въ томъ мѣстѣ, гдѣ арфа принимаетъ закругленіе. Эти фигурки, ударяясь о деку, производятъ стукъ, который, вѣроятно, служилъ дополненіемъ къ аккомпанименту арфы во время пѣнія, или вообще игры.

На одной изъ стѣнокъ ея и на нижней декѣ или спинкѣ вырѣзаны двѣ надписи на грузинскомъ языкѣ, которыя гласятъ слѣдующее: 1) „Эсэ Пандури арис Пуцуна Бегвис", т.-е. „Эта Пандури (названіе инструмента) принадлежитъ Пуцунѣ [1]) Бегви", и 2) „Виц мойпарос, мас рисхамдес мадли гвтиса. Амин", т.-е. „Кто похититъ, того да поразитъ гнѣвъ Божій. Аминь".

Откуда могъ попасть въ Грузію прототипъ такого инструмента, сказать утвердительно трудно. Какъ вѣроятность, можно допустить, что онъ перешелъ къ грузинамъ отъ древнихъ евреевъ, которые, по преданію, живутъ въ Грузіи со временъ Навуходоносора.

Каковъ былъ прототипъ этого инструмента, мы не знаемъ, что же касается теперешняго его вида, то онъ представляетъ уже видъ націонализировавшійся,

---

1) „Пуцуна", собственно, значитъ душечка, милый.

чему служатъ доказательствомъ какъ всевозможныя фигурки змѣй, лошадокъ, уточекъ на арфѣ, такъ и своеобразная рѣзьба.

Такой же формы, но не такой изящной отдѣлки инструментъ, безъ струнъ, есть и въ московскомъ консерваторскомъ музеѣ. Корпусъ у него также четырехугольный изъ цѣлаго дерева. Длина 11 верш., высота 2 вершка. Онъ начинается ручкой, въ которой большое круглое отверстіе, для того чтобы вкладывать въ нее пальцы и держать инструментъ. Въ ручку вложена дугообразная рама. На ней расположено 13 маленькихъ отверстій для колковъ. Колковъ и струнъ нѣтъ совсѣмъ. На декѣ 11 маленькихъ отверстій для вдавливанія струнъ. По бокамъ ея расположены голосники, напоминающіе скрипичныя es. Дека приклеена, а къ концу прикрѣплена деревянными гвоздиками. Такими же гвоздиками прикрѣплена и рама къ ручкѣ. Рисунокъ его приводимъ за № 1.

Рис. 1.

Далѣе, кромѣ этой арфы, въ Дашковскомъ Этнографическомъ музеѣ есть еще и 6-струнная, правильнѣе 6-колковая арфа (рис. ея см. за № 1, въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашк. Этн. музея.“

Длина корпуса этой арфы 9 вершковъ, ширина 2½ вершка, высота 2 вершка. Вертикальная рама длины 12 вершковъ, ширины около 2-хъ вершковъ. Ручка 2—2½ вершка. Въ общемъ, инструментъ имѣетъ 14 вершк. длины. Дека у этой арфы прикрѣплена проволокой, которая обхватываетъ весь корпусъ. Рама вставлена въ ручку. Точно такой же формы инструментъ есть и въ Московскомъ консерваторскомъ музеѣ.

Консерваторская шестиструнная арфа точно такъ же, какъ и въ Этногр. Музеѣ, такой же примитивной работы, только поуже рамой. Корпусъ у нея такой же овальный, въ видѣ корыта, выдолбленъ изъ цѣлаго дерева. Длины онъ имѣетъ 11 вершковъ. Дека прибита гвоздиками и прикрѣплена шнуркомъ изъ волосъ, съ помощью палочки. На декѣ выдѣляется маленькій (какъ и тамъ) гребень, куда вдавливаются струны колышками. Имѣется только четыре струны изъ конскихъволосъ. Корпусъ имѣетъ небольшую шею (ручку), въ которую вставлена вертикальная рама, на которой расположены колки. Длина рамы 11½ верш., ширина 1½ верш. На ней какъ посрединѣ, такъ и наверху прорѣзы. Высота корпуса около двухъ вершковъ (рис. № 2).

Рис. 2.

Такія шестиструнныя арфы употребляются у горскихъ грузинъ-свановъ и называются „чанги“. Струны у нихъ изъ конскихъ волосъ. Строй инструмента больш. 3-е (первая, третья и пятая струны) и малое (вторая, четвертая и шестая струны). Подъ аккомпаниментъ этихъ двухъ аккордовъ исполняются различныя пѣсни соло. Очень рѣдко играютъ на ней совмѣстно съ другими инструментами, напр., съ чуниромъ, какъ видно изъ прилагаемаго рисунка съ фотографіи, снятой въ Сванетіи г. Барановымъ и изображающей семью князей Дадешкеліани (рис. № 3).

Въ такомъ же родѣ и такого же названія инструментъ я видѣлъ у грузинъ-мингрельцевъ въ городѣ Поти, но только мингрельскій инструментъ отличался

тѣмъ, что имѣлъ четырехугольный корпусъ, струны изъ шелковыхъ ниток и числомъ девять.

Не менѣе интересенъ музыкальный инструментъ въ Дашковскомъ музеѣ, имѣющій видъ *цитры;* къ сожалѣнію, у нея недостаетъ колковъ и струнъ (рис. см. за № 87, въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашк. Этн. музея“).

Длина корпуса этого инструмента спереди 17¼ вершк., сзади 8 верш. Высота немного болѣе 1½ вершка. По бокамъ корпуса гребешки. На правой стѣнкѣ расположены колки, на лѣвой гвоздики, прикрѣпляющіе струны. На передней стѣнкѣ имѣется отверстіе въ 2 вершка въ діаметрѣ, служащее, вѣроятно, для того, чтобы вынимать инструментъ пальцами изъ футляра. Отверстіе это, какъ и задняя стѣнка, покрыто инкрустаціями изъ перламутра. На декѣ 3 большія звѣзды — продушины.

Рис. 3.

Тѣ лица, которыя видѣли этотъ инструментъ въ Грузіи, называли его „цинцила“. Лично же мнѣ лѣтомъ 1902 г. въ одной деревнѣ пришлось снять фотографію съ такого же инструмента, который мнѣ назвали „сантури“. Отличіе моего инструмента отъ музейскаго заключается только въ томъ, что въ моемъ инструментѣ 22 звука, по 5 струнъ на каждый звукъ, въ музейскомъ же 18 звуковъ, по 4 струны на звукъ. Затѣмъ, мой больше по размѣру, но работа проще, безъ инкрустацій. Въ остальномъ же разницы никакой нѣтъ, т.-е. струны, какъ тамъ, такъ и здѣсь тонкія, металлическія, держатся (лежатъ) на подставкахъ въ родѣ катушекъ, настраиваются ключомъ. Играть, какъ здѣсь, такъ и тамъ надо деревянными молоточками. Строй, къ глубокому сожалѣнію, мнѣ не удалось узнать.

Инструментъ такой же почти формы подъ названіемъ „сантиръ“ мы встрѣчаемъ у арабовъ, отъ которыхъ, нужно полагать, и перешелъ этотъ инструментъ къ грузинамъ, когда арабы владычествовали надъ Грузіей. Что же касается музейскаго „цинцила“, то это, по моему, тотъ же арабскій „сантиръ“, только подъ другимъ названіемъ, сдѣланный, можетъ-быть, персами, которые вообще любятъ украшать свои инструменты инкрустаціями.

Играютъ на этомъ инструментѣ, аккомпанируя сольному пѣнію, или же иногда принимая участіе въ „сазандари“, о которомъ ниже. Въ настоящее время изъ грузинъ рѣдко кто на немъ играетъ. Въ консерваторскомъ музеѣ также имѣется такой инструментъ. На немъ 20 звуковъ (по четыре струны на звукъ). Струны такія же—металлическія, тонкія (много оборванныхъ), должны лежать на подставкахъ-катушкахъ, изъ коихъ нѣсколько лежатъ въ футлярѣ. На декѣ вырѣзаны четыре звѣзды съ продушинами. Для игры есть палочки. На передней стѣнкѣ, въ срединѣ, есть такъ же, какъ и тамъ, круглое отверстіе съ большой палецъ. На задней тоже звѣзда, только безъ продушинъ. Надъ корпусомъ возвышаются гребешки по бокамъ, на которыхъ лежатъ струны. У лѣваго гребешка посрединѣ проволока. Струны прикрѣплены съ правой стороны желѣзными небольшими гвоздиками, съ лѣвой же вдѣты на желѣзные колки, которые должны настраиваться желѣзнымъ ключомъ. Длина инструмента съ передней стороны трапеціи $17^1/_2$ вершк., съ задней—$7^3/_4$ в., высота $1^1/_4$ вершка. Для него имѣется футляръ (рис. № 4).

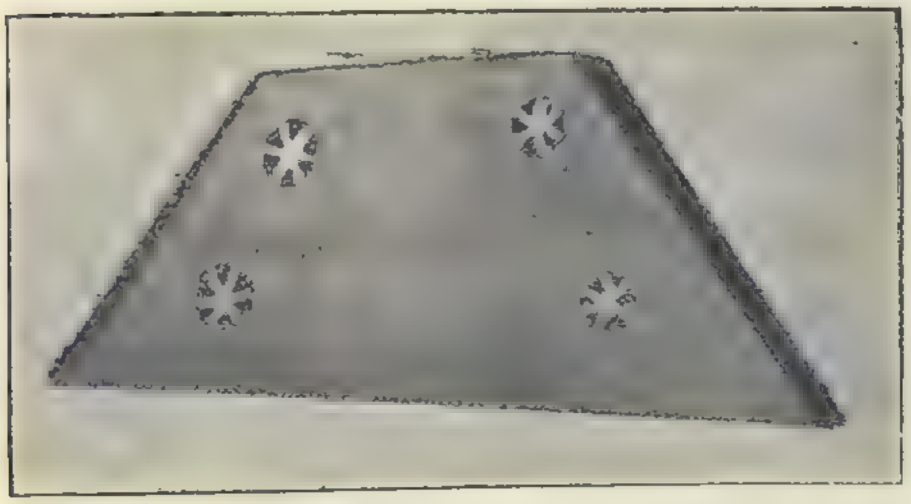


Рис. 4.

Сравнительно къ менѣе интереснымъ инструментамъ, находящимся въ Дашковскомъ музеѣ, принадлежатъ: *тари*, *чіанури* и *чонгури* (карталино-кахетинское).

Тари бываетъ различной величины, смотря по числу колковъ-звуковъ. Въ Дашковскомъ музеѣ — съ 4-мя колками (2-хъ нѣтъ) безъ струнъ. Сравнительно съ другими, размѣръ имѣетъ небольшой. Корпусъ тари около $5^1/_2$ вершк., высота въ началѣ 2 вершка, къ концу $2^1/_2$ в. Грифъ около $9^1/_2$ в. Шея, на которой расположены колки, длины и ширины около $2^1/_4$ вершк. Общая длина инструмента около 17 вершк. (рис. см. за № 39, въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашков. Этн. музея“).

Обыкновенно они требуютъ по 2 металлическихъ струны на звукъ, иногда по одной. Инструментъ этотъ имѣетъ видъ гитары, только корпусомъ раза въ два или два съ половиной выше ея и нѣсколько уже въ ширину. На грифѣ 11 ладовъ. Дека сдѣлана изъ пузыря. Играютъ на немъ плектромъ въ видѣ тремоло. Строй бываетъ различный, смотря по количеству звуковъ (3—8). Если у тари 3 звука, то они настроены такъ: 1-я группа струнъ, предположимъ, нота sol, вторая re, третья do—всѣ въ 1-й октавѣ. Если инструментъ имѣетъ четыре звука, то 4-й настраивается, если не ошибаюсь, въ октаву вверхъ съ 1-мъ[1]).

Рис. 5.

Такой же инструментъ, только больше величиной, пожертвованъ однимъ моимъ знакомымъ въ предполагавшійся музей Филармоническаго училища. Рисунокъ его мы приводимъ за № 5.

[1]) Встрѣчается и такой строй: do 2 октавы, sol и re 1 октавы (на звукъ всѣ по двѣ струны), затѣмъ re малой октавы (съ одной струной), далѣе идутъ приструнки: do 3 октавы и sol 2 октавы (по двѣ струны на звукъ). Словомъ, строй часто зависитъ отъ самой пѣсни.

Чіанури есть не что иное, какъ арабскій „кеманче“, только корпусомъ нѣсколько большаго размѣра. Резонаторъ его деревянный, круглый, суживающійся книзу; дека изъ пузыря. Чіанури имѣетъ длинный грифъ съ 3-мя колками, а также длинную желѣзную стойку, на которую опирается резонаторъ. Корпусъ чіанури имѣетъ вершка $4^1/_2$ высоты; грифъ 6 вершк. длины; желѣзная стойка 5 вершк. и 5 вершк. идутъ на шею (гдѣ расположены колки) и ручку. Въ общемъ, инструментъ имѣетъ длины 19 вершк. Струнъ металлическихъ бываетъ обыкновенно не болѣе 3-хъ (въ музейскомъ экземплярѣ уцѣлѣла только 1 струна). Играютъ смычкомъ, тремолируя. Строй его—чистая квинта и октава. Рисунокъ за № 72 въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашк. музея“.

Такой же инструментъ имѣется и въ Филармоническомъ училищѣ.

Какъ въ тари, такъ и въ чіанури края деки и грифъ бываютъ отдѣланы инкрустаціями. Въ музейскихъ отдѣланъ только грифъ тари.

Карталино-кахетинское *чонгури* гораздо меньше по сравненію съ вышеописанными двумя инструментами. Деревянный корпусъ ея имѣетъ видъ разрѣзанной по длинѣ пополамъ груши, съ нѣсколько удлиненнымъ грифомъ, разукрашеннымъ инкрустаціями, съ двумя колками (утеряны). Струны бываютъ металлическія; ихъ 4, по 2 струны на звукъ (въ описанномъ экземплярѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ). Играютъ на чонгури плектромъ. Строй его — чистая кварта (рис. см. за № 36, въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашк. Этн. музея“).

Въ собраніи московской консерваторіи имѣется два вида этого инструмента, очень изящной работы. Первое чонгури консерваторскаго музея такое же, какъ и въ Дашковскомъ Этногр. музеѣ, т.-е. корпусъ его представляетъ видъ разрѣзанной по длинѣ пополамъ небольшой груши, склеенной изъ кусочковъ. Длина его $4^1/_2$ вершка, ширина въ наиболѣе широкомъ мѣстѣ $2^1/_2$ вершка. Дека деревянная, какъ и тамъ. Начало ея изукрашено перламутровыми инкрустаціями. На концѣ корпуса сверху кость съ нарѣзами для струнъ. Грифъ имѣетъ $8^1/_4$ в. длины; лицевая сторона его вся покрыта инкрустаціями. На немъ 15 ладовъ (лады похожи на струнныя тонкія нитки). Они расположены такъ: группа въ 4, затѣмъ въ 6, затѣмъ опять въ 4 и одна за порожкомъ (разъединяющая струны). Послѣдняя даже, собственно, не ладъ, а просто извѣстнаго рода укрѣпленіе, подъ которымъ идутъ струны къ грифу, чтобы онѣ были не выше порожка (какъ у современныхъ гитаръ). Такимъ образомъ, струны находятся подъ нимъ, т.-е. подъ этимъ укрѣпленіемъ. Онѣ тонкія, металлическія. Имѣется только одна, а должно быть четыре, по двѣ струны на звукъ. Общая длина инструмента 13 вершковъ. Работа его весьма изящная; строй его — чистая кварта. Распространенъ онъ, главнымъ образомъ, среди грузинъ Тифлисской губ.—карталинцевъ и кахетинцевъ. Подъ аккомпаниментъ его поютъ грузино-персидскія „баяти“.

Второе чонгури по формѣ почти такое же, только корпусомъ (изъ цѣлаго дерева) болѣе четырехугольнымъ, чѣмъ грушевиднымъ. На стѣнкахъ его—правой и лѣвой и отчасти по бокамъ, внизу —въ большомъ количествѣ звѣздообразныя отверстія, заклеенныя внутри цвѣтною бумагой. Длина корпуса 4 вершка, ширина немного болѣе двухъ, такая же и высота. Дека деревянная, съ двумя прямыми продушинами посрединѣ; бока ея отдѣланы инкрустаціями. Въ концѣ корпуса, какъ и у перваго чонгури, прикрѣплена кость для струнъ. Грифъ $8^1/_2$ вершковъ; по бокамъ его приклеены, какъ украшенія, во всю длину узенькія кости, посрединѣ которыхъ помѣщены перламутровыя инкрустаціи. Ладовъ на грифѣ нѣтъ, а есть порожекъ съ 4-мя прорѣзами, разъединяющій струны. Колковъ должно быть

пять (имѣется налицо четыре). Струнъ совсѣмъ нѣтъ. Общая длина инструмента 12½ вершк. Работа очень изящная. Такой же инструментъ имѣется и въ Московскомъ Филармоническомъ училищѣ (рис. № 6).

Рис. 6.

Какъ чонгури, такъ въ особенности тари и чіанури можно встрѣтить въ Грузіи въ любомъ домѣ дворянина или князя. Игра на нихъ и пѣніе подъ ихъ аккомпаниментъ до сихъ поръ пользуются здѣсь большою любовью и считаются національными. Любовь къ такого рода музыкѣ я объяснялъ себѣ вліяніемъ персовъ при грузинскихъ царяхъ магометанахъ въ XVI и XVII вв., „когда грузинскій царскій дворъ окруженный необыкновенной роскошью, не только старался подражать персидскимъ обычаямъ, но, въ угоду шаху, насажденіе персидскихъ нравовъ производилось силою оружія". Вѣроятно, тогда и перешли эти инструменты въ Грузію и сдѣлались общеупотребительными.

Мы должны, однако, сказать, что на этихъ инструментахъ, помимо грузинскихъ дворянъ и князей, играетъ въ Грузіи еще особая каста городскихъ музыкантовъ подъ названіемъ „*сазандари*". Обыкновенно „сазандари" представляютъ изъ себя небольшой оркестръ изъ четырехъ человѣкъ, большею частью изъ персовъ. Одинъ играетъ плектромъ на тари, другой смычкомъ на чіанури, третій поетъ и подыгрываетъ себѣ на дайрѣ, а четвертый аккомпанируетъ на маленькихъ азіатскихъ литаврахъ—диплипито (рис. 7).

Рис. 7. Сазандари (восточные музыканты).

Весь оркестръ, собственно, служитъ для аккомпанимента пѣвцу, на котораго, главнымъ образомъ, падаетъ центръ тяжести, инструментамъ же приходится то гармонически, то контрапунктически украшать пѣніе. Совершенно самостоятельную роль они исполняютъ во время танцевъ и различныхъ вступленій.

Занимая привилегированное положеніе, „сазандари“ приглашаются людьми только состоятельными, разъѣзжая иногда изъ города въ городъ, играя нерѣдко въ клубахъ захолустныхъ городовъ. Въ г. Сигнахѣ (Тифл. губ.) мнѣ однажды пришлось слышать, какъ они въ общественномъ собраніи разыгрывали европейскіе танцы. Разумѣется, вальсы у нихъ, которые они еще и подвирали по своему, получались замѣчательно курьезными, такъ какъ они не могли обойтись безъ того, чтобы не придать этимъ вальсамъ и другимъ танцамъ свой персидскій колоритъ. Получалась удивительно курьезная картина. Публика же до того свыклась съ этимъ, что не обращала на это рѣшительно никакого вниманія.

Въ общемъ, конечно, заниматься „сазандарамъ“ такими дѣлами приходится только между прочимъ, да и то, собственно говоря, не всѣмъ, а только нѣкоторымъ. Главное ихъ искусство — это игра и пѣніе на своихъ инструментахъ, источникъ существованія ихъ — своя восточная инструментально-вокальная на-

Рис. 8.

родная музыка. Этой области они, какъ профессіональные музыканты, посвящаютъ все свое время и работаютъ до тѣхъ поръ, пока не распадется оркестръ.

Оркестры эти организуются изъ народа безусловно даровитаго, музыкальнаго, вотъ почему среди нихъ попадаются часто замѣчательные виртуозы и выдающіеся пѣвцы.

Музыку исполняютъ они персидскую, и лишь только въ танцахъ вы можете услышать грузинскія плясовыя мелодіи, исполняемыя съ большимъ вкусомъ и эффектомъ. Эта персидская музыка дѣлится у нихъ на вокальную и инструментальную, притомъ какъ первая, такъ и вторая подраздѣляются, въ свою очередь, на нѣсколько группъ, какъ, напр.: „Баяти“, „Рааби“, „Чарга“, „Саадъ“ и др. (вокально-инструментальная группа), „Расти гуша“, „Узундара“ и др. (инструментальная группа). Какъ та, такъ и другая группа необыкновенно популярна въ высшемъ грузинскомъ обществѣ, не менѣе, пожалуй, въ армянскомъ, а ужъ про персидское и говорить нечего. Такимъ образомъ, „сазандарамъ“ есть гдѣ показать свое искусство, знанія и таланты, есть тотъ кругъ, который оцѣниваетъ и щедро оплачиваетъ ихъ за труды. Мы приводимъ еще одну группу „сазандари“, состоящую изъ пяти человѣкъ (рис. 8).

Далѣе, изъ струнныхъ въ Дашковскомъ музеѣ находятся еще инструменты грузинъ-свановъ подъ названіемъ „*пандури*", и затѣмъ ихъ же пандурообразный инструментъ „*чуниръ*".

Сванскіе пандури въ музеѣ—большой и малый. Очевидцы мнѣ говорили, что бываетъ и средній, такъ что на нихъ играютъ три человѣка, представляя миніатюрный оркестръ.

Резонаторъ [1]) у большого пандури сдѣланъ изъ дерева и имѣетъ видъ чашки. Спинка или нижняя дека небольшая, съ отверстіемъ посрединѣ приблизительно въ вершокъ въ квадратѣ. Вмѣсто деки служитъ обтянутый пузырь, прикрѣпленный колками къ резонатору, на ней четыре большихъ круглыхъ отверстія („голосники"). Подгрифкомъ служитъ кусокъ кожи, въ видѣ узкой ленты или тесьмы, которая надѣвается прямо на коротенькую шейку или стойку. Струны (оборванныя) изъ черныхъ волосъ, прикрѣпляются къ концу этого своеобразнаго подгрифка. Грифъ сравнительно небольшой. Колка четыре. Смычокъ дугообразный, примитивный, изъ волосъ. (Рисунокъ см. въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашк. Этн. музея" № 67).

Малое пандури [2]) съ лицевой стороны почти одинаково съ большимъ. Вмѣсто деки у него также натянутый пузырь, также съ четырьмя отверстіями, только гораздо меньшаго размѣра. Прикрѣплена она веревочками. Корпусъ малаго пандури состоитъ изъ половины пустой тыквы, нѣсколько суживающійся книзу и открытый, т.-е. безъ спинки. Вмѣсто подгрифка также кусокъ кожи, надѣтой на коротенькую стойку, какъ и у большого пандури. Колка два. Оборванныя струны изъ волосъ прикрѣпляются такъ же, какъ и у большого пандури. Кобылки, какъ и тамъ, нѣтъ, вѣроятно, утеряна (рис. см. въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашк. Этн. музея", № 66).

Далѣе идетъ инструментъ *чуниръ*. Корпусъ чунира представляетъ изъ себя маленькое сито [3]) такой же почти величины, такой же почти высоты, только вмѣсто сѣтки натянута кожа, которая служитъ декой. Низъ же совершенно открытый, такъ что видно продолженіе грифа, заканчивающееся маленькой стойкой. На стойку надѣта кобылка въ видѣ микроскопической трапеціи, на палочку которой привязываются струны изъ черныхъ конскихъ волосъ, которыхъ въ музейскомъ инструментѣ нѣтъ. На декѣ есть „голосники". Инструментъ трехструнный; играютъ на немъ дугообразнымъ примитивнымъ смычкомъ также изъ волосъ. (Рис. см. за № 68 въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашк. Этн. музея").

Въ консерваторскомъ музеѣ тоже имѣется такой инструментъ. Тамъ онъ менѣе музейскаго. Безъ „голосниковъ". Въ остальномъ же по устройству одинаковый, т.-е. корпусъ имѣетъ видъ маленькаго сита (около 4-хъ верш. въ діа-

---

[1]) Резонаторъ сванскаго больш. пандури въ діам. сверху имѣетъ 6 вершковъ, снизу 4 вершка, высоты $2^1/_4$ вершка. Грифъ длины $8^1/_2$ верш., ширины $^1/_2$ вершка. Шея длины 3 вершка, ширины $1^1/_2$; на ней четыре колка въ рядъ. Стойка имѣетъ около $1^1/_2$ вершка. Общая длина инструмента 18 вершковъ. Смычокъ около 14 вершковъ длины.

[2]) Резонаторъ малаго пандури въ діаметрѣ имѣетъ сверху около 4 вершковъ и внизу около 1 вершка. Высота его три вершка. Длина грифа девять съ половиною вершковъ; шеи два съ половиною вершка; стойки 1 вершокъ. Общая длина его семнадцать съ половиною вершковъ. Смычокъ длины восемь съ половиною вершковъ.

[3]) Въ діаметрѣ онъ имѣетъ $5^1/_2$ в. Грифъ длины $7^1/_2$ в. Высота корпуса $2^1/_4$ в. Общая длина инструмента 15 съ полов. вершковъ.

метрѣ), сверху обтянутаго кожей, а снизу совершенно открытаго. На стойку также прикрѣплена маленькая трапеція, на которую, въ свою очередь прикрѣпляются струны изъ волосъ. На декѣ есть большая примитивнѣйшая подвижная кобылка, съ семью прорѣзами. Грифъ проходитъ посрединѣ корпуса. Колка три. Струна имѣется одна только. Смычокъ дугообразный, примитивный, изъ волосъ. Общая длина инструмента около 14 верш. Работы онъ первобытной. Строй его кварта плюсъ секунда сверху, т.-е. трихордъ въ квинтѣ. (Рис. № 9).

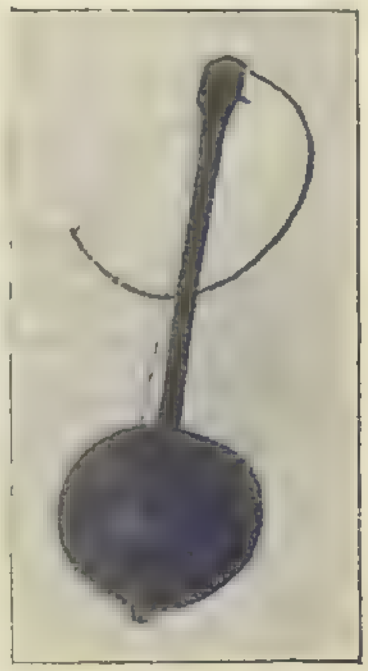


Рис. 9.

Подъ аккомпаниментъ его исполняются пѣсни или речитативнаго характера, или иногда протяжныя.

Изъ духовыхъ инструментовъ въ музеѣ наибольшій интересъ представляетъ труба *саквири-горотото.* Труба эта прямая, около аршина и три четверти высоты, съ пятивершковымъ раструбомъ, металлическая. Въ Грузіи видѣли такія же трубы деревянныя. Она напоминаетъ звукъ по характеру тромбоновый. Употреблялась въ походахъ и затѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда гдѣ нужно было почему-либо собрать поскорѣе народъ (рис. см. № 171 въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашк. муз.").

Далѣе идетъ *ствири-дапи.* Ствири есть не что иное, какъ волынка (см. рис. № 193 въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашк. Этн. музея"). Она дѣлается изъ небольшого бурдюка (мѣха) съ двумя отверстіями (въ лапкахъ). Въ одну изъ нихъ вставляется трубка для наполненія ствири воздухомъ, въ другую двѣ трубочки съ „голосниками" (въ музейскомъ 6 на одной и 3 на другой), которыя вдвигаются въ бычачій рогъ-раструбъ. Обыкновенно голосниковыя трубочки и раструбъ убираются различными украшеніями: къ концу послѣдняго прикрѣпляются или ажурный изъ тонкой проволоки кисетъ для денегъ, или же просто цѣпочки. Бурдюкъ покрывается холстомъ, ситцемъ или еще какой-нибудь матеріей. Играетъ на немъ особая каста странствующихъ музыкантовъ, называемая „мествире", почти исключительно изъ грузинъ Рачинскаго уѣзда, Кутаисской губ., хотя есть и карталинцы. Не знаю, какіе странствующіе музыканты были въ Западной Европѣ, но относительно нашихъ скажу, что это, дѣйствительно, преинтересные типы. Путешествуя изъ деревни въ деревню на тѣ или иные народные праздники, или изъ города въ городъ на масленицу, Пасху и другимъ праздникамъ или буднямъ, эти лица зарабатываютъ въ потѣ лица своего хлѣбъ удивительной способностью стихотворной импровизаціи. Способность эта или природная или же получилась отъ упражненія въ этой области сызмалолѣтства. Какъ бы то ни было, для „мествире" рѣшительно ничего не стóитъ моментально сымпровизировать что-нибудь. Окружите его большимъ количествомъ людей, и онъ никого не оставитъ такъ, не воспѣвши. Поодиночкѣ всѣхъ воспоетъ, импровизируя. И это, замѣтьте, не будетъ однообразно: иронія, комизмъ, остроуміе—все тутъ будетъ чередоваться между собою.

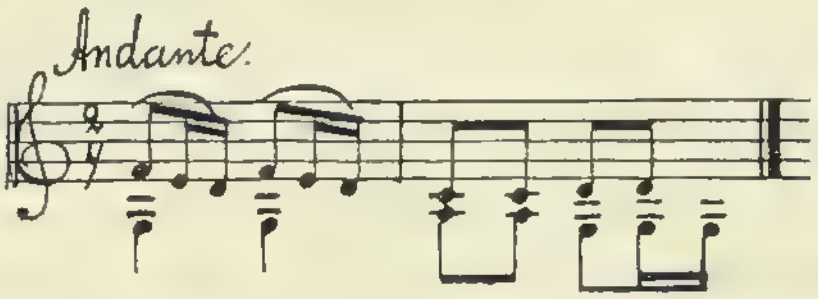
Одного онъ слегка высмѣетъ, другого похвалитъ, третьему наговоритъ всевозможныхъ комплиментовъ, четвертому выразитъ какія-либо соболѣзнованія и т. д. безъ конца. Все это дѣлается предварительно, спросивъ имя воспѣваемаго. Разумѣется, большей частью ему приходится или восхвалять воспѣваемаго или чрезъ мѣру преувеличивать какія-нибудь его достоинства, чтобы тотъ сталъ болѣе щедръ на пожертвованія. Свои импровизаціи онъ часто произноситъ, схватывая тѣ или иныя черты или въ движеніи или какомъ-нибудь характерномъ выраженіи

лица воспѣваемой фигуры. Тутъ часто могутъ посыпаться такія остроты, отъ которыхъ умрешь со смѣху. Вообще, если „мествире" талантливый, то приходится наблюдать долгое время всеобщій заразительный хохотъ группы народа, который его окружаетъ; если мало талантливый — то такія картины увидишь не часто. Какъ среди всякихъ музыкантовъ, среди нихъ также встрѣчаются талантливые и довольно бездарные; первые слагаютъ стихи разнообразно, интересно и остро, другіе—наоборотъ. Говорить о томъ, что они желанные гости на всѣхъ пирушкахъ—излишне. Всѣ свои импровизаціи „мествире" произносятъ распѣвнымъ речитативомъ, совершенно свободно, въ сопровожденіи инструмента, называемаго „гуда" или, какъ мы называли выше, „ствири" — волынка (отсюда и названіе „мествире"—волынщикъ).

Обыкновенно „мествире" играетъ простенькую мелодію въ видѣ bassa-melodia ostinata, аккомпанируя своимъ импровизаціямъ.

Вотъ приблизительно примѣръ такой фразки:

Рис. 10.



[1])

Какъ народный пѣвецъ и рапсодъ, онъ не ограничивается только своими импровизаціями, а имѣетъ репертуаръ пѣсенъ, по содержанію очень разнообразный. Тутъ будутъ пѣсни и религіозно-нравственнаго содержанія, и историческія, и эпическія.

Рис. 11.

„Воспѣвая подвиги своихъ соотчичей или минувшія бѣдствія страны, онъ сюжетомъ своей пѣсни можетъ взять сказанія объ Амиранѣ, Арчилѣ, Арсенѣ, Тамарѣ, Иракліи и др. или религіозно-нравственнаго содержанія, какъ, наприм.: „О смерти Авеля", „О потопѣ и Ноѣ", „Объ Іовѣ" и др.

Странствуя повсюду, во всякое время года, въ дождь и слякоть, снѣгъ и холодъ, они не перестаютъ быть народными поэтами-пѣвцами своей прекрасной родины и ея героевъ. Играя незатѣйливо на своей волынкѣ и получая за свое искусство „кто что подастъ", они находятся всегда почти въ хронической нуждѣ. Вѣчно оборванные, вѣчно обтрепанные, покрытые иногда лохмотьями, увеселяютъ они своихъ почтенныхъ сородичей на базарахъ, площадяхъ и т. п. мѣстахъ. И если бы когда-нибудь его спросили, какъ онъ чувствуетъ себя въ этой обстановкѣ,

[1]) Подробный строй инструмента см. у В. Д. К. въ „Кавказск. Вѣстникѣ", 1900. Кн. X, стр. 25.

то получили бы отвѣтъ, далеко не свидѣтельствующій о радостной жизни и завидной долѣ (рис. 11).

Далѣе, въ музеѣ есть два *дудуки*: большое дудуки и малое На этихъ инструментахъ звуки извлекаются тростями, по формѣ напоминающими фаготовыя. Трости эти съ ободками, которые движутся вверхъ или внизъ и поднимаютъ или опускаютъ строй на полъ-тона или тонъ. Большое дудуки имѣетъ форму малой свирѣли, только раза въ два длиннѣе ея въ ($14^1/_2$ вершк.). На лицевой сторонѣ у нея семь продушинъ-„голосниковъ" и на обратной сторонѣ три, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ. Этотъ инструментъ почти вышелъ изъ употребленія, такъ какъ на немъ трудно играть, и замѣненъ малымъ дудуки.

Малое дудуки по размѣрамъ почти на половину меньше большого (7 вершк.). Оно имѣетъ пять продушинъ на лицевой сторонѣ и одну на обратной. Въ общемъ, нужно замѣтить, что въ настоящее время дудуки большею частью употребляются съ восемью продушинами на лицевой и одной на обратной сторонѣ, съ такимъ, напр., строемъ: fa-діезъ, la-діезъ, si (малой октавы), do-діезъ, re-діезъ, mi-діезъ, fa-діезъ, sol-діезъ, la-діезъ и si (первой октавы). Притомъ звуки: si малой октавы, re-діезъ, mi-діезъ и la-діезъ первой октавы, въ сравненіи съ фортепіано, неполны. См. рис. № 151—152 въ статьѣ: „Илл. оп муз инстр. Дашк. Этнограф. музея".

Звуки этихъ инструментовъ мягки и пріятны. Играетъ на нихъ также особая каста городскихъ музыкантовъ, называемыхъ „мезурнэ", въ количествѣ трехъ человѣкъ: два на дудуки, а одинъ на барабанѣ „доли", о которомъ ниже. Собственно эти музыканты, главнымъ образомъ, играютъ на зурнахъ—инструментахъ въ родѣ гобоя[1]) (только съ чрезвычайно пронзительными звуками), почему и называются „мезурнэ", или по-русски *зурначами*. Они такъ же, какъ „сазандари", профессіональные музыканты (исключительно изъ грузинъ, и въ рѣдкихъ случаяхъ, если не ошибаюсь, изъ грузинъ и тамошнихъ армянъ), только зарабатывающіе свой кусокъ хлѣба болѣе тяжелымъ трудомъ, не такъ хорошо оплачиваемымъ. Ихъ бываетъ также всегда трое. Два играютъ на зурнахъ, а третій на барабанѣ „доли". Послѣдній инструментъ для данной группы просто незамѣнимъ. Если бы не было барабана съ его интереснымъ, своеобразно красивымъ звукомъ, который вноситъ столько ритмической прелести, выбиваемой разнообразнымъ способомъ то палками (снизу и сверху), то пальцами, зурна не пользовалась бы такой популярностью. Она, по моему, только и хороша при барабанѣ, когда, соединяясь съ нимъ въ одно гармоническое цѣлое, даетъ оригинальный, весьма колоритный звукъ. Этотъ инструментъ не только, какъ контрабасъ въ оркестрѣ, является однимъ изъ центральныхъ, онъ, въ особенности въ танцахъ („Давлури", „Лекури", „Кинтоури"), захватываетъ васъ и заставляетъ положительно жить вмѣстѣ съ играющимъ. А, вѣдь, среди нихъ попадаются какіе мастера, какіе виртуозы! Все отдашь—да мало!

Играть на зурнахъ очень трудно. Нужно имѣть огромное здоровье и необыкновенныя легкія, чтобы выдерживать напряженное состояніе часто въ теченіе сутокъ, а то и больше. Вотъ почему „зурначи" въ концѣ-концовъ заболѣваютъ

[1]) Такіе инструменты тоже есть въ музеѣ, ихъ даже два, только они не имѣютъ тростей. Въ нихъ по восьми голосниковъ на лицевой сторонѣ и по одному на обратной. Длины зурна имѣетъ около $6^1/_2$ вершк., съ раструбомъ около вершка. Обыкновенно первый зурначъ играетъ мелодію, а второй только выдержанную ноту (какъ второй дудукистъ) и называется *дамкаши*. См. рис. за №№ 155 и 156, въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашк. Этн. музея".

своею профессіональною болѣзнью — опухолью въ пахахъ. Вѣдь, веселиться понемногу у насъ не заведено. У насъ если начнутъ веселиться, то такъ, что диву дашься! Куда только дѣвается то неизмѣримое количество вина, которое тутъ поглощается! И все, вѣдь, подъ музыку, подъ звуки зурны.

Рис. 12.

Музыка „зурначей"—персидская и грузинская, притомъ исключительно инструментальная. Она у нихъ также дѣлится на различныя категоріи, какъ, напр.: „Баяти", „Сари", на музыку, исполняемую во время борьбы, и т. п. Въ Баятахъ обыкновенно одна зурна тянетъ выдержанный звукъ, а другая все время вьется вокругъ него на большую секунду вверхъ или внизъ. Сари исполняется обыкновенно утренней зарей, когда веселящіеся расходятся по домамъ. Музыка, исполняемая во время борьбы, также имѣетъ свой особый, боевой характеръ, воодушевляющій борцовъ.

Кочуя иногда по разнымъ городамъ, присутствуя на различныхъ народныхъ и церковныхъ празднествахъ, вращаясь около свадебъ, вечеринокъ, попоекъ и т. п., онъ тяжелымъ трудомъ выдуваетъ себѣ заработокъ и такъ или иначе перебивается. Если попадетъ хорошая компанія или удачный вечеръ, то сплошь и рядомъ, помимо платы, ихъ хорошо одариваютъ; но иногда бываетъ и такъ, что онъ не получаетъ и того, что ему слѣдуетъ. Это, впрочемъ, случается очень рѣдко.

Далѣе, изъ духовыхъ инструментовъ у насъ осталось еще *„саламури"*—грузинская свирѣль съ чрезвычайно пріятнымъ звукомъ, напоминающимъ флейту. Музейское саламури, собственно, тифлисскаго производства, хотя по формѣ напоминаетъ саламури карталинскихъ осетинъ. Оно имѣетъ съ лицевой стороны семь продушинъ-„голосниковъ" и одну на обратной; послѣдняя расположена такъ, какъ если бы находилась на лицевой между двумя первыми отверстіями. Длина ея около 7 вершковъ (рис. см. въ статьѣ: „Иллюстриров. оп. муз. инстр. Дашк. Этнографическ. музея" № 124).

Изъ ударныхъ инструментовъ въ музеѣ находятся: „доли", „диплипито" и „дайра". *Доли* (простонародное названіе *далабанди*) есть не что иное, какъ барабанъ, имѣющій форму цилиндра, обтянутаго какъ сверху, такъ и снизу кожей. Играютъ на немъ пальцами, а иногда палками. Высота доли $6^1/_2$ вершк., въ діаметрѣ $7^1/_4$ в.; палки по $7^1/_4$ в., при чемъ верхняя толстая, немного изогнутая, а нижняя тоненькая. Рис. см. за № 224 въ статьѣ: „Илл. оп. муз. Дашк. Этн. музея". Этотъ инструментъ встрѣчается и у другихъ кавказскихъ племенъ.

Консерваторскій доли представляетъ видъ полнаго разрушенія, такъ что мы его и не описываемъ.

„Диплипито" или *„нагара"* состоитъ изъ двухъ корпусовъ: большого и малаго [1]). Они всегда соединены и представляютъ какъ бы маленькія литавры. Въ послѣднее время къ нимъ прикрѣпляютъ еще колокольчики. Корпуса у

[1]) Мнѣ говорили, что бываетъ иногда третій, еще меньше второго, прикрѣпленный съ правой стороны. Высота большого диплипито около $6^1/_2$ верш., малаго ок. 2 верш. Діаметръ большого $3^1/_2$ в., малаго—$2^1/_2$ в. Палка для большого $5^1/_2$ в., для малаго $4^1/_2$ в.

„диплипито“ черепяные въ видѣ конусовъ, обращенныхъ внизъ. Играютъ на нихъ палочками по натянутому на плоскости бычачьему пузырю, прикрѣпленному ко всему корпусу ремнями. Играетъ на немъ, какъ мы выше говорили четвертый музыкантъ въ „сазандари“ (рис. см. въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашк. Этн. музея“ № 230).

Въ Филармоническ. училищѣ тоже имѣется разбитое диплипито.

„*Дайра*“ есть не что иное какъ бубенъ, только гораздо бо́льшаго размѣра. Этотъ инструментъ (въ діаметрѣ онъ имѣетъ $8^1/_2$ вершк. и высоты $1^1/_2$ вершка) очень распространенъ въ Грузіи. Подъ аккомпаниментъ его обыкновенно пляшутъ лезгинки. Играютъ на немъ ударяя и встряхивая. Рис. см. за № 212 въ статьѣ: „Илл. оп. муз. инстр. Дашк. Этн. музея“.

Консерваторская дайра такая же, конечно, какъ и въ Этнограф. музеѣ, ибо онѣ всѣ одинаковы, т.-е. у всѣхъ на обручъ натянутъ пузырь. Въ діаметрѣ она имѣетъ $10^3/_4$ вершка, высота ея обруча $1^1/_4$ в. Верхъ наружной стороны его отдѣланъ инкрустаціями, внутренняя же сторона покрыта, какъ всегда бываетъ колечками и погремушками. См. рис. за № 13.

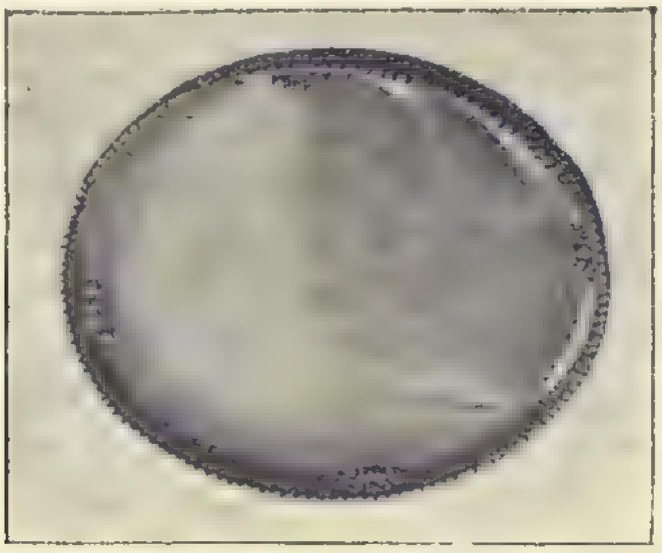


Рис. 13.

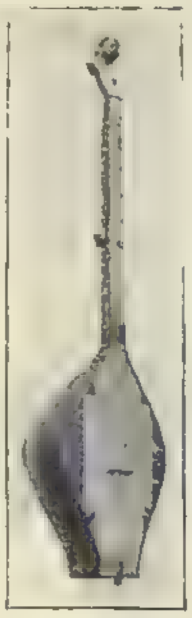


Рис. 14.

Всѣ вышеупомянутые ударные инструменты и, кромѣ того, духовые дудуки и нѣкоторые струнные инструменты, не строго-грузинскіе. Они остались со временъ нашествій персовъ, арабовъ и другихъ народностей и, такимъ образомъ, націонализировались.

Помимо этихъ инструментовъ мы должны сказать, что у грузинъ есть еще слѣдующіе духовые инструменты (ихъ, за исключеніемъ гурійскаго чонгури, нѣтъ въ музеѣ): „уэно саламури“ (т.-е. свирѣль полая, безъ язычка), „саквири“, „сопнари“ и „сасцрапо“, (о которомъ ниже), и струнные гурійскіе инструменты: чіанури и чонгури, рисунокъ котораго (изъ моей коллекціи) мы приводимъ за № 14.

Играютъ на уэно саламури, полузакрывая губами отверстіе, куда дуютъ. Звукъ у ней глухой, мягкій, пріятный, нѣсколько свистящій. Играютъ на ней главнымъ образомъ пастухи различныя мелодіи небольшого объема и пляски.

О саквири и сопнари такъ же, какъ о чонгури и чіанури, мы говорили въ статьѣ о гурійской пѣснѣ. Кромѣ этихъ инструментовъ, помѣщаемъ также рисунокъ инструмента *пандури* грузинъ Душетскаго уѣзда, Тифлисской губерніи, деревни Цинамдзгваріант-кари, находящагося въ музеѣ Общества Распространенія Грамотности въ г. Тифлисѣ. Онъ имѣетъ три кишечныхъ струны, настроенныхъ въ б. секунду и б. или м. терцію (см. рис. № 15). Подъ аккомпаниментъ этого инструмента или говорятъ „лекси“ (стихи) распѣвнымъ речитативомъ, или играютъ пляски.

Между прочимъ, здѣсь умѣстно коснуться болѣе подробно инструментовъ музея названнаго тифлисскаго общества, которые я описалъ нынѣшнимъ лѣтомъ.

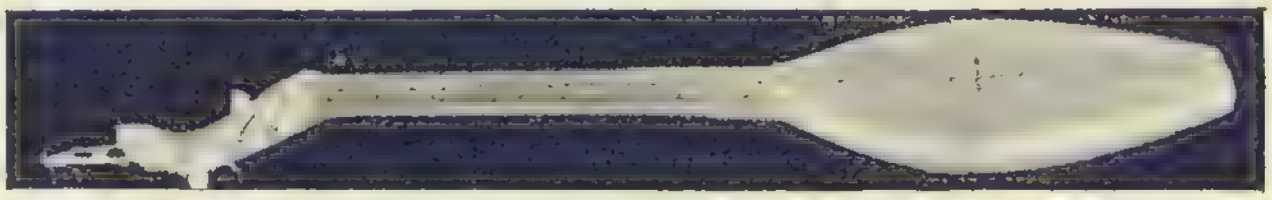


Рис. 15.

Грузинскіе музыкальные инструменты въ музеѣ Общества Распространенія Грамотности суть слѣдующіе: „чанги"—арфа и „чуниръ" грузинъ Сванетіи, „чонгури" большое и малое грузинъ Гуріи, два „пандури" грузинъ Кахетіи, третій неизвѣстно какого уѣзда и четвертый, о которомъ мы выше упоминали; далѣе, два „саспрапо" грузинъ Мингреліи и затѣмъ „тари", „чонгури", „диплипито", „саламури", „зурна" и „дудуки"—грузинъ Карталиніи и Кахетіи.

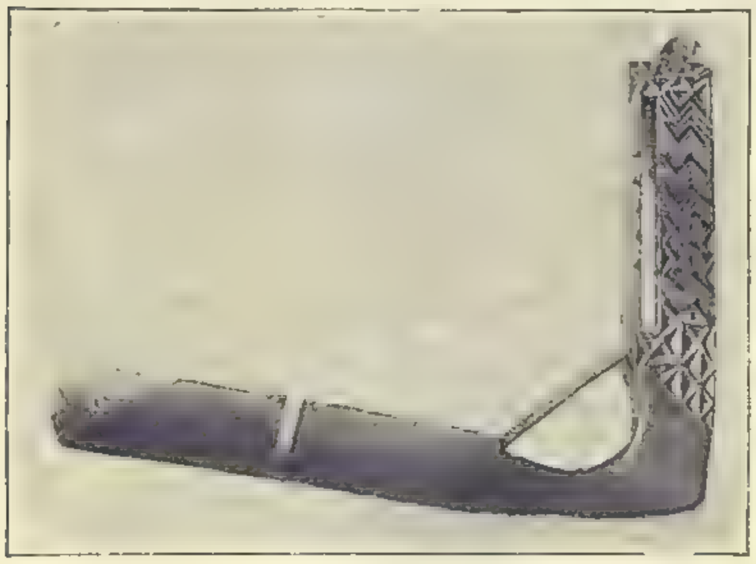


Рис. 16.

Сванскій *чанги* слѣдующаго строенія: корпусъ изъ цѣлаго дерева въ видѣ корыта вмѣстѣ съ ручкой и прикрѣпленной къ ней рамой имѣетъ 66 сантиметровъ длины, 12 ширины и 8 высоты. Дека у нея деревянная. Посрединѣ ея расположены шесть маленькихъ колышковъ для вдавливанія струнъ. Рама съ рѣзьбой, высоты 58 сант., ширины 9. На ней шесть колковъ для струнъ. На пяти, между прочимъ, есть струны изъ черныхъ конскихъ волосъ. О строѣ и употребленіи инструмента мы говорили выше (рис. № 16).

Чуниръ. Корпусъ чунира изъ сита; длины 30 сант., ширины 26. Кожаная дека его пришита крученымъ изъ волосъ шпагатомъ (низъ полый); на ней въ видѣ трапеціи, прикрѣпленной къ пуговицѣ грифа, находится кобылка. Грифъ длины 27 сант. Онъ проходитъ черезъ весь корпусъ. Ручка длины 14 сант., на ней три колка. На одинъ колокъ натянута черная изъ конскихъ волосъ струна. Общая длина инструмента 75 сантиметровъ. Строй и употребленіе тѣ же, что и выше (рис. № 17). Смычокъ (дзуа) дугообразный, примитивный изъ конскихъ волосъ, 32 сантиметровъ длины.

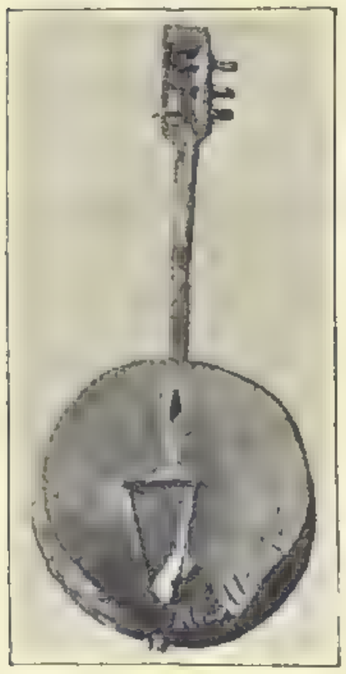


Рис. 17.

Гурійское *чонгури* большое. Продолговатый, граненый, корпусъ его изъ тутоваго дерева, длины 53 сант. ширины въ наиболѣе широкомъ мѣстѣ 32 сант., высоты 23. Склеенъ, какъ и всѣ, изъ кусочковъ. По бокамъ корпуса по три голосника. Дека сосновая, съ большимъ количествомъ продушинъ. Грифъ 50 сант. длины; завернутая шейка 13 сант. Общая длина инструмента 115 сантиметровъ. Колки, строй и употребленіе тѣ же, что и у малаго чонгури.

Корпусъ малаго чонгури 38 сант. длины, 24 сант. ширины въ наиболѣе широкомъ мѣстѣ и около 15 сантиметровъ высоты. По бокамъ его расположены голосники. Дека также съ продушинами. Грифъ длины 44 сант., шейка 13. Имѣется три струны изъ крученыхъ шол-

ковыхъ нитокъ. Общая длина инструмента 95 сантиметровъ. Колки, дерево, строй и употребленіе мы подробно описали въ статьѣ о гурійской пѣснѣ (рис. № 18).

Кахетинское *пандури* г. Телава, Телавскаго уѣзда, Тифлисской губерніи. Корпусъ пандури сдѣланъ изъ цѣлаго дерева. По формѣ онъ продолговатый, чашкообразный. Длины корпусъ имѣетъ 32 сант., ширины 13, высоты 6. Деревянная дека приклеена; на ней три продушины. Грифъ 28 сантиметровъ; на немъ четыре навязки и порожекъ. Шейка 10 сант., завернута полукругомъ. Колка три. Имѣется подвижная кобылка. Струны (изъ кишекъ) прикрѣпляются къ кожѣ, которая надѣта на пуговицу, какъ у скрипки. О строѣ и употребленіи инструмента мы говорили выше (см. инструментъ № 3, на рисункѣ 19).

Рис. 18.

Пандури деревни Ахметы, Тіонетскаго уѣзда, Тифлисской губерніи. Ладьеобразный корпусъ этого пандури длины 34 сант., ширины 10 сантиметровъ. Дека деревянная, приклеена, на ней девять продушинъ. Грифъ имѣетъ длины 23 сант., на немъ три навязки и порожекъ. Отогнутая шейка 12 сант., на ней три колка. Шейка, грифъ и корпусъ сдѣланы изъ цѣлаго дерева. Струны кишечныя; имѣется одна. Привязываются онѣ къ кольцу съ кожей, прикрѣпленной къ началу корпуса довольно оригинально — она продѣта черезъ дерево. Общая длина инструмента 69 сантиметровъ. Строй и употребленіе тѣ же (см. инструментъ № 2, на рис. 19).

Третье пандури. Корпусъ третьяго пандури грушевидный. Длины онъ 28 сант., ширины (въ наиболѣе широкомъ мѣстѣ) 15 сантиметровъ. Грифъ 31 сантиметръ. Завернутая полукругомъ шейка 11 сантиметровъ; на ней три колка. Струны кишечныя, прикрѣпленныя къ пуговицѣ. Имѣется кобылка. Шейка, грифъ и корпусъ сдѣланы изъ цѣлаго дерева. Дека прибита гвоздиками, на ней мелкія продушины. Общая длина инструмента 70 сантиметровъ (см. инстр. за № 4, на рисункѣ 19).

Далѣе, тамъ имѣется пандури Душетскаго уѣзда, Тифлисской губерніи, принадлежащій грузинамъ Карталиніи. Продолговатый корпусъ его имѣетъ длины 30 сант., ширины въ наиболѣе широкомъ мѣстѣ 13, высоты $8^1/_2$ сантиметровъ. Грифъ 31 сантиметръ, на немъ три навязки и порожекъ, на которомъ лежатъ струны. Выгнутая шейка 14 сант. (шейка, грифъ и корпусъ сдѣланы изъ цѣлаго дерева), на ней три колка. Дека съ семью продушинами приклеена. Общая длина инструмента 76 сантиметровъ. О строѣ и употребленіи мы говорили (рис. 19, за № 1). Рисунокъ его бо́льшаго размѣра приведенъ нами за № 15.

1, 2, 3, 4.

Рис. 19.

Здѣсь также умѣстно привести инструменты Душетскаго уѣзда моей коллекціи. Ихъ у меня два. Одинъ сдѣланъ въ г. Душетѣ, другой деревнѣ Капс-хеви. Первый имѣетъ (на рисункѣ 20 онъ лѣвый) ладьеобразный, выпуклый корпусъ изъ цѣлаго дерева 37 сант. длины, 9 ширины и 6 высоты, второй тоже ладьеобразный, но только съ острыми углами, 44 сантиметра длины, 6 высоты (въ самомъ высокомъ мѣстѣ) и 8 ширины. Грифъ перваго инструмента 25 сант., на немъ четыре

навязки. Завернутая въ кругъ шейка (12 сантиметровъ длины) имѣетъ три колка: одинъ колокъ на правой сторонѣ, два на лѣвой. Вмѣсто подгрифка имѣется кусокъ кожи, на которую прикрѣпляются кишечныя струны и проводятся чрезъ металлическое отверстіе. Дека деревянная приклеена, на ней мелкія продушины (кобылку пришлось мнѣ сдѣлать свою). Общая длина инструмента 74 сантиметра.

Рис. 20.

Грифъ второго пандури 26 сант. длины, на немъ шесть навязокъ; шейка 12 сант., на ней три колка: по лѣвой сторонѣ два и по правой одинъ. Корпусъ, грифъ и шейка изъ цѣлаго дерева, на порогѣ шейки имѣются желобки, въ которыхъ лежатъ струны. Деревянная дека съ тремя большими и пятью малыми продушинами приклеена. На ней находятся: кобылка, металлическое отверстіе, въ которомъ продѣты струны и кусочекъ кожи вмѣсто подгрифка, за которую привязаны кишечныя струны. Общая длина инструмента 81 сантиметръ. Мастеръ этого инструмента, по фамиліи Инашвили, занимается въ своей деревнѣ исключительно выдѣлкой и продажей пандуръ и пользуется даже нѣкоторой извѣстностью (рис. № 20).

Возвращаясь опять къ инструментамъ тифл. музея, мы теперь коснемся инструмента *тари*. Длина корпуса тари 28 сант., ширина въ началѣ 15 с., въ концѣ 12 с., высота въ началѣ 15 с., въ концѣ $12^1/_2$ сантиметровъ. Грифъ 39 сантиметровъ. Грифъ и корпусъ изъ цѣлаго дерева. Шея длины 17 сант., высоты 14; по обѣимъ сторонамъ ея по три колка. Струны металлическія; имѣются только двѣ. Верхняя дека изъ пузыря, нижняя изъ дерева—обѣ вклеены. Имѣется высокая кобылка. Нижняя дека и грифъ отдѣланы инкрустаціями. Общая длина инструмента 87 сантиметровъ (рис. № 21). Строй и употребленіе тѣ же, что и выше.

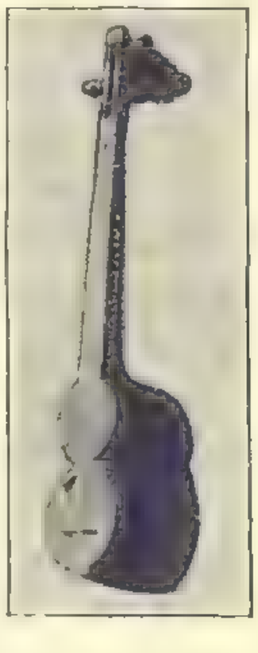


Рис. 21.

Чонгури. Корпусъ чонгури длины 15 сант., ширины 9, высоты $9^1/_2$. По бокамъ корпуса звѣзды въ видѣ продушинъ. Грифъ 27 сант.; ручка 10 сант. Грифъ и ручка изъ одного дерева, изукрашены перламутромъ. На ручкѣ четыре колка. Струны металлическія; имѣются двѣ. Дека деревянная повреждена. (О строѣ и употребленіи мы говорили выше). Остальная группа маленькихъ инструментовъ служитъ не столько для игры, сколько для украшенія комнатъ (рис. № 22).

Рис. 22.

Диплипито. Диплипито въ музеѣ одна пара большихъ и три пары маленькихъ. Большое диплипито состоитъ, какъ и всѣ, изъ большого и малаго черепяныхъ горшковъ, обращенныхъ конусами внизъ. Высота большого 28 сант., малаго 22 с. Діаметръ большого 18 с., малаго 9. Какъ тамъ, такъ и здѣсь верхъ

обтянутъ пузыремъ и прикрѣпленъ въ видѣ сѣти ремешками, вырѣзанными изъ этого же пузыря. Объ употребленіи мы говорили выше. Что касается маленькихъ диплипито, то они тоже служатъ больше для украшенія комнатъ, чѣмъ для игры (рис. 23).

Рис. 23.

У насъ остались еще духовые инструменты, изъ которыхъ „*сасирапо*“ грузинъ Мингреліи особенно интересенъ. Этотъ инструментъ состоитъ изъ шести прикрѣпленныхъ въ рядъ камышевыхъ свирѣлей въ видѣ газырей, съ тою только разницей, что нѣкоторыя изъ нихъ покороче, нѣкоторыя подлиннѣе. Строя инструмента я не узналъ, хотя замѣтилъ, что каждая свирѣль отличается одна отъ другой высотой звука (между прочимъ тембръ звука напоминаетъ саламури или флейту), и, кромѣ того, что одинъ инструментъ (ихъ два) немного повыше, другой пониже. Играютъ на сасирапо пастухи. Онъ по формѣ очень похожъ на румынскій „най“ и, если не ошибаюсь, на древне-греческую „пану“ или „сирингсъ“ (рис. 24).

Рис. 24.

Далѣе, изъ духовыхъ въ музеѣ имѣется саламури съ шестью голосниками на лицевой сторонѣ и одной на обратной, находящейся между первой и второй голосниками. Длины онъ имѣетъ 39 сантиметровъ.

Затѣмъ имѣется зурна безъ пищика съ восемью голосниками на лицевой и одной на обратной (между 1 и 2 голосниками) и маленькое дудуки съ пятью голосниками на лицевой сторонѣ и одной на обратной.

Вотъ всѣ грузинскіе инструменты, находящіеся въ музеѣ Общества Распространенія Грамотности въ г. Тифлисѣ.

Въ заключеніе скажу о своихъ грузинскихъ инструментахъ чіанури и саламури. Саламури у меня двухъ родовъ: деревянные тифлисскаго производства и камышевые кутаисскаго. Послѣдніе по размѣру маленькіе, дѣтскіе, съ пятью и шестью голосниками на лицевой сторонѣ и одной на обратной; первые же для взрослыхъ. Одинъ изъ нихъ имѣетъ восемь голосниковъ (семь на лицевой и одинъ на обратной), а другой семь (шесть на лицевой и одинъ на обратной, находящійся, какъ и тамъ, между 1 и 2 голосниками). Строй перваго инструмента, между прочимъ, представляетъ изъ себя слѣдующее: do-re-mi бем. — fa-sol-la-si-do. Длина его 29 сантим., а второго 27.

Чіанури мое принадлежитъ грузинамъ Имеретіи, рачинцамъ, живущимъ въ Рачинскомъ уѣздѣ, Кут. губерніи. Корпусъ его представляетъ изъ себя деревянную чашку, имѣющую въ діаметрѣ вверху 20 сант., внизу 12. Дека изъ пузыря приклеена и связана шпагатомъ. Грифъ длины до корпуса 44 сант., съ корпусомъ же, такъ какъ онъ проходитъ внутри и оканчивается стойкой въ видѣ пуговицы, 63 сантиметра. На стойку прибитъ кусокъ кожи вмѣсто подгрифка, за которую привязаны струны. Струны изъ черныхъ конскихъ волосъ. Строй его —большая терція. Играютъ на немъ различныя мелодіи примитивнымъ дугообразнымъ смычкомъ тоже изъ черныхъ конскихъ волосъ; длины онъ 44 сант. съ ручкой въ 12 сантиметровъ. Вывезъ я этотъ инструментъ изъ Верхней Рачи, и такъ какъ аналогичнаго инструмента я не встрѣтилъ ни въ Средней ни въ Нижней Рачѣ, то мнѣ думается, что этотъ инструментъ попалъ къ нимъ отъ

осетинъ, съ которыми они поддерживаютъ тѣсныя общенія и живутъ по сосѣдству (рис. № 25).

Рис. 25.

Въ дополненіе ко всему вышесказанному приводимъ нѣкоторыя грузинскія названія частей и принадлежностей струннаго инструмента. Кобылка называется у горскихъ грузинъ мохевцевъ *чали*, а у горскихъ грузинъ мтіульцевъ и карталинцевъ Душетскаго уѣзда *джори* (буквально-катеръ), а иногда *джвари* (крестъ); у грузинъ Кахетіи, Гуріи и Имеретіи тоже *джори*, хотя я отъ одного кахетинца Тіонетскаго уѣзда слышалъ, что они иногда слово джори замѣняютъ словомъ джвари, какъ и карталинцы Душетскаго уѣзда. Далѣе, грифъ называется у всѣхъ *тари* (ручка), колки *чхири*, пуговица *цкипси*, корпусъ *муцели* (буквально животъ), металлическая струна *сими*, кишечная же у моздокскихъ грузинъ, затѣмъ у мтіульцевъ и грузинъ г. Душета *ӑлка*, у мохевцевъ *дзӑли*, у грузинъ Карталиніи и Кахетіи *лӑри*, у грузинъ же Гуріи, Мингреліи и Имеретіи такъ называется струна изъ шелковыхъ нитокъ. Струна изъ конскихъ волосъ называется *дзуис лари*, смычокъ же изъ такихъ волосъ—просто *дзуа* (между прочимъ „дзуа" есть не что иное, какъ лошадиный хвостъ, откуда и берется волосъ для струнъ и смычка). Лады или навязки называются *пӑрда*, отсюда и названіе „сампардіани", „отхпардіани", т.-е. съ тремя навязками, четырьмя навязками. Дырочки „голосники", напр., на саламури, называются *твали* (буквально глазъ).

Считаю не лишнимъ добавить что строи записаны частью по моимъ личнымъ наблюденіямъ, а частью со словъ игравшихъ.

Заканчивая данные очерки грузинской народной музыки, считаю нелишнимъ, въ дополненіе къ прежнимъ библіографическимъ указаніямъ по этому вопросу, привести для полноты краткій списокъ еще нѣкоторыхъ научныхъ работъ и композицій, появившихся за послѣднее время.

Ф. Коридзе. Воспоминаніе. Грузинская пѣсня гурійскаго напѣва на русскомъ и грузинскомъ языкахъ. Ц. 40 к., Тифлисъ, 1900 г.

Н. Каргаретели. Романсы: «Слезы горячей прерву теченье», «Красавица», «О счастье, мелькаешь ты издалека», «Вотъ арфа, другъ мой». Ц. по 25 к., издано въ Тифлисѣ, 1897 г.

Сацкалишвили. Груз. танецъ для фортепіано; цѣна не обозначена, 1893 г., печатано у Юргенсона въ Москвѣ.

Д. Аракчіевъ. Романсы, на русскомъ и грузинскомъ языкахъ:
«Вновь природа расцвѣтаетъ», «Пѣсня пастуха», «Догорѣла заря». Ц. по 40 к., издано въ Тифлисѣ, 1902 г.

Князь М. Джандіери. «Лезгинка». Ц. 30 к., безъ даты.

З. П. Паліевъ. Груз. романсъ на народную мелодію. Ц. 50 к., Тифлисъ 1904 г.

Н. Каргаретели. Рецензія на книги г. Аракишвили (Д. Аракчіева) въ груз. газ. «Исари» № 190, 1908 г.

Д. Аракчіевъ. О народной музыкѣ грузинъ Пшавовъ и Хевсуръ. «Рус. Муз. Газ.» 1906 г., №№ 47, 48, 51—52.

Его же. О лирникахъ Сѣвернаго Кавказа. «Рус. Муз. Газ.» 1907 г., № 22—23.

Его же. Народные музыканты-инструменталисты Грузіи. Журн. «Муз. Труженикъ» 1907 г., № 23.

*В. Д. Корганов*ъ. Кое-что о восточной музыкѣ. «Рус. Муз. Газ.» 1898 г.

Его же. Кавказская музыка (сборникъ статей). Изданіе второе. Тифлисъ. 1908 г. 50 к.

Д. Аракчіевъ. Восточные напѣвы въ произведеніяхъ русскихъ композиторовъ. Журн. «Музыка и Жизнь» № 5, 1908 г.

Его же. «Отче нашъ» для смѣшаннаго хора на груз. и русск. языкахъ, тамъ же.

И. Каргаретели. Основная связь между музыкой и жизнью. Фельетоны въ грузинской газетѣ «Исари», №№ 3, 7, 13 и 15, 1908 г.

Кара Мурза, Х. М. Армянскія пѣсни (въ гарм. Л. Книна), 1 и 2 вып., Тифлисъ, 1905 г.

Отзывъ Берлинскаго журн. „Die Music" о книгѣ Д. Аракчіева: „Муз.-Этн. оч. о груз. народн. музыкѣ», переведенъ въ журн. «Муз. и Жизнь» 1908, № 5.

Д. И. Аракчіевъ. Кн. И. Г. Чавчавадзе и его стихотв. въ груз. нар. пѣснѣ. Журн. «Этн. Обозр.» 1908 г., № 1—2.

Зах. Паліашвили. Путешествіе по Кахетіи и современное состояніе грузинской народной пѣсни. Фельетоны въ грузинской газетѣ „Амирани", №№ 150, 151 и 152, 1908 г.

Д. Аракчіевъ. По Кавказу (изъ путевыхъ замѣтокъ). Журн. „Музыка и Жизнь", № 9 и 10, 1908 г.

Д. И. Аракчіевъ.

Поставщ. Двора Его Величества Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ
Москва, Тверская, Мамоновскій пер. с. д.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Сравнительный обзоръ народной пѣсни и музыкальныхъ инструментовъ Западной Грузіи (Имеретіи).

	Стран.
Гурійская вѣтвь	1—20
Тексты гурійскихъ пѣсенъ съ русскимъ переводомъ.	21—32
41 гурійская пѣсня въ народной гармонизаціи	33
Ноты (прилож. I)	35—74
Мингрельская вѣтвь	75—92
Тексты мингрельскихъ пѣсенъ съ русскимъ переводомъ	93—97
Мингрельскія пѣсни въ народной гармонизаціи.	98
Ноты (прилож. II)	99—115
Нѣсколько замѣчаній объ имеретинской народной пѣснѣ Рачинскаго уѣзда, Кутаисской губерніи	117—118
Имеретинскія пѣсни Рачинскаго уѣзда, Кутаисской губерніи, съ русскимъ переводомъ.	119—124
Ноты (прилож. III)	125—135
О грузинскихъ музыкальныхъ инструментахъ изъ собраній Москвы и Тифлиса . . .	137—154
Библіографія.	154—155

Книги того-же автора:

Музыкально-Этнографическіе очерки о Грузинской народной музыкѣ, съ приложеніемъ 27 пѣсенъ (нотъ) и литургіи. Ц. 2 руб.

Грузинскія Карталино-Кахетинскія народныя пѣсни (отдѣльный оттискъ нотъ). Ц. 65 коп.

Сборникъ грузинскихъ одноголосныхъ народныхъ пѣсенъ для школъ Тифлисской и Кутаисской губерній. Ц. 20 коп.

Романсы, хоры и духовно-музыкальныя переложенія (готовятся къ печати).

Элементарная теорія музыки (готовится къ печати).

Д. Аракчіевъ и А. Масловъ. Хоровыя упражненія. Первый выпускъ (первая ступень). Ц. 25 коп.

Продаются въ лучшихъ книжныхъ и музыкальныхъ магазинахъ:

Москвы, Петербурга и Тифлиса. Выписывающіе изъ редакціи журнала „Музыка и Жизнь", Москва, Тверской бульваръ, д. 60, за пересылку не платятъ. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Изданіе Музыкально-Этнографической Комиссіи:

„Труды" Комиссіи по изученію народной пѣсни и музыки. Матеріалы по изученію музыкальной ритмики т. I и II. („Труды", т. III). Школьный Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, вып. 1 и 2.

Поставщ. Двора Его Величества Т-во скоропеч. А. А. Левенсонъ
Москва, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

2007237537